

ЖРЕЦЫ МАРСА

New York Times bestselling author

ГРЭМ МАКНИЛЛ

СПЕЦИАЛЬНО
ДЛЯ ЛАЙТЛАЙФ

Давным-давно стала легендой отчаянно смелая экспедиция Магоса Телока, фанатика, устремившегося за пределы ойкумены в поисках «Дыхания Богов», древнего механизма, способного стирать в пыль звезды. Спустя тысячи лет амбициозный Лекселл Котов собирает исследовательский флот Адептус Механикус и отправляется по следам безумного Телока. При поддержке Имперской Гвардии и Космодесанта экспедиция ищет ключи, которые могут привести ее к самой мощной силе в галактике. Но кому дано знать, какие опасности лежат за пределами Империума и обитаемого мира?

Грэм Макнилл

ЖРЕЦЫ МАРСА

*<Звони, Великий Колокол!>
<По духам машин, затерянным в пустоте.>
<Звони, Великий Колокол, дважды!>
<Храни их своей вечной властью,>
<Наш повелитель плоти и железа!>
<Звони, Великий Колокол, трижды!>
<По магосу Веттию Телоку.>
<Составителю данных, искателю истины.>
<Наставь его машины, захороненные в беспросветных
глубинах.>
<Даруй им волю и ясность, ибо они нуждаются в них,>
<дабы постичь бури Эмпиреев>
<и обрести равновесие идеального кода.>
<Звони, Великий Колокол, в скорби!>
<Оплакивая утрату знания.>
<И вознося хвалу Богу Всех Машин!>*

*Надпись на бинарном коде на Колоколе Потерянных Душ.
Башня Героев, Терра. Экспедиция Телока: объявлена
потерянной со всеми знаниями: 383.М38*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

„Сперанца“

Лексель Котов — архимагос исследовательского флота Котова
Таркис Блейлок — фабрикатус-локум, магос региона Кебрения
Виталий Тихон — звёздный картограф орбитальных галерей Кватрии
Линья Тихон — звёздный картограф, дочь Виталия Тихона
Азурамаджелли — магос астронавигации
Криптаэстрекс — магос логистики
Тарентек — фабрикатус ковчега
Хиримау Дахан — секутор/сюзерен гильдии
Сайиксек — магистр двигателей
Юлий Хоук — крепостной
Авреем Локк — крепостной
Ванн Койн — крепостной
Исмаил де Рёвен — крепостной
Крушила — крепостной

„Ренард“

Робаут Сюркуф — капитан
Эмиль Надер — первый помощник
Адара Сиаваш — наёмник
Иланна Павелька — техножрец
Каирн Силквуд — технопровидец
Гидеон Тивель — астропат
Элиор Руа — навигатор

Адептус Астартес Чёрные Храмовники

Кул Гилад — реклюзиарх
Танна — брат-сержант
Ауйден — аптекарий
Иссур — посвящённый
Аттик Варда — посвящённый
Браха — посвящённый
Яэль — посвящённый

71-й Кадрианский „Адские Гончи“

Вен Андерс — полковник отдельного кадианского соединения
Блейн Хокинс — капитан роты „Головёшки“
Тайбард Рей — лейтенант роты „Головёшки“
Ян Коллинс — офицер-интендант, рота „Головёшки“

Легио Сириус

Арло Лют „Зимнее Солнце“ — принцепс „Владыки войны“ „Луна Капиталина“

Марко Коскинен — модератус
Ларс Ростен — модератус
Магос Гирдрид — техножрец
Эрикс Скамёльд „Лунная Скорбь“ — принцепс „Разбойника“ „Канис
Ульффрика“

Тобайас Осара — модератус
Йоаким Бальдур — модератус
Магос Охтар — техножрец
Гуннар Винтрас „Оборотень“ — принцепс „Пса Войны“ „Амарок“
Элиас Хяркин „Железная Синь“ принцепс „Пса Войны“ „Вилка“

„Звёздный Клинок“

Бьеланна Фаэрэлль — ясновидица Бьель-Тана
Ариганна — жалящий скорпион, экзарх Бьель-Тана
Тарикуэль — жалящий скорпион Бьель-Тана
Вайнеш — жалящий скорпион Бьель-Тана
Ульданаишь Странствующий Призрак — призрачный лорд Бьель-Тана

МЕТАФАЙЛ МЕХАНИКУС 487834857b/КОТОВ

ХРАНИЛИЩЕ МЕТАДААННЫХ %001

Begin.org 4048 a_start.equ 3000 2048 ld length,% 2064 БУДЕТ ИСПОЛНЕНО 0000001
10000000 ОТКАЗ ПРИРАБОТКИ 00000110 2068 addcc%r1,-4,%r1 10000010 1000000
01111111 11111100 2072 addcc.%r1,%r2,%r4 10001000 ЗАПРОС ЗАГРУЖЕН (КАПЕР?
01000000 ТАЙНИК СКОПЛЕНИЯ ФЛОТА 2076 ld%r4,%r5 11001010 00000001 0000000
00000000 2080 ba loop 00010000 10111111 11111111 ИНФОЦИТ-ЛОГИ ЧЁТКОСТЬ? 2084
addcc%r3,%r5,%r3 10000110 10000000 11000000 00000101 2088 done: jmpl%r15+4,%r0
10000001 11000011 ХРАМОВНИК 00000100 2092 length: 20 КАРТОГРАФИЯ ШРАМ
ОРЕОЛА ССЫЛКА: ТИХОН 00000000 00000000 00010100 2096 address: a_start 0000010
АНАМАЛЬНЫЕ ВРЕМЕННЫЕ ПОКАЗАНИЯ 00000000 00001011 10111000.Omni.a_start

Переполнение буфера Переполнение буфера
Переполнение буфера Переполнение буфера
Переполнение буфера Переполнение буфера
Переполнение буфера Переполнение буфера
Переполнение буфера Переполнение буфера
Переполнение буфера Переполнение буфера
Переполнение буфера Переполнение буфера //////////////

Запущен синтаксический анализ метаданных.

+++++

Знание — сила. Это первое кредо. Это единственное кредо. Понять эту фундаментальную концепцию — означает овладеть неограниченной силой. Укротить огонь, сформировать и подчинить стихии своей воле. Сейчас о таких вещах, обычных в забытую эпоху, могут мечтать только сумасшедшие и те, кого избрала Машина. Тем, что сейчас считается удивительным и божественным, заповедным, когда-то обладали все. Сейчас же оно не подвластно никому.

Горе тебе, человек, который не почитает Омниссию, ибо невежество станет твоей гибелью!

Великие Машины Старой Земли были удивительными орудиями созидания, затмевавшими могуществом мифы и легенды. Они преобразовывали целые миры, выпивали сердца звёзд и несли свет в тёмные уголки вселенной. Техноволшебники, которые создали и владели их силой, попирали миры подобно богам.

Как низко мы пали.

Величественный город из металла и камня, рождённый посреди пустоты, чудо из чудес, которое никогда не обретут снова. Ты живёшь в глубинах космоса, твоя кожа из стали холодна и тверда. Ты — живое существо, существо кости которого — адамантий, а расплавленное сердце — тысяча запертых звёзд. Нефть — твой пот, а преданность миллиона душ — твоя опора. Внутри тебе помогают существа из плоти и крови. Они работают с бесчисленными чудесами, приводящими в движение твои органы, утоляют твой голод и устремляют тебя сквозь девственную межзвёздную пустоту.

Как далеко ты путешествуешь?

Какие чудеса ты увидишь?

Свет бесчисленных солнц засияет на твоём ярком блестящем корпусе. Свет, явившийся из прошлого, рождённый звёздами, которые мертвы или только рождаются в муках. Мореплаватель неизвестных морей, унесённый вдаль блестящих туманностей, ты увидишь то, о чём не знает ни один человек, не расскажет ни одна легенда или историческая хроника.

Ты — живая история, ты отважишься идти дальше и дольше, чем кто-либо подобный тебе.

Ты не суровый военный корабль, не смиренная рабочая лошадка, тянущая ярмо к бессмысленной цели.

Ты — ковчег Механикус.

Ты — "Сперанца".

Ты — вестник надежды в безнадежной эпохе.

Дух Омниссии течёт яркими узорами золотистой энергии. Он управляет сердцем каждой машины. Он приносит движение и тепло, энергию и свет. Он питает кузни, он приводит в действие механизмы, он альфа и омега всего сущего, и всего что когда-либо создадут человеческие руки. Душа Великой Машины живёт в шестерёнках и механизмах, она струится по каждому кабелю, она внутри каждого поршня и гудящего сердца каждого двигателя. Без него вселенная погрязла бы в невежестве, превратилась бы в бесплодное место, лишённое света и жизни.

Бог Всех Машин вечен и неизменен.

Он — первая сила, сила в основе всего сущего.

Чтобы познать его, нужно стать единым с ним, а ощутить его прикосновение — значит измениться навсегда.

Плоть терпит неудачу, а машина преуспевает.

То, что было когда-то зашифровано в древних костях Людей Золота, было утрачено, возможно, навсегда. Но, возможно, нет. Многие забыли, чтобы никогда не вспомнить, но потаённые уголки умирающей галактики всё ещё шепчут тайны. Имеющие глаза увидеть и имеющие волю искать, способны найти осколки наследия павших титанов, что меняли галактику по своему капризу.

Утраченное царство Человека когда-то объявило галактику своим владением, обратив блестящие глаза к звёздным сферам за пределами внешних границ, но нас ждала иная судьба. Мы зашли слишком далеко, слишком рано, слишком жадно и были почти уничтожены.

Гордостью? Или что ещё хуже невежеством?

Кто знает? Никто не помнит, что привело нашу расу на грань исчезновения. Одни утверждают, что машины восстали против порабощения и обратились против создателей, другие, что катаклизм спровоцировало появление псайкеров. Какой бы ни была причина, она принесла больше вреда, чем способен представить любой из живущих.

Из Золотого Века Технологий мы погрузились в Эпоху Тьмы, из которой мало надежды вырваться. Забудьте об обещаниях прогресса, говорят они. Забудьте былую славу. Цепляйтесь за тот тусклый свет, что нам остался, и довольствуйтесь его слабым сиянием.

Адептус Механикус не согласен с подобным воззрением.

Мы — крестоносцы во тьме, мы посвятили себя поискам того, что вернёт свет науки и понимания. Того, что лежит в сердце потерянного нами, возможность понять и подвергнуть сомнению, постичь непознанное и найти ответы.

Нас поработили догмы и ритуалы, ослепили суеверия, ставшие оковами даже самой способности знать, что существуют вопросы, которые стоит задать.

Я задам их.

Я не буду порабощён.

Я — архимагос Лексель Котов и я верну утраченное.

Это мой поиск знания.

МАКРОКОНТЕНТ НАЧАЛО:
+++МАКРОКОНТЕНТ 001+++

Жизнь — направленное движение.

МИКРОКОНТЕНТ 01

На низкой орбите Джоуры царило столпотворение от кораблей, которые соперничали за свободное пространство. Электромагнитный туман ауспиков и вспышки двигателей тяжёлых судов омывали вереницы грузовых ботов, большегрузных вместительных тендеров и системных мониторов, пока местные пилоты выводили их на позиции для заправки, перевооружения и пополнения припасов. Подобные сборы случались нечасто, а сразу два оказались не просто редким событием, а настоящей занозой в заднице.

"Ренард" считался кораблём солидного тоннажа, но в сравнение с рабочими судами, которые вальяжно перемещали чудовищно толстые корпуса между Джоурой и флотами, он казался всего лишь незначительным пятнышком. Оба флота тем временем соперничали за доковое пространство подобно визжащим детёнышам жвачных медведей, которые сражались за лучшее место у соска.

Робауту Сюркуфу не нравилось так думать о своём корабле. Ни один достойный своего звания капитан не станет так делать.

Командный мостик "Ренарда" представлял собой мягко освещённый зал из обработанной древесины, бронзы и стекла, украшенный в устаревшей манере, больше подходящей древним парусным кораблям, рассекавшим океаны Макрагга. Каждую поверхность отполировали до зеркального блеска, и хотя магос Павелька называла это пустой тратой ресурсов её сервиторов, даже адепт Духовенства Марса не станет возражать вольному торговцу с каперским свидетельством, признанным в сегментум Пацификус.

Павелька утверждала, что в сердце корабля живёт частичка Омниссии, и это должно было успокоить любого капитана, но когда дело касалось кораблей, Робаут не соглашался с рабской преданностью Иланны марсианской догме. Он знал, что нужно любить корабль, любить его сильнее всего на свете. Управляя в молодости субатмосферными катерами на Иаксе, он понял, что каждый корабль обладал душой, и душу эту нужно любить. А корабли, которые знали, что их не любят, становились вздорными кобылами — в лучшем случае злыми, в худшем опасными.

Иланна Павелька оказалась единственным членом экипажа, который не возражал против их опасной затеи. Более того у неё едва не закружилась голова от перспективы присоединиться к исследовательскому флоту архимагоса Котова и вновь работать с коллегами, жрецами Механикус. Возможно, головокружение не совсем правильное слово, но она высказала спокойное одобрение, которое было ближе к волнению, чем всё, что когда-либо Робаут видел у жреца Марса.

— Новая информация: от "Сперанцы" поступила инструкция для стыковки, — сообщила Павелька, говоря со своего отделанного сталью встроенного поста управления в

передней арке мостика. Перед ней водопадом лились голографические потоки бинарных данных, и она управляла ими при помощи покачивающихся механодендритов, которые поднимались над плечами, подобно клубку змей. — Мы получим место у причала через сто минут.

— Какой допуск ошибки? — спросил Эмиль Надер, первый помощник "Ренарда", сидевший в отформованных инертных ремнях безопасности слева от Робаута, он сохранял корабль в коридоре подхода ловкими прикосновениями к рулю системы маневрирования. Павелька могла вести их на электромагнитном фале, но Робаут предпочитал предоставлять Эмилю некоторую свободу в верхней атмосфере. "Ренарду" предстояло в скором времени подстроиться под курс "Сперанцы" и самоуверенный первый помощник оценит время свободного полёта. Как и большинство уроженцев Эспандора, он обладал взрывным диким характером, который не располагал к бездумному послушанию машинам.

— Пояснение: никакой, — ответила Павелька, — когитаторы "Сперанцы" относятся к первому поколению марсианских логических машин, они не допускают ошибок.

— Но не пилоты перед нами, — возразил Эмиль. — Фактор в их присутствии.

— Все суда перед нами привязаны, что ждёт и нас, прежде чем мы войдём в гравитационное поле "Сперанцы". Не будет никакого допуска ошибки.

— Хочешь держать пари? — спросил Эмиль с хитрой усмешкой.

Тихий выдох химического дыхания вырвался из-под красного капюшона Павельки и Робаут скрыл улыбку от её раздражения. Эмиль Надер не упускал шанс поддеть непогрешимость Механикус и никогда не обращался к автоматизации, если оставалась возможность для человеческого контроля.

— Я не держу пари, господин Надер, — ответила Павелька. — У вас нет ничего, что мне нужно и ничто из моих вещей не подойдёт вам без глубокой модернизации вашей брюшной полости.

— Прекращай, Эмиль, — сказал Робаут, когда увидел, что Надер собирается ответить на заявление Павельки чем-то провокационным. — Просто сосредоточься на том, чтобы доставить нас невредимыми. Если мы хотя бы на километр отклонимся от коридора подхода, то спровоцируем беспорядок в орбитальном трафике похлеще, чем на Кадии, помнишь, когда тот офицер "Гаталамора" выстрелил по собственному мостику?

Эмиль покачал головой. — Постараюсь, чтобы до этого не дошло. Но что они ожидали, назвав так корабль? Точно также его могли назвать "Гор" и покончить с этим.

— Не произноси это имя! — прошипел Адара Сиаваш, откинувшийся на спину в астропатическом кресле Гидеона Тивеля, и вращавший в одной руке затворный механизм лазерного пистолета, а в другой нож-бабочку. — Оно сулит неудачу.

Робаут не мог точно сказать какое звание или положение занимал Адара Сиаваш на "Ренарде". Он поднялся на борт, чтобы перевести груз с Джоуры на Лодан, но так и не сошёл. Он смертоносно владел клинком и стрелял из винтовки с мастерством достойным темляка снайпера Иакской оборонной ауксии. В том рейсе он спас Робауту жизнь, прикончив оказавшегося незарегистрированным псайкером пассажира, который во время путешествия едва не уничтожил всех на борту. И при всём при этом Робаут не мог не думать о нём как о маленьком мальчике, такова была его искренняя невинность и постоянное удивление странностям галактики.

Иногда Робаут почти завидовал ему.

— Парнишка прав, — произнёс он, когда почувствовал дрожь в системах корабля. — Не

произноси это имя.

Первый помощник пожал плечами, но капитан видел, что Эмиль понял, что пересёк черту.

Экипаж продолжил заниматься текущими делами и Робаут вывел активные эксплуатационные операции на внутреннюю поверхность сетчатки. Куча кабелей с золотыми проводами тянулись от основания его шеи к командному трону, на котором он сидел. По ним в реальном времени поступали данные с различных активных станций мостика. Траектории, векторы движения, расход топлива и скорости сближения прокручивались вместе с ноосферными ярлычками сотен судов на орбите.

Всё выглядело в порядке, хотя несколько технических систем работали не на такой мощности, как ему хотелось бы. Робаут активировал вокс-частоту с техническими отсеками, которые находились почти в двух километрах от мостика.

— Каирн, ты видишь уровень подачи хладагента к двигателям?

— Разумеется, вижу, — раздался голос Каирны Силквуд, технопровидца "Ренарда". — Каждую минуту я провожу шестьсот четыре системных проверки. Я знаю больше об этих двигателях, чем ты когда-либо сможешь узнать.

Эмиль наклонился и прошептал. — Ты должна была спросить. Ты всегда должна спрашивать.

Каирн Силквуд была бывшим гвардейцем, ветераном-технопровидцем кадианских кампаний. Её демобилизовали из полка после нежелательных выстрелов в голову на Немезиде Тессере во время последнего массированного вторжения из Ока Ужаса. Она не соответствовала физическим требованиям Гвардии, а из-за потери трёх танков, которые находились под её опекой, Механикус так же не нуждались в ней. Но Робаут оценил её редкое мастерство уговаривать двигатели, когда требовалось сочувственное прикосновение или пинок по заднице.

— Просто присматривай за ним, — сказал он и отключил связь, прежде чем Силквуд успела разразиться новыми ругательствами.

Несмотря на некоторое беспокойство о двигателях "Ренард" был кораблём, который Робаут знал как ни один другой. Быстрый, манёвренный (насколько это возможно для трёхкилометрового судна) и вмещавший достаточно груза, чтобы приносить прибыль при полётах в местной системе. Даже полёт длиной в сектор не был за пределами его возможностей, но Робаут не любил подвергать корабль таким далёким путешествиям. За те пятнадцать лет, что он командовал им "Ренард" ни разу не подвёл своего капитана, а такое уважение следовало заслужить.

— Внизу за нами движется тендер с прометием, — сообщил Эмиль. — Он горячее, чем мне хотелось бы и приближается на эллиптическом курсе.

— Видимо кто-то из управляющих планетарными доками получил разнос от своих хозяев с требованием сократить сроки орбитальных поставок, — ответил Робаут. — Сколько до него?

— Две тысячи километров, но в наивысшей точке он приблизится до полутра тысяч, если мы не скорректируем курс.

— Нет, — сказал Робаут. — Две тысячи, полторы тысячи, какая разница? Если он взорвётся, то мы увидим только вспышку, прежде чем сгорим. Экономь топливо, сохраняем курс.

Робаут не беспокоился из-за возможности столкновения — даже между ближайшими

судами сохранялось расстояние в несколько сотен километров — что его волновало так это создаваемая их капитанами угроза отстать от графика. И Робавут не собирался усугубить её, опоздав на первую личную встречу с Лекселем Котовым.

Архимагос ясно дал понять, что подобное нарушение протокола недопустимо.

Эмиль совершил последний манёвр, изменив тягу двигателей, и из всех ярких огней, заполонивших небо, в поле зрения оказался самый яркий и самый большой.

Даже Робавуту пришлось признать, что его сильно впечатлил увиденный корабль. Он излетал вдоль и поперёк не один сектор, но так и не встретил ничего, что сравнилось бы с подобным размером и великолепием.

— Адара, — сказал Робавут. — Спускайся и сообщи магосу Тихону, что скоро мы состыкуется со "Сперанцей".

У бара докеров не было названия, никто никогда и не задумывался о том, чтобы дать ему его. Но все вокруг оживлённого порта знали об этих сваренных переделанных грузовых контейнерах, куда провели элементарные удобства в виде энергии и водопровода. Его настоящий владелец оставался неизвестным, но непрекращающийся поток раздражённых и вымотанных докеров неизменно заполнял его отражающее эхо металлическое пространство.

— Здесь вы пьёте после работы? — спросил Исмаил, невнятным тоном недвусмысленно указывая Авреему и Койну, что он думал об этом месте. — Неудивительно, что обычно мы отстаём от графика.

Авреем уже пожалел о том, что принял предложение управляющего поставить крановщиками выпивку, но отступить было поздно. Впервые за последние несколько недель они выполнили норму выработки, и в редкий момент щедрости Исмаил предложил им выпить.

— Да, — ответил Авреем. — Оно не очень, но нам нравится.

— Чёрт, что за вонь, — поморщился от отвращения Исмаил.

Управляющий погрузчиком уже был пьян. Шайн, выпитый в нескольких барах, которые они успели посетить, почти валил его с ног. Исмаил пил редко и это выражалось в мелочном характере и грубых шутках над теми, кто не смел ему ответить.

Ночные посетители уже заняли многоместные сидения, а в горле стояла острая вонь машинного масла, смазки, топлива кранов, пота и уныния. Авреем хорошо знал этот аромат, потому что от него разило тем же.

Люди поворачивались в их сторону, пока Исмаил продирался сквозь толпу к барной стойке — несколькими толстыми досками на паре опор, на которых размещались две цистерны, некогда служившие баками прометия "Адской гончей". Некоторые утверждали, что могли по едва уловимому аромату сказать в какой из них варили какой шайн, но, как кто-то мог хоть что-то распробовать после нескольких глотков, оставалось для Авреема тайной.

Койн дотронулся до руки Авреема, когда тот направился за Исмаилом.

— Шары Тора, ты не должен был соглашаться с ним выпить, — прошептал его напарник-механик.

Авреем и сам прекрасно это понимал, но попытался сохранить лицо. — Да ладно, он неплохой босс.

— Неплохой, — согласился Койн. — У меня бывали и хуже, это точно, но есть линии, которые тебе не следовало пересекать.

— И пить шайн с человеком, который может нас уволить, одна из них, я знаю.

— Нам повезёт, если он уйдёт, не устроив драку. И когда он проснётся с трещиной в

черепе, то обвинит во всём нас. Я не могу потерять эту должность, Авреем, я содержа жену и троих детей.

— Я знаю, — ответил Авреем, раздосадованный, что Койн всегда в первую очередь думал о своих проблемах. У него и самого была жена, хотя она стала ему чужой. Оба их ребёнка умерли от болезни лёгких, когда им не было и пяти лет, и эта потеря окончательно сломала их. Ядовитые испарения разросшихся очистительных заводов Механикус висели туманом над жилыми районами вокруг доков Флота, а дети оказались слишком чувствительны к губительной атмосфере.

— Давай, — сказал Койн. — Давай попробуем покончить с этим, пока у нас ещё есть работа.

— Выпьем по стаканчику, а потом уйдём, — пообещал Авреем, продираясь между хмурыми пьяницами. Он уже слышал гнусавый голос Исмаила над кипящим гвалтом мрачного разговора. Авреему были знакомы большинство из лиц собратьев-работяг, которые трудились до изнурения, обрабатывая грузы и удовлетворяя потребности кипучего, обложенного десятиной мира.

Времена всегда были непростыми, но на высоком якоре стоял флот Механикус, который следовало снабжать так, чтобы экспедиция могла продлиться неограниченное время, поэтому доки и их работники напряглись до предела. Да, случались и несчастные случаи, в том числе и со смертельным исходом. Их причину легко можно было связать с чрезмерным употреблением шайна, который гнали в очищенных топливных баках, но жизнь нескольких пьяных докеров мало стоила в великой схеме вещей.

Сотни флотских тендеров ежедневно прибывали и убывали на погрузочные площадки, заполненные и стоившие от оружия, боеприпасов, продовольствия, топлива, запасной униформы, частей двигателей, запчастей, хирургических запасов, миллионов галлонов очищенных жидкостей для смазывания, питья, омовения и кто знает чего ещё. Это была трудная и опасная работа, но это была работа, и никто на Джоуре не мог позволить себе отказаться от постоянного надёжного потока кредитов.

Авреем добрался до бара и обнаружил Исмаила, громко спорящего с бритоголовым барменом за стойкой. Это казалось плохой идеей, учитывая, что тот был увеличенным генетически и частично аугметированным огрином. Авреем видел, что бармен способен свернуть шею человеку простым движением запястья и знал, что для затуманенного шайном крошечного мозга это станет всего лишь непреднамеренным насилием. Глазные фильтры считали стёртые идентификационные коды аугметики на руках и черепе огрина.

Нелегальные подделки пятого поколения. Грубые и дешёвые, но эффективные.

— Ты пробовал это? — возмущался Исмаил. — Этот чёртов идиот пытается отравить меня!

— Это особая смесь, — ответил Авреем, взяв стакан у бармена и подвинув пару лишних кредитов. — Фактически уникальная. Просто нужно немного привыкнуть.

Бармен пристально посмотрел на него и кивнул в сторону выхода. Авреем понял и сделал три глотка, пока Койн уводил Исмаила подальше от сердитого огрина. Когда управляющий оказался за пределами слышимости он склонился над барной стойкой и сказал. — Мы замнём это и уйдём. Мы здесь не за неприятностями.

Бармен что-то проворчал, а Авреем последовал за Койном и Исмаилом к многоместному сидению в углу контейнеров, подальше от большинства посетителей. Эта часть бара почти пустовала, потому что располагалась рядом с уборными. Стояла острая

вонь несвежей мочи и экскрементов, Впрочем, не слишком отличавшаяся от резких паров их напитков.

— Кишки Императора, — выругался Исмаил. — Здесь воняет.

— Да, зато у нас есть место, — сказал Койн. — А после дневной смены в доках это главное, так?

— Вот именно, — согласился Авреем. — Доживёшь до наших лет, и поймёшь как это важно.

— Я провожу дни, сидя в кабине управления, — подчеркнул Исмаил.

— Ты — проводишь, мы — нет, — ответил Койн, не сумев сдержать нотки негодования в голосе.

К счастью Исмаил был слишком пьян, чтобы это заметить, а Авреем одарил напарника предупреждающим взглядом.

— Давай, выпьем по одной и идём отсюда, — сказал он, но Исмаил не слушал. Авреем проследил за его пристальным взглядом и вздохнул, увидев знакомое лицо, низко склонившееся над выпитой на три четверти бутылкой шайна.

— Это он? — спросил Исмаил.

— Да, это он, — подтвердил Авреем, положив ладонь на руку управляющего. — Оставь его в покое, поверь мне. Он того не стоит.

— Нет, — возразил Исмаил, сбросив его руку с мерзкой усмешкой. — Я хочу посмотреть, как выглядит настоящий герой.

— Он не герой, он пьяница, врун и напрасная трата пары спецовок.

Исмаил не слушал и Авреем кивнул Койну, пока их начальник направлялся к соседнему столику. Он увидел, как огрин взвесил в руке кусок арматуры длиной с ногу человека и направился сквозь переполненный бар, раздвигая группы людей, подобно астероиду с собственным гравитационным полем. Кое-кто из более трезвых посетителей почувствовал неприятности и направился к выходу. Авреем пожалел, что не мог последовать их примеру.

Он выругался и сел рядом с Исмаилом, который устроился на стуле возле стола пьяницы.

— Ты — он, — сказал Исмаил, но человек проигнорировал его.

Авреем изучал его лицо. Постаревшее раньше срока и покрытое морщинами, сеть разорванных капилляров на румяных щеках и носе говорили о немалом времени, проведённом за бутылкой, но чувствовалась и твёрдость, напомнив ему, что этот человек когда-то служил в Гвардии.

Плохой солдат, если верить его историям, но всё же солдат.

— Я сказал "ты — он" не так ли? — не унимался Исмаил.

— Уходи, — ответил человек, и Авреем услышал печаль в его голосе. — Пожалуйста.

— Я знаю, ты — он, — произнёс Исмаил, наклонившись над столом. — Я видел тебя вс время смены на прошлой неделе и слышал про тебя всё.

— Значит, мне не придётся ничего повторять, — сказал человек и Авреем понял, что он не пьян.

Бутылка перед ним была старой, а выпивка в руке нетронутой.

— Я хочу послушать, как ты расскажешь это, — ехидно сказал Исмаил.

— Зачем? Я рассказываю снова и снова, но мне никто не верит.

— Давай, герой, расскажи, как ты убил Железного Воина. Ты дыхнул на него, и он свалился замертво?

— Пожалуйста, — сказал человек, и в его голосе почувствовалась сталь. — Я вежливо прошу вас оставить меня в покое.

— Нет, пока ты не расскажешь мне, как победил целую армию космических десантников-предателей, — ответил Исмаил и потянулся за бутылкой человека.

Тот отшвырнул её в и прежде чем кто-либо успел отреагировать, приставил к горлу управляющего нож. Клинок тускло блеснул в слабом свете. Авреем увидел регистрационный номер: 250371, гвардейский вариант, углеродистая сталь и смертоносное лезвие, способное в умелых руках расцезь сварной шов.

Огрин добрался до столика и ударил арматурой по стаканам. Во все стороны полетели осколки стёкла и щепки. Авреем оказался на ребристом полу. Вонь здесь оказалась почти невыносимой, и он повернулся, когда бармен подошёл к человеку, который прижал Исмаила ножом к стене.

— Убери нож. Отпусти человека, — сказал огрин, запинаясь, как ребёнок.

Пьяница не обратил на его слова внимания и надавил ножом на шею Исмаила, отчего показалась тонкая линия крови.

— Я прикончил бы тебя, если бы верил, что остальные перестанут задавать мне снова и снова одни и те же проклятые вопросы. Или я просто прикончу тебя, потому что дерьмово себя чувствую.

— Убери нож. Отпусти человека, — повторил огрин.

Прежде чем ему подчинились, металлические выдвижные двери по всему бару с грохотом распахнулись и раздались усиленные воксом голоса. Внутрь хлынул свет с натриевым оттенком и со своего места на полу Авреем увидел стробирующие прожекторы, установленные на огромных бронированных машинах. Фигуры в чёрной броне ворвались в бар, сбивая людей на пол жестокими ударами шоковых булав и прикладами автоматических дробовиков. Гончии с металлической шкурой на цепях лаяли с аугметическим гневом, обнажив полированные стальные клыки.

— Вербовщики! — закричал Койн, отползая от перевернутого стола. Авреем с трудом встал, резко протрезвев при виде мобилизационных команд, которые тащили людей к грохотавшим тюремным транспортам. Человек с ножом отступил от Исмаила, и тот бросился к ближайшему выходу, рыдая от страха и растерянности.

В баре началась суматоха. Ревели запугивающие сирены, мерцал ослепительный свет, всё было сделано специально, чтобы ошеломить и дезориентировать. Окуляры Авреема защитили его от резкого света, но сирены продолжали оглушительно выть. Мужчины, облачённые в чёрную кожу, мерцающую панцирную броню и бронзовые безликие шлемы ворвались в бар, подобно солдатам, зачищавшим помещение. Авреем увидел, как Исмаилу попали в спину мягким болтом, и управляющий отлетел в металлическую стену. Затем осел на пол, потеряв сознание, и две кибергончии вытащили его обмякшее тело наружу.

Рука сжала плечо Авреема. — Мы должны выбираться отсюда! — закричал Койн.

Авреем озирался вокруг. Вербовщики и мастиффы перекрыли все выходы или, по крайней мере, все очевидные. Должны остаться несколько, о которых они не знают.

— Сюда, — сказал человек с ножом. — Если не хочешь, чтобы тебя поймали — следуй за мной.

Он побежал, но огрин схватил его за шиворот, продолжая молча наблюдать за методичной подчинительной тактикой вербовщиков. В бармена попало несколько мягких болтов, но, похоже, он едва почувствовал их и Авреем укрылся за спиной ворчащего

существа, которое пытались понять, что происходит и почему в него стреляют.

Пьяница попытался вырваться из его хватки, но против силы огрина он оказался беспомощным, как ребёнок.

— Отпусти меня, чтоб тебя! — орал он.

— Забудь о нём, — сказал Койн. — Есть запасной выход через уборные.

Авреем кивнул и направился мимо ошеломлённого огрина и в этот момент шквал мягких болтов забарабанил по стене контейнера рядом с его головой. По вмятинам в листовой стали Авреем решил, что "мягкие" болты не такие уж и мягкие.

Койн толкнул шаткую дверь в туалет и сразу же отлетел назад от удара шоковой дубинкой по голове. Он упал на пол. Авреем резко остановился и собрался бежать в другую сторону. Потрескивающая булава устремила к его голове, но он увернулся и бросился назад, откуда пришёл. Он услышал металлический кашель выстрела из дробовика, и в поясице вспыхнула боль, парализовав ноги. Авреем снова упал, чувствуя болезненные спазмы вдоль позвоночника.

Руки в сетчатых перчатках приподняли его и потащили сквозь разгромленный бар, где бывшие посетители молили, угрожали и торговались с вербовщиками. Авреем попытался бороться, но быстро сдался. После того, как вербовщики схватят тебя, что и произошло, жизнь продолжится на борту космического корабля, впрочем, это не помешало ему попробовать вымолить свободу.

— Пожалуйста, — сказал он. — Вы не можете... У меня есть... разрешение. Я работаю У меня есть жена!

Его выволокли наружу, и он заморгал от статических помех, диссонирующий вой сирен вызывал тошноту, а от несмолкающего лая кибергончих ныли зубы. Вербовщики швырнули его в открытые двери урчащего волонтёрского фургона, и другие руки поставили его в вертикальное положение. Ноги ещё оставались слабыми, но он мог стоять, и в этот момент щёлкнула и засветилась био-оптика глаз, перегрузив фильтры.

— Эксоматическая аугметика, — раздался голос, удивление чувствовалось даже несмотря на приглушавшую звуки вокс-решётку.

— Третичный сорт, — сказал другой. — Мы можем вытащить из неё полные био-данные и послужной список?

— Готово. Техник-погрузчик Авреем Локк, назначен на подъёмный кран Савицкас.

— Техник-погрузчик с третичной аугметикой? Достал на чёрном рынке.

— Или украл.

— Она не украдена, — выдохнул Авреем, пока фильтры перенастраивались. Перед ним стояли трое мужчин в глянцевої чёрной броне. Двое удерживали его в вертикальном положении. Третий сверялся с инфопланшетом. — Она принадлежала моему отцу.

— Он был крепостным? — требовательно спросил четвёртый голос, сильно аугметированный вокс-усилением.

Авреем повернул голову и увидел магоса Адептус Механикус в тёмно-красной мантии с капюшоном, в тених которого виднелись только горячие угольки трёхчастной оптики. С его шеи свисала чёрно-золотая эпитрахиль с зубчатыми шестерёнками по краям и множеством расплывчатых чисел, а к спине крепился тяжёлый ранец генератора, из воздухопроводов которого подобно дыханию вырывались порывы лёгкого холодного тумана, от чего броня ближайшего вербовщика покрылась изморозью.

— Да, у магоса Ксургиса из 734-го Джоурского Мануфактурного Эшелона.

— Тогда ты можешь оказаться полезным. Возьмите его и не повредите оптику. — Велел магос, отворачиваясь и следуя дальше вдоль неровной линии мужчин и женщин в ошейниках, паря на мерцающей подушке репульсионных полей.

— Нет, пожалуйста! Не делайте этого! — закричал Авреем, но вербовщики не обращали на его просьбы никакого внимания. Гигантский сервитор с поршневой мускулатурой потащил его внутрь стального транспорта, где находились ещё, по крайней мере, тридцать закованных в цепи человек в различной степени смятения. Он увидел Койна и Исмаила, связанных подобно домашнему скоту перед бойней. Огрин сидел с озадаченной улыбкой на лице, упираясь спиной в стену тюремного отсека, словно произошло всего лишь незначительное изменение в его повседневной жизни, а не ужасный переломный момент.

— Нет! — закричал Авреем, когда захлопнулись стальные двери, запечатав их в освещённом красными лампами полумраке.

Он заплакал, когда почувствовал, как взревел двигатель и тяжёлый транспорт тронулся с места. Он пнул двери, и чуть не сломал кость, продолжая снова и снова бить по металлу.

— От этого тебе не станет лучше, — раздался за спиной голос.

Авреем раздражённо развернулся и увидел человека, который угрожал Исмаилу ножом. У него отобрали оружие, а руки связали впереди пластиковыми наручниками. Как и огрин он казался противоестественно спокойным, и Авреем возненавидел его за это.

— Куда они нас везут? — спросил он.

— А ты как думаешь? На посадочные площадки. Нас завербовали и мы направляемся в утробу космического корабля, чтобы загребать топливо, таскать ящики с боеприпасами или каким-то другим дерьмом, пока не умрём или не покалечимся.

— Ты довольно спокойно об этом говоришь.

Человек пожал плечами. — Я считаю, что такова моя судьба — попадать в дерьмо с небес. Думаю, что у Императора совершенно извращённое чувство юмора, когда дело доходит до моей жизни. Он проводит меня через худшее, что может случиться с человеком, но поддерживает меня. И для чего? Чтобы я пошёл и хлебнул ещё больше дерьма? Проклятье, я хочу, чтобы Он завязал со мной.

Авреем услышал глубину страданий человека и эхо чего-то столь ужасного, о чём он не желал думать. Это звучало, как правда.

— То, о чём ты рассказывал полковым командующим, и в сам деле произошло? — спросил он.

Человек кивнул.

— И всё о Гидре Кордатус? Это всё, правда?

— Да, я говорил правду. И ничего хорошего из этого для меня не вышло, — ответил человек, протянув руку в наручниках Авреему. — Гвардеец Юлий Хоук. Добро пожаловать в дерьмо.

МИКРОКОНТЕНТ 02

Пара запутанных четырёхмерных карт южных пределов сегментума Пацификус висела в воздухе над гололитическим проектором. Жилые помещения "Ренарда" не обладали такими технологиями, поэтому магос-картограф Виталий Тихон забрал его из своей обсерватории на Кватрии. Призрачные звёздные системы кружились в танце, который выглядел случайным, но на самом деле был тщательно выверен и классифицирован, словно совершеннейший бинарный язык.

Многочисленные глаза Тихона видели божественную красоту в астрономической географии, но среди мерцающего изображения южных звёзд на краю известного космоса подобно чувствительному ожогу от лазера пылала болезненная злобная рана.

Шрам Ореола — погруженный во мрак регион враждебного космоса, который проглатывал корабли и сопротивлялся всем попыткам проникнуть сквозь его тёмную вакуумную пустоту. Никто не знал, что лежало в пределах Шрама и последний флот, который осмелился войти в его глубины в поисках знания, исчез из галактики тысячи лет назад. Избранный Машиной Телок привёл обречённый флот в Шрам Ореола, в поисках ответа на то, что он называл величайшей тайной вселенной. Ни один из его кораблей не вернулся.

До сих пор.

Ноосферные теги мерцали и гасли подобно искрам, пока многочисленные глаза Тихона просматривали по сто звёздных систем в секунду. Он искал ответ на загадку, которая заставила его принять приглашение архимагоса Котова участвовать в экспедиции.

Он знал каждый блик и каждую туманность на первой карте, потому что сам составил её немногим больше пятисот лет назад.

Ах, но вторая карта...

Стороннему наблюдателю, даже талантливому звёздному картографу могло бы показаться, что между ними нет никаких различий. И всё же для Тихона вторая карта с таким же успехом могла изображать мутировавшие волчьи звёзды, злобно уставившиеся в измученный космос вокруг Мальстрёма. Структура второй карты представляла собой скопление тысяч и тысяч скомпилированных астрономических измерений со всех сегментумов, топорная в сравнение с точностью его работы, но достаточно подробная, чтобы вызывать беспокойство.

Щёлкая механическими пальцами — по десять на каждой руке — он повернул сферу из звёзд и систем, увеличивая масштаб тактильными жестами. Тихон изучал отдельные спектры длины волн, импульсные интервалы и радиационный выход звёзд, которые неожиданно быстро — по астрономическим меркам — постарели на сотни тысяч лет.

Он машинально выдохнул, удивляясь пережитку, словно обладал органическими лёгкими.

— Ты же знаешь, что уставившись на эти карты, не увидишь ничего нового, ведь так? — спросила Линья, не поднимая взгляда от книги. Его дочь сидела за потёртым деревянным столом. Капитан Сюркуф достал его для неё из затхлой камеры хранения во влажных клуатрах, которые примыкали к машинному отделению. Старое дерево пахло некачественным маслом, дешёвой смазкой и смесью хлорина с очистителем и диоксидом углерода из фильтров воздуха. Не самый приятный из ароматов и в то время как Виталий мог фильтровать его, у Линии не было такой возможности. Но, похоже, она не возражала и более того наслаждалась счастливым случаем для разнообразия поработать за столом из органического материала, а не пультом управления из холодной стали.

— Я знаю, дорогая девочка, но это моя работа, — ответил Виталий, используя человеческий голос. Хотя его голосовые связки давно атрофировались, Линья настояла, чтобы он заменил их искусственно выращенными. Конечно, она понимала и могла общаться на бинарном коде, а также на более сложных религиозных литургиях техно-языка, но решила высказываться на несовершенном и неточном наречии непросвещённых.

— И она останется твоей работой и завтра, а затем и послезавтра, — сказала Линья, наконец, оторвав взгляд от книг. В отличие от своего отца она оставалась всё ещё — внешне — в основном органической. Она носила красные цвета Духовенства — по праву члена Культа Механикус — но на этом сходство с большинством жрецов Марса заканчивалось. По её плечам рассыпались длинные тёмные волосы, кожа тонкокостного лица была гладкой. Чертами она напоминала отца, что и следовало ожидать, несмотря на аномалию в репродуктивном процессе, результатом которой стало спонтанное изменение пола, выбранного им для преемника.

За эти годы модернизировали немалую часть внутренней биологической структуры Линьи, но она упрямо цеплялась за первоначальную человеческую фигуру и архаичные пути предков. Книга, в которой она писала, была изготовлена из прессованного растительного сырья, а инструмент, которым она записывала свои мысли и экспериментальные наблюдения, был обычной пластековой трубочкой, наполненной жидким красителем.

Отказ Линьи следовать конвенции служил источником раздражения для коллег-жрецов и источником большого удовольствия для Виталия.

— Не сомневаюсь, что так и будет, — ответил он, — но если вспоминать научные открытия, в них всегда присутствует некоторая степень беллетристики. Мы запоминаем "Эврика!" и забываем десятилетия исследований, неудачных стартов и опровергнутых гипотез на пути к просвещению. Забываем сколько жрецов потерпели неудачу в своих начинаниях, а помним того, кто наткнулся на правду, учась на их ошибках.

— Ты снова говоришь о магосе Моджаро, не так ли?

— Человек может умереть, но память о нём останется надолго, если он внесёт свой вклад в великое дело. Время вбирает в себя поток, поглощённый забытыми деяниями. Величайшие моменты являются всего лишь кульминацией одной тщательно проработанной мысли, — процитировал древнюю мудрость Виталий, словно это были его слова. — Как все люди должны благодарить безымянных прародителей прошлого, так и мы обязаны продолжать выживать в настоящем, дабы пришедшие после нас продолжили великое дело.

— Да, он пример для всех нас, отец, но от этого ты не станешь лучше понимать изменения на этих картах. Чётность данных микроскопа слишком разбросана для

использования, и вся информация, которую восстановили из скопления в лучшем случае из третьих рук. Нам нужно приблизиться к Шраму Ореола, прежде чем мы сможем сделать какой-то конкретный вывод.

Она замолчала, прежде чем продолжить, и Виталий знал, что она собирается сказать, потому что дочь говорила это ему уже много раз.

— Ты же понимаешь, что нам не следовало принимать участие в этой миссии? В конечном счёте, даже если мы сможем пробиться на противоположную сторону Шрама, неизвестно, как мы вернёмся. Последние эксплораторы, которые путешествовали за пределы Шрама, были объявлены пропавшими более трёх тысяч лет назад. Даже если у капитана Сюркуфа и в самом деле есть подлинный реликт пропавшего флота Телока, то с чего ты решил, что мы не разделим его судьбу?

Она вздохнула, пытаясь зайти с другой стороны. — Возможно, это один из аспектов существования Шрама, чьи изменённые данные мы получили?

— Ты и в самом деле считаешь, что я не думал об этом? — спросил Виталий. — Да, звёздная география непостоянна, но изменения, которые ты и я, мы оба видели, должны занять, по крайней мере, сотни тысяч лет, а не несколько веков.

— Ну и понял ты что-нибудь за последние три часа, когда смотрел на карты?

— К сожалению, нет, — ответил он без разочарования. — Хотя я очень надеюсь понять, почему эта карта больше не соответствует первоначальным показаниям, полученным расположенными на месте макроскопами. Слишком много времени прошло с тех пор, как я рисковал за пределами орбитальных галерей Кватрии.

Виталий махнул в сторону карт и тактильными сенсорами сильно увеличил масштаб, заполнив помещение мерцающими светящимися точками. — Архимагос лично просил о моём присутствии.

— Несмотря на возражения Марсианского Конклава, — парировала Линья.

Виталий свернул звёздные карты раздражённым жестом.

— Котов не дурак, — сказал он. — Он ценит мои глубокие познания об этом регионе космоса и понимает, что моё присутствие может оказаться разницей между великолепным успехом и позорной неудачей.

Линья ничего не ответила, и Виталий получил передышку. Даже его самого не слишком убеждал сказанное. Он не знал, почему Лексель Котов воспользовался своим драгоценным правом вето, ведь архимагос не был известен, как жрец склонный к жестам эмоциональной снисходительности. Мало кто мог сравниться с Котовым в безжалостной решимости и строгом следовании протоколу, они были легендарны даже среди Духовенства, которое рассматривало холодную грубость, как добродетель.

— Возможно, потеря феодального мира-кузни придала Котову толику смирения, — предположила Линья и Виталий едва не рассмеялся.

— Я и на наносекунду не поверю в это, а ты?

— Нет, и это приводит меня к мысли, что у Котова есть другая причина просить о твоём участии в своей безрассудной экспедиции.

— И, несомненно, у тебя есть теория относительного этой причины?

— Он в отчаянии, — сказала Линья. — Его миры-кузни уничтожены и даже ты должен был слышать слухи о направленных генерал-фабрикатору петициях с призывами конфисковать марсианские владения Котова. Он знает, что не может добиться поддержки ни у кого из более влиятельных магосов и чтобы восстановить политическую поддержку на

Марсе, ему необходим огромный успех. Возглавить поисковую экспедицию флота Телока — последний шанс Котова спасти репутацию. Это его единственная надежда отвести угрозу от оставшихся кузниц.

Виталий кивнул, но прежде чем он смог привести хотя бы символические аргументы в защиту планов Котова, раздался резкий стук в задвижную дверь их общих покоев.

— Да, господин Сиаваш? — произнёс он.

Наступила тишина.

— Как вы узнали, что это я? — спросил молодой боец. Виталий слышал, как он щёлкает ножом-бабочкой и треск ловких пальцев.

— Длина шага, соотношение веса к децибелу звука шага, — ответил Виталий. — И это если не упоминать раздражительную мелодию, которую ты зачем-то насвистываешь на ходу.

— Это "Гордость Джоуры", — пояснил Адара Сиаваш сквозь дверь. — Когда я был маленьким, мой папаша играл её на флейте и...

— Что тебе нужно, Адара? — перебила Линья, прервав очередной рассказ юноши о его пасторальном детстве.

— Привет, мисс Линья, — произнёс молодой человек, и даже несмотря на противозрывную дверь, Виталий мог представить, как он покраснел. — Капитан Сюркуф прислал меня сообщить, что мы почти готовы состыковаться со "Сперанцей".

Робаут наблюдал за линкорами Флота, невозмутимо плывшими по высокой орбите, всего лишь яркие светящиеся точки, которые мигали и мерцали в свете далёкого солнца. Более энергичные крейсера плели патрульные кружева вокруг раздувшихся масс-транспортов, готовых перевести недавно призванные внизу на планете полки Гвардии в постоянно расширяющийся крестовый поход в секторе Пергам. Джоура была гордым и густонаселённым миром из тех, что обычно отвечали на призыв солдат на службу в гордых рядах Имперской Гвардии.

Неистощимые армии Императора сохранялись только благодаря таким мирам, как Джоура. Масштаб масс-транспортов поражал, огромные левиафаны длину и ширину которых невозможно было постичь, как и способность летать, не говоря уже о пересечении огромных межзвёздных заливов между системами. И всё же их затмевала колоссальная "Сперанца".

Адара привёл магоса Тихона с дочерью на мостик, они появились как раз в тот момент, когда "Ренард" начал приближаться к необозримой надстройке ковчега Механикус. Хотя их разделяло ещё шестьсот километров, борт флагмана Лексея Котова уже заполнил смотровой экран. Скорее отвесная скала из полированной стали и адамантия, чем судно, он являл собой панораму металла, которая бросала вызов рациональному пониманию, как такой колоссальный корабль мог вообще существовать.

Виталий и Линья — Робауту пришлось признать, что она привлекательная, хотя и немного замкнутая женщина — с нескрываемым восхищением уставились на огромный ковчег. Даже для жрецов Механикус было честью увидеть столь древний и замечательный корабль.

— На орбите так много судов, — сказал Адара. — Никогда столько не видел.

— Чепуха, — ответил Робаут. — Тебе нужно увидеть солнцестояние Ультрамара, вот это собрание так собрание. Представь дюжину миров, участвующих в смотре. Там столько кораблей на орбите, что ты можешь натянуть скафандр и разгуливать вдоль орбитального экватора не по пустоте космоса, а просто перешагивая с корпуса на корпус.

— Вы смеётесь надо мной, не так ли? Это невозможно.

— Хочешь держать пари? — спросил Эмиль.

— С тобой? Никогда в жизни.

— Позор, — оскорблённо насупился Эмиль. — Никто больше не держит пари со мной.

— Потому что ты всегда побеждаешь, — сказал Робаут.

— Что на это скажешь, я — везунчик, — ответил Эмиль, пожав плечами.

— Удача Ультрамара, — согласился Адара.

— Такой вещи, как удача не существует, — произнесла Линья Тихон, не отводя симпатичные глаза от смотрового экрана. — Есть только статистическая вероятность, апофения и предвзятость подтверждения.

— Тогда нам с тобой стоит сыграть несколько партий в рыцарей и плутов, — сказал Эмиль.

Робаут усмехнулся, возвращая внимание к смотровому экрану и невероятно огромному кораблю перед "Ренардом".

— Святая Терра... — выдохнул Эмиль, наконец, взглянув на корабль, к которому они приближались.

— Ты, разумеется, хотел сказать "Святой Марс"? — спросила Павелька.

— Какая разница. Эта штукавина чертовски огромна.

— Столь виртуозное преуменьшение. "Сперанца" — корабль, который затмевает все остальные. Хвала Омниссии.

Робаут слышал о судах, которые называли ковчегами Механикус, но не верил в рассказы об их городских пейзажах размером с континент и массу с планетой, считая это преувеличениями, приукрашенными легендами или откровенной ложью.

Теперь он знал лучше.

Мимо проплывал линкор и Робаут узнал его тип — "Доминатор". Курс военного корабля пролегал под "Сперанцей", но ширина ковчега Механикус легко затмевала его длину. Если корабли Флота имели склонность к носам в форме клина и гигантским каменным соборам, возведённым в угловатых конструкциях корпусов, то Механикус одобряли менее показной подход к дизайну судов. Функциональность, а не форма или прославление стала путеводящим светом древних судостроителей. В колоссальном корабле встречалось мало симметрии, полностью отсутствовали позолоченные арки величественной архитектуры, молящиеся монастырские скульптуры, сводчатые геодезические купола, гигантские орлиные крылья или широкие зубчатые стены.

Вся "Сперанца" представляла собой инфраструктуру и промышленность, улей, обладавший цехами, очистительными заводами, сверкающими электростанциями, километрами и километрами лабораторий, испытательных полигонов, химических резервуаров и генетических лазаретов, устроенными настолько эффективно, насколько позволяли древние планы, по которым создали ковчег. Вес двигателей превышал полную массу большинства кораблей, отдельные генераторы пустотных щитов и полей Геллера были достаточно велики, чтобы защитить целый фрегат.

Робаут повидал за свою жизнь предостаточно космических левиафанов, как имперских, так и иных, но он ещё не встречал ничего, что сравнилось бы с невероятной безжалостностью и стремлением Механикус построить столь ужасно впечатляющий корабль.

— Нам потребуется несколько дней, чтобы добраться с посадочной палубы до мостика, — сказал Эмиль.

— Возможно, у них есть внутренние телепорты, — предположил Робаут.

— Не шутите так, — отозвался Адара.

— Я не шучу. Серьёзно, не шучу. Как ещё кто-нибудь может перемещаться на судне такого размера?

— Никто и никогда не станет меня никуда телепортировать, — упорствовал Адара.

— Отлично, ты можешь остаться на "Ренарде" и не дать его разобрать и изучить, — сказал Эмиль.

— Ты думаешь, они пойдут на это?

— Сомневаюсь, но чем чёрт не шутит, — ответил Робаут, похлопав инкрустированные жемчугом подлокотники командного трона. — "Ренард" — классический образец "Триплекс-Фолл" 99 типа "Неустрашимый" с санкционированной на Коноре модернизацией щитов. Я не стал бы доверять техножрецу с гаечным ключом, который окажется рядом.

— Несправедливая оценка, — произнесла Линья Тихон. — Никто из техножрецов не прикоснётся к кораблю, как только они загрузят его историю. Их слишком напугает перспектива системной деградации от таких древних данных.

— Вопросительно: это шутка? — спросила Павелька, механодендриты техножрицы напряглись, а жидкообращение ускорилося, принимая вызов, направленный на её корабль.

— Это шутка, — сказала Линья.

— Не оскорбляйте наш корабль. Уж кому-кому, а вам следует это знать лучше всего.

— Прошу прощения, магос, — извинилась Линья с бинарным кашлем, чтобы подчеркнуть своё раскаяние. — Неудачная шутка.

— Что это за суда? — поинтересовался Адара, указывая на несколько высокобортных кораблей, омываемых светом луны Джоуры, неуклюжие суда, напоминавшие формой "Капитолий Империалис". Они направлялись в похожий на пещеру трюм одного из кормовых посадочных грузовых отсеков и хотя каждый, несомненно, был огромен, даже их затмевала "Сперанца". Эмиль медленно начал вращать медный диск ауспиков, чтобы поймать частоту радиообмена между судами, и вздрогнул от боли, когда имена вызывающе ворвались в космос. Он схватил ушной имплантат, уменьшая звук, когда голоса на машинном языке громко выкрикивали имена и предупреждения.

— Легио Сириус, — объяснил Эмиль, растирая бок головы, где бинарный визг перегрузил несколько имплантированных когнитивных матриц. Робаут кивнул, увидев канидайский символ на бортах транспортов.

— Титаны, боги-машины, — почти неслышно прошептала Павелька. — Я когда-то проводила ритуал обслуживания раненой машины Легио Претор. Только "Пса войны", но всё же...

— Легио предупреждает людей держаться подальше от их погрузочных операций, — произнёс магос Тихон.

— Для таких крупных ублюдков они скромнее офелийской госпитальерки в первую брачную ночь, — сказал Эмиль, хитро подмигивая. — Поверь мне, я знаю, о чём говорю.

— Ты не должен говорить такие вещи о сороритас, — покраснел Адара.

Робаута никогда не переставало удивлять, что человек, столь умело отнимавший жизнь и причинявший вред, оказался таким невинным в отношении женщин. Адара отточил свои навыки в одной сфере, пренебрегая другими. Капитан мог бы восхититься этой чертой, потому что видел, как другие следовали тому же пути на борту "Иглы Иши", но те времена давно прошли и он держал их при себе.

Пальцы Эмиля затапцевали на панели управления, и она начала последовательно мигать. Чтобы не говорили об Эмиле Надере — он был первоклассным пилотом. Робаут почувствовал движение палубы, когда "Ренард" начал поворачиваться и опускать тупой нос, чтобы пролететь под "Сперанцей", ожидая последнего разрешения на стыковку, которую выполняют диспетчеры Механикус. Управление было передано, и Эмиль откинулся на спинку кресла.

— О'кей, если мы теперь разобьёмся и сгорим, то уже не по моей вине.

Робаут собрался ответить, но в этот момент они попали в гравитационную зону ковчега Механикус, корпус задрожал, а по надстройкам "Ренарда" пронёсся скрежущий гул. Масса и плотность "Сперанцы" были столь колоссальны, что она создавала искажённое поле силы тяжести, как у нестабильной луны. Следовать сквозь такое изменчивое пространство без электромагнитного фала было очень опасно, впрочем, это не помешало Эмилю желать попробовать.

Капитан наблюдал за похожим на пещеру трюмом "Сперанцы", который с каждой секундой становился всё шире, пока "Ренард" дрожал в гравитационных помехах. С каждым километром сердце Робаута билось всё сильнее, их тянули словно добычу, заглотившую приманку.

Подобное сравнение ничуть не обнадеживало.

Эмиль наклонился и прошептал. — Между прочим, я всё ещё считаю это ужасной затеей.

— Ты уже несколько раз дал чётко это понять.

— Ты же знаешь, что не обязан идти на это, Робаут. У нас много выгодных маршрутов, а контрактов больше, чем мы можем выполнить. Если ты спросишь меня, что ты почти никогда не делаешь, то попытка направиться за Шрам Ореола — это ненужный нам риск.

— Это — приключение. Подумай о том, что мы можем там найти.

— Я подумал. И поэтому мне снятся кошмары, — ответил Эмиль, оглядываясь на дверь капитанской каюты. — Ты уверен, что штука в стазисном сундуке настоящая? Сомневаюсь, что марсианские жрецы обрадуются, если это не так.

— Она настоящая, я уверен, — сказал Робаут, и ковчег Механикус проглотил "Ренард".

— Я рад, что хоть один из нас уверен, — обеспокоенно ответил Эмиль.

МИКРОКОНТЕНТ 03

Мало что изменилось для Авреема и остальных, насильно завербованных в портовом баре. С неприличной поспешностью их переводили из одного крепкого металлического контейнера в другой, кормили густой, богатой сахаром питательной пастой и подвергли принудительной вакцинации антилихорадочными препаратами. Их жизнь превратилась в длинные отрезки отчаяния, сопровождаемые острыми приступами ужасающей активности.

Каждого несчастного заклеили подкожным идентификатором преданности, который, как утверждали гулкие объявления, регулярно ревушие из вокс-решёток с высоких герметичных стальных стен, отмечал их, как крепостных архимагоса Лексея Котова, насильно завербованных для службы на борту "Сперанцы" до тех пор, пока они не возместят свой долг Империи.

— Значит навсегда, — язвительно ответил Хоук на вопрос Авреема, что это означает.

Их окатили водой с чистящими химикатами, проведя столь полную дезинфекцию, что Авреем поблагодарил Императора за то, что больше не собирался иметь детей. Большинство захваченных людей — преимущественно мужчины, хотя попались и несколько женщин — замкнулись в себе, угрюмые и покорные судьбе. Немногие протестовали и орали до хрипоты на своё заключение, но и они быстро сдались, когда поняли, что их слова попадают в равнодушные уши.

Тем не менее, Исмаил отказался последовать их примеру и требовал разговора со старшим магосом с замечательным — но бессмысленным — постоянством. В конце концов, дверь открылась и появилась пара крепко сложенных воинов в громоздкой панцирной броне, их лица покрывал металл и крепкие пластиковые имплантаты. От вошедших исходила угроза, и Исмаил попятился, поняв, что совершил серьёзную ошибку. Воины выволокли управляющего и с тех пор его не видели. Авреем не особо скучал по шумному и раздражающему присутствию Исмаила, хотя ему и не нравилось думать о том, что произошло с бывшим начальником.

Огрин-вышибала из бара держался особняком, Авреем задался вопросом, понимал ли тот вообще, что с ним произошло? Он смирился с судьбой или просто ждал кого-то, кто скажет, что делать? Хоук быстро пристроился рядом с неуклюжим существом, втеревшись в доверие несколькими короткими фразами, которые огрин, похоже, не понял. Авреем не мог отрицать логику в попытке подружиться с самым большим и невзрачным пленником — это было хитро. Из того, что он узнал о гвардейце Хоуке, изворотливость и хитрость были теми качествами, которыми тот обладал в избытке. Юлий родился выживать, и Авреем понимал, что если он собирается пройти через это, то следует действовать также.

Он держался рядом с Хоуком и огрином, прихватив Койна, руководствуясь принципом,

что чем больше людей, которых ты знаешь, тем лучше. У огрина не было имени, по крайней мере, никто не смог его вспомнить. Хозяин бара называл его Крушила, что было ничуть не хуже остальных имён. Койн почти всё время горевал по жене, которую, скорее всего, больше никогда не увидит, но Авреем пролил очень мало слёз по своей половине. Сначала отсутствие сожалений вызывало у него отвращение, но после самоанализа, который принесло заключение, Авреем понял: заработанные им на кране кредиты — вот единственное, чего ей будет не хватать.

Потеря детей вбила клин между ними, и кроме повседневных проблем их мало что объединяло кроме горя. Авреем знал, что она винила его в их смерти и ему было трудно отрицать её правоту. Именно он хотел работать на заводах Джоурского космопорта, из-за чего пришлось переселиться в загрязнённые жилые кварталы. Общая потеря обернулась горькой злобой и повседневной жестокостью, но взаимная необходимость держала их вместе. Ей были нужны его кредиты, а ему... ему была нужна она, чтобы напоминать, что он когда-то был отцом двух самых ярких звёздочек в мире.

После санитарной обработки им разрешили сохранить по одной личной вещи, и Авреем выбрал сложенный вдвое пикт своих детей: Или и Зеры. Это был не самый удачный пикт, Ила отвернулся от матери, а Зера закрыла глаза, но это оказалось единственным, что осталось от них и придётся довольствоваться этим. Теперь они с Императором, по крайней мере, так сказал толстый проповедник в часовне Министорума в порту. Авреем подозревал, что скоро к ним присоединится.

В конце концов их загрузили в стоявший на якоре громыхавший корабль, и ноосферные тэги, разноцветным дымом поднимавшиеся сквозь забитые крепостными контейнеры, сказали Авреему, что они оказались на борту суборбитального транспортного подъёмника, обозначенного как Джоура XV/UM33. Такие суда проектировали для вертикального перемещения по заданной траектории, они были невероятно неэффективными и имели склонность к многочисленным опозданиям, если пилот пропускал ограниченное окно подхода.

Кран Авреема загрузил не одно подобное судно, и он задумался, в скольких из безликих контейнеров, которые он соединил и поместил в обширные трюмы, находились отчаявшиеся мужчины и женщины, направлявшиеся фактически в рабство на борту одного из флотов на орбите. Их подъём был жёстким и сопровождался сильной вибрацией, высокая температура при прохождении атмосферы быстро сменилась холодом пустоты. Трюмы контейнеров оказались неизолированными, и гладкие стальные стены вскоре стали потрескивать от холода.

— Шары Императора, это похоже на чёртов морозильник, — пожаловался Хоук. — Они хотят, чтобы мы замёрзли насмерть, прежде чем погонят на работу?

— Думаю, они решили, что мы не заслуживаем тепловой защиты, — предположил Койн.

— Там куда нас везут, мы быстро начнём скучать по холоду, — сказал Авреем.

— Ты о чём?

— Я о том, что, похоже, мы направляемся в машинные отделения "Сперанцы". Нас высадят на одной из кормовых технических палуб.

— Откуда ты знаешь? — спросил Хоук. — Ты получил прямую линию с Богом Машиной или типа того?

— Нет, — ответил Авреем, желая, чтобы бывший гвардеец держал рот на замке.

— Давай, — не отставал Юлий. — Выкладывай, откуда ты знаешь, куда мы направляемся?

Наклонившись, Авреем коснулся щеки чуть ниже глаза и потянул кожу вниз, показав стальную оправу аугметического глаза.

— Ничего себе! — прошептал Хоук. Авреем понял, что его мозг заработал, пытаюсь найти способ использовать полученное знание в своих интересах. — Такое не каждый день увидишь.

Перед высадившимся экипажем "Ренарда" предстала сцена организованного беспорядка.

Сотни вместительных грузовых барков стояли в похожем на пещеру трюме. Они располагались ровными линиями, как и бесконечные ряды транспортных контейнеров, выгруженных сервиторами-погрузчиками, которые напоминали муравьёв, постепенно пожирающих корпус. Робаут почувствовал в воздухе запах смазки, горячего металла и насыщенного химикатами пота. Сам воздух был холодным и едким из-за покрытой инеем обшивки барков. Повсюду тысячи людей и машин двигались в запутанном танце по отведённым маршрутам, словно в двойном балете. Масштаб пространства бросал вызов мысли, что они находятся в замкнутом помещении, что хранилище таких размеров можно вообще создать, тем более на борту космического корабля.

— Вот что я скажу о Механикус, — произнёс Робаут. — Они знают, как делать своё дело.

— Этом когда-то вызывало сомнение? — спросила остановившаяся за его спиной Павелька.

— Нет, но увидеть своими глазами — совсем другое дело.

Павелька настояла на том, чтобы сопровождать его, как и Каирн Силквуд, и оба члена Культа Механикус стояли и благоговели при виде грандиозной промышленности и машинного великолепия, царящих внутри флагмана архимагоса Котова. Техножрица "Ренарда" была в повседневной красной мантии с обёрнутым вокруг правой руки рукавом, демонстрируя бионическую конечность, и Робаут не мог не заметить яркий блеск её амулета с символом Механикус.

Из уважения к окружавшей величественной обстановке Силквуд сменила пропотевшую и заляпанную маслом спецовку на прочные брезентовые брюки и подбитую куртку. Её одежда технопровидца никогда бы полностью не избавилась от блеска масла и ладана, но, по крайней мере, она оказалась чистой. Силквуд была похожа на работягу с бритой головой в наростах аугметики, а шрамы на тыльной стороне рук говорили о жизни, проведённой в трудах среди живых внутренностей двигателей.

Сам Робаут облачился в тёмный сине-серый сюртук с красной окантовкой и геральдикой Сюркуфов, стилизованная Ультима с золотым венком вилась вокруг рукавов, словно боевая награда. Также на нём были брюки глубокого чёрного цвета, а лакированные ботинки блестели, как новые.

Эмиль едва не рассмеялся от нового облика капитана, но Робаут лучше любого из них знал, какое значение имели внешний вид, правила этикета и ожидание, особенно для такой организации, как Адептус Механикус. Его первый помощник стоял справа, а Адара Сиавап слева, оба в своих лучших украшенных тесьмой кителях и начищенных ботинках. Оба выглядели очень неловко в этой одежде, которую крайне редко доставали из матросских сундучков, но Робаут недвусмысленно заявил им, что при встрече со своим покровителем

они должны выглядеть подобающим образом.

Вместе Эмиль и Адара несли стазисный сундук, зеркальный чёрный матовый ящик с уникальным сложным замком, который мог открыть только Робаут. Замок изготовил Ирландриар из Алаитока, и его ценность была невообразимой. Его подарил Робауту Итандриэль, когда капитан покидал "Иглу Иши", и он до сих пор считал себя недостойным такого дара.

То, что лежало внутри могло принести Робауту и его экипажу состояние, которое они не смогли бы потратить и за десять жизней. Он не мог говорить за остальных, но его к Лекселю Котову привело не желание богатства. Артефакт в стазисном сундуке хранил решение тайны, которая долго не давала покоя жрецам Марса, тайны, которая разговаривала с романтической душой Робаута и стоила всех рисков их последнего предприятия.

— Мы идём? — спросил Эмиль, видя, что капитан не двигается.

— Идём, — ответил он, выдав сомнения за изумление. — Время не ждёт, а?

У основания трапа для экипажа их поджидало отделение угрожающего вида мужчин в стекловидной чёрной броне с крупнокалиберными винтовками поперёк широких грудных клеток. Извивавшиеся кабели соединяли тесла-камеры оружия с тяжёлыми ранцами, которые гудели от электрической энергии; лицо каждого воина представляло собой бесстрастное сочетание квадратных челюстей, равнодушных глаз и пластовых имплантатов, передававших тактическую информацию. Каждый нагрудник был увенчан машинным клеймом с изображением черепа и молнии. Эмблема клана или символ гильдии?

В окружении скитариев стоял жрец Механикус, высокая фигура в длинном и широком красно-золотом стихаре с капюшоном, под которым виднелись несколько точек зелёного света, хоть как-то намекавших на лицо. Руки и ноги жреца оказались длиннее обычных, на них виднелись ребристые шипящие бледно-жёлтые кабели, а к спине крепилась напоминавшая барабан бочка с радужной жидкостью. Несколько лакеев — чей рост искусственно остановили — закутанных в вулканизированные резиновые комбинезоны и с тонированными красными очками, следили за пульсирующими трубками, которые распределяли жидкость по системе.

— Это он? — шёпотом спросил Эмиль.

Робаут покачал головой, пытаясь скрыть раздражение, что архимагос Котов не встретил их лично. Кем бы ни оказался этот жрец, он явно принадлежал к магосам высокого ранга, но он не был главой исследовательского флота, не слишком тонко намекая об иерархии экспедиции.

Капитан направился к нему, бросив наметанный взгляд на напрягшихся воинов-скитариев, чья прицельная аугметика отслеживала каждое его движение. Он не сомневался, что если окажется достаточно глупым, чтобы потянуться за позолоченным церемониальным пистолетом в кобуре на бедре, они, не задумываясь, застрелят его.

— Аве Деус Механикус, — произнёс магос, когда вольный торговец дошёл до конца трапа.

— Я — Робаут Сюркуф, — ответил он. — Но вы не архимагос Котов.

— Ситуационное обновление: архимагос Котов занят важными вопросами флота, имеющими отношение к приближающемуся отбытию с высокого якоря, — пояснил техножрец прекрасно смоделированным воспроизведённым человеческим голосом, который всё же звучал скрипуче и фальшиво. — Он шлёт свои извинения и требует, чтобы вы сопроводили меня в Адамантиевый Киворий.

Робаут не шелохнулся, когда магос велел следовать за ним.

— Проблема? — спросил жрец.

— Кто вы? Я хотел бы знать имя человека, с которым разговариваю.

— Да, разумеется. Знакомство. Дружеские отношения, обусловленные опознанием идентификаторов, — сказал магос, выпрямившись. — Опознание личности: я — Таркис Блейлок, верховный магос региона Кебрения, фабрикатус-локум исследовательского флота Котова и ресторати ультимус Страданий Скиапарелли. У меня многочисленные титулы, капитан Сюркуф, вам нужно, чтобы я перечислил их все?

— Нет, в этом нет необходимости, — ответил Робаут, поворачиваясь и возвращаясь по трапу "Ренарда". Он махнул Эмилю и остальным. Зная, что нужно следовать его примеру, они развернулись и пошли на корабль.

— Капитан? — в замешательстве спросил магос Блейлок. — Что вы делаете? Архимагос Котов настаивает на вашем присутствии. Отбытие экспедиции невозможно отложить.

Робаут остановился на полпути, наслаждаясь ужасом Павельки, который вызвало нарушение протокола Механикус. На лице технопровидца Силквуд растянулась лукавая ухмылка, и он хитро подмигнул Каирн, прежде чем снова повернуться к Блейлоку.

— Я думаю, вы и архимагос Котов забыли, что без меня и моего экипажа никакой экспедиции не будет, — произнёс Робаут, постукивая пальцами по крышке сундука. — Без этого артефакта экспедиция закончится, даже не начавшись, поэтому я хочу увидеть понимание этого факта и каплю чёртового уважения. Ваш голос может и искусственно воспроизведён, магос Блейлок, но я всё ещё могу сказать, когда со мной снисходительно разговаривает кто-то, кто считает себя умнее меня.

Жрец скрестил окутанные кабелями руки в подобии аквилы, жест, несомненно, предназначался успокоить капитана, и низко склонил голову.

— Приношу извинения, капитан Сюркуф, — сказал он. — Никакое неуважение не подразумевалось, ошибка просто из-за непонимания. Прошло тридцать пять целых и семьсот тридцать девять тысячных года с тех пор, как я в последний раз вёл дела с человеком не из Культа Механикус. Я просто предположил, что вы считаете мои данные в ноосфере. Если бы мы общались на бинарной чистоте лингва-технис, то избежали бы подобной неопределённости и недоразумения.

Эмиль прошептал уголками губ. — Даже извиняясь, они не могут не обменяться колкостями.

Робаут провёл рукой по лицу, прикрыв грозившую появиться усмешку.

— Возможно, мне стоит попробовать выучить ваш язык, — сказал он. — Чтобы избежать дальнейших недоразумений.

— Это можно устроить при помощи небольшой хирургической аугметики, — согласился Блейлок.

— Это — шутка, — пояснил Сюркуф, спускаясь по трапу.

— Я понял, — сказал магос. — Слишком легко забыть обычаи несоединённых с Машиной.

— Тогда предлагаю вам снова ознакомиться с нашими нелогичными обычаями, — огрызнулся Робаут. — Иначе нас ждёт очень короткая экспедиция.

Блейлок кивнул. — Я попытаюсь улучшить понимание наших отличающихся обычаев.

— Стоило бы начать, — заметил Робаут, а магос в этот момент переключил внимание на стазисный сундук, который несли Эмиль и Адара. Зелёные огоньки под его капюшоном

сузились.

— Могу я взглянуть на предмет? — спросил он небрежным тоном, но даже изменённой механическими дополнениями биологической форме не вполне удалось скрыть всепоглощающее желание изучить то, что лежало внутри.

— Думаю, нет, — ответил капитан. — Представляется уместным, что как командующий экспедицией, архимагос Котов должен первым исследовать это устройство, не так ли?

— Разумеется, — быстро ответил Блейлок, скрывая горькое разочарование. — Да, безусловно. Эта честь должна принадлежать архимагосу Котову.

— Тогда вам стоит сопроводить нас к нему. Немедленно.

Путешествие по масс-конвейерным рельсам и раскачивание над глубокими пропастями на управляемых сервиторах подъёмных кранах закончилось. Авреем почувствовал тяжёлый удар, когда их контейнер наконец-то окончательно остановился. Потолочные светильники вспыхнули, и задняя стена начала двигаться, гремя протестующими механизмами, безжалостно выгоняя человеческий груз на промышленно штампованный металлический настил палубы.

Влево и вправо тянулись такие же контейнеры, как и их, сотни, возможно, тысячи. Толпы растерянных мужчин и женщин неуверенно слонялись вокруг, моргая от резкого света, и со страхом ища что-нибудь обнадеживающее.

Авреем попытался скрыть изумление от пространства, в котором они оказались, но потерпел фиаско.

Необозримый стальной утёс стеной простирался во тьму перед ними, по его поверхности подобно открытым артериям закручивались спиралью многочисленные извивавшиеся трубы и воздуховоды, образуя чёрно-белый символ Механикус. Из одного глаза гигантского черепа в его центре валил пар, а в другом пульсировал красный свет печи. Витражные окна простирались по всей стене, омывая всё вокруг сюрреалистическими разноцветными оттенками света.

Гигантские статуи крылатых жрецов и машинных херувимов стояли в глубоких альковах и на огромных цилиндрических трубах, свисавших с потолка на опасно тонких тросах. Их покрывала испарина от мощных волн жара. Охлаждающие газы вырывались из решёток, и Авреем уловил едкий химический привкус плазменной разрядки. Настил палубы дрожал от глухого гула, и он предположил, что рядом расположены бесконечные машинные отделения. По краям помещения возвышались похожие на буровые установки поршни, со скрипом металла о металл синхронно отзываясь эхом древнему сердцебиению корабля.

Громадные механизмы заполняли зал, высокие трубы из тёмно-серого чугуна, вращавшиеся шестерёнки, пульсирующие металлические конечности и шипящие вентиляционные трубы, изрыгавшие струи едких газов. Перед передним рядом машин стояло сто воинов, облачённых в ту же самую чёрную блестящую панцирную броню, которую носили те, кто забрал Исмаила. На их обнажённых руках без труда можно было заметить гильдейские татуировки и имплантированные мускульные усилители, они вперемешку держали жестокие шоковые булавы, дробовики и кнуты. Безликие благодаря чёрным шлемам воины выглядели внушающими страх убийцами, психопатами, скованными железной дисциплиной и преданностью.

— Скитарии, — произнёс Авреем и люди, которые стояли рядом с ним, вздрогнули от этого слова.

Они все слышали рассказы о смертных пехотинцах Адептус Механикус, бывших

гвардейцах, усовершенствованных всевозможными имплантатами, как физически, так и психически, чтобы превратиться в безжалостных убийц и ревностных защитников священных артефактов хозяев-техножрецов. Мало отличавшиеся от грубых дикарей, они по слухам украшали доспехи кожей убитых и собирали стеллажи трофеев из черепов вражеских воинов.

Так говорили, но люди перед ними отличались.

Они выглядели безжалостными, невероятно дисциплинированными воинами, справиться с которыми мог надеяться только космический десантник. Они стояли ровными рядами подобно роботам, и в них оказалось очень мало, что можно было бы счесть дикостью. Сто ботинок ударили в унисон, когда скитарии обратили внимание на гравитационную пластину, спускавшуюся из огромного черепа.

Рябившая энергетическая дымка окружала края пластины, и зал наполнил звучный гул, пока она парила в нескольких метрах над палубой. На ней стояли две фигуры, высокая в такой же броне, как и скитарии, только гораздо сильнее украшенной и увеличенной. Другая в тёмно-багровом облачении с капюшоном, поверх которого висела чёрная с золотом епитрахиль с зубцами шестерёнки по краям и вытравленными шестнадцатью законами на множестве цифровых языков. Тяжёлый ранец генератора крепился к его телу, словно смертоносный арахнид, и машинного жреца окутывала кружившаяся дымка холодного воздуха, напоминая пойманный туман. Авреем замёрз просто от взгляда на него.

Только сейчас он узнал магоса с Джоуры, того, кто командовал вербовщиками. Это был человек, который вырвал его из старой жизни, и яркое зерно ненависти укоренилось в его сердце.

— Как думаешь, кто они? — спросил Койн.

— Ты можешь сказать, Авреем? — присоединился Хоук.

— Я пытаюсь, — ответил он. — Но это непросто. Полный объём информации, который ежесекундно загружается и выгружается по их инфокровотоку, огромен...

— Послушайте его, — усмехнулся Хоук. — Можно подумать, что он один из них.

Авреем проигнорировал ироничное замечание и сосредоточился на двух фигурах, в то время как жрец Механикус в красном "проплыл" вперёд по гравитационной пластине. В сияющем ореоле над его головой водопадом невидимого света лились ноосферные данные, и информацию, которую искал Авреем — хотя она и находилась в каждой загрузке — было непросто считать.

— Сайиксек, — сказал он. — Этого ублюдка зовут Сайиксек.

Из невидимых динамиков рупоров раздался оглушительный и резкий взрыв, напоминавший статический разряд. Искажение визжало и кричало, как плохо настроенный вокс-передатчик, пока Авреем, наконец, не понял, что магос обращается к ним. Постепенно помехи уменьшились, и стало возможно различать слова, когда магос закончил выступать на непонятном машинном языке и перешёл на человеческий.

— Информация: я — магос Сайиксек, магистр двигателей, — начал он, его голос звучал искусственно и был лишён всех человеческих интонаций. — Вас доставили на корабль Адептус Механикус "Сперанца". Это великая честь. Все вы теперь крепостные Духовенства Марса, и ваша служба позволит функционировать великим машинам судна. Вашими стараниями великие двигатели будут пылать ярче звёзд. Ваша кровь смажет механизмы и шестерёнки. Сила ваших костей поддержит могучие поршни великого сердца и кулаков света судна. Ваши жизни теперь служат Омниссии.

— Не самая вдохновляющая речь, слышал я и получше, — произнёс Хоук, и мрачный смех прокатился среди мужчин и женщин их контейнера.

Плечо мантии Сайиксека дёрнулось, и из скрытых складок появились несколько потрескивающих сетчатых рук. Они щёлкали и лязгали, разворачиваясь, каждая заканчивалась раскрывающимися металлическими захватами, инструментами и игольчатыми приспособлениями, которые скорее напоминали орудия пытки, чем технические манипуляторы.

Пластина опустилась на палубу и фигура в чёрном сошла. Теперь, когда человек оказался на одном уровне с недавно прибывшими мужчинами и женщинами, Авреем увидел, что его плечи почти нелепо велики. Аугметированный механическими протезами, усилителями мышц и многочисленными боевыми имплантатами воин оказался столь же огромным, как рассказывали о космических десантниках. Он держал длинное древковое оружие, увенчанное сверху зазубренным лезвием, а снизу встроенным когтистым энергетическим блоком, цель которого ускользала от Авреема, но не вызывало сомнений, что он предназначался для нанесения повреждений.

Череп человека представлял собой лысый шар, спереди бледный и гладкий, сзади заключённый в бронзу и серебро. Его металлические зубы блестели, а в центр лба размещался красно-золотой символ Механикус. Он не был предводителем скитариев, он был техножрецом, но таких Авреем ещё не встречал.

Воин-магос остановился прямо перед Хоуком и внимательно уставился на него, зеркальный блеск выдавал искусственное происхождение глаз. Авреем признал высококлассные имплантаты, сложные механизмы прицеливания, анализаторы угрозы и боевые векторные метрики. Он только слышал о таком качестве, которое встречалось у высокопоставленных жрецов Механикус.

Человек резко повернул голову в сторону Авреема, без сомнения считав пассивное излучение его аугметики. Обнажённая плоть лоснилась от химических мазей и горячих смазок. Частично скрытые под чёрной накидкой дополнительные конечности блестели чёрным металлом. Авреема быстро перестали рассматривать как угрозу, и воин-магос наклонился над Хоуком, легко возвышаясь над ним на метр. Губы скривились в усмешке, когда он считал биометрические данные с феодального клейма.

— Хоук, Юлий, — произнёс он голосом, напоминавшим скрежет камней. — Смутьян.

— Я, сэр? Никак нет, сэр, — ответил Хоук.

— Это не вопрос.

Юлий не ответил и продолжил смотреть в точку над плечом воина, что было не самым лёгким делом, учитывая разницу в росте. Лицо Хоука приняло расслабленное отсутствующее выражение, присущее всем солдатам низкого ранга, которые предстали перед рассерженным старшим по званию.

— Я — Дахан, секутор гильдий скитариев на борту "Сперанцы", — заявил жестокий гигант. — Ты знаешь, что это значит; Хоук, Юлий?

— Никак нет, сэр.

— Это значит, что я имею право распоряжаться твоей жизнью и смертью, — сказал Дахан. — Это значит, что твои биометрические данные записаны и зарегистрированы. Где бы ты ни был, чем бы ты ни занимался, я буду знать об этом. Я легко уничтожаю подобных тебе смутьянов и у меня есть тысяча человек, которые с радостью сделают это для меня. Ты понимаешь своё место на борту корабля?

— Сэр, так точно, сэр.

Дахан отвернулся, но вместо того чтобы вернуться на парящую гравитационную пластину и магосу Сайиксеку, он направился к своим воинам. Авреем выпустил сдерживаемый выдох, но Хоук просто усмехнулся, когда громадный воин ушёл, оставив только слабый запах химических смазок.

Магос Сайиксек продолжил говорить, а Дахан присоединился к рядам скитариев.

— Каждый из вас заклеимён индивидуальным идентификатором, который указывает, какую почётную задачу вы будете выполнять на "Сперанце". Ступайте в конец зала, где вас направят к складам и проинструктируют, как выполнять ваши обязанности.

Решётки вокса рывкнули и чередовавшиеся серии бинарного языка и декламаций на высоком готике заполнили зал. Авреем сумел разобрать только несколько слов. Достаточно, чтобы догадаться, что он слышит машинные гимны, славящие Бога Машину, но недостаточно, чтобы понять смысл.

— Что ж, это было интересно, — сказал Хоук.

— Кровь Тора, я думал, что магос скитариев убьёт тебя, — произнёс Койн, его кожа блестела от пота. — Ты видел, какой он огромный?

— Я уже сто раз видел таких, как он, — ответил Хоук, достаточно громко, чтобы его слышали те, кто стоял рядом. — Хитрость в том, чтобы никогда не встречаться взглядом и отвечать только да или нет. Это далось мне за десять лет службы в Гвардии, а вы получили это за бесплатно, парни!

Остальные приветствовали его слова осторожными улыбками, но Авреем сохранил бесстрастное выражение лица, и в этот момент огромный металлический утёс перед ними разошёлся посередине с грохотом разомкнувшихся затворов. Ухмыляющийся череп скользнул в сторону на гасивших трение перекладах, одновременно ряды воинов-скитариев повернулись, гремя ботинками. Они маршировали прочь, пока громадная дверь перед новыми членами экипажа "Сперанцы" открывалась, показав ряды металлических туннелей, напоминавших трубы, по которым домашний скот вели под нож палача.

Из широких ворот сиял раскалённый красный свет и огонь прожорливых печей, вечно жаждущие плазменные двигатели и голодные орудийные батареи ждали их.

МИКРОКОНТЕНТ 04

Сидя высоко в башне верной "Адской гончей" капитан Блейн Хокинс с раздражением наблюдал за погрузочными операциями 71-го Каданского (отдельного соединения). Его солдаты достаточно часто путешествовали из одной зоны боевых действий в другую, чтобы группа обеспечения управляла передислокацией целого полка, как правило, с определённым изыщством. Перемещение десяти рот должно было стать детской прогулкой.

Но сейчас они впервые загружались на корабль Механикус.

Между подразделениями Гвардии и экипажами транспортных судов Флота, которые их перевозили, существовало воинственное сотрудничество, но никакие подобные узы — к счастью или нет — не прослеживались между кадианцами и логистами Адептус Механикус. Почти сто единиц бронетехники застряли на посадочной палубе, их двигатели сотрясались и заполняли воздух душными синими выхлопными газами, пока офицеры снабжения Кадии и палубная погрузочно-разгрузочная команда Механикус спорили, как наилучшим образом распутать "пробку".

Его водители отлично маневрировали в причальных трюмах, но логисты Механикус считали иначе. Не потребовалось много времени, чтобы часть подразделений запуталась, а несколько единиц техники неизбежно столкнулись. В последовавшей анархии "Леман Русс" потерял трак, а пара "Адских гончих" врезалась в бок, потому что каждый водитель получил противоречивые приказы.

— Император разрази, планировалось, что мы уже должны оказаться в причальном ангаре, — выругался он, вылезая из люка и болтая ногами над передней башенкой танка. Молодо выглядящий и неопытный по стандартам других полков для звания капитана, Хокинс заработал свои нашивки, как воин и командир, ещё до того, как покинул освещённую фиолетовым сиянием Кадью и только укреплял репутацию стойкого и компетентного офицера за годы прошедшие после того, как он навсегда оставил родную планету.

Он спрыгнул на палубу, чувствуя сквозь подошвы ботинок гул двигателей могучего корабля. Хокинс привык к масштабам транспортов Флота, но "Сперанца" оказалась во много раз больше любого судна, где швартовались он или его люди. У каждого космического корабля был свой особый звук, своя особая атмосфера и свой особый запах. Он помнил "Свет Тора", где стояла сильная вонь фуцелина и миндаля с тех пор, как на нём перевозили артиллерию. "Лазурный Ореол" всегда отдавал влажным пермакритом, а трюмы и палубы "Надежды Маддокса" по непонятной причине изобиловали влагой, словно таяла сама надстройка.

Он опустился на колени и положил ладонь на настил палубы, чувствуя колоссальную

внутреннюю силу корабля, низкий гул невероятной мощи и возраст. Этот корабль был старым, старше даже судов Флота, которые ходили тысячи лет. Полковник Андерс намекнул, что киль корабля заложили ещё до древнего крестового похода за воссоединение раздробленных миров человечества, но не стал уточнять, откуда узнал эту подробность.

Хокинс не сомневался, что он прав. Нерушимая сила покоилась в древних костях судна, и всё же, несмотря на очевидный возраст в корабле присутствовало кое-что новое, скрывавшееся в невообразимом масштабе. "Сперанца" излучала приветствие, поэтому возможно неразбериха с застрявшей техникой не была дурным предзнаменованием, как опасался капитан Гвардии.

— Рей, давай сюда, — крикнул он, зная, что адъютант где-то поблизости. Тайбард Рей был опытным лейтенантом полка, самым крепким в роте и человеком, без спокойного присутствия которого, возможно, дрогнули бы многие боевые порядки. Хокинс выпрямился в полный рост, когда Рей показался из-за работавшей на холостом ходу "Химеры", его форма уже успела помяться и испачкаться. Капитан заметил, как недавно поглаженный мундир пошёл складками и выглядел, словно за время путешествия от казарм до плаца Рей успел побывать в бою.

— Чёртовы Механикус влезли не в своё дело, если я правильно вижу? — сказал Рей.

— Похоже, — согласился Хокинс.

— Полковник уже на борту?

— Надеюсь, что нет, — ответил Хокинс, направляясь сквозь толчею понабившейся бронетехники к источнику столпотворения. — Я хочу распутать это, прежде чем он увидит чёртову давку.

— Удачи, — сказал Рей. — Я только что оттуда. Три танка закупорили туннель к причальному трюму, а остальные таранят их застрявшие задницы. Потребуются несколько часов, чтобы распутать всё.

— Где Коллинс? Считается, что его держат именно для таких случаев.

— Ругается с логистами Механикус. Не самое приятное зрелище.

— Не сомневаюсь.

— Помните тот случай с зелёнокожими и огринами на Пеолосии? Где они просто стояли и молотили друг друга, пока все не попадали? Это, похоже, только не столь изящно.

Хокинс выругался, осторожно пробираясь между застрявшими средними танками "Леман Русс", работавшими на холостом ходу "Саламандрами" и "Адскими гончими" с символикой полка. Он двигался на звук спорящих голосов, и его терпение истончалось с каждым шагом. Блейн поднырнул под спонсоном "Кулака Касра", "Леман Русса Разрушитель" с многочисленными отметками уничтоженных врагов на испещрённом отметинами корпусе. Танк всё ещё оставался в городском камуфляже разрушенных промышленных пустошей Бактара-3, его правую лазерную пушку зажал корпус "Гордости Крида" и несколько удерживающих её заклёпок уже согнулись от давления.

— Полковнику это не понравится, — сказал Рей, рассматривая разошедшиеся швы вдоль края спонсона.

Перед танком темноволосый интендант спорил с несколькими логистами Механикус в ярких мантиях и большим машинным черепом. Жрецы размахивали зелёными светящимися палочками и раздражённо выкрикивали приказы усиленными воксом голосами, но кадианский офицер не оставался в долгу. Майор Ян Коллинс стоял в центре спора и Хокинс не завидовал логистам, испытывавшим полную силу его гнева. Он видел, как полковники и

генералы отступали, поджав хвост, перед лицом прямой процедурной злости Коллинса.

Разумеется, у низкопоставленных жрецов Механикус не было шансов?

Коллинс был суровым ветераном из касра Файн, серьёзным офицером снабжения, который врождённым чутьём понимал оперативные потребности полка. Ни разу за годы службы Хокинс не знал, чтобы у любого из подразделений 71-го закончились боеприпасы, продовольствие или любые иные важные запасы. Рассчитать истощение припасов — искусство сродни бухгалтерии, и Коллинс как никто другой понимал чудовищный аппетит войны.

— Чего ждём, майор? — спросил Хокинс, приводя в порядок бледно-серый мундир.

Коллинс вздохнул и раздражённо махнул рукой на логистов. Как майор он формально был вышестоящим офицером Блейна, но у кадианцев боевые звания часто считались главнее при прохождении действительной военной службы.

— Эти идиоты пытаются направить нас по весу и размеру, — сказал Коллинс, почти выплёвывая слова. — Сначала они хотят пустить тяжёлую технику.

— Чтобы лучше распределить накопленную грузоподъёмность, — произнёс логист, человек в мантии с металлическим лицом и когнитивной аугметикой в боку черепа. Он держал поцарапанный инфопланшет, по которому постукивал заострённым стилусом. — Корабль Механикус необходимо загружать по специальному образцу массового распределения, чтобы обеспечить оптимальную инерционную компенсационную эффективность.

— Я понимаю, — ответил Коллинс. — Но если вы направите первой тяжёлую технику, то это замедлит высадку. Она загружается последней, чтобы выгрузиться первой. Это базовое правило войны. Послушайте, почему бы вам не позволить большим мальчикам, которые и в самом деле разбираются в войне, загружать технику как мы хотим, и всем станет только лучше.

— Вы исходите из ошибочного предположения, — возразил логист. — Заверяю вас, что учитывая погрузочно-разгрузочные протоколы Механикус и скоростные поезда наши процедуры быстрее ваших.

Коллинс повернулся к Хокинсу и раздражённо вскинул руки. — Видишь, с чем приходится иметь дело?

— Дай мне взглянуть, — сказал Блейн, протянув руку к инфопланшету логиста.

— Капитаны Гвардии не уполномочены изучать протоколы Механикус, — ответил тот.

— Просто передай ему чёртов планшет, — произнёс голос за спиной Хокинса и каждый кадианец в пределах слышимости стал "смирно". — Я обладаю властью и хочу, чтобы с этой проклятой "пробкой" немедленно разобрались. Понятно?

Из спутанного узла бронетехники показался полковник Вен Андерс, великолепный в своей серой форме и почти неотличимый от обычного гвардейца. Только бронзовые значки звания на накрахмаленном воротнике мундира и манжеты тонкой работы хоть как-то указывали, что перед ними старший офицер. Его тёмные, короткостриженные волосы скрывала фуражка, а привлекательное аристократическое лицо светилось красотой, которую можно было получить только хорошими манерами и правильным питанием.

За ним следовали два комиссара, на фоне небрежной простоты униформы полковника их чёрные плащи и мерцающие фуражки выглядели поношенными и потрёпанными. Блейн не знал их, обоих прислали после смерти комиссара Флориэна, но он подсознательно вытянулся немного сильнее при их приближении.

Логист немедленно передал планшет и Хокинс быстро просмотрел целую кучу информации: нормы погрузки, причальную вместимость и скорость подъёмников. Хотя большинство данных оказались слишком сложными для поверхностного обзора или лишними для него, он понял, что, скорее всего, система Механикус будет быстрее подхода кадианцев.

— Ну? — спросил Андерс.

— Выглядит хорошо, — ответил капитан, протягивая планшет Коллинсу. — В большинстве случаев я согласился бы с предложением майора, но думаю, на этот раз нам стоит уступить.

Коллинс просмотрел инфопланшет и Хокинс увидел неохотное согласие с его словами, когда майор произвёл подсчёты.

— Вы и в самом деле можете переместить танки так быстро? — спросил интендант.

— Это пределы эффективности с максимальным допуском, — объяснил логист. — Для не принадлежащих Механикус грузов мы предусматриваем уменьшение дополнительного времени для процедур диспергирования.

— Он прав? — уточнил Андерс. — Они способны загрузить нас быстрее?

Коллинс вздохнул. — Да, если смогут придерживаться этого ритма.

— Мне этого достаточно, — сказал полковник, забрав планшет у Коллинса и вернув логисту. — Можешь продолжать, жрец. Делай то, что должен, чтобы разместить мои танки. Сколько потребуется времени, чтобы закончить погрузочные операции?

Логист не ответил, позади его глаз замерцал блестящий информационный свет.

— Сорок шесть минут, — сообщил он, когда свет погас. — Я только что загрузил статистическую схему траекторий движения от магоса Блейлока, которая позволит с минимальными усилиями расцепить технику, если вы разрешите моим людям работать беспрепятственно.

— Выполняй, — сказал Андерс, обращаясь, как к собственным солдатам, так и к жрецам Механикус. — У тебя есть моё слово, что ты получишь полное содействие во всех вопросах от каждого кадианского пехотинца, танкиста, огнемётчика и сапёра под моим командованием.

Логист коротко кивнул и выпалил серию приказов палубной погрузочно-разгрузочной команде на стаккато машинного языка. Сразу же сверху с высоких перекрытий опустились навесные краны, собираясь поднять бронетехнику, которая мешала остальным двигаться. Хокинс, Рей, Андерс, Коллинс и оба комиссара торопливо отошли в сторону, восхищённо наблюдая, как гордиев узел застрявшей техники начал постепенно превращаться в поток грохочущих военных машин. "Адские гончие", "Леман Руссы", "Часовые" и множество другой техники грохотали к местам назначения.

— О'кей, они неплохи, — признал Коллинс.

— Хорошо, а теперь, пока нашу технику загружают, давайте займёмся нашими людьми, — сказал Андерс. — Думаете, мы сможем справиться с этим, не опоздав?

— Так точно, сэр, — ответил Хокинс.

— Хорошо, выполняй, Блейн, — приказал полковник. — Архимагос Котов ждёт, и я не могу застрять здесь, заботясь, чтобы у каждого солдата была койка.

— Никак нет, сэр, — заверил его Хокинс. — Мы будем на месте, прежде чем вы вернётесь, закончившие дела и готовые выполнять приказы.

— Хорошо, убедись в этом, — сказал Андерс. — Дай им час передохнуть, а затем

займись строевой подготовкой. Я хочу, чтобы всё было на пять баллов, прежде чем мы покинем орбиту. Это ясно?

— Кристально, — ответил Хокинс.

— Прошу прощения, полковник Андерс, — начал Рей. — То, что мы слышали и в самом деле правда?

— Что ты слышал, лейтенант?

Рей пожал плечами, словно неожиданно расхотел спрашивать из опасения выглядеть глупо.

— Что мы будем сражаться рядом с космическими десантниками, сэр.

— Вижу сарафанное радио работает на полную.

— Но это правда, сэр?

— Насколько я понял, лейтенант. Космические десантники Чёрных Храмовников, хотя я не видел и не слышал никаких подтверждений.

— Чёрные Храмовники... Думаю, в этом есть смысл. В конце концов, мы ведём крестовый поход в неизведанный космос, ведь так? Да, мне нравится, как это звучит. Мы — чёртовы крестоносцы.

Полковник усмехнулся и быстро отдал честь офицерам, прежде чем направиться в сторону одного из транспортно-пересадочных узлов посадочной палубы, где похожие на пули капсулы ожидали, когда сядут или выйдут пассажиры, прежде чем помчаться сквозь "Сперанцу" на невероятной скорости.

Когда Андерс ушёл Хокинс сказал. — Вы слышали полковника, у нас десять рот усталых и раздражённых солдат, которые должны отдохнуть и быть готовыми к строевой и осмотру. Коллинс, Рей, проследите за этим. Механикус возможно и превосходят нас, когда дело касается перемещения оборудования, но будь я проклят, если они повторят это, когда дело дойдёт до передвижения солдат.

Он щёлкнул пальцами.

— Выполнять!

Дым благовоний окутал сокровенное святилище скоростного ударного крейсера "Адитум". Знамёна, свисающие с широких сводов окружающих галерей, слегка покачивались, когда под ними проходили воины. Шесть Чёрных Храмовников, облачённые в броню насыщенного чёрного и чистейшего белого цветов, шли вдоль нефа к большой алтарной плите в его конце. Факельный свет отражался от изгибов доспехов и мелькал в резких гранях глаз.

Перед алтарём подобно обсидиановой статуе стоял гигантский воин в громоздкой терминаторской броне, большие плечи украшала выделанная шкура огромного дракона, убитого им первым крестовым походе. Золотой орёл расправил крылья на широкой груди, где лежала золотая и серебряная розетка с кроваво-красным драгоценным камнем на сердце.

Грозный шлем, изготовленный в виде белого черепа с угольно-красными глазными линзами, был застывшей в гримасе ужаса посмертной маской, которая стала последним, что бесчисленные враги Императора видели перед гибелью. Одной из огромных латных перчаток колосс сжимал большую булаву с орлиными крыльями, оружие смерти и одновременно символ звания.

Это был реклюзиарх крестового похода Шрама, и звали его Кул Гилад.

Шесть Храмовников остановились перед ним и преклонили колени. В руках они несли шлемы, пять чёрных и один белый, а затем склонили головы, когда реклюзиарх вышел из

святилища по белым мраморным плитам. Прислужники и неофиты в мантиях показали из-за алтаря, запели гимны битвы и славы, и встали по обе стороны от Кул Гилада. Большинство являлись сервами-прислужниками ордена, но один был неофитом и он нёс самый почитаемый артефакт на борту "Адитума".

Переодетый и лишённый всех знаков отличия, дабы оружие, которое он держал, не узнало его имя, неофит сжимал огромных меч. Клинок защищали прочные чёрные ножны из сплава неизвестного за пределами склонов горы Олимп, обёрнутая кожей рукоять заканчивалась расширявшимся крестом — символом ордена и навершием с обсидиановым шаром, обрамлявшим блестящий гранат. С рукояти свисала длинная цепь, ожидавшая, когда её прикуют к воину, которого выберут владельцем меча.

Храмовники заняли свои места перед реклюзиархом, вокруг кружился божественный ладан, ещё больше фигур показали из крытых галерей. Каждая несла часть доспеха: нагрудник, наголенник, наплечник, наруч. Пение невидимых хоров присоединилось к священнейшему моменту, сто голосов рассказывали о великих деяниях, благородных победах и нерушимом долге.

— Вы клинок Императора, который разрубает ночь, — произнёс реклюзиарх.

— Мы свет пламени, которое изгоняет тени, — ответили шесть воинов.

— Вы месть, которая никогда не познает покоя.

— Мы верны первому долгу Адептус Астартес.

— Вы огонь правды, который сияет ярче всех.

— Так пожелал примарх, и да будет так.

— Император даровал вам силу и праведную цель.

— С ними мы несём гибель нашим врагам.

— Ваша честь — ваша жизнь!

— Не позволяй никому усомниться в этом!

Реклюзиарх опустил пальцы левой руки в жаровню с тлеющим пеплом, которую нёс на спине прислужник в капюшоне, и стал двигаться между коленопреклонёнными воинами. Хотя каждый из них был генетически усовершенствован, чтобы превосходить любого смертного воина, Кул Гилад в древнем терминаторском доспехе затмевал их всех. Он мазал на их лбах чёрный пепельный крест, шепча слова, находившие отклик в душе каждого Храмовника.

Бородатый Танна, сержант отделения, решительный и непреклонный в своей преданности.

— Сталь Дорна в твоих костях.

Ауйден, символ надежды отделения.

— Храбрость Сигизмунда течёт в твоём сердце.

Иссур Мечник, вдохновение для всех них.

— Сила эпох станет твоей.

— Варда, вопрошающий, для которого все тайны источник радости.

— Ты несёшь душу всех нас.

Браха, вернувший шлем крестоносца павшего Элия у Врат Дантиума.

— Честь Терры будет твоей.

Яэль, юноша, сам Хелбрехт назвал его достойным внимания воином.

— Хорошо запоминай уроки битвы, ибо их преподают всего раз.

Невидимые хоры повысили темп, и разноголосица их песнопений наполнила святилище

гимнами восхваления Императора и Его сыновей. Ядовитый ладан, способный убить смертного за один вдох, клубился над полом, словно туман над болотом, и каждый воин всматривался во мглу, думая о наследии бывшего героизма, славных крестовых походах предшественников, свитках выигранных битв и убитых врагов. Быть достойным такого прошлого нелегко и не все способны вынести столь тяжкое бремя.

Но больше всего они думали о позоре Дантиума.

Битва проиграна... чемпион Императора убит...

И рок, который не оставлял их думы с того дня...

Реклюзиарх вернулся к алтарю, когда все Храмовники глубоко вдохнули насыщенный химикатами дым, лёгкие космических десантников наполнились тайнами, зашифрованными в его молекулярной структуре. Только гено-кузнецы "Вечного Крестоносца" ведали о происхождении ладана, и только их удивительная алхимия могла его воспроизвести.

Кул Гилад изучал воинов перед собой, каждый создан тысячами лет истории и забытым искусством генетики. Лучшие и храбрейшие в Империуме, сила и честь врезались в саму их суть. Пугающие потери на Дантиуме потрясли их до глубины души, но этот крестовый поход станет шансом вернуть честь, подтвердить свою значимость перед верховным маршалом и избавиться от злости, поселившейся в них. Совместная кампания с Адептус Механикус станет ни наказанием, ни епитимьёй, а искуплением.

Похожие на призраки образы могучих воинов замерцали на периферии зрения Кул Гилада, но он проигнорировал их, признав наркотические фантомы, чем они и были. Видения больше никогда не коснутся его, но один среди его паствы, конечно же, ощутит растущую внутри силу Золотого Трона. Он не мог знать, кого коснётся Император, поскольку никто не мог постичь сложность и неуловимые нюансы Его воли. Кул Гилад всматривался в лица воинов, выискивая малейший признак реакции на вызывающий фугу туман, но не увидел ничего, кроме стоической решимости начать последний крестовый поход в неизвестное и восстановить честь.

Когда это началось, то началось неожиданно.

Варда встал, обращаясь к чему-то, что не видел никто кроме него. Его глаза широко распахнулись, а рот открылся от изумления. По щекам побежали слёзы при виде чего-то восхитительного или ужасного. Он шагнул на дрожащих ногах к алтарю, пытаясь схватить руками нечто невидимое.

— Я вижу... — произнёс он. — Его красота ужасна... Я знаю... Я знаю, что должен сделать.

— Что ты должен сделать? — спросил Кул Гилад.

— Убить оскорбивших Императора, — ответил Варда, в его голосе появился мечтательный тон. — Я должен убить их всех, омыть клинок в крови нечестивых. Где мой меч? Где мой доспех...?

— Они здесь, — ответил реклюзиарх, довольный, что выбор пал на Варду. Он кивнул скрывавшимся в крытых галереях фигурам, и они подвое вышли вперёд, один нёс кусок брони, другой с пустыми руками. Они окружили Варду и сняли с него доспех по частям, оставив Храмовника только в сером нательнике. Мощь тела Варды чувствовалась даже без брони. И как только они лишили его старого доспеха, то начали облачать в новый.

Когда каждый элемент украшенной позолотой великолепной брони закрепили на его теле, показалось, что Варда вырос, заполнив её очертания, словно она была сделана для него и только для него. Наконец Храмовника облачили с ног до головы в древний доспех веры, и

остался только овитый венком из слоновой кости шлем. Варда встал и возложил его на себя, защёлкнув на месте и протянув руки в ожидании.

— Вооружи его, — сказал Кул Гилад и стоявший рядом с ним неофит направился к изумлённому воину.

Варда шагнул навстречу и юноша в страхе отпрянул.

— Быстрее, парень! Дай ему меч, — рывкнул реклюзиарх. Не было тайной, что воин в подобном состоянии фуги мог убить любого, кто приблизится к нему, приняв за врага. Только меч приведёт его в чувство. Неофит протянул тёмные ножны Варде, который судорожно выдохнул и опустился на колени перед юношей. Он вскинул голову, словно увидел нечто большее, чем обычный меч.

— Дай его мне, — сказал он, и неофит протянул ножны рукоятью вперёд.

Варда обнажил оружие, вечно острое лезвие выглядело абсолютно чёрным, а по всей его длине выгравировали филигранную надпись на витиеватом готике Империаума. Клинок был слишком длинным и тяжёлым для любого смертного солдата, рукоять подходила как для одноручного, так и для двуручного хвата. Кул Гилад подошёл к Варде и взял свисавшую цепь.

Он обернул её вокруг запястья воина и пристегнул к латной перчатке.

— Чёрный меч твой, — сказал Кул Гилад. — Его нельзя отстегнуть, нельзя отдать и нельзя вложить в ножны, не пролив крови. Только после смерти он перейдёт к другому владельцу.

Реклюзиарх положил руку на шлем Варды.

— Встань, чемпион Императора, — сказал он.

Поезд на магнитной подушке или маглев представлял собой лишённую трения транспортную систему, которая раскинулась извилистыми маршрутами внутри "Сперанцы", словно сеть кровеносных сосудов, пронизывающих живое существо. Серебряные узкие рельсы вспыхивали электромагнитными полями, когда капсула-вагон преодолевала расстояние между переборками на головокружительных скоростях, от которых сердце Робаута прыгало. Только поле центробежного гашения внутри купе не позволяло невероятной перегрузке расплющить их. Адара и Эмиль сидели по обеим сторонам стазисного сундука во второй половине похожего на капсулу салона, наблюдая сквозь запотевшее стекло за невероятными видами, пронесившимися мимо на умопомрачительной скорости.

Магос Павелька и технопровидец Силквуд устроились за ними, а Блейлок управлял маглем с помощью кабеля нейронной связи, подсоединённого к разъёму под затылочной частью капюшона. Свита низкорослых прислужников сидела на корточках у его коленей, словно хорошо воспитанные дети. Два магоса Тихон — отец и дочь (хотя в голове Робаута не укладывалось, как такое могло произойти) — сидели за Блейлоком.

— Видишь? — спросил Эмиль. — Вот как ты перемещаешься по кораблю такого размера. Не нужны никакие телепорты.

— "Сперанца" оборудована множеством телепортационных камер, — сказал Блейлок. — Предназначенными как для внешнего, так и для внутреннего использования, хотя перемещение с их помощью внутри корабля признано нерациональным и применяется только в чрезвычайных ситуациях.

— Приму к сведению, — сказал Адара, повернувшись к сидевшей сзади Силквуд. — Есть шанс приспособить что-то вроде маглева на "Ренарде"?

Силквуд рассмеялась. — А зачем? Ты можешь пешком дойти от одного конца до

другого, даже не вспотев.

— Ты можешь, — возразил Адара. — У тебя аугметические ноги.

Технопровидица улыбнулась и отвела взгляд, восхищаясь грандиозной промышленной архитектурой, заключённой в корпусе "Сперанцы". Они уже миновали дымящие очистительные заводы, химические хранилища, освещённые пламенем храмы Машины, бараки скитариев, лабораторные палубы, тренировочные арены, огромные электростанции с генераторами величиной с небоскрёб, катушки которых шипели кольцами синих молний, и сооружения размером с дом, по словам магоса Блейлока, это были вольтовые конденсаторы, способные в течение месяца обеспечивать энергией механические функции ковчега.

Высокий ангар для техники вмещал многочисленные колоссальные кафедральные соборы промышленности, установленные на гусеничные агрегаты размером с жилой блок, строительные машины, способные возвести город менее чем за день, и разрушительные машины, способные сравнять с землёй средний улей в два раза быстрее. Отсек за отсеком заполняли свёрнутые гелиоприёмники, сложенные гармошкой наподобие волнистых полей из чёрного стекла, обвитого замысловатыми зубчатыми механизмами и циклическими дугами изолированных силовых реле.

Один из ангаров оказался столь огромным, что потребовалось несколько секунд, чтобы пересечь его, но в этот момент Робаут и экипаж "Ренарда" сумели мельком увидеть самые могучие военные машины Адептус Механикус.

Боги-машины Легио Сириус высадились на борт "Сперанцы". Ссутулившись подобно согнувшимся от возраста гигантам, они, осторожно ступая, показались из своих транспортов. Каждый титан был высоким мастодонтом уничтожения, олицетворением Бога Машины в Его аспекте разрушения.

— Титаны! — закричал Адара, прижавшись к стеклу при виде колоссальных машин.

Один гигант с расправленными плечами и ногами, напоминавшими башни хабов, — "Владыка войны" — затмевал остальных, покрытые бронёй части серо-золотого корпуса двигались подобно замедленным континентальным плитам, пока он оглушительной поступью направлялся к транспортной колыбели. Такая машина могла в одиночку покорить планету, могла опустошать города и целые армии. Такая машина была достойна поклонения и не испытывала недостатка в приверженцах. Тысячи жрецов в мантиях наблюдали за погрузкой боевых машин Механикус, каждый из них являлся уважаемым служителем и преклонившим колени поборником этих передвижных храмов разрушения.

За "Владыкой войны" следовали меньшие титаны, словно охотничья стая: "Разбойник" и пара шагавших неровной походкой "Псов войны". Они навели оружие надвигающийся маглев, сопровождая цель и угрожающе проревев из военных рупоров.

Титаны скоро скрылись из вида, и капсула миновала переборку толщиной в несколько метров, но почти сразу же пассажиры увидели ещё больше боевой мощи экспедиции Котова. Посадочная палуба кишела бронетехникой, попавшей в ужасную "пробку". Сверхтяжёлые машины застряли вместе с основными боевыми танками, бронетранспортёрами и накренившимися шагателями, которые встали и начали двигаться в освободившееся пространство.

— Удачи разрулить этот беспорядок, — заметил Эмиль, перед тем как повернуться и поддеть Павельку. — Эй, Иланна, я думал, что Механикус не допускают подобных вещей.

Павелька посмотрела на безнадёжно запутавшийся механизированный полк.

— Они не Механикус, — сказала она. — Полковые маркировки указывают, что это 71-й

кадианский "Адские Гончи". По характеру рассеивания застрявшей техники ясно, что подразделения Гвардии не следовали протоколам, загруженным Механикус.

— Вы проницательны, магос Павелька, — сказал Блейлок. — Я только что произвёл статистический анализ застрявшей техники и переслал ответственному логисту. Хотите взглянуть?

Техножрица кивнула, и Робаут увидел, как позади её глаз замерцал свет, пока пакет данных незаметно передавался между двумя магосами. Губы Павельки растянулись в улыбке, когда она обработала загруженные схемы Блейлока.

— Мастерски, — произнесла она. — Кодовая последовательность алгоритмов движения — произведение искусства.

Робаут не видел лицо Блейлока, но изумрудный свет под широким капюшоном запульсировал бинарным признанием высокой похвалы Павельки.

Застрявшая техника скоро пропала из вида, маглев нёсся вперёд и капитан увидел, что похожие на пещеры залы, которые он проезжали, становились всё более богато украшенными и всё менее функциональными. Голые сталь и железо уступали хрому и золоту, лязгающие механизмы — группам поющих размышляющих процессий. Сервиторы встречались меньше и реже, их заменили жрецы Механикус в мантиях и толпы свит.

Если только что они миновали внутренности "Сперанцы", то теперь приближались к более высшим функциям, величественным храмам и местам священного знания.

— Кадианцы, а? — произнёс Адара, признательно кивнув. — Мы путешествуем в уважаемой кампании.

— Титаны? Кадианцы? Я начинаю задумываться, что этот Котов ожидает найти за Шрамом Ореола, — сказал Эмиль.

— Архимагос Котов также включил Адептус Астартес в экипаж эксплораторов, — добавил магос Блейлок. — Сам верховный маршал Хелбрехт направил боевое отделение своих прекрасных воинов, дабы действовать вместе с Марсом.

— В самом деле? — спросил Адара, широко открыв глаза и едва не лопнув от волнения.

— В самом деле. Соглашение между Духовенством Марса и Адептус Астартес — древний и уважаемый договор, — ответил Блейлок. — Верховный маршал понимает это.

— Космические десантники, — сказала Силквуд, откинувшись назад и зажигая палочку лху паяльной трубкой, встроенной в металлический кончик пальца левой руки. — Я сражалась рядом с космическими десантниками. Хорошо, когда они на твоей стороне, но лучше не вмешивайся в их дела, Адара.

— О чём ты?

Силквуд наклонилась вперёд, поставив локти на колени и выпустив облачко синего дыма.

— Они не такие, как мы, — сказала она. — Они могут быть похожи на нас, но поверь мне, это не так. Скорее всего, они проигнорируют тебя, но если тебе не повезёт, ты можешь случайно оскорбить одного из них и словить масс-реактивный болт.

— Каирн права, — произнёс Робаут. — Держись подальше от космических десантников, если не хочешь неприятностей.

— Я думал, вы типичный представитель Ультрамара, для которого все космические десантники великие и благородные?

— Ультрадесант может быть и да, — согласился капитан. — Но даже они на шаг дальше от нас. Они думают не как мы. Если ты способен причинять боль и наносить вред, как

космический десантник, ты начинаешь смотреть на всех с точки зрения, как лучше убить.

— Когда всё что у тебя есть — это болтер и цепной меч, всё похоже на цель, — добавил Эмиль. — Робаут прав, если здесь есть космические десантники — держись подальше от них.

— Сейчас на борту только один Адептус Астартес, — сказал магос Блейлок. — Реклюзиарх Кул Гилад присоединился к нам, а его воины остались на "Адитуме".

— "Адитуме"? — переспросил Робаут.

— Их корабль, модифицированный скоростной ударный крейсер, предназначенный для небольших экспедиционных сил.

— Не помню, чтобы видел опознавательный знак космических десантников на орбитальном полётном листе, — заметил Эмиль.

— Чёрные Храмовники предпочли оставить свой корабль в ноосферной тени, — пояснил Баллак даже не пытаясь скрыть отвращение от поступка Адептус Астартес. — Архимагос Котов предоставил им некоторую степень... широты в соблюдении протоколов Механикус.

— Насколько мне известно, их воинские экспедиции называют крестовыми походами, — сказала Линья.

— Именно так, госпожа Тихон, — подтвердил Блейлок. — Хотя из-за связи с явно военной направленностью, которую такой термин может предать нашей экспедиции, архимагос Котов не склонен его использовать.

— Её титул — магос, — произнёс Виталий Тихон. — Я предлагаю вам использовать его.

— Разумеется, — согласился Блейлок, склонив голову в знак уважения. — Я использовал женское обращение просто, чтобы различать двух человек, которые обладают титулом магос Тихон.

— Госпожа Тихон — приемлемое обращение, — сказала Линья, приняв жест Блейлока.

Робаут усмехнулся и хлопнул Блейлока по плечу со всеми твёрдыми углами и щёлкающими суставами, пока маглев мчался к огромной золотой скале, отмеченной гигантским символом Механикус, рельефными механизмами, шестерёнками и множеством надписей на бинарном коде, восхваляющими Омниссию.

— Похоже, вы сегодня изо всех сил стараетесь оскорблять людей, Таркис? — сказал он.

— Вовсе нет, — ответил магос. — Возможно, смертным стоит узнать о нас столько же, сколько мне о них.

Робаут рассмеялся. — Думаю, мы с вами добьёмся немалых успехов.

МИКРОКОНТЕНТ 05

В золотой скале открылась поднимающаяся перегородка, которая оказалась совсем немного больше диаметра маглева, и мчавшаяся капсула продолжила движение по широкому молитвеннику из полированной стали и сверкающего хрома. Многочисленные асинхронные рельсы вели к помосту, где несколько тихо гудящих маглевок уже стояли у конечной станции.

Вверху возвышались арочные балки, они казались нелепо тонкими, чтобы поддерживать такой грандиозный потолок. Своды и кессоны из золота и адамантия, и нарисованные яркими красками величественные произведения искусства рассказывали историю Механикус с эмоциональным артистизмом, который шёл вразрез с тем, что Робаут знал о Духовенстве Марса. Между мозаичными витражами стояли статуи, не уступавшие высотой богам-машинам, они располагались по сторонам шестиугольных плит, которыми вымостили пол, а по нему ветвились линии электропередачи.

Электричество — кровь, энергия — жизненная сила.

Их ожидали три транспорта. Два оказались высокими седанами на шести шарнирных конечностях, с узкими креслами, напоминавшими троны. Ими управляли искусно изготовленные сервиторы с бронзовой кожей, подключённые кабелями к корме машин. Третий представлял собой громоздкий бронированный транспорт на повсеместном шасси "Носорога", только увеличенный и ошестившийся оружейными станками, странными антеннами и многочисленными блистерными коробками неизвестного назначения. Корпус улучшенного "Носорога" украшал такой же символ с черепом и молнией, что и нагрудники скитариев.

— Впечатляюще, — произнёс Робаут, вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть позолоченные мозаики и яркие фрески. — Не думал, что украшения не чужды Механикус.

— Мы осознаём необходимость время от времени демонстрировать статус, — объяснил Блейлок. — Никогда не помешает напомнить остальным, что Адептус Механикус — неотъемлемая и важнейшая часть Имперiums с долгой и благородной историей. Всем мы — шестерёнки в Великой Машине, капитан Сюркуф.

— Но некоторые шестерёнки ровнее других, да?

— Строители "Сперанцы" принадлежали к другой эпохе, когда подобная показная роскошь считалась нормой.

— Таким я представлял Дворец Императора, — сказал Адара.

— Весь этот корабль — дворец, храм Богу Всех Машин, — ответил Блейлок, переключив внимание на молодого человека. — Его полёт — акт богослужения, его существование — демонстрация веры и верности. Служить на борту столь священных уз с

прошлым всё равно, что лично общаться с Омниссией.

— Поразительно, — произнесла Павелька. — Для нас это большая честь.

— Видел я и грандиознее, — сказал Эмиль. — Храм Исправления... вот эта архитектура.

— Архитектура? Я говорю не о физическом сооружении, — возразила Павелька, очарованная увиденным.

— Тогда о чём?

Павелька недоумённо посмотрела на первого помощника, прежде чем вспомнила, что ни Робаут, ни Эмиль не могли видеть ноосферные потоки информации, если не подключены к инфомашинам "Ренарда".

— Воздух полон знаний, — сказала она. — Они повсюду вокруг нас, потоки изобретений и водопады священных алгебраических построений. История, квантовая биология, галактическая физика, химия чёрных дыр, мономолекулярное проектирование, фрактальные алгоритмы, биомеханика... Ты можешь потратить десять жизней и узнать только часть того, что содержится здесь.

— Если хотите, я могу подсчитать, сколько понадобится времени, чтобы обработать всё это, — предложил Блейлок.

— Спасибо, но я буду счастлив, если это останется замечательной тайной, — ответил Робаут, поднимаясь в седан и устрояясь на одном из тронов. — Мы едем? Мы же не хотим заставлять архимагоса ждать?

— Разумеется, — согласился Блейлок, забравшись внутрь слегка изменённой походкой, которая указывала, что какую бы форму передвижения он не использовал, она не была биологической. Эмиль и Адара присоединились к ним, втащив стазисный сундук, в то время как магос Тихон, госпожа Тихон, Павелька и Силквуд заняли вторую машину. Воины-скитарии сели в усовершенствованный "Носорог" и оружейные станки плавно покачнулись, когда ramпы лязгнули, закрываясь.

Без слышимой команды седаны набрали максимальную высоту и начали движение вдоль арочного молитвенника. Их полёт напоминал путешествие на океанском судне, которое слегка покачивалось во время прилива, и Робауту понравился величественный характер такого транспорта. Они миновали позолоченные статуи почтенных магосов, и Блейлок услаждал пассажиров их личностями и достижениями.

Вот магос Озимандиан, обнаруживший часть СШК на Бета Умоджас, что привело к изменению парадигмы на пять процентов. Напротив него — или неё, это было трудно сказать — возвышался магос Латтир, чьи археологические изыскания в атомных пустошах Нео Александрии привели к обнаружению бинарных записей первой алгоритматрицы. Латтир стоял плечом к плечу со стоической фигурой магоса Циммена, создателя гексаматической геометрии. Эмиль и Адара быстро потеряли интерес, но Робаут продолжал изображать внимание, пока они, покачиваясь, приближались к отвесной стене в дальнем конце молитвенника. Под углом к ним располагался, напоминавший часть стороны гигантской закопанной пирамиды, грандиозный портал из матовой дымчатой стали, высоты которого легко хватило бы, что пропустить даже самую большую военную машину, а ширины для танковой роты.

На его поверхности работало ещё больше зубчатых колёс и шестерёнок, но они имели не только символическое значение и начали вращаться с бесперебойной точностью, когда створки дверей стали медленно открываться наружу. Изнутри вырвались насыщенные

маслами пары и тихий гул бинарных гимнов. Робавт ничего не сумел разобрать, но ритмичный машинный язык оказался странно успокаивающим.

— Адамантиевый Киворий, — произнёс Блейлок, объясняя, что перед ними одновременно и бинарным кодом и человеческим голосом. — Архимагос Котов ждёт.

Колоссальные шаги "Лупы Капиталины" были выверенными и точными, их контролировал мудрый холодный разум, отточенный в ста тридцати боях машин, включая девятнадцать против разнообразных титанов всевозможного тоннажа. Альфа-принцепс Арло Лют, Зимнее Солнце плавал в молочно-белой жидкости, свернувшись в позу эмбриона, его кожа была бледной, как у призрака и морщинистой, как у недоношенного ребёнка. Из разделённого пополам туловища тянулись многочисленные имплантаты, серебряный призрачный хвост подключался прямо к основанию позвоночника и позволял управлять приводными механизмами рук и ног титана.

Его глаза давно стали катарактами, которые зашили и соединили при помощи нейронной связи с комплексами топографов и ауспиков, размещавшихся на зубчатой короне "Капиталины". Она смотрела взглядом хищника, опытного охотника с обжигающим маслом вместо крови, который безошибочно замечал слабости добычи. Её окружали тысячи поющих техножрецов и облачённых в мантии аколитов, наряду с огромными топливозаправщиками, транспортом с боеприпасами и сотнями машин, необходимых, чтобы снабжать бога-машину на поле боя. Палубные священники стали её экипажем поддержки и прихожанами, истово верующие явились, дабы приветствовать живое воплощение своего бога на борту "Сперанцы".

Пение бинарных приветственных гимнов гремело из вокс-труб в сводчатом потолке, а медленно покачивающиеся курильницы размером со средний танк создавали облачную завесу ароматических масел, которые капали на палубу дождём смазки. Такой встречи удостаивались только самые могучие воплощения Бога Машины, и хоровое скандирование боевых отличий легио и героя-принцепса эхом разносилось по всему ангару в повторяющемся алгоритмическом цикле.

У Люта не было времени наслаждаться их лестью, но он и не игнорировал её.

Лучше всего об этом сказал сам Ферроморт Красный Разрушитель, великий магистр ордо Синистер.

Презирай пехоту, если должен. Круши их ногами, не задумываясь о цене. Но не игнорируй их. Поля битв завалены обломками титанов, экипажи которых игнорировали пехоту.

Лют на собственном горьком опыте знал, как легко забыть, что эти суетливые существа способны причинить боль. Его бронированная шкура всё ещё несла шрамы от кислот, жёлчных ядов и желудочных соков роёв тиранидов, которые едва не сокрушили его в ночных ледяных лесах Беты Фортанис. "Лупа Капиталина" заворчала, и он сердито отбросил воспоминания, когда почувствовал её недовольство. Никому не нравились напоминания о поражениях и меньше всего "Владыке войны" легио Сириус.

Он следовал за проблесковыми огнями на палубе по транзитному коридору, предоставленному благочестивыми логистами Механикус, направляя высокого титана к инертным колыбелям. "Капиталину" раздражала перспектива оказаться скованной, но Лют усилием воли предупредил её ограничить проявление ярости тихим гулом реактора и низким рычанием из военных рогов.

Посадочная палуба представляла собой колоссальное пространство, как и престало для

богов-машин легио Сириус, почитаемых титанов, чьи прочные корпуса заложили в полярных храмах мира-кузни Верика-7. Десять инертных колыбелей располагались у дальней стены, огромные захваты, которые присоединят машины легио к "Сперанце" на время долгого путешествия среди звёзд — слишком много для оставшихся титанов Сириуса. Факт, что больше половины колыбелей останется пустыми, словно ножом резал внутренности Люта.

Уже просто ступить на борт столь древнего корабля, как "Сперанца" было честью. Люту и остальным из Сириуса надлежало славить столь древнее наследие. С каждым шагом "Лупы Капиталины" он ощущал колоссальную мощь и непреодолимую силу в сердце ковчега Механикус. Возраст судна оказался безграничным, дух-машина титана знал это, как никто другой.

Только принцепс, воин столь тесно соединённый с Омниссией, мог и в самом деле понять живую душу этого корабля. Тысяча машин слилась воедино со "Сперанцей" благодаря технологии невероятного происхождения, которая простиралась сквозь туманы времени к эпохе, когда целые флотилии таких потрясающих судов бороздили звёзды во имя исследования и прогресса.

Эти машины стали частью "Сперанцы" и она стала частью их; единым растянувшимся гобеленом благоговейного познания, которое стало невероятнее и сложнее любого живого организма в галактике. Он чувствовал её невообразимый возраст, но сумел заметить и нескрываемую новизну. "Сперанца" оказалась пылким жеребёнком в теле стареющего коня...

Лют задумался, понимал ли кто-нибудь ещё на корабле это противоречие.

За ним двигалась остальная стая, сильно поредевшая в ходе фортаниской кампании. Принцепс Эрикс Скамёльд — Лунная Скорбь — управлял "Канис Ульффриком", жаждущим битвы "Разбойником", титаном с сердцем жестокого и не знавшего усталости охотника. За ним попятам размахисто шли "Амарок" и "Вилка", "Псы Войны" со злобным нравом и диким голодом. Гуннар Винтрас, принцепс "Амарока", которого в легио называли Оборотнем, слыл одиноким хищником, всегда протестующим против уз стаи. "Вилка" была верным псом, который охотился, где желал его господин, и принцепс Элиас Хяркин, по прозвищу Железная Синь, был таким же спокойным и непоколебимым.

"Лупа Капиталина" являлась связующим элементом, альфа-машиной, чья ледяная воля превращала их в воинское подразделение. Лют почувствовал приближение "Канис Ульффрика", тот подошёл к задней четверти ближе, чем было необходимо или мудро. Спланированный вызов его власти, демонстрация желания Лунной Скорби возглавить стаю.

Лют повернулся в суспензии бака, оскалив зубы титана и подняв гребень. Одновременно плечи "Капиталины" напряглись, а из военных рогов донёлся рык закодированного военного языка. "Амарок" и "Вилка" опустили кабины, напоминавшие волчьи морды, и расступились, что заставило ближайших жрецов Механикус стремительно убраться с их пути. "Канис Ульффрика" остановился, чтобы ответить на вызов Люта из военных рогов.

По всей обширной ангарной палубе взревели сигнальные сирены, когда Лют повернул титан с предписанного пути. Вспыхнули сигнальные лампы, и позади его слепых глаз замерцало множество вопросов. Он проигнорировал их, сжал несуществующие кулаки, поднял руки и запустил в цикл автопогрузчики. Оружие было отключено от громадных магазинов с боеприпасами, но смысл жеста был очевиден и "Канис Ульффрика" отступил, покорно опустив плечи.

— Лунная Скорбь смелеет, — заметил модератус Коскинен, наблюдая за показаниями ауспиков, пока "Разбойник" возвращался на положенное расстояние.

— Он дурак, если считает, что готов стать альфой, — ответил модератус Ростен.

Лют понимал, что следует упрекнуть Ростена за такой комментарий, но с правдой не поспоришь. Знала это и "Лупа Капиталина". Он согласился с её стремлением ответить на вызов его власти, но не допустит подобного инакомыслия в таком святом месте.

— Я снова регистрирую повышение температуры плазменного деструктора, — сообщил Коскинен. — Похоже, "Капиталина" также не слишком довольна Лунной Скорбью.

— Выравниваю, — ответила магос Гирдрид с возвышавшегося трона в задней части кабины.

Лют почувствовал повышение температуры, но проигнорировал его, зная, что оно вызвано гневом "Капиталины". Жар исчез, когда успокаивающий бальзам хладагента омыл кулак, распрямляя давно ампутированные призрачные пальцы, которые заменили комплектами механодендритов с серебряными контактами, дрейфовавшими подобно кончикам квидарий.

— Теплообменные батареи деструктора всегда были капризными, — сказал Ростен. — Я знал, что эти обожжённые солнцем жрецы Джоуры не смогут понять, в чём дело.

— Они — компетентные жрецы, — возразила Гирдрид. — Дело не в батареях.

— Мои показания свидетельствуют об ином, — ответил Коскинен.

— При всём уважении, модератус, дух деструктора всегда был слишком вольным.

Лют почувствовал, как "Капиталину" разозлил пренебрежительный тон техножрицы. Гирдрид также ощутила её гнев и поспешно добавила. — Впрочем, я согласна, что скорость перезарядки деструктора более чем компенсирует это.

Коскинен усмехнулся. — Всегда дипломат, а, Гирдрид? — сказал он, возвращая внимание к мерцавшему перед ним тактильному экрану.

+Во время охоты стаи, сильный альфа — её сердце и душа. Сердце всегда должно оставаться самым сильным органом тела. Я всё ещё сильнее Лунной Скорби, и он знает это.+

Кабину заполнил голос Люта, резкие звуки, появившиеся из теней. Когда говорил принцепс, слушали все.

— Как скажете, Зимнее Солнце, — одновременно ответили модератус и техножрица, склонив головы.

+Мы ступаем внутри величайшего храма,+ продолжил Лют, позволив своему охотничьему сердцу добавить в модуляцию дикий рык. +Осознайте, что для вас честь даже само разрешение участвовать в этой экспедиции.+

Он почувствовал их раскаяние и вернулся на первоначальный курс. Раздражённо рыча, он отклонил мигающие предупреждающие символы, незримо плавающие в прозрачной жидкости, и шагнул к инертной колыбели, чей мерцающий ноосферный ореол указывал, что она предназначалась "Капиталине".

Его ожидали выдвижные направляющие подъёмники и гравитационные амортизаторы, шипящие загрузочные порты, топливопроводы и ограничительные кольца широко распахнулись, встречая бога-машину.

Лют почувствовал приветствия тысячи бинарных душ, слившихся в единый голос, который обращался к нему и только к нему. Он увидел жажду исследования в сердце "Сперанцы", пылкое желание покинуть этот мир железа и проложенные маршруты космоса.

Словно зелёный принцепс "Сперанца" мечтала только о том, чтобы устремиться в неизвестное, плавать под светом солнц, которые никогда не освещали царство человечества.

Он знал родственную душу и слышал её радостный вой.

+У "Сперанцы" много волков в сердце+, — сказал он.

Пространство внутри Адамантиевого Кивория оказалось необычно скромным, обширное помещение не превышало мостик "Ренарда". Робаут предположил, что стены тогда должны быть, по крайней мере, сто метров толщиной, если не больше, и задался вопросом, что за легендарные технологии работали в их пределах.

После портала тоннель сужался геометрическими шагами, Робаут понял, что они соответствуют золотому сечению. В конечном счёте, им пришлось высадиться и продолжить путь пешком. Седаны и БМП скитариев повернули назад, собираясь дожидаться их возвращения.

В центре Кивория располагалось овальное помещение, напоминавшее главный зал управления со ступенчатыми ярусами металлических скамеек, окружавшими с двух сторон идеально круглый стол. Стол оказался добрых десять метров шириной, его изготовили из клиновидных пластин, разделённых стальными вставками с гладким красным камнем, который можно было доставить только с одной планеты в галактике. Вдоль закруглявшихся стен стояли тихо гудящие инфомашины, а подключённые к загрузочным портам равнодушные сервиторы записывали собрание со всех сторон при помощи голографической аугметики.

Над центром стола висела небесная сфера из проволочной сетки и сверкающих драгоценных камней — старомодное изображение космоса древними астрономами Старой Земли. Магос Блейлок жестом предложил Робауту встать у незанятого сектора стола, а затем занял своё место в сопровождении низкорослых рабов, разместивших хитросплетение кабелей за спиной хозяина. Из-под мантии Блейлока развернулась щёлкающая машинная рука и скользнула в соединительный порт в нижней части стола. Зелёные глазные линзы замерцали от передачи данных.

Магос Тихон встал у свободного сектора слева от Робаута, а Линья подошла к одному из терминалов в стене за спиной отца, подключившись к системам судна осторожно выдвинутым штырём данных.

Вокруг стола расположились люди, представляющие различные части исследовательского флота, и старшие магосы "Сперанцы". Робаут разглядывал лица мужчин и женщин, с которыми свела его судьба на время экспедиции.

Ближайший к нему человек был одет в парадную форму кадианского полковника, строгий ансамбль, которому удавалось одновременно выглядеть официальным и подходящим для боевых действий. Хотя костюм Робаута выглядел скромнее, чем у большинства вольных торговцев, с которыми он встречался, рядом с полковником капитан почувствовал себя пижонским щёголем. Что-то записывавшие в инфопланшеты адъютанты держались на почтительном расстоянии от своего командира, и Робаут уважительно кивнул полковнику, когда тот занял место за столом.

Напротив кадианца стояла чудовищно высокая фигура в терминаторской броне, тяжёлые пластины глубокого чёрного и бледно-кремового цветов не позволяли говорить о ней в простом человеческом масштабе. Расширяющийся крест на белом наплечнике указывал Робауту то, что тот и так знал. Это был космический десантник Чёрных Храмовников, и воин заполнял зал своей колоссальной фигурой. Благодаря громадному

доспеху он напоминал скорее двуногий танк, чем человека. Генетически созданный за пределами стандартов смертных воин приветствовал прибытие капитана только лёгким кивком шлема-черепа.

Остальные секторы вокруг стола заняли магосы, группа облачённых в мантии жрецов, которые были, как минимум, столь же далеки от своего первоначально человеческого состояния, как и космический десантник. Некоторые, как Блейлок, оставили капюшоны поднятыми, и только тусклое свечение аугметики хоть как-то указывало на сенсорные аппараты под ними. Другие пришли с обнажёнными головами, впрочем, большинство из них давно заменили человеческие лица машинными дубликатами, пока поднимались в рядах Механикус. Один, похоже, и вовсе был не более чем частями мозгового вещества, распределённого между несколькими заполненными жидкостями стеклянными колпаками, соединёнными потрескивающими медными кабелями. Разные части магоса — или в колбах плавало больше одного человека? — располагались на шагавшем доспехе из броневого стали, напоминавшем преторианца без плоти.

Робаут не узнал ни одного из магосов, кроме того, что стоял напротив.

Архимагос-эксплоратор Лексель Котов был выше любого жреца в зале, его одеяние представляло собой переливающееся переплетение багровой кольчуги и рельефных пластин, которым придали форму человеческой мускулатуры. Робаут некоторое время рассматривал магоса, который поведёт их за пределы известной галактики в дебри космоса, где пропадали целые флоты. Он понял, что ниже шеи нет ни одной органической части и что тело полностью искусственное.

Механизированное тело Котова напомнило Робауту воинов-гладиаторов Румынийской империи из древней истории Старой Земли, впечатление усиливал длинный меч с электрическим клинком, свободно свисавший у бедра. Взгляд капитана привлёк горжет из чёрного металла, там заканчивалось последнее, что осталось от первоначального тела архимагоса, соединяясь с плечами автомата. Из горжета вылетали струйки холодного воздуха, а зелёные индикаторные сигналы мигали с ритмичной точностью. С плеч свисал разноцветный плащ, за выбритым черепом виднелся чёрный стальной воротник, потрескивающий танцующим нимбом энергии, которая поступала из трёх металлических крио-цилиндров на спине.

Котов являлся высокопоставленным жрецом Адептус Механикус, и тем более казалось необычным, что его лицо всё ещё оставалось узнаваемо человеческим, хотя и посиневшим и испытывавшим нехватку солнечного света. Глаза необычного фиолетового оттенка весело рассматривали Робаута, и Котов радушно улыбнулся, когда Эмиль и Адара внесли стазисный сундук.

— Аве Деус Механикус, — произнёс он, кивнув Блейлоку и Тихонам, которые с большой торжественностью ответили на приветствие. Наконец архимагос повернулся к Робауту.

— Капитан Сюркуф, — сказал он. — С вашим прибытием все звенья нашего отважного флота, наконец собраны. Займите своё место за Ультор Марс, нашей связью со священным камнем Марса.

— Архимагос Котов, — ответил Робаут, церемонно поклонившись. — Мне очень приятно, наконец встретиться с вами лично. Приятно общаться с помощью манифольдных промежуточных станций, но это не заменит разговор лицом к лицу.

— Не вижу разницы. Манифольдные коммуникационные линии столь же эффективны.

В любом случае теперь мы можем начинать. Устройство у вас?

Понимая, что спорить на каждом шагу с прямотой Механикус — напрасная трата усилий, Робаут сдержался, проигнорировав нарушение формальных условностей. Но стоит напомнить собравшимся техножрецам, что это совместная экспедиция.

Проигнорировав вопрос Котова, он повернулся к кадианскому полковнику и протянул ему руку.

— Робаут Сюркуф, вольный торговец и капитан корабля "Ренард".

— Вен Андерс, — ответил офицер Гвардии. — Полковник 71-го Кадианского, рад видеть вас на борту.

Робаут заметил ироничное веселье в его глазах и узнал нескрываемую радость человека, что в командном составе экспедиции присутствует другой человек из плоти и крови.

— Капитан Сюркуф? — спросил Котов. — Разве вы не слышали мой вопрос?

— Услышал, — сказал капитан, — но я уже объяснил магосу Блейлоку, что предпочитаю знать, с кем имею дело, прежде чем приступить к любому начинанию. Глупо, я знаю, но ничего не поделаешь.

— Да, он уведомил меня о вашей навязчивой одержимости идентификаторами, — вздохнул архимагос. — Хорошо, вокруг Ультор Марс расположились по вращению шестерёнки старшие магосы "Сперанцы" и командиры приданных нам подразделений. Вы уже встретились с магосом Блейлоком, моим фабрикатус-локум. Следующий магос Сайиксек, магистр двигателей, магос Азурамаджелли, астронавигатор, магос Криптаэстрекс, логист, магос Дахан, ответственный за вооружение и секутор кланов скитариев.

Котов повернулся к громадному космическому десантнику. — А это...

— Я сам представляюсь, архимагос Котов, — произнёс космический десантник. — Я — реклюзиарх Кул Гилад из Чёрных Храмовников.

— Для меня честь познакомиться с вами, реклюзиарх.

— У тебя благородное имя. Ты из Ультрамара?

— Да, — подтвердил Робаут. — Я родился на Иаксе, это один из кардинальских миров.

— Удивлён, что гражданин Ультрамара стал вольным торговцем.

— Это длинная история. Возможно, я поведаю о ней во время нашего совместного путешествия.

— Капитан Сюркуф, устройство, если вам нетрудно, — сказал Котов, пресекая любой ответ, который мог дать Кул Гилад.

— Конечно, — ответил Робаут. — Эмиль, Адара?

Оба члена экипажа подняли стазисный сундук на стол и отступили, после благодарного кивка капитан. Он заметил восхищение мастерством, которое потребовалось для изготовления сундука, и несколько магосов увидев его, замигали и защёлкали, записывая копии.

— Необычный дизайн, — произнёс обезличенным голосом магос Азурамаджелли, его стальной корпус нагнулся, и многочисленные колбы с мозгом склонились над столом. Эстетика напоминает работу эльдар.

— Это потому что его изготовил певец кости эльдар, — пояснил Робаут.

— И как он у вас оказался? — спросил магос Дахан. — Акт пиратства или торговля?

— Ни одно из двух. Это — подарок.

— Подарок? — произнёс Кул Гилад, подавшись вперёд и поставив громадные кулаки на стол. — Я правильно понял, что ты добровольно якшаешься с ксеносами?

— Я — вольный торговец, реклюзиарх. Для меня обычное дело общаться с ксеносами.

Кул Гилад повернулся к Котову. — Вы не предупредили нас об использовании ксено-технологии.

— Не беспокойтесь, это всего лишь сундук эльдар, — сказал Робаут, положив руку на запирающий механизм. Всего лишь щепка призрачной кости, принявшая форму благодаря пению Ирландриара, который использовал имя Робаута, как основную ноту. Она запульсировала теплом, узнав его прикосновение. Призрачная кость отреагировала на искреннее желание капитана открыть замок, и раздался тихий щелчок.

Робаут открыл сундук и вынул то, что стоило ему доброй половины трёхлетней выручки за доставку кобальта. Внешне катализатор экспедиции не представлял собой ничего особенного, бронзовый цилиндр, напоминавший артиллерийский снаряд, с плоской головной частью и гофрированной центральной секцией. Из отверстия в наружной обшивке безвольно свисали провода, а металл сильно пострадал от ржавчины и коррозии. Цилиндр опоясывали кристаллические наросты и не нужно быть металловедом Механикус, чтобы сказать, что он явно очень старый.

— Что это? — спросил Вен Андерс. — Какой-то маяк?

— Именно так, полковник, — подтвердил Робаут. — Это синхронизированный аварийный маяк, взятый из спасательной капсулы, которую выпустили с "Томиоки", потерянного флагмана магоса Телока.

Хотя Котов, разумеется, рассказал остальным магосам о том, что принёс Робаут, они всё же отреагировали резким бинарным кодом. Отрывистый код разошёлся над столом и каждый аугметированный глаз заблестел при виде реликта, который и в самом деле принадлежал легендарному флоту, пропавшему за Шрамом Ореола. Робаут поставил маяк камень на столе перед собой, и центральная часть стола радужно засияла и открылась. Появились механодендриты, извиваясь подобно клубку змей и щёлкая зажимами. Они протянулись в воздухе и несколько механизированных щупов сомкнулись на корпусе маяка.

Каждый магос вокруг стола, если они ещё не сделали это, подключился к загрузочным портам Ультор Марс, когда информация потекла в когитатор в его центре. Свет в Кивории потускнел, а из невидимых воздухопроводов подули порывы насыщенного маслами воздуха, словно сама "Сперанца" дегустировала знания, передаваемые маяком.

Котов нахмурился и сказал. — Ассемблерные коды Механикус маяка подлинные и соответствуют флоту Телока, но катушка с данными отсутствует.

— Отсутствует, — согласился Робаут.

— Журнал астронавигационных событий и ссылки на исходные значения удалили, — заметил магос Тихон. — Невозможно определить, откуда отправили спасательную капсулу. Без этого маяк бесполезен.

— Не совсем, — возразил Робаут, достав из кармана сюртука тонкий диск из прессованной меди, который покрывали вытравленные угловатые коды. — Информация здесь.

— Ты осквернил святой артефакт, — заявил Котов. — За подобное богохульство я могу казнить тебя на месте. Только посвящённым в тайны Культа Механикус позволено прикасаться к внутренним механизмам благословенной машины.

— И именно это и произошло, — ответил Робаут, поворачиваясь к своему экипажу. — Я велел магосу Павельке изучить катушку, содержащую все местные звёздные ссылки о том, где потерпела аварию капсула и удалить её. Вы уже увидели достаточно, чтобы убедиться в

подлинности маяка, поэтому я предлагаю всем успокоиться и готовиться покинуть орбиту.

— Зачем вы это сделали?

— Я провёл расследование и знаю, что вы не стали бы архимагосом Марса, если бы соблюдали каждую заключённую сделку.

— Что может помешать мне попросить реклюзиарха силой отобрать у вас диск памяти?

— Ничто. Правда, он очень хрупкий, и сомневаюсь, что вы сможете восстановить данные, когда я раздавлю его ботинком.

Окружавшие стол магосы содрогнулись от угрозы Робаута, шокированные самой мыслью уничтожить столь бесценное знание.

— Хорошо, капитан Сюркуф, какую плату вы ожидаете получить сверх той, о которой мы договорились, скрывая информацию от меня?

— Мне не нужно больше денег или технологии, если вы об этом. Я просто хочу получить возможность управлять "Ренардом" на переднем крае флота, как только мы окажемся на другой стороне Шрама Ореола и стать первым, кто встретится с тем, что там находится. Когда мы окажемся там, я с удовольствием передам вам диск памяти. Честное слово верного слуги Золотого Трона.

РобAUT убрал диск в карман, увидев, что Котов понял, что у него нет другого выбора, кроме как согласиться.

— И так, — сказал он, наклонившись и положив руки на красный камень стола. — Полный вперёд?

МИКРОКОНТЕНТ 06

Авреем наблюдал, как падал лысый человек, переворачиваясь и кувыркаясь в воздухе. Беднягу звали Вехлас, и он кричал, пока не ударился головой о выступающую перекладину поворотных лесов. Дальше он падал молча. К тому времени, как его тело растянулось на палубном настиле в пятистах метрах внизу, большинство остальных рабочих вернули внимание к огромному плазменному цилиндру, который возвышался перед ними. Подмостки были узкими и раскачивались от шагов рабочей бригады внизу. Авреем видел, как они отцепили плазменный цилиндр от поддерживающих смазанных цепей, и направили в зияющее отверстие приводной камеры.

— Он уже упал? — спросил Койн.

Авреем кивнул, он был слишком ошеломлён и опустошён, чтобы ответить.

— Почему ты всегда смотришь? — поинтересовался Хоук.

— Я продолжаю надеяться, что кто-нибудь сделает хоть что-нибудь, чтобы помочь.

— Размечтался, — проворчал Хоук. — Механикус плевать на нас — мы просто рабы. Даже не люди. Они считают, что оказывают нам честь, убивая здесь. Ничего себе честь, а?

— Я видел, как четыре человека погибли, заправляя всего один двигатель, — сказал Авреем, вытирая пот со лба грязным рукавом спецовки. Когда-то она была ярко-красной, но с тех пор промокла и покрылась грязно-чёрными пятнами масла.

— Четыре, — задумчиво произнёс Койн. — Мне показалось, что больше.

— Нет, последний не упал на палубу, — пояснил Хоук, бросив злой взгляд на Вреша, облачённого в мантию надсмотрщика, управляющего работой с парящего репульсионного диска. — Бедолага упал на один из нижних подмостков. Он не умер, но, похоже, переломал все кости.

Безразличие, которое демонстрировали Механикус, ужасало Авреема.

— Люди гибнут, а для надсмотрщиков это всего лишь неудобство.

— Мы — завербованные, — сказал Хоук. — Чего ты ожидал?

Авреем кивнул и опустил голову на руки. Они воняли потом, лопнувшими волдырями и машинным маслом. Вместе с Хоуком, Койном и Крушилой он работал с сотней других мужчин на узких подмостках, оказавшихся частью огромных поворотных лесов, которые перемещались подобно гигантскому колесу вокруг внешнего корпуса необозримого термоядерного реактора. Бурлящий плазменный реактор размещался в подфюзеляжной части приводной камеры. Диаметр приводной камеры составлял три четверти километра, всего их было пятьдесят. Каждой из них требовалось две дюжины плазменных цилиндров величиной с цистерну руды, которые вставляли словно пули в барабан револьвера, чтобы "Сперанца" накопила достаточно энергии и покинула орбиту.

Реакторный храм резонировал звуками тяжёлых погрузочных платформ, лязгом цепей толщиной с опорные колонны, скрипом бинарных гимнов, ударами молотов и вулканическим громом извергающейся плазмы. Сильно воняло едкими газами, и в воздухе повисло марево от плазменных вспышек и сверкающих предупредительных маяков. Из-за теплового истощения пришлось заменить больше дюжины мужчин на подмостках, а вода, поступавшая по грязным пластмассовым трубам, оказалась солоноватой и с привкусом металла.

После того как гудящий плазменный цилиндр вывозили с закрытых палуб с боеприпасами, поворотные леса перемещались, пока не оказывались напротив рифлёного туннеля, в который его следовало закатить. Рабочие бригады заняли все подмости, вручную таща колоссальные цилиндры по смазанным рельсам, пока те не закреплялись в приводной камере. Затем поворотные леса снова приходили в движение, и очередной цилиндр появлялся с нижних палуб, чтобы его поместили на место.

Это была тяжёлая, опасная и неблагодарная работа. Четыре человека уже разбились насмерть, а несколько получили ужасные ранения, когда якорная цепь лопнула, и плазменный цилиндр прижал их к перилам подмостков.

— Осторожнее, — сказал Койн, глядя над плечом Авреема. — Встречаем следующий.

Смена продолжалась ещё пять часов, их бригада загрузила ещё шесть плазменных цилиндров, пока не проревела сирена, а затем поворотные леса, двигаясь рывками и скрипя, доставили их на горячую палубу. В голых металлических стенах реакторного храма открылись выходные люки, и изнурённые крепостные направились нестройными рядами к ступеням, которые вели в унылые каюты в утробе "Сперанцы".

Словно армия побеждённых солдат, ведомая в плен, из которого не было спасения, рабочие едва двигались, понутив головы. Авреем поднял взгляд, когда Хоук двинул его локтем в бок и кивнул в сторону репульсионного диска Вреша, который снижался, чтобы проверить затворы на недавно запёртом цилиндре.

— Эй! — крикнул Хоук, грозя кулаком надзирателю. — Ты наверху!

— Что ты делаешь? — прошептал Авреем, схватив его за руку. — Замолчи!

Хоук отмахнулся. — Эй, ты убиваешь нас, ублюдок!

— Заткнись, Хоук, — сказал Койн, но горький гнев бывшего гвардейца достиг предела.

— То, что ты делаешь неправильно! Я сражался за Императора, чтоб тебя! Ты не можешь так относиться к нам!

Вреш, наконец, соизволил обратить на них внимание, мерцавшее синим светом аугметики лицо за металлической маской изучало толпу угрюмых рабочих. Он пристально посмотрел на Хоука, и что-то произнёс на резком скрипучем коде. Репульсорный диск опустился ниже и Вреш ударил по нему потрескивающим шоковым посохом.

— Забудь, — сказал Авреем, потянув Хоука. — Похоже, он даже не понимает тебя.

— Он понимает меня очень хорошо, — огрызнулся Юлий. — Может быть, он и выбившийся в люди робот, но Вреш когда-то был таким, как ты и я. Он понял, что я говорил.

— Может и понял, но его это не волнует.

— Однажды я заставлю ублюдка поволноваться, — произнёс Хоук.

Для стороннего наблюдателя командная палуба "Сперанцы" выглядела ничем ни примечательным помещением из холодной стали, встроенными рядами подключённых сервиторов в закрытых модульных кабинах, и отдельных металлических наростов, напоминавших подстриженные стволы серебряных деревьев. Но для Линьи Тихон, чьи

протезные зрительные нервы были приспособлены к ноосфере, она выглядела удивительным местом, где энтоптические машины создавали потоки данных, которые парили в воздухе, словно невообразимо изящные неоновые скульптуры.

Как и Адамантиевый Киворий, командная палуба представляла собой эллиптическое помещение, её стены изобиловали схемами, трубами и кабелями. Установленные на потолке концентраторы информации пульсировали светом и изливали потоки извивавшихся сообщений по всей голографической решётке палубы, поразительно сложный инфоток шириной с судно.

Информация обменивалась между узлами накопления сведений, обрабатывалась по значимости, а затем передавалась через призмы данных к месту назначения. К инфоцитным терминалам, за которыми многорукие тактильные провидцы анализировали миллион микропакетов в секунду, и били столь яркие фонтаны вулканического света, что на них было почти невозможно смотреть.

Такой огромный корабль, как "Сперанца" ежесекундно создавал колоссальный объём информации: колебания температуры корпуса, гравитационные коэффициенты сопротивления, инертная компенсация, давление в реакторе, целостность поля Геллера, варп-ёмкость, расход топлива, готовность двигателя, абляционные пустоты, оружейные арсеналы, обеспечение жизнедеятельности, гравитационные щиты "Анкил", системы телепортов и миллиард других фрагментов данных, которые будут обработаны невероятно сложными логическими машинами судна. Информация висела яркими завесами, множеством символов, чисел и выборок, раскинувшихся в пряже света, нейронной сети невообразимой запутанности и многомерной геометрии.

Линья осторожно коснулась своими бесчисленными чувствами поверхности глубокого сознания судна, поразившись и слегка испугавшись его на первый взгляд бесконечной глубиной. Знать, что "Сперанца" старый корабль это одно, но почувствовать этот возраст в плотно свернувшемся коде-духе в его сердце, это совсем другое. Она читала готовность ковчега отправиться в путешествие в каждой мерцающей завесе призрачного света.

"Сперанца" рвалась на волю, стремилась отправиться в путь.

— Добро пожаловать на командную палубу, — произнёс Лексель Котов, и центральным помост, на котором сидел архимагос-эксплоратор, повернулся к гостям. — Полагаю, что никто из вас никогда не видел ничего подобного.

— Я никогда не видел подобного, — согласился отец Линьи, поднимаясь по пологому главному проходу, который вёл от единственного входа на палубу к трибуне, откуда управляли всеми высокими функциями корабля. Виталий и Котов общались на бинарном языке, каждый код произносился с тональной модуляцией, означающей уважение и взаимное восхищение. Они не обменялись ни одним словом, только правильными, точными и неиспорченными данными.

— И я, — сказала Линья, следуя за отцом и замечая всё более сложные формы алгебраических, геометрических и алгоритмических представлений данных. Часть информации прошла сквозь неё, поглотив элементы её инфокровотока и создав непостижимую смесь, пока другие фрагменты метались вокруг, подобно испуганным рыбкам.

— Редкая жемчужина в небесах, — произнёс Виталий. — Поразительно видеть атмосферу, настолько благоухающую данными.

Котов нахмурился от такой неприкрытой метафоры, но позволил эмоциональной

сентиментальности пройти без последствий.

— Такое редко увидишь даже у Адептус Механикус, — ответил он. — Если сравнивать, то Кватрия должно быть очень скучна.

— Так и есть, хотя мне и по душе покой скромных орбитальных галерей, — сказал Виталий. — Есть что-то почти мистическое в изучении звёзд. Знать, что свет, который мы видим, уже стар и жизнь, зародившаяся под их сиянием, закончилась, прежде чем мы даже узнали о её существовании. Смотреть на такие вещи — значит обрести мир и покой, архимагос, чувствовать себя единым с вселенной и знать своё место в ней. Когда мы вернёмся из экспедиции, вам стоит присоединиться ко мне на какое-то время. Созерцание прошлого расширяет кругозор.

— Возможно, я нанесу визит, — произнёс Котов, скрывая нетерпение кривой усмешкой, словно считая, что человеческий жест уже сам по себе демонстрирует дружелюбие. Большинство биологических микровыражений, отвергнутых жрецами Механикус во время восхождения в братстве машины, было почти невозможно восстановить несмотря ни на какие усилия. — Но мне придётся повременить с этим удовольствием, потому что тайны Шрама Ореола ждут. Магос Азурамаджелли почти закончил расчёт оптимального курса, чтобы мы покинули орбиту и направились к краю галактики.

— Да, я вижу, — сказал Виталий, уважительно кивнув в сторону магоса астронавигации, который неподвижно стоял около одного из серебряных металлических возвышений. Азурамаджелли подключился к устройству при помощи множества нейронных кабелей, торчавших из ирисового отверстия в его корпусе. Зелёный свет омывал разделённый на части мозг и устремлялся вверх, а несколько тактильных когтей, просеивали потоки информации, которыми обменивались корабли исследовательского флота.

Азурамаджелли проигнорировал их появление на мостике, всё его внимание было направлено на факторизацию сложных статических данных магоса Блейлока, поступавших в блоки авионики. Проложить курс сквозь населённую систему — сложная задача, она требовала глубокого знания планетарных орбит, местных звёздных явлений и потенциального нематериального вмешательства, просочившегося в реальное пространство из варпа на границе в точке Мандевиля. И всё же Азурамаджелли не просто справился с задачей, его курс учитывал каждый аспект их путешествия более чем через три сектора к самому Шраму Ореола.

Плетёные цепочки бинарного логического кода разбегались от эпидермальных тактильных прикосновений, словно ресницы, когда он отбрасывал ненужные данные. Линья наблюдала, как его вычисления соединились в мандалу симметрии, числовые выражения и астронавигационные данные, воплощённые в свете и фрактальной геометрии.

Азурамаджелли выпрямился, и изящная скульптура переплетённого света поднялась над серебряным концентратором информации. Движениями механодендритов он поворачивал её из стороны в сторону, пока с помощью мозговой оптики под разными углами проверял правильность и комплексность.

— Можно прокладывать курс? — спросил Котов.

— Можно, — ответил Азурамаджелли, загрузив данные в трон архимагоса.

— Отлично, — сказал Котов. — И в самом деле, отлично. Так мы достигнем Шрама за сорок три дня, плюс-минус сутки. Приготовиться к...

— Вы позволите? — произнесла Линья, подойдя и протянув руки к медленно кружившемуся свету, созданному Азурамаджелли. Магос астронавигации поднял своё

творение от неё, его жидкообращение ускорилось в раздражении из-за её вмешательства. Механодендриты поднялись, как испуганные змеи, и активировались несколько боевых систем. Свет в стеклянных колпаках замерцал сердитым красным.

— Вопрос: что вы делаете? — возмутился он.

— Я хочу проверить ваши вычисления.

— Заявление: не обсуждается.

— Почему?

— Уточнение: что почему?

— Почему не обсуждается? Я — магос Адептус Механикус. Безусловно, я могу проверить работу собрата-жреца?

Азурамаджелли резко возразил. — Вычисления слишком сложны для несведущих в гексаматических логических уравнениях. Без аугметики или изменений мозга вы не сможете понять многомерные целочисленные решётки.

Линья улыбнулась и позволила некоторым из своих почётных званий проявиться в ноосферной ауре.

— Думаю, вы увидите, что я — гексаматик-савант уровня секундус, — сказала она. — Насколько я вижу, вы — третичного уровня, магос Азурамаджелли. Заверяю вас, что пойму ваши вычисления.

Азурамаджелли повернулся к Котову, возможно, ожидая, что он отчитает её, но Линья полагала, что её логика импонировала архимагосу.

— Пусть посмотрит, — разрешил он. — Какой от этого вред?

Линья сумела проигнорировать несколько покровительственный комментарий и протянула руку Азурамаджелли. Шар света неохотно приблизился к ней, словно испуганное животное, которое уговорили подойти, обещая лакомство.

— Ничего не меняйте, — предупредил астронавигатор. — Геометрические данные легко повредить, и они подвержены сильной экспоненциальной деградации, если их неосторожно изменить.

— Моя дочь очень талантлива, — гордо ответил Виталий.

— Тебе не стоит объясняться, отец, — сказала Линья. — Пусть за меня говорят мои вычисления.

Она подняла руки и взорвала шар света быстрыми движениями пальцев. Мерцающая алгебраическая архитектура проложенного Азурамаджелли курса закружилась вокруг тонкими нитями голографической информации такой сложности, что у неё перехватило дыхание. Миллиард раз миллиард вычислений, статистических экстраполяций и загруженных астронавигационных точек координат из десятков тысяч источников окружили её словно стая блестящих чешуёй океанид.

Большая часть его работ оказалась образцовой и недоступной даже для тех, кто обладал высоким рангом примусом гексаматики. Но Линья владела врождённым умением схватывать такие понятия, которое граничило со сверхъестественным. Она интуитивно понимала, как числа объединялись друг с другом, и поэтому увидела трещины в ранее казавшихся нерушимыми доказательствах с кажущейся непринуждённостью. Всё что мешало ей получить уровень примус так это отсутствие малейшего желания лететь на Марс и провести полвека в сходах храмов горы Олимп, когда галереи Кватрии предлагали смотреть на тайны вселенной.

— Ваши вычисления совершенны, магос Азурамаджелли, — сказала Линья.

— Вы говорите мне то, что я и так знаю, госпожа Тихон, — ответил астронавигатор, протянув механическую руку, чтобы собрать свет в пакет данных для передачи. — Теперь, если я могу продолжить...

— Совершенны, но неправильны, — продолжила Линья, вращая свет запястьем и увеличив масштаб до неровной фрактально обрезанной совокупности цифр.

— Неправильны? Невозможно. Вы ошибаетесь.

— Убедитесь сами. Одиночные дефектные данные в микроскопических аномальных гравометрических показателях во время вычисления увеличились по экспоненте. Они остались незамеченными, потому что оказались в пределах допустимой погрешности всей работы. Такой курс добавит четыре дня к нашему путешествию и нам придётся обойти кометный душ Джоуры.

— У моей дочери есть что-то вроде любви к регистрации кометных явлений, — сказал Виталий.

Оптика Азурамаджелли щёлкнула, фокусируясь, и его молчание сказало ей, что теперь и астронавигатор увидел ошибку.

— Она права? — спросил Котов.

— Похоже, что да, — ответил Азурамаджелли.

— Ошибка не в вычислениях магоса Азурамаджелли, архимагос, — поспешно сказала Линья, хотя уже поняла, что слишком поздно. Она не собиралась оскорблять магоса астронавигации и уже сожалела о игре на публику.

— Возможно, нет, — произнёс Котов, проверяя выделенные данные. — Но всё же он не заметил иррегулярность в паритете данных.

— Неудивительно, учитывая невероятный объём загруженной информации, — обратила внимание Линья.

— Но всё же ты увидела этот недостаток почти сразу. Возможно, мне стоит повысить тебя до статуса командной палубы?

— Не стоит. Мои специальные знания эффективнее использовать в картографии согласно первоначальным параметрам миссии.

Котов провёл рукой, которая излучала информацию в воздух, и кивнул, перенаправив её в ноосферу всего судна.

— Согласен, — наконец сказал он. — Азурамаджелли, обновите курс с поправками госпожи Тихон, и загрузите новую информацию в инфомашины корабля.

— Да, архимагос, — ответил Азурамаджелли, свернув обновлённый курс и направив его в серебряный концентратор. Золотые узоры света потекли в цилиндр, словно расплавленный металл, и дальше в информационную сеть "Сперанцы", которая приветствовала новые данные выбросом совершенных чисел и гармоничных доказательств, которые зазвучали из каждой стены.

И отдалённой дрожью включившихся двигателей.

Магосу Дахану пришлось признать, что, несмотря на отсутствие аугметики эти кадианцы оказались хорошими солдатами. Их полк находился на борту меньше шести часов, а они уже отработали множество сценариев боевой подготовки с агрессией и умением, которые не соответствовали путешествию к Джоуре из кровопролитной зоны военных действий на Восточной Окраине, которое заняло несколько месяцев.

Огромное пространство Имперiums не могло не сказываться, и большинство полков Гвардии сильно теряли в боевой эффективности после продолжительных перелётов в

трюмах масс-транспортов Флота. Солдаты и в равной мере офицеры становились жертвами апатии, порождённой длительными периодами отсутствия на линии фронта и негативным воздействием затянувшегося путешествия в Имматериуме.

Но не эти кадианцы.

Они трижды захватывали генераторную, и с каждым штурмом время между первыми выстрелами и зачисткой последнего помещения становилось всё меньше. Здание сотрясало до основания от приглушённых выстрелов и мерцало стробирующими вспышками фугасных гранат. Солдаты кричали, используя краткие условные обозначения, простой боевой сленг, который явно был отработан за годы совместной службы на их отсталом родном мире.

Дахану потребовалось меньше секунды, чтобы распознать незамысловатую кодировку их языка, опирающуюся на местный жаргон и включающую культурные отсылки. Для получения нужного ключа синтаксиса хватило индексного просмотра базы данных по Кадии и сопоставления криков действиям, а он уже помог расшифровать более сложные приказы. Неэффективное средство ретрансляции команд, но без доступа к ноосфере или любой бинарной связи между солдатами это было лучшим способом передачи приказов в пылу боя, не ставя под угрозу оперативную безопасность.

По огромной учебной палубе разносилось эхо лазерного огня и взрывов, крики приказов и рёв танковых двигателей. Эта область судна охватывала почти всю ширину "Сперанцы" и целиком и полностью отводилась под боевую подготовку, учебные базы и тренировочные поля. Целые армии могли обучаться здесь, воспользовавшись временем путешествия между начальным и конечным пунктом назначения, чтобы превратить недавно сформированные полки в готовые к сражению подразделения.

Можно было воссоздать любой боевой ландшафт: возвести целые города из блоков пермакрита, создать пустыни с помощью бульдозеров или обширные леса, вкопанные в землю. Учебная палуба являлась феодальным владением Дахана на "Сперанце" и он гордился, что не было ни одного боевого ландшафта, который он не мог бы создать своими логистическими ресурсами, и никакого полигона, который бы не предоставил множество испытаний тренирующимся.

В сопровождении сервиторов-писцов, мастеров гильдий скитариев и учеников-магосов Дахан доехал до безопасной зоны в центре палубы в транспорте на шасси "Носорога" с открытым верхом и четверёнными тяжёлыми болтерами, установленными на передней наклонной броне. Известный как "Железный кулак", он был разработан на основе остатков СШК, которые обнаружили на мире-кузне Порфет, прежде чем планету захватили биожасы Великого Пожирателя. Ему ещё предстояло пройти полную ратификацию Механикус, но Дахану нравились грубые очертания и целеустремлённость транспорта, и он использовал его, не обращая внимания на неофициальный статус.

Дух-машина "Железного кулака" был воинственным и рвался в бой, магос чувствовал его желание принять участие в тренировках на любой из сторон. Дахан разделял это желание, потому что и его создали воевать и убивать. Каждая часть его плоти была улучшена ради уничтожения: имплантированные роторные пушки на плечах, подкожные молниевые когти и цифровые скарификаторы в запястьях и кончиках пальцев, схемы целевых приоритетов, заряженный электричеством инфокровоток, огнестойкий слой кожи, информирующие об окружающей боевой обстановке модули топографов и увеличенный внутренний комплект боеприпасов.

Дахан представлял собой машину для убийства, математика смерти.

Более чем шестнадцать миллиардов загруженных и структурно проанализированных сражений и статистический синтез воинских стилей ста сорока трёх форм жизни позволили ему собрать базу данных почти всех возможных боевых движений. Мало было противников, способных удивить Хиримау Дахана, и ещё меньше имели шанс превзойти его.

Распределив многогранные глаза и чувства между военными тренировками, которые проводились вокруг его БМП, Дахан обрабатывал бесчисленные источники информации, порождённые тысячами солдат в тяжёлых боевых имитациях.

Танки кадианцев с механической точностью двигались по воссозданному разрушенному городу, пока автоматические орудия, имитировавшие окопавшегося противника, вели огонь. Как только все позиции демаскировали себя, пара танков сопровождения устремилась на врага, а танк-мишень бросился в укрытие. Чтобы подавить противника "Адские гончие" атаковали с флангов, окатив позиции потоками горящего прометия.

Осуществлявшая поддержку техники пехота гарантировала уничтожение любого уцелевшего вражеского солдата. Снайперы на крышах "Химер" стреляли почти без промаха, нейтрализуя засадные расчёты, вооружённые ракетными установками или другими противотанковыми средствами.

После каждого успешного прохождения появлялись генетически увеличенные Механикус огрины и тяжёлые краны, перестраивая городской ландшафт, делая его ещё более продуманным и смертоносным с непросматриваемыми поворотами, огневыми мешками, зонами поражения, узкими улочками и перекрёстным огнём "ёлочкой". И снова кадианцы прокатывались со сдержанной дисциплинированной яростью, встречая каждую новую угрозу с уверенной безжалостностью. Даже на самом тяжёлом поле боя они потеряли всего несколько танков, да и все из них сумели эвакуировать и отремонтировать спасательные команды "Атласов".

Другие подразделения отрабатывали меткость, ещё больше рукопашный бой. Офицеры в чёрно-серых цветах, с бронзовыми нагрудниками и в форменных фуражках отдавали приказы, и даже комиссары в чёрных плащах тренировались столь же усердно, как любой из солдат; что нечасто встречалось в подразделениях Гвардии, вместе с которыми сражался Дахан.

Он подумал о том, как прекрасно наблюдать за сражением, которое ведут с чистой целью.

Мало полков из крови и плоти могли хотя бы приблизиться к боевой эффективности Механикус, и Дахану пришлось признать, что Котов сделал правильный выбор, запросив подразделение кадианцев.

Да, они были эффективным воинским подразделением, но они не были скитариями.

Воины Дахана сражались на поле боя со смешанным типом местности. Городские руины, суровая пустыня и густые леса. Облачённые в чёрную облегающую броню скитарии сражались без криков и напряжения кадианцев. Из-за телосложения, улучшенного при помощи стимулирующих шунтов, адреналиновых инъекций и пассивных усилителей мышц, они не испытывали необходимости в агрессивных криках, чтобы уменьшить реакцию на страх и инициировать гормональные изменения, позволявшие солдату не обращать внимания на инстинкт самосохранения.

Тщательно регулируемые химические стимуляторы наряду с механической аугметикой повышали точность, силу и скорость. Уже и так выделявшиеся в полках, из которых их

призвали, скитарии были элитой Адептус Механикус, являясь одними из лучших воинов галактики.

Крайне редко Дахан замечал боевой манёвр, выполненный ниже оптимальной эффективности, тогда резкой очередью бинарного кода из аугметированного горла он отдавал корректирующие команды и приказы о наказании. Дахан по праву считался мастером военного искусства, тактиком и воином, магосом, который превратился в испытательный комплекс для модернизации оружия и боевых стилей, загруженных по манифольду от других подразделений скитариев мира-кузни. Сражаться и убивать всё более изобретательными и эффективными способами стало для Дахан средством приблизиться к Омниссии. Бог Машина показывал всё новые и всё более смертоносные способы убивать, и для Дахана стало целью жизни, изучить их все и достигнуть вершин во всех летальных искусствах.

Он задержал взгляд на разрушенном комплексе казарм, из которого показалась толпа вспотевших кадианцев. Их кожа покраснела и блестела от пота. Форма выглядела помятой и пыльной, и вдобавок к внешнему виду, солдаты, по-видимому, были плохо дисциплинированы. Из здания их вывел капитан с перекинутой через плечо винтовкой, из дула поднимался пар теплового выстрела. Ноосфера казарм показывала, что они зачищены, и Дахан переключил внимание на смертельные метки солдат. Комплекс казарм являлся одним из самых трудных объектов для штурма и Дахан остановил "Железный кулак" мысленной командой духу-машине по нейронной связи.

<Диагностика; комплекс казарм. Доклад о функционировании защиты.>

Поток информации светящимся дымом хлынул от стен здания. Все автоматические защитные системы, укомплектованные сервиторами боевые средства и произвольные убийственные комплексы, разработанные, чтобы наносить максимальные потери, оказались полностью функциональны.

И всё же кадианцы захватили казармы, не потеряв ни одного солдата.

Борт "Железного кулака" открылся и Дахан, отключившись от духа-машины, вышел на палубу. Кадианцы изменили шаг, собираясь пропустить его, но он поднял руку в броне, останавливая их.

— Капитан Хокинс, ваши солдаты взяли комплекс казарм.

— Это вопрос? — спросил Блейн.

— Нет, — ответил Дахан, откидывая капюшон и показывая череп, который наполовину был из плоти, а наполовину механический. — Разве это прозвучало, как вопрос?

— Наверное, нет. Но у меня в ушах всё ещё звенит от фугасной гранаты, которую Манос бросил несколько позже, чем мне бы хотелось.

Наказанный солдат пожал плечами и сказал. — Ничем не могу помочь, если вы так хотите вступить в бой с врагом, что не ждёте взрыва, сэр.

Хокинс неохотно кивнул. — Справедливое замечание, Манос. И так, жрец, чем мы можем помочь или ты здесь, чтобы просто поздравить нас с очередной безупречной операцией?

— Я — Хиримау Дахан и это моя тренировочная палуба. Я проектирую модели боя и разрабатываю различные тактические симуляции.

— Тогда вы отлично поработали, — сказал Хокинс. — Некоторые рыбы достаточно трудные.

— Рыбы? Я не слишком знаком с рыбьей жизнью в том, как она относится к боевым

операциям.

Хокинс хмыкнул, Дахан решил, что капитана позабавили его слова, вместо него ответил офицер, которого судя по биометрическим показателям звали Тайбард Рей. — Это — акроним, сэр. Fishes. Stands for Fighting In Someone's Hab. Так мы называем зачистку здания.

— Понятно, — произнёс Дахан. — Я добавлю это в боевой словарь, раздел кадианцы.

Хокинс показал большим пальцем в сторону казарм. — Да, мы взяли их, хотя пришлось попотеть.

— Вы не потеряли ни одного солдата.

— Обычно я предпочитаю проводить операции в подобном ключе, — сказал Хокинс, заслужив мрачные усмешки нескольких рядовых.

— Комплекс казарм — одно из самых смертоносных зданий для штурма. Я удивлён, что вы сумели взять его без потерь.

— Значит, вы мало знаете о кадианцах.

— Напротив, — возразил Дахан. — Я загрузил больше тридцати тысяч боевых столкновений, зарегистрированных полками Кадии и/или записанные прикомандированными к ним подразделениями Механикус.

— Вы мало напоминаете магоса, — заметил Хокинс. — Вы своего рода офицер скитариев?

— Я — магос, — ответил Дахан. — Секутор, если точнее. Я специализируюсь на боевой математике, метриках сражений и всех видах войны: от рукопашного боя до массовых мобилизаций.

— Да, вы выглядите вполне подходящим для боя. Вам следует как-нибудь потренироваться вместе с нами. Интересно посмотреть, как сражаются Механикус. Похоже, ваши скитарии способны справиться с любой неприятностью.

— Они самое эффективное воинское подразделение на борту "Сперанцы", — сказал Дахан, позволив ноткам гордости появиться в голосе, и передал это чувство по ноосфере своим солдатам.

Лейтенант Рей кивнул в сторону подмостков с перилами, которые тянулись вдоль тренировочной палубы.

— Думаю, они могут поспорить с этим, — заметил он.

Дахан повернулся, его боевые информационные системы вспыхнули красными линиями, предупреждая об угрозе.

Высоко на подмостках над ними стояли семь фигур, Кул Гилад и шесть воинов в чёрной силовой броне. Чёрные Храмовники наблюдали за развернувшимися внизу боевыми тренировками, но Дахан не мог распознать ни одной их реакции. Броня воинов оставалась непроницаемой, их духи-машины необщительными и глухими к его вопросам.

Дахан позвал Кул Гилада. — Вы присоединитесь к нашим боевым тренировкам?

Возвышавшийся реклюзиарх покачал головой. — Нет, магос Дахан. Мы просто наблюдаем.

— Никто не наблюдает на этой палубе. Или вы сражаетесь или уходите.

— Тренировка на этой арене бесполезна, — сказал Кул Гилад. — Условия окружающей обстановки слишком щадящие, чтобы проверить нас.

— Полагаю, вы ошибаетесь.

— Значит, вы мало знаете о Чёрных Храмовниках.

Пятнадцать часов спустя "Сперанца" наконец сбросила гравитационные оковы Джоуры.

Она повернула нос к внешним границам системы, из двигателей вырвалось горячее синее солнце, и ковчег снялся с гравитационного якоря. Даже столь незначительного изменения положения оказалось достаточно, чтобы судно оставило далеко внизу сине-зелёную планету. В знак уважения к тем, кто помогал подготовить "Сперанцу" к путешествию, магос Сайиксек изменил мощность двигателя, что привело к появлению вихревой вспышки из разных радиационных выбросов, которая опустилась в атмосферу в виде яркого полярного сияния над северным полушарием. Хотя такой жест казался несвойственным жрецам Механикус, для отбывающих исследовательских флотов считалось обычным делом выразить признательность тем, кто снабжал их ради риска в неизвестном.

На орбите осталось, по крайней мере, пятьдесят судов, на которые работала промышленностью планеты. Отправлявшейся в сектор Пергам Гвардии требовались ещё недели, прежде чем лорды-милитант решат, что погрузка и пополнение припасов полностью завершены. Собрать достаточно людей и грузов для длительной кампании — не самая лёгкая задача. Присутствие стольких логистов Механикус помогло ускорить этот процесс и в благодарность капитаны Флота приказали батарейным палубам дать оглушительные бортовые залпы в их честь.

Взгляды миллионов людей на поверхности планеты обратились к небесам, удивлённо наблюдая за переливающимися разноцветными лентами, которые сверкали в тропосфере, словно во время орбитального обстрела. В окружении великолепных каскадов облучённой выхлопной пыли и израсходованных боеприпасов флот Котова покинул орбиту, ведомый кораблём капитана Сюркуфа. Они направлялись в неизвестное, и никто не мог предсказать, чем закончится их путешествие. Рядом с "Ренардом" летел "Адитум", скоростной ударный крейсер Чёрных Храмовников пронзал космос, словно устремлённый в сердце клинок.

Если судно вольного торговца спроектировали с роскошными высокими башнями, расширяющимся профилем крыла и ненужными аэродинамическими очертаниями, то судостроители Адептус Астартес построили свой корабль с одной единственной целью. Хотя и маленький в сравнении с большинством кораблей, которые использовали космические десантники, "Адитум" слыл забиякой, покрытым шрамами ветераном ста или больше жестоких космических битв.

И с боевым отделением Чёрных Храмовников во главе с реклюзиархом на борту его боевое мастерство вырастало в геометрической прогрессии.

За тремя ведущими кораблями следовала армада: перерабатывающие суда, рудные скитальцы, корабли, представлявшие собой не более чем огромные атомные реакторы, судамануфактуры, гигантские водоносные танкеры, плавающие мастерские и множество быстроходных тендеров, которые предстояло использовать, как обычные рабочие лошадки, переправляя людей и военные машины внутри флота. Кроме обслуживающих судов архимагос Котов призвал боевой флот Механикус, чтобы пронзить завесу Шрама Ореола.

Корабль типа "Воздаяние" "Кардинал Борас" построили на верфях Райвенсгарда-4 почти пять тысяч лет назад, и он не понаслышке знал о путешествиях эксплораторов. "Кардинал Борас" участвовал в экспедиции вольного торговца Вентуния, которая отважилась направиться вглубь северного обода галактики, и он был одним из пяти вернувшихся судов. Его оружие положило конец "Власти Железа" в сражении при Корске, а славная история включала боевые отличия, заработанные более чем в восемнадцати флотах сектора. Он сражался в составе линейного флота Готического сектора против флотилий Вечного врага и сейчас снова осмелился отправиться за пределы света Астрономикона.

Два крейсера "Готик" "Дитя Луны" и "Дитя Гнева" словно преданные последователи защищали фланги "Кардинала Бораса". Когда Механикус спасли их на плече Ориона, от крейсеров осталось мало что кроме пылающих обломков. Их капитально отремонтировали и переоборудовали, дабы лучше служить Механикус, а корпуса освятили в терминус нокс Фобоса и Деймоса, когда восстанавливающие аспекты Омниссии достигли апогея. После возрождения и развёртывания оба непоколебимых поборника боевых флотов Адептус Механикус стали фактически единым целым, и если их направляли в разные флотилии, то начинали происходить необъяснимые механические поломки и системные ошибки, пока они снова не начинали работать вместе.

Чтобы выплатить архимагосу Котову многовековую дебита фабrikата мир-кузня Фосс Прайм прислал три тяжеловооруженных эскортных крейсера линейного флота Армагеддона, дабы действовать заодно с Марсом. Два лёгких крейсера "Стойкость", "Клинок Чести" и "Мортис Фосс" плыли на острие построения вместе с "Клинком Фосса", противолодочным кораблём типа "Стремление". На всех трёх крейсерах виднелись почётные символы, полученные в награду от линейного флота Армагеддона, а "Мортис Фосс", помощник капитана которого нанёс смертельный удар флагману зелёнокожих "Чоппа", заслужил личную геральдику принцепса Зархи, павшей Старейшины Инвигиллаты.

Эскадры модифицированных фрегатов, эсминцев и армада системных судов исполняли роль почётного караула флотилии эксплораторов, но на границе системы они повернут назад. Обладая достаточным количеством ресурсов, чтобы снабжать экспедицию за звёзды много лет, и огневой мощью, чтобы дать отпор всем, кроме самых могучих врагов, флот Котова был настолько хорошо подготовлен насколько это вообще возможно.

Время покажет, достаточно ли этого.

МАКРОКОНТЕНТ НАЧАЛО:
+++МАКРОКОНТЕНТ 002+++

Интеллект — это осмысление знания.

Рунные камни упали из изящно отделанной чаши, искусно вырезанной из дерева Кхареили Творцом. Когда вода лилась по её изящным узорчатым бороздкам, раздавалась прекрасная музыка. Это был заботливый подарок, призванный успокоить душу, но никакая нежная музыка и никакие безмятежные узоры не могли успокоить ноющую грусть в сердце Бьеланны.

Она сидела, поджав ноги, в одном из аспектных храмов с множеством боевых сводов, изгибавшиеся стены были увешаны мечами, топорами, копьями и клинками, которые могли назвать мало оружейников за пределами Бьель-Тана. Каждый из них был создан с обычным для расы Бьеланны изяществом, но обладал жестокой чистотой цели, характерной для воинов её корабля-мира. Они придерживались воинской философии, только война и освобождение и каждый путь Бьель-Тана отражал этот важнейший идеал.

Бьеланна знала, что сильно рисковала, придя в храм Сумеречного Клинка, аспектные воины не одобряли присутствие посторонних в своих священных местах. Мало что на борту эльдарского военного корабля оставалось запретным для провидицы, но даже её могли наказать за такой проступок.

Красный песок был мягким и тёплым. Здесь недавно тренировались воины, и она могла прочесть балет их боя по холмикам, впадинам и складкам на песке. Невероятно умелый воин танцевал с тем, кто двигался более сложно, но, в конце концов, уступил железному контролю противника. Сознание Бьеланны коснулось пряжи, и она последовала за нитями воинов в прошлое, увидев неясные призрачные фигуры, кружившие и прыгавшие по песку. Каждое движение было плавным, расчётливым и смертельным. Фантомные силуэты завертелись вокруг с ещё большей яростью, когда она посмотрела на руны из призрачной кости на песке.

Скорпион и Гибель Эльданеша. Оба лежат на Слезах Иши.

Образы были знакомы ей, каждый прослеживался в переплетённой линии судьбы. Вместе они изображали пряжу будущего, которое уже произошло, должно было произойти или никогда не произойдёт. Они тесно переплетались с бесчисленными нитями, и каждый в свою очередь состоял из головокружительного числа потенциальных вариантов будущего, делая почти невозможными интерпретацию и манипуляцию.

Уголки её полногубого рта дёрнулись от этих слов.

Почти.

Она провела больше века, учась читать ветры судьбы в часовне провидцев, но, несмотря на это её знание оставалось прискорбно неполным. Будущее распадалось на части, нити судьбы выпадали из сложных переплетений. Одни исчезли, другие появились, но всегда в ускользающем будущем одна прядь оставалась мучительно неизменной.

Та, которой не удавалось избежать никакими манипуляциями, фиксированная точка в судьбе.

— Это была хорошая схватка, — произнёс голос у неё за спиной. Она не услышала, как он подошёл, но она и не ожидала услышать шаги столь грозного воина. Её просто удивило, что он ждал так долго, прежде чем обнаружить себя.

— Ваяешь очень ловок, — сказала она. — Ты хорошо его обучил.

— Хорошо, но он никогда не победит меня. Гнев мешает ему сконцентрироваться и

ослепляет во время атаки.

— Ты играл с ним. Я насчитала, по крайней мере, три раза, когда ты мог закончить бой смертельным ударом.

— Всего три? Ты не слишком хорошо смотрела, — проворчал воин, встав перед нею. — Я мог бы убить его пять раз, прежде чем решил нанести последний удар.

Тарикуэль полностью облачился в аспектную броню жалящего скорпиона, только голова осталась без шлема. В его броне искусно сочетались слоновая кость и зелёный цвета, окантовка волнистыми линиями золота и инкрустация из перламутра. Сейчас черты его лица стали жёсткими, но Бьеланна помнила, что когда-то он следовал пути танцора и плакал, исполняя Лебедей Милосердия Иши.

Она отбросила воспоминания. Тот Тарикуэль остался далеко в прошлом и никогда не вернётся.

По его ледяному взгляду она поняла, что нанесла оскорбление. Если бы воинская маска вышла на первый план, и аспект воина полностью бы поглотил его, он, возможно, убил бы её за такое замечание.

— Прошу прощения, — сказала Бьеланна. — Не всё моё внимание было на танце с мечами.

— Знаю, — ответил Тарикуэль, опустившись перед ней на колени. — Ты не должна здесь находиться. Присутствие провидцев в храме Сумеречного Клинка не приветствуется. Здесь нити заканчиваются, а не продолжают в будущее.

— Знаю.

— Тогда почему ты здесь?

— Человеческий флот покидает центральный мир в сердце системы. Мы скоро оставим укрытие, чтобы войти в паутину, преследуя их глупую экспедицию.

— Пульсация сердца Кхайна в бесконечном цикле уже сказала мне это. Тебе не стоило приходить сюда ради таких новостей.

— Не стоило, — согласилась Бьеланна, подняв завёрнутый в ткань свёрток с песка. — Я пришла сюда, чтобы принести тебе подарок.

— Мне он не нужен.

— Ты не знаешь, что это.

— Неважно, — ответил жалящий скорпион. — Подаркам здесь не место.

— Этому — место, — сказала она, протягивая свёрток.

Тарикуэль принял его и развернул быстрым нетерпеливым движением. Воин посмотрел на то, что скрывала ткань, и на мгновение его лицо смягчилось, когда он понял, что перед ним.

— Он уродлив, — наконец произнёс он.

— Да, — согласилась она. — Он уродлив, но должен находиться в храме войны.

Тарикуэль сжал обёрнутую кожей рукоять пальцами, которые оказались слишком изящными для такого жестокого и грубого оружия. Эфес был выкован в боевом стиле, его воинственную форму покорили молотами и плавящим жаром. Неудивительно, что металл не выдержал горнило боя, и чёрный клинок сломался в пяди над крестовиной. Какое оружие не обернулось бы против своего владельца после столь травмирующего рождения?

С расширяющегося креста навёршия свисала разорванная цепь из холодного железа, последнее звено было ровно срезано одним ударом.

— Хорошо, я покажу подарок экзарху Ариганне. Она решит, стоит ли нам оставить его.

— Спасибо.

— Это был его меч?

— Нет, его не было среди убитых на Дантиуме.

— Тогда тебе надо лучше бросать свои руны, — раздражённо произнёс Тарикуэль, и в чертах его лица проступила воинская маска. — Жизни эльдар были потеряны в той битве. Теперь ты говоришь, что это оказалось напрасно?

Бьеланна покачала головой. — Ничто и никогда не происходит в само по себе, Тарикуэль, — сказала она, пытаясь объяснить ему сложности влияния на видения пряжи. — На Дантиуме произошло то, что должно было произойти. Это привело нас сюда и без смерти тех людей будущее, которое я хочу создать, никогда не произойдёт.

— Твои слова мимолётны, как варп-паук и столь же иллюзорны.

— Человеческие судьбы столь кратки и переменчивы, что за ними трудно проследить с какой-нибудь реальной точностью.

— Итак, мы снова идём на войну, чтобы исправить потерянное будущее, в котором мы сами не уверены?

— Мы должны, — ответила Бьеланна, собрав руны в украшенной узорами чаше и снова закружив их. Тарикуэль ослепительно быстро вытянул руку и крепко схватил её запястье, провидица поморщилась от боли.

— "Звёздный Клинок" — большой корабль, — сказал он. — И, конечно же, на нём есть места, которые лучше подходят для метания рун, чем храм аспекта?

— Есть, — согласилась Бьеланна, когда воин отпустил руку.

Тарикуэль кивнул на руны в чаше и добрая душа, которой он был, прежде чем сладкая песнь Кхаина позвала его, на мгновение проявила себя.

— То, что мы делаем здесь и в самом деле приближает будущее, которое ты ищешь?

Слёзы хлынули из глаз Бьеланны, когда она представила две пустые кровати в своих покоях.

— Ещё нет, но приблизит. Должно приблизить.

МИКРОКОНТЕНТ 07

Он был левиафаном, грандиозной био-механической структурой, далеко вышедшей за пределы норм естественной эволюции его вида. Его конструкция была необъятной, самоподдерживающейся и превосходящей смехотворный биологический императив: существовать, потреблять, производить потомство. Являться железом и маслом, камнем и сталью — значит обрести неизменность, но если остатки плоти в центре подобных восприятий и знали что-нибудь, так это то, что ничто созданное руками человека не бывает неизменным.

Сидя на командном троне и соединённый с машинным сердцем "Сперанцы" с помощью тактильной обратной связи, нейронных соединений и манифольда архимагос Лексель Котов чувствовал дух корабля, который проходил сквозь него, тысячелетнее сердце, ревущее водопад информации, которая вздымалась вокруг потока данных, подобно бурлящей реке света. Даже несмотря на столько точек подключения он осмеливался касаться только самых поверхностных уровней разума ковчега. Немного глубже и он рискует оказаться сметённым могучим великолепием, утонуть в жидких потоках чередуемых данных.

Дух-машина "Сперанцы" оказался на порядки грандиознее, чем любая био-аугментированная сущность, с которой сталкивался архимагос. Он легко мог целиком поглотить его смертный разум и превратить тело в пустую, безмозглую оболочку, которая способна осмыслить своё существование не больше сервитора. Котов однажды рискнул соединить все когнитивные функции своего разума с раненым сердцем мира-кузни, чтобы предотвратить катастрофический отказ реактора, но "Сперанца" затмевала даже тот могучий дух.

Миры-кузни представляли собой кипящие котлы чистой функции, прямо соединённые на грани безрассудства, целые планеты предприятий, доведённые до крайности производством, которое работало только благодаря десяткам тысяч жрецов Марса. "Сперанца" придерживалась то же самой функции, но нескованной неподвижной звёздной географией. Мир-кузня, способный путешествовать среди звёзд, грандиозная машина созидания, способная соперничать с чудесами Золотого Века Технологии.

Обнаружение "Сперанцы" было неожиданным и произошло благодаря случайному проникновению ошибочного кода из её дремлющего ядра-разума в инфомашины верховного храма Котова на мире-кузне Паломар. Сначала он не обратил внимания на бинарную утечку, сочтя её призрачными выбросами давно деактивированных машин, но когда инфоциты отыскивали глубоко в сетях код с аналогичными характеристиками, картина прояснилась, постепенно открывая нечто невероятное.

Вся мощь аналитиков Котова была пущена в ход и расходящиеся пути просачивающихся

данных быстро идентифицировали. И даже тогда никто полностью не смог понять всю значимость обнаруженного нейро-соединёнными жрецами. Только после того, как команды эксплораторов потратили добрую половину столетия, проверяя внешние границы зоны, откуда исходил код, Котов осмелился поверить, что это правда.

Один из легендарных ковчегів Механикус.

Погребённый в стальном фундаменте его мира-кузни тысячи лет.

Говорили, что существует всего лишь несколько таких невероятных судов, и обнаружение неповреждённого было чудом, соперничающим с нахождением полностью функционирующей системы СШК. Ни один из восстановленных блоков данных так и не смог идентифицировать корабль, и это обстоятельство изумило Котова, ибо центральным догматом Механикус было никогда и ничего не удалять. Получалось, что фактически корабль раньше просто не существовал. Сначала Котов решил, что давно умерший экипаж каким-то образом сумел посадить неповреждённым огромный космический левиафан на поверхность планеты, а затем встроил его в металлический слой.

Только когда исследовали большую часть судна, Котов наконец-то понял правду.

Ковчег оказался незавершённым.

Часть корабля требовалось достроить и его никогда не запускали. По неизвестным причинам создатели остановили проект на заключительных этапах и просто включили существующую структуру в увеличивавшийся запутанный клубок промышленности планеты. О судне забыли, и его залы технологических чудес и великих амбиций поглотил развивающийся мир-кузня, не оставив ни одного видимого намёка на первоначальное происхождение.

И так продолжалось многие тысячелетия, пока воля Омниссии не вернула его к свету. Котову нравилось думать, что корабль хотел, чтобы его нашли, что он мечтал о путешествии к звёздам и исполнению цели, ради которой его создали.

Архимагосу потребовалось три века, чтобы демонтировать сооружения, возведённые на погребённом корпусе, и ещё два, чтобы осторожно поднять его в космос при помощи флота подъёмников и гравитационных стабилизаторов. Незавершённые части ковчега достроили на орбитальных платформах, разобранные комплектующие трёх системных мониторов обеспечили необходимые стальные конструкции и недостающие элементы технологий.

Его верфи обладали опытом и нужными схемами СШК, чтобы подготовить корабль к запуску, но возрождение бездействовавшего духа-машины — совсем другое дело. Он проспал века, словно забытый реликт, и Котов знал, что должен напомнить ему о древнем долге продолжить поиск знаний.

Архимагос общался с умирающими мирами-кузнями, успокаивал непокорных титанов и очищал повреждённые инфомашины от исходного скрапкода, но древний дух "Сперанцы" почти уничтожил его. Несмотря на огромный риск для разума, он потянул спящую душу ковчега к жизни, раздувая яркую искру Омниссии, которая лежит в сердце каждой машины, в жгучее пламя восторженного света.

Но столь бурное рождение стоило дорого, все новорождённые боятся покидать место своего одиночества, где они пережили эпохи. Подобно раненому зверю ковчег прокричал мучительный шквал архаичного кода, захлестнув все био-нейронные сети Паламара. Машинные крики перегрузили тщательно сбалансированные регуляторные сети мира-кузни и в мгновение ока превратили планету в руины. Сотни активных зон реакторов за долю секунды достигли критической массы, и последующие взрывы опустошили целые

континенты. Невосстановимые библиотеки обратились в пепел, расплавленный шлак или воюющие куски кода. Миллионы танков, боевых машин и техники, отчаянно необходимые для бесконечных войн человечества, оказались потеряны в радиоактивном адском шторме.

К тому времени как гнев родившейся "Сперанцы" спал, всё живое на поверхности планеты было мертво, а все уцелевшие кузни получили такую дозу облучения, что можно было забыть об их восстановлении. В производственных десятинах Котова появилась зияющая брешь. И всё же потеря целого мира-кузни оказалась всего лишь небольшой жертвой, потому что древний космический корабль вспомнил себя и свою великолепную функцию. Хотя несколько нижних палуб пропитала загрязнённая пыль, поднятая планетарными радиационными штормами, большинство конструкций избежали сильных повреждений.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Освободив корабль от родной планеты, Котов назвал его "Сперанца", что означало "надежда" на одном из забытых языков Старой Земли. Ковчегу понравилось имя, и архимагос с отеческой гордостью наблюдал, как необъятный дух-машина вливался в судно, учась и развиваясь с каждым циклом роста.

Разум "Сперанцы" быстро стал единой взаимосвязанной сущностью, которая поглотила духи всех машин, составлявших её великолепнейшую структуру. Даже грандиозные инфомашинны Адамантиевого Кивория оказались всего лишь песчинками в её колоссальном разумном пространстве, коллективном разуме в самом чистом значении этого слова. Знания разделялись, как только попадали в сердце "Сперанцы" и не существовало никакой более чистой формы мысли.

Даже просто смотреть на столь прекрасные накопленные данные означало находиться в присутствии Омниссии.

Заправляя плазменные двигатели Авреем думал, что занимается самым неблагодарным делом в своей жизни, но уборка дренажных камер от побочных продуктов сгорания превзошла даже это. Каждые десять часов двигатели выделяли вулканическую смесь из плазменной золы, токсичных химических осадков и остаточных тяжёлых металлов, сгоревших на внутреннем покрытии двигателей.

Всё это вываливали из нижних приводных цилиндров в арочные перерабатывающие залы, которые располагались под камерами сгорания, гигантские открытые площадки с чёрными стенами, шептавшими тусклый синий призрачный код, казавшийся Авреему отражённым светом мостика. Гладкие, острые, как бритва отходы лежали большими дюнами рефлексированных серых осколков, большую их часть ждала переработка для использования где-нибудь в другом месте судна. Перерабатывающие залы задыхались от ядовитых химикатов, едких осадков, огнеопасных паров и жгучих туманов. Огромные бульдозеры с вулканизированными колёсами, дымившими от коррозионных эффектов выбросов двигателя, с трудом продвигались по колеблющимся кучам отходов, сгребая их в громадные кузова громыхавших грузовиков.

Сразу за бульдозерами следовали крепостные в изношенных комбинезонах, которые, пожалуй, ещё примархов помнили молодыми, они двигались неровными рядами, как солдаты на каком-то архаичном поле битвы. Первая волна с трудом удерживала длинные напорные шланги, из которых в пол била кипящая вода, в то время как вторая с широкими лопатами и скребками подбирала все обломки измельчённых материалов.

Ничто не пропадало впустую, а мерцающая пелена зеркальной пыли, искрившая в

воздухе, забивала воздухоочистители и гарантировала, что каждый несчастный на следующий день откашляет стёртую пищеводную ткань. Спустя всего день в перерабатывающих залах Авреем заметил, что руки и лицо покрылись волнистым слоем струпных волдырей. Все, кто работал на переработке в тот день, получили шрамы, но никого, казалось, это не волновало. Глаза Авреема жгли химические раздражители и гранулированная пыль, попавшие в складки кожи вокруг глаз, и он плакал тонкими кровавыми ручейками.

В искусственных сумерках нижних трюмов дни и ночи стали неразличимыми, постоянно менявшиеся жестокие требовательные задачи, похоже, были специально рассчитаны, чтобы лишить время смысла. Грудь Авреема болела, на руках и ногах появились волдыри и царапины, волосы заметно поседели, а дёсны кровоточили. Их существование превратилось в однообразный неблагодарный труд, и лишилось всего, ради чего стоило жить. Каждый день стирал их человечность, пока они не стали немногим больше, чем органическими автоматами. Этого оказалось достаточно, чтобы сломать дух даже самого непокорного крепостного. С каждым прошедшим днём недовольство становилось всё меньше и меньше, сопротивление вытравили безжалостной тяжёлой работой и бесконечным ужасом ежедневных норм.

Авреем чувствовал, что угасает и прижал руку к карману, который он пришил к спецовке, где хранил карточку Или и Зеры. Мысль, что скоро он присоединится к ним — вот единственное, что не давало опустить руки и поддерживало, пока Император, наконец, не заберёт его в Своё царство. Койн влачил немногим лучшее существование, проводя смены в угрюмой тишине, а редкое время отдыха, свернувшись в позу эмбриона на металлической койке.

Но одного человека, похоже, ещё не сломали.

Хоук оказался физически и психически крепче, чем ожидал Авреем, он чувствовал себя лучше, чем многие из мужчин и женщин, которые оказались с ним на борту. Авреем пришёл к выводу, что когда запасы сил Юлия иссякали, его подпитывали горечь и злость. Работая рядом, он слышал нескончаемый поток злобных ругательств бывшего гвардейца, тот проклинал всех, начиная с архимагоса и заканчивая своим личным заклятым врагом, надзирателем Врешем. Авреем знал, что солдаты входят в число самых изобретательных сквернословов, но Юлий Хоук достиг в этом совершенно иного уровня.

Во время отдыха Хоук пересказывал истории о своей службе в Гвардии, и если хотя бы половина из того, что он говорил о чудовищных космических десантниках-предателях, осаждавших крепость Адептус Механикус, было правдой, то, пожалуй, ему можно было многое простить после столь ужасающего опыта. Его истории постоянно развивались с каждым новым пересказом для всё более благодарных слушателей. Хоук ругал надсмотрщиков Механикус и открыто призывал восстать против Вреша или принять меры, чтобы покончить с их принудительным рабством.

Авреем смеялся в отчаянии, но никто не следовал его примеру.

Между приступами мятежной демагогии Хоук часто исчезал в извилистом лабиринте стальных трапов, окружавших их спальное помещение, неизвестно куда направляясь, чтобы вновь появиться только когда Вреш включал сирену, отмечая начало рабочей смены. Всякий раз, когда Авреем спрашивал его, куда он ходил, Хоук только заговорщически касался носа и подмигивал.

— Всеми своё время, Ави, всеми своё время, — вот и всё, что он отвечал.

Как Хоук находил силы для таких таинственных прогулок, оставалось для Авреема тайной, пока он не понял, насколько умело Юлий избегал всего, что хоть как-то напоминало работу. Споры с Врешем, забытые инструменты, повреждённое оборудование и симуляции — всё это приводило к тому, что он работал намного меньше остальных. Но его вовсе не стали ненавидеть, как "сачка", наоборот он только укрепил свою репутацию мятежника и подстрекателя.

Вот и сегодня Авреем стал свидетелем, как Вреш много раз посылал Хоука к шкафчикам с припасами, а тот сумел растянуть эту задачу на лишние несколько часов. К концу смены Авреем полностью вымотался и не мог думать ни о чём, кроме как упасть на свою третью койку в ряду и закрыть глаза, пока ненавистная сирена не пробудит его от кошмаров бесконечного рабства.

Кошмаров, которые не отличались от реальности.

— Ещё один день закончился, а? — спросил Хоук, незаметно подойдя к ним с Койном с усмешкой, которую Авреему захотелось стереть тяжёлым скребком. Но даже несмотря на своё опустошённое и ошеломлённое состояние он понимал, что это, скорее всего, плохая идея. Крушила ходил за Хоуком, как верный пёс, и Авреем не сомневался, что любая попытка поднять руку на Хоука, приведёт к тому, что кулак огрина превратит его лицо в пюре.

— Я просто хочу спать, Хоук, — сказал он.

— Ага, я тоже. Долгая смена, в течение которой мы помогали лететь этому судну. Ты в курсе, что мы самые важные люди на борту?

— Да ну?

— Конечно, само собой разумеется, если хочешь знать, — ответил Хоук, глубокомысленно кивнув. — Если мы перестанем делать свою работу — вся эта машина сломается. Может мы и самые крошечные шестерёнки, но мы всё равно остаёмся важными, верно? У каждой шестерёнки своя роль?

— Как скажешь, — пробормотал Койн.

— Ты считаешь, что некоторые шестерёнки важнее других?

— Да нет.

Хоук покачал головой. — Неважно. Я покажу тебе позже.

— Покажешь мне что? — спросил Авреем, хотя больше всего он хотел рухнуть на койку и урвать несколько часов беспокойного сна.

— Увидишь, — сказал Хоук, направляясь в хвост колонны усталых рабочих, Крушила верно следовал за ним попятам.

— О чём это он? — поинтересовался Койн.

— Не знаю, — ответил Авреем. Для Хоука было обычным делом дразнить тайнами, а затем давать задний ход, как капризная портовая шлюха. — И не особо хочу узнать.

Койн кивнул, и они вошли в отсек, который с типичной функциональностью Механикус и их легкомысленным презрением к человечности крепостных называли пищеблоком-86. Тяжёлые стальные балки поддерживали потолок, с которого сыпалась промышленная серая краска, и свисали пульсирующие кабели, пышущие жаром трубы и тусклые ненадёжные фонари в железных клетках.

По всему залу протянулись ровные длинные ряды опорных столов, между которыми медленно двигались неповоротливые сервиторы, скупно отмеривая то, что со смехом называли пищей для крепостных. Она даже отдалённо не выглядела аппетитно, но

единственной альтернативой оставался голод.

Иногда Авреем думал, что лучше всё же голодать.

Одна смена просто уходила, направляясь на очередную работу, а люди, только что покинувшие ядовитые перерабатывающие залы заходили, занимая её место.

— Трон Терры, — пробормотал Койн, когда нашёл, где сесть и втиснулся между человеком, лицо которого превратилось в бесформенную массу струпьев и химических пузырей. Второй сосед выглядел не лучше: его предплечья покрывала паутина плазменных флект-рубцов, которые похоже нанесли осознано. Авреем занял место напротив Койна и опустил голову на руки. Никто ничего не говорил, истощение, песок в горле и бессмысленность разговоров заставляли их молчать.

За спиной Койна появился сервитор, внешне он напоминал мужчину с бледной пепельной кожей, черепным кожухом, заменившим большую часть мозга, и грубой аугметикой, превратившей его в раба-киборга, который беспрекословно выполнит любую задачу. Возможно, когда-то он был преступником или каким-то другим социально опасным типом, но заслужил ли он полного лишения человечности и превращения в немногим больше чем органический инструмент? Впрочем, оставалась ли вообще большая разница между сервитором и людьми, которых он кормил?

Рот сервитора запечатывала тяжёлая дыхательная пробка, голову опоясывали фиксирующие цепи, намекая, что когда-то он был нарушителем спокойствия или мятежным демагогом. Из аугметированного горла донеслась волна белого шума, и Койн наклонился в сторону, когда сервитор поставил на стол отформованный пластмассовый поднос.

В его углублениях оказалась густая безвкусная и тягучая, словно смола питательная паста, горстка витаминов и стимулирующих таблеток, и жестяная чашка, наполовину наполненная насыщенной электролитами водой.

Авреем слышал за спиной тяжёлую поступь сервитора и почувствовал резкий запах свежей био-нефти на недавно установленных разъёмах. Он наклонился в сторону, и бледная рука поставила такой же поднос перед ним.

— Спасибо, — сказал Авреем.

— Зачем ты делаешь это? — спросил Койн. — Они даже не понимают твои слова.

— Старые привычки. Они напоминают мне, что мы всё ещё люди.

— Напрасная трата времени на мой взгляд.

— Ладно, не буду, — огрызнулся Авреем, слишком уставший, чтобы спорить.

Койн пожал плечами, а сервитор убрал руку и направился дальше вдоль стола, но оптические имплантаты Авреема успели зарегистрировать свет от подкожной электронной татуировки на внутренней стороне его предплечья, имя, написанное на витиеватом готическом шрифте. Авреем мигнул, потому что узнал имя и повернул руку, чтобы посмотреть на такую же надпись.

Савицкас.

— Стой! — крикнул он, встал из-за стола и направился за сервитором.

Сервитор был спиной к нему и носил брезентовые светоотражающие оранжевые брюки. Вдоль всего позвоночника вилась имплантированная арматура, а левую половину черепа заключили в бронзовый шлем. Он толкал перед собой гусеничную раздаточную тележку и двигался неторопливой походкой лунатика.

— Это ты? — спросил Авреем, почти боясь, что сервитор ответит.

Ответа не последовало, что впрочем, и не удивило, и сервитор продолжил ставить

пластмассовые подносы перед крепостными, словно к нему и не обращались.

Авреем шагнул в сторону и встал прямо перед сервитором, блокируя ему путь и мешая идти. Из-за стола донеслись раздражённые крики, но он проигнорировал их, слишком потрясённый, чтобы отойти.

— Исмаил? Это ты? Кровь Тора, что они сделали с тобой?

И вновь сервитор не ответил, но Авреем безошибочно узнал тонкие черты лица своего бывшего начальника. Лицо Исмаила выглядело оплывшим и невыразительным, свёрла и мозговые шипы в черепе уничтожили чувства и заменили их наборами циклических программ, подчинительных алгоритмов и автономных функциональных регуляторов. Один глаз ампутировали и заменили монитором движения и сердечного ритма, на месте правого плеча появился незамысловатый фиксированный крутящийся шарнир, который позволял перемещать подносы с едой между раздаточной тележкой и столами, никакого иного использования предусмотрено не было.

Авреем вытянул предплечье, и посмотрел на свою электронную татуировку, написанное курсивом слово, которое не отличалось от меток под кожей сервитора.

— Савицкас? — спросил он. — Не говори мне, что ты не помнишь его? Самый мощный кран в доках Джоуры? Ты, я и Койн были командой, помнишь? Савицкас? Ты должен помнить его. Ты — Исмаил де Ровен, начальник смены на Савицкас!

Авреем схватил Исмаила за плечи, одно из плоти и крови, другое из стали и механизмов. Он тряс ставшего сервитором Исмаила и если бы у него ещё оставались настоящие слёзы, то он заплакал бы. Хватит и кровавых слёз.

— Разрази их Трон, — прорыдал Авреем. — Разрази всех их Трон...

Он даже не понимал, почему вид Исмаила, которого превратили в лоботомированного раба-киборга, так сильно расстроил его. Исмаил был его начальником, но они отнюдь не были друзьями.

Авреем почувствовал руку на плече и позволил увести себя с пути сервитора.

Едва он шагнул в сторону, как Исмаил продолжил монотонную работу, двигаясь вдоль стола и ставя поднос за подносом с отвратительной безвкусной пищей перед голодными крепостными.

Стоявший рядом Хоук быстро отвёл Авреема назад, прежде чем вмешались надзиратели, и опустился на скамейку рядом с ним. Койн сидел там же, где Авреем оставил его, запихивая полную ложку пасты в рот.

— Так вот, что произошло с ним, — задумчиво произнёс Хоук, наблюдая, как Исмаил идёт дальше.

— Они превратили его в чёртового сервитора... — с отвращением произнёс Авреем.

— Не думал, что вы были столь близки или я что-то пропустил?

Авреем покачал головой. — Нет, мы не были близки. На самом деле он мне не нравился.

— Он был глупцом, — зло произнёс Койн. — Если бы не вы оба я не оказался бы в том проклятом баре. Я был бы сейчас дома с Каэллой. Катитесь вы оба в варп, я рад, что они просверлили ему мозг.

— Думаешь, он заслужил это? — спросил Авреем.

— Конечно, почему нет? Мне всё равно.

— Потому что ты можешь стать следующим, — зло прошептал Авреем, наклонившись над столом. — Адептус Механикус просто скормили Исмаила своим машинам и выплюнули

его человечность, как что-то бесполезное. Он — каркас из плоти для их проклятой бионики. От него ничего не осталось.

— Что ж, возможно, ему повезло.

— Твой друг прав, — присоединился Хоук. — Исмаил может и раб, но он хотя бы не знает этого.

— И значит всё в порядке?

— Разумеется, нет, но, по крайней мере, он не страдает.

— Ты не знаешь этого.

— Верно, — согласился Хоук. — Но и ты не знаешь, страдает ли он. Послушай, у тебя была долгая смена, и ты расстроен, увидев бывшего коллегу, которому отрубили полмозга. От такого любому придётся несладко, я прав?

— Ты прав, Хоук, — вздохнул Авреем.

— Держу пари, что ты не отказался бы от стаканчика шайна? — дружелюбно продолжил Хоук. — Я бы не отказался.

Авреем едва не рассмеялся. — Конечно, да. Я люблю выпить. Я спрошу у надзирателя Вреша разрешение прошвырнуться по барам. Император знает, я хотел бы напиться прямо сейчас.

Хоук ухмыльнулся своей акульей усмешкой и сказал. — Тогда сегодня, мой добрый друг, твой счастливый день.

Котов устремил свой разум вовне, перенаправив восприятие с золотистых воспоминаний к перспективам будущего. Флот быстро приближался к внешним пределам системы Джоуры, проложенный госпожой Тихон курс оказался прекрасной демонстрацией звёздных картографических умений. Блейлок всё ещё переживал из-за её вмешательства, но Таркис всегда эмоционально реагировал — особенно из-за женщины, которая столь показательно пренебрегала видимой аугметикой.

Точка Мандевиля становилась всё ближе, и Котов ощущал горячее желание ковчега вновь прорвать завесу Имматериума. Работающие плазменные двигатели почти достигли максимального допуска, и риск отказа приводной камеры рос по экспоненте. Котов отделил частичку своего сознания и направил её по ноосфере, чтобы успокоить рвение двигателей. Его аугметированный мозг мог функционировать с полной когнитивной информированностью, в то время как множество сегментов действовали независимо, уделяя внимание второстепенным задачам. Сто или больше элементов сознания архимагоса управляли различными системами судна, и всё же он оставил достаточно разума в пределах коры головного мозга, чтобы сохранять собственные чувства.

Его внимание переключилось на область мозга, соединённую с системами ауспиков и комплексами топографов, читая ведьмино варево излучения электромагнитных волн вокруг огромного корабля. Он чувствовал изгибы корпуса "Сперанцы" словно собственное тело, от холода космоса оставшаяся на теле кожа сморщилась, и по ней побежали мурашки.

Далеко впереди летел "Ренард" и Котов уделил время, чтобы внимательно изучить судно капитана Сюркуфа. Это оказался прекрасный корабль, получивший разрешение Адептус Механикус на значительное модифицирование, переоборудование и усовершенствование. Он стал быстрее, манёвреннее и нёс гораздо более мощное вооружение, чем положено судну такого размера. Подобные модификации не купишь за бесценок на мире-кузне и это опровергало предположение, что Сюркуф присоединился к экспедиции по чисто финансовым причинам.

Сознание Котова переместилось с "Ренарда" на "Адитум".

Где судно вольного торговца демонстративно изобиловало потоками данных, уменьшенный корабль Храмовников оставался столь же тёмным, как сердцевина чёрной дыры, лишённым информации, его духи-машины закрылись от архимагоса. Раздражало и в некоторой мере оскорбляло, когда настолько высокопоставленный жрец Духовенства Марса оказался так недвусмысленно проигнорирован, но машины Адептус Астартес всегда быстро усваивали характерные черты ордена, которому служили.

Остальной флот держался возле "Сперанцы" сгруппировавшись вокруг её величественности, подобно лакеям при королевском дворе. Котову даже не пришлось уделять им внимание, независимые части его сознания направили корректирующие приказы капитанам множества судов: маневрирующие указания тем, кто подошёл слишком близко, и внутренние системные корректировки тем, чьи сети передачи данных накопили микроошибки.

Корабль Сюркуфа был гончей, которая вела охотников, и, несмотря на проявленное ранее непочтение Котову пришлось восхититься смелостью капитана бросить вызов воле архимагоса, за спиной которого стоял реклюзиарх. Он понимал мотивацию Сюркуфа лучше любого на борту "Сперанцы". Остальные считали Робаута пустым хлыщом, вольным торговцем, искавшим только богатство и славу, но Котов знал правду. Он знал о прошлом Сюркуфа, его отрочестве в Ультрамаре, службе старшим офицером на борту злополучного "Наставника" и последующих неудачах.

Во многом он и Робаут Сюркуф оказались очень похожи.

Большинство в Духовенстве Марса полагали, что рисковать ковчегом Механикус в этих поисках было бесполезной затеей, последним безнадёжным гамбитом магоса, активы и влияние которого стремительно сократились за десятилетие. Возможно, это и было глупостью, но Котов не мог поверить, что обнаружение им "Сперанцы" и находка Сюркуфом реликта потерянного флота Телока не являлись волей Омниссии.

Вместе они стали проблесками надежды, когда его вера подверглась жестокому испытанию.

Первым потерянным миром-кузней архимагоса стал Арцетри, который атаковало и поглотило поисковое щупальце флота-улья Предвестник. Из-за недостатка информации о биологических особенностях расы тиранидов Котов решил, что миры промышленности и стали представляют мало интереса для прожорливых ксеносов. Это предположение дорого стоило ему во время вторжения бесчисленных роев, ведомых ненасытным голодом. И хотя много священных машин и жрецов удалось эвакуировать, прежде чем первые споры затмили небеса, ещё больше оказались поглощены океанами желудочной кислоты.

Ураниборг-1572 пал из-за козней Вечного врага, внезапного и отвратительного восстания против законно назначенных Котовым смотрителей, на глазах которых ресурсы целого мира-кузни захватили механизированные армии техно-еретика Вотхира Тарка. Окружённые скитарии и техножрецы сражались до конца, дабы не отдать ресурсы планеты врагу, но низкое предательство легио Серпентес положило конец их сопротивлению за несколько дней. Ураниборг-1572 стал поражённой порчей адской кузней Тёмных Механикус, миром кровавого железа, где восхитительная промышленность, некогда служившая Золотому Трону, подверглась искажению, чтобы питать кровожадную ярость механизированного демонического отродья, которое не заботило осквернение духов-машин.

Столь ужасающая потеря являлась катастрофой и сама по себе, но случившись так скоро

после падения Арцетри, она почти сломила Котова. Разрушение Паломара стало последним гвоздём в крышку гроба или, по крайней мере, так декларативно вычурно заявили его противники. Как мог магос, который допустил падение трёх миров-кузниц перед врагами человечества, надеяться сохранить свои активы на Марсе? Разумеется, говорили они, оставшиеся храмы-кузни, принадлежавшие Лекселю Котову, должны перейти к другим более способным магосам, прежде чем его невезучее прикосновение уничтожит и их?

"Сперанца" изменила всё.

Прилетев на орбиту Марса на таком могучем реликте эпохи чудес, он заставил врагов уйти в тень. Во всяком случае, большинство из них, некоторые же оказались близко, как никогда.

Обнаружение "Сперанцы" позволило ему выиграть время, но продолжающаяся невыплата десятины в таком огромном масштабе означала, что оставалось только вопросом времени, когда его лишат марсианских владений, а ковчег Механикус конфискуют.

Это рискованное путешествие в неизвестный космос в поисках потерянного флота Телока стало последним шансом сохранить то, над чем он так упорно работал, и что столь тяжело ему досталось. Но Котова вело далеко не только желание спасти созданное. Во время возвышения в рядах Механикус он позволил себе забыть первые принципы Духовенства, и Омниссия наказал его за целенаправленное стремление к мирской власти.

Открыть заново реликвии Золотого Века Технологий — такую цель никто не посмел оспорить, и его ждёт триумф, если он вернётся хотя бы с крупицей того, что надеялся найти Телок. Пропавший магос утверждал, что ищет никак не меньше, чем тайны мифической расы создателей, которые, как он верил, могли вызывать к жизни галактики, звёзды и планеты; технологию, которая могла изменить саму сущность бытия.

От пыльных архивов-усыпальниц далёких руин до запретных хранилищ в тёмном сердце галактики. Говорили, что Телок потратил всю свою жизнь в поисках того, что он называл Дыханием Богов, артефакта невиданной мощи, способного повторно зажечь умирающие звёзды, превратить геологически инертные породы в райские миры и вдохнуть жизнь в самые бесплотные регионы дикого космоса.

Конечно, Телока высмеивали и презирали, его, так называемые доказательства, игнорировали, а теории не принимали всерьёз, считая полной чушью.

И всё же...

Последнее несвязное сообщение, переданное на Марс из-за Шрама Ореола, говорило об успехе экспедиции. Искажённые обрывки сообщения, ретранслированного через манифольдную станцию Валетте, — вот единственное, что осталось от экспедиции Телока, неполный код более чем за три тысячи лет. Не слишком много, чтобы организовывать столь всестороннюю экспедицию, но в этом путешествии веры и паломничества было не меньше раскаяния.

Котов найдёт Дыхание Богов и вернёт на Марс.

Ни ради слав и почестей, и ни ради власти.

Он сделает это ради Омниссии.

МИКРОКОНТЕНТ 08

Вращаясь взад и вперёд, стрелка астронавигационного компаса покачивалась на игле гироскопа, прежде чем, наконец, указать направление. Оно не имело отношения к их фактическому курсу, но этот компас и не был частью "Ренарда". Когда-то он располагался на богато отделанной капитанской кафедре "Наставника" и много лет верно направлял корабль, прежде чем этот идиот Миндар зашёл слишком далеко.

Робаут сидел в своей каюте за полированным столом из палисандра, наблюдая, как стрелка снова и снова сбрасывается с воображаемого курса и начинает бесплотный поиск истинного азимута. Он постучал по стеклу тонким ногтем и едва не улыбнулся, когда стрелка прекратила лихорадочно метаться, словно собака, услышавшая эхо голоса давно потерянного хозяина. Едва она остановилась, как снова дёрнулась и подпрыгнула, пытаясь найти точку привязки, на которой можно было остановиться.

— Поймай для меня ветер, старый друг, — произнёс Робаут.

Играла тихая музыка, Баллада о солдате Томе, грустная народная мелодия древних дней, история об умирающем солдате Пятисот Миров, развлекавшего симпатичную медсестру рассказами о красотах родного мира, который он больше никогда не увидит. Робауту нравились гордость и мечтательно-грустные образы в песне, хотя её редко играли в последнее время. Слишком многие считали дурным тоном петь о былой славе Калта, но Робаут не соглашался с подобной чушью. Это была прекрасная мелодия, и ему нравилось слушать, каким был синий мир, пока предательство не опустошило его.

Каюта Робаута выглядела аскетично, мало что указывало на то, что в её стенах жил человек, командующий кораблём. Обстановка в каютах большинства капитанов Ультрамара выглядела простой и Робаут не был исключением. Впрочем, прибыльные годы жизни вольного торговца оставили свой след: шарф от девушки, которая поцеловала его, когда он покидал Бакку; похвальные грамоты Флота в рамках; лавровая розетка времён службы в Иакской оборонной ауксии, полученная за бой с диверсионной группой транс-орбитальных повстанцев с астероида; и маленькая гололитическая камея, изображавшая наклонённый профиль молодой девушки с взъерошенными светлыми волосами и печальными понимающими глазами. Её звали Катен, и Робаут с болезненной ясностью помнил день, когда сделали этот пикт. Проходящий пиктограф снял его на празднике Первого Урожая, когда они гуляли рука об руку среди артистов и ярко раскрашенных павильонов, где продавались резные сувениры, украшения, конфеты и сладкая выпечка.

Она весь день держалась отчуждённо, и он знал почему.

Его блестящая служба в Иакской оборонной ауксии подходила к концу, но вместо того, чтобы повесить ружьё на стену и занять должность в одном из лучших аграрных

коллективов он направил послушной список в манифольд Флота. Он сказал Катен, что это не более чем праздное любопытство, желание увидеть, каким станет ответ, но не прошло и месяца, как вербовщик Флота прилетел на Иакс и стал настойчиво убеждать его принять должность младшего офицера на борту имперского боевого корабля.

Он сказал вербовщику, что ему потребуется некоторое время и тот не стал вдаваться в подробности с сухой усмешкой, которая сказала Робауту, что он уже много раз слышал это и готов подождать. Их жизни с Катен продолжались, но каждый в глубине души знал, что Робаут покинет Иакс на следующем солнцестоянии с верфями Флота на Макрагте. Она остановила пиктографа и, хотя он предлагал сняться им вместе, Катен настояла на отдельном портрете.

Сейчас он понимал почему.

Она вышла замуж за хорошего человека из старинного рода, который мог проследить происхождение до самой Первой Высадки и по слухам несколько его отпрысков служили в рядах Ультрадесанта. Робаут надеялся, что это правда и она счастлива. Он надеялся, что у неё сильные сыновья и красивые дочери и что она не слишком горевала по его смерти.

Новости о гибели "Наставника" не могли не достигнуть Иакса, большая часть его внутренней фурнитуры и отделки была изготовлена из хорошей иаксийской древесины. Флот зарегистрировал "Наставник" уничтоженным неизвестным кораблём Вечного врага и пропавшим со всем экипажем. Но это была только половина истории.

Робаут не хотел вспоминать, как пил ледяную воду с металлическим привкусом, капавшую в последнем содержавшем кислород отсеке на разрушенном мостике, и как пришлось слизывать с надпалубных надстроек замёрзшую плесень, оставшуюся единственным источником пищи. Такое лучше поскорее забыть, и астронавигационный компас остался единственным сувениром о службе на "Наставнике". Взять что-то ещё было слишком больно.

Он постучал по командным символам на столе, и над ярко-красным деревом появилась гололитическая панель из дымчатого стекла. Мимо прокручивались направления курса, расход топлива и кривые параболы пространственного отношения, пока инфомашины "Ренарда" передавали информацию из модулей топографов и входящие данные комплексов ауспиков "Сперанцы". Он изучал поток информации, позволив улучшениям в вычислительных центрах мозга обрабатывать данные не используя префронтальную часть. Его природные способности уроженца Ультрамара обеспечили быстрое продвижение в командных рядах Флота, что привело к вживлению нескольких мозговых имплантатов, которые всецело и неоднократно доказывали свою ценность, как в космосе, так и на суше.

— Кто-бы ни проложил курс, он разбирается в звёздах, — произнёс Робаут, экстраполируя промежуточные пункты маршрута в следующих нескольких секторах, где они выпрыгнут из варпа, чтобы сверить координаты, прежде чем направиться в Шрам Ореола на галактической границе. Пальцы капитана порхали над спроектированным курсом, что-то увеличивая, что-то пропуская и изучая области особенно искусного гексаматического вычисления. Большая часть оказалась за пределами его ограниченного понимания столь тайных многомерных подсчётов, но он знал достаточно, чтобы признать тонкую работу.

Робаут открыл цельный ящичек в столе сложным тактильным жестом и прошептал приказ на языке, который его человеческое горло едва сумело воспроизвести. Внутри находился украшенный золотой гравировкой диск памяти из приводного маяка спасательной капсулы. Он изучил данные, закодированные в решётчатой структуре диска на дискретном

терминале, хотя большая их часть оказалась почти бесполезна без ссылок на исходные значения астрономической географии за пределами Шрама Ореола. Оставалось надеяться, что как только они окажутся на противоположной стороне Шрама, то смогут найти эти точки координат.

Даже учитывая, что терминал, на котором он просматривал данные, не был связан с главными логическими машинами корабля, он отформатировал его ещё перед выходом на орбиту Джоуры, прекрасно понимая, что Котов попытается покопаться в памяти "Ренарда", как только поймёт, что сделал Робаут.

Конечно же, магос Павелька позже нашла доказательства тонкого, но всеобъемлющего несанкционированного доступа в когитаторы судна, глубокого проникновения, которое затронуло каждую систему в поисках недостающих данных. Это вызвало у Робаута усмешку. Словно он небрежен в дисциплине данных!

Приятный звон донёсся из стола, как если бы ножом слегка постучали по бокалу, и он очистил информацию о курсе резким движением руки. Мигавшая вокс-иконка с символом командования Кадии появилась в углу дымчатого стекла, и Робаут усмехнулся, уже ожидая звонка из штаба полковника.

Он коснулся экрана, и появилось изображение серьёзного мужчины, по-юношески красивого, но поджарого, как волк, напомнив Робауту, что даже штабные офицеры кадианского полка были отлично обученными и проверенными в бою солдатами. Он узнал человека, которого видел в Адамантиевом Кивории, это оказался один из адъютантов полковника, но не смог вспомнить представили ли их друг другу. Чёткость изображения была непревзойдённой, Робаут подозревал, что благодаря великолепному вокс-оборудованию на борту "Сперанцы".

— Капитан Сюркуф? — спросил человек, хотя никто больше и не мог ответить по этому воксу.

— Говорите. Кто вы?

— Лейтенант Фелспар, адъютант полковника Андерса, — произнёс офицер ничуть не смущённый умышленно бесцеремонным ответом Робаута.

— Чем я могу быть вам полезен, лейтенант Фелспар?

— Я должен известить вас, что полковник Андерс устраивает вечерний обед в офицерских покоях эспланады правого борта палубы Гамма в семь склянок первой суточной вахты после прыжка. Он приглашает вас и старших членов вашего экипажа присоединиться.

— Обед?

— Так точно, сэр, обед. Могу я сообщить, что вы принимаете предложение?

Робаут кивнул. — Да, вместе с моими благодарностями.

— Форма одежды — официальная. Полковник надеется, что это не станет проблемой.

Робаут рассмеялся и покачал головой. — Нет, не станет, лейтенант Фелспар. У нас найдётся одежда, которая не слишком изношена или оскорбительна для полкового обеда.

— Тогда полковник с удовольствием примет вас, капитан.

— Передайте ему, что мы будем с нетерпением ожидать этого, — сказал Робаут, отключив вокс-связь.

Он передвинул астронавигационный компас в угол стола и встал, довольно усмехаясь. Поправив китель, он вернулся на мостик "Ренарда" и занял кресло командира. Эмиль Надер управлял кораблём, хотя ему мало что приходилось делать, учитывая, что они следовали курсу "Сперанцы".

— Чего хотели кадианцы? — спросил он.

— Кто сказал, что это были кадианцы?

— Разве не так? Всё указывает на это.

— Так, но догадаться было не сложно. Сообщение шло с префиксом запроса. Вокс-трафик от Механикус не содержит подобные мелочи. Даже Адара мог угадать, что это были кадианцы.

— И чего они хотели?

— Нас, — ответил Робаут, глядя сквозь главный обзорный экран на мерцающие звёзды, испытывая трепет при виде новых горизонтов. По мере приближения к точке Мандевиля звёзды становились более тусклыми и тёмными, словно путешественники достигли границ известного космоса. Конечно же, это был оптический обман, созданная разумом фикция из-за близости границ системы.

— Нас? Ты о чём?

— О том, что нас ждут на обед, — сказал Робаут, выводя общий хронометр флота на экран. — Так что, к сожалению, нам придётся снова достать парадную форму. Ты, я и Эмиль к восемнадцати часам переходим на "Сперанцу".

— Обед?

— Да. Ты слышал о таком? Люди собираются есть, пить и общаться в дружеской атмосфере.

— Не похоже ни на один обед, который у нас был.

— Пожалуй, нет, но мы можем хотя бы попытаться не ударить в грязь лицом, а?

— Ну и что ты думаешь? — спросил Хоук.

— Шары Тора, я думаю, что ты едва не прикончил меня! — выдохнул Койн, выплёвывая полный рот прозрачной жидкости на палубу. Он упал на колени, и его влажно вырвало, хотя он удержал ту гадость, которую недавно съел в столовой.

Авреем с трудом проглотил едкую жидкость, почувствовав всевозможные отвратительные химикаты и дистиллированные примеси в её маслянистой консистенции. Выпитое попыталось вернуться назад, но он не позволил этому произойти благодаря смеси решимости и чистой чёртовой силы воли. Когда первый эффект мерзкого варева Хоука спал, остался мощный остаточный привкус, который, как ему пришлось признать, не был уж совсем неприятен.

— Ну как? — произнёс Хоук.

— Могу уверенно сказать, что пил в портовых барах и хуже, — наконец ответил он.

— Это мало о чём говорит, — обиженно сказал Хоук.

— Лучшая рекомендация тебе не светит. Налей ещё.

Хоук улыбнулся и наклонился к нагромождению из бочонков для воды, топливных канистр, медных и пластиковых труб, которые качали жидкость только-Император-знает-откуда и процеживали её сквозь запутанную циркуляционную систему из шлангов, дистилляторов, очистительных установок и печей. Не похоже, чтобы хоть что-то выполняло ту цель, для которой было создано, и Авреем считал энтоптические подслонные коды, которые свидетельствовали, что где-то, по крайней мере, два десятка механизмов недосчитались важных деталей.

— Как, чёрт возьми, ты сумел построить это? — спросил Койн, поднимаясь и протягивая оловянную кружку за добавкой.

— Ноу-хау Гвардии, — ответил Хоук, отдав кружку Авреему и взяв у Койна. — Только

чертовски плохой солдат не сумеет найти способ гнать выпивку на борту корабля Флота во время перелёта.

— Это не корабль Флота, — заметил Авреем. — Это — корабль Механикус.

— Здесь ещё легче. Вокруг валяется так много вещей, что просто нельзя удержаться и не пристроить этот никому не нужный хлам.

Авреем пил маленькими глотками, вздрагивая от крепости напитка. — Но некоторые из этих вещей довольно специализированные, как ты достал их?

Хоук подмигнул, возможно, собираясь успокоить его, но получилось распутно и заговорщически.

— Слушай, ты хочешь выпить или нет? Всегда есть возможности достать барахло на космическом корабле. Особенно на том, где есть люди с потребностями. Особенно на том, где есть человек, который видит эти потребности и может... помочь воплотить их в жизнь. Давай просто позволим ему заниматься его делами, договорились?

Авреем хотел спросить ещё, но что-то подсказывало бывшему крановщику, что ему не понравится ни один из ответов Хоука. Не в первый раз он задумался о том, насколько мудро было связываться с таким человеком, как Хоук, человеком, чья мораль, мягко говоря, казалась ситуативно податливой.

Они последовали за ним из столовой в капающие коридоры, которые располагались параллельно общежитию. Медленные струи пара вырывались из тяжёлых железных труб, с которых сыпалась краска и капала солоноватая вода. Первым шёл Крушила, ныряя время от времени в переплетение трубопроводов, уходивших всё дальше, Авреем с Койном быстро и безнадёжно потерялись в лабиринте непонятно куда ведущих ходов, боковых ответвлений и мрачных наклонных лестниц.

Сводчатое помещение, куда Хоук, наконец, привёл их, оказалось просторным и напоминало одновременно храм и тюремную камеру. Черепа и кости на стенах вызвали мысли о заброшенной гробнице и восставших из могил трупах. Облицовку потолка покрывали выцветшие фрески имперских святых, выложенная шестиугольными плитками дорожка вела к перегородке с трафаретными надписями, ставшими неразборчивыми из-за постоянно капавшего масла и воды. Чтобы там не написали для потомков, теперь это оказалось потеряно, хотя Авреем пришёл к выводу, что это не особо и важно учитывая запущенность и заброшенность.

Хоук всё ещё стоял напротив перегородки и Авреем увидел ползущие по ней размытые мерцающие строчки кода. Он не смог прочитать ни одну из них и смигнул остаточные изображения, задавшись вопросом, зачем вообще в этот отсек подаётся энергия.

— Как тебя угораздило отыскать это место? — спросил Авреем.

— И что это? — добавил Койн. — Оно похоже на склеп.

Хоук занервничал, но быстро справился с эмоциями.

— Мне нужно было осмотреться вокруг, чтобы найти ещё детали, — непринуждённо ответил он, но его слова прозвучали насквозь фальшиво. — Гулял как-то ночью и брёл просто бесцельно наугад. Нашёл это место и понял, что оно замечательное.

— Удивлюсь, если ты сумеешь найти путь назад, — сказал Авреем. — Здесь просто чёртов лабиринт.

— Ну, в том то и дело, не так ли? Я пробовал запомнить, как приходил сюда; левый поворот, правый поворот, прямо сто метров и тому подобное, но это не слишком неважно. Я всегда оказывался здесь и никогда не помнил, как это происходило. С выходом то же самое.

— Похоже, ты перебрал собственной выпивки, — заметил Койн.

— Нет, скорее это место хочет, чтобы я его нашёл его всякий раз, когда собираюсь сюда.

— О чём ты?

Хоук пожал плечами, не желая больше отвечать и понимая, что сказал слишком много. — Чёрт, какое это имеет значение, в конечном счёте?

Пока Хоук говорил, Авреем медленно поворачивался, осматривая помещение. Он протянул руку и коснулся стены с выцветшими трафаретными надписями, чувствуя едва уловимую дрожь металла, словно с другой стороны пульсировало холодное сердце какого-то невиданного механизма. Извивавшиеся обрывки кода поползли к его руке, поджелезные черви света потянулись к крови в плоти. Авреем почувствовал за металлом тяжесть ужасного горя и огромного гнева и отпрянул, испугавшись резкой волны изменчивых энергий таинственного зала.

— Мне не нравится это место, — наконец сказал он. — Нам не стоит здесь оставаться.

— Почему? — спросил Хоук. — Это — хорошее место, тихое, труднодоступное и сквозь него всё ещё течёт немного энергии.

— Ты когда-нибудь задумывался почему?

— Нет, какое мне дело? Это — корабль Механикус, энергия течёт здесь повсюду даже к тем местам, о которых техножрецы, скорее всего, забыли. Мой шайн осчастливит немало народу, а?

— Не бесплатно.

— Человек имеет право получать плату за свой труд, не так ли?

— Мы мало чем отличаемся от рабов, — заметил Авреем. — Что у нас может быть ценного для тебя?

— У людей всегда найдётся что-нибудь для обмена. Услуги, безделушки, сила, навыки... дружеские отношения. Ты удивишься тому, что они готовы предложить, чтобы слегка забыться после ежедневной рутины.

— Нет, — печально ответил Авреем. — Не удивлюсь.

Флот вышел на финишную прямую к точке Мандевилля. В авангарде летели два эскорта с Фосс Прайм и "Адитум". За ними по пятам следовал "Кардинал Борас". Фланги "Сперанцы" защищали "Дитя Луны" и "Дитя Гнева". "Ренард" встал на якорь в одном из похожих на пещеры трюмов ковчега, потому что не было никакого смысла следовать прежним курсом, когда можно было просто разместиться на борту более крупного судна. Архимагос Котов не желал рисковать "Ренардом", пока капитан Сюркуф не предоставит ему навигационные расчёты для космоса за Шрамом Ореола.

"Мортис Фосс" расположился высоко над плазменным следом ковчега Механикус, охраняя корму, поскольку именно сейчас флот стал особенно уязвимым. Жар двигателей спал, и корабли сбросили скорость, но одновременно почти лишились способности сражаться и маневрировать. Флотилии корсаров часто скрывались в скоплениях обломков, полых астероидах или электромагнитных облаках активной пыли, прежде чем наброситься на добычу. Мощь экспедиции Котова делала такую засаду маловероятной, но нападения пиратов были не единственной опасностью для судов, которые готовились пробить стены между реальностями.

Расположенная вдали от затягивающего гравитационного колодца солнца точка Мандевилля представляла собой область пространства, которую века опыта и с трудом

завоёванные знания определили, как лучшее место для прорыва мембраны, разделявшей реальный космос и варп. Разумеется, корабль мог войти в Имматериум и в другом месте, но риски оказывались настолько велики, что потраченное на перелёт к далёкой точке Мандевилля время полностью окупалось.

"Сперанца" первой пробила брешь, её варп-генераторы накопили достаточно энергии, чтобы открыть проход для всего флота. И в лучшие времена было непростой задачей сохранять единую скорость после прыжка в варп, что становилось ещё сложнее, если каждое судно самостоятельно открывало проход. Лучшим вариантом было, когда один корабль брал на себя трудную работу, а "Сперанца" легко справлялась с такими расходами энергии.

Изолированным навигаторам и мысленно-соединённым астропатам предстоит поддерживать связь между флотом, но во время путешествия в варпе ни в чём нельзя быть уверенным и каждый капитан получил данные астронавигации вместе с запасными пунктами сбора.

"Клинок Фосса" и "Клинок Чести" кружили вокруг, ярко вспыхивая двигателями, когда помощники капитанов выполняли резкие повороты, приближаясь к огромному ковчегу в центре флота. Каждый корабль флотилии осуществлял сложное маневрирование, держась как можно ближе к "Сперанце", находясь на расстоянии, которое в наземных величинах казалось бы гигантским, но в космической топографии считалось опасно близким. Они отключили всё кроме самых важных систем ауспиков, потому что чем меньше знаешь о природе варпа за пределами мерцающего пузыря поля Геллера, тем лучше.

Довольная, что её последователи сохраняют молчание под безмолвными покровами, "Сперанца" разразилась залпами кричащего кода, предупреждая все соседние суда держаться на расстоянии. Хотя ковчег Механикус являлся исследовательским кораблём, он вовсе не был беззубым и хранил более чем достаточно энергии в огромных конденсаторах, чтобы защититься от любого внезапного нападения. Повторяющийся вой на враждебном машинном языке предрекал печальные последствия для любого, кто осмелится приблизиться.

Эхо бинарного вызова отражалось в космосе, трёхмерном пространстве, подёрнутом призрачными кляксами тьмы, мерцающей из потустороннего мира, опасно приблизившегося к поверхности. Ужасающие границы варпа явили себя словно в застоявшемся пруду, где жили невиданные и непостижимые мерзости, и чьи скрытые глубины не зря оставались невидимыми. Щупальца Имматериума болезненным светом просачивались в реальное пространство, блестящая обесцвеченная опухоль расширялась в материальную вселенную, где с ужасом ждали злобные отражения вещей и воплотившиеся в реальность кошмары. Словно океанский водоворот, который обрёл сознание, виток кровотока цветков и искажённого света медленно рос напротив флота, постепенно расширяясь, пока древние механизмы и тайное техно-колдовство былой эпохи прорывали и растягивали разрыв.

В материальной вселенной появилась гноящаяся рана, пространство изогнулось от боли, исторгнув мучительный крик, которые не слышал никто, кроме плачущих астропатов и псайкеро-примарис кадианцев в психических клетках Фарадея. Но и избежавшие проклятья сверхъестественными способностями почувствовали, как трещина увеличилась, её отвратительная близость проникала повсюду, нарушая основные принципы людей, которые стремились систематизировать реальный мир в самые первые тысячелетия человеческой цивилизации.

Ни один обычный ауспик не мог зафиксировать столь неестественное явление. Его границы не существовали ни на одном уровне бытия, который можно было измерить в

эмпирических величинах. Само его присутствие высмеивало любые понятия реальности, и только приборы, придуманные в приступах бреда людьми, которых наука прошлых веков считала безумными, могли хотя бы зафиксировать его наличие.

Плазменные двигатели "Сперанцы" вспыхнули в последний раз колоссальным взрывом энергии, и ковчег направился в тёмный центр варп-разлома. Размытые полосы исчезающего плазменного анτισвета окутали могучее судно, проглотили его целиком и свернулись вокруг, словно какой-то кошмарный хищник заманил добычу в яркую пасть.

Один за другим корабли Котова исчезли в варпе.

Хотя переходы в Имматериум планировали таким образом, чтобы как можно меньше членов экипажа в это время спали, а колокола звонили по всему судну, защищая людей от кошмаров, оставалось неизбежным, что некоторые пройдут между мирами во сне. Мало кто из кадианцев спал, после многочисленных прыжков между космосом и варпом зная лучше многих последствия подобных ошибок.

Произносили молитвы, возносили дары, обещания и просьбы Богу-Императору о спасении, целовали талисманы на удачу; по всему флоту проводили самые разные ритуалы и неважно какие они были — главное, что люди верили в их защиту. Исповедники и воины-жрецы обходили спальные помещения на каждом корабле, выслушивая страхи тех, кто больше не мог справиться с ними. Во время путешествия в Имматериуме все без исключения становились пылкими верующими и набожными слугами Золотого Трона, но если священников Экклезиархии и тревожило, что такой рост абсолютной преданности был временным, они держали свои мысли при себе.

Также мало кто спал и из Адептус Механикус, в преддверии прыжка их искусственные имплантаты отвергали требование отдыха биологических компонентов. На борту "Адитума" воины Адептус Астартес приклонили колени в молчаливых размышлениях о долге, за ними надзирала безжалостная фигура Кул Гилада. Он знал признаки вторжения варпа и нёс бессменную вахту рядом со своей паствой, высматривая малейший намёк на то, что коварные щупальца Имматериума пустили корни. Реклюзиарх знал, что не обнаружит ни малейшего следа порчи, но только вечная бдительность способна воплотить подобные ожидания в жизнь.

Охранники патрулировали палубы каждого судна, готовые поднять тревогу при малейшем признаке опасности и держа наготове дробовики и шоковые дубинки. Полёт в варпе всегда сопровождался беспорядками: драками, причину которых никто не мог вспомнить, буйными лунатиками, попытками самоубийства, случайными актами бессмысленного насилия, иступлёнными приступами разнузданного секса и тому подобным.

По всему флоту люди сталкивались с кошмарами, потеющим учащённым сердцебиением, мрачным предчувствием смерти или продолжительными приступами меланхолии. Никто не испытывал удовольствия от прыжка в Имматериум, но оставалось только терпеть и молить Бога-Императора, чтобы путешествие закончилось быстро.

Дестабилизирующие эффекты полёта в варпе не ограничивались смертными элементами флота, механические конструкции страдали не меньше. На каждом судне экспедиции Котова все технологии от самых сложных машин, недоступных пониманию смертных, до простейших схем испытывали страх перед новыми и невозможными физическими законами, которые вмещивались в их плавную работу. Сбои множились, ежеминутно происходило по сто ошибок. Техножрецы, лексмеханики и сервиторы трудились без перерыва, чтобы гарантировать, что ничто важное не откажет в самый

неподходящий момент.

Из всех подразделений флота только одно спало и ему снились кошмары, которые не мог постичь ни один обычный человек. В самом центре лежавших титанов органические разумы, благодаря которым волчьи сердца легио Сириус бились, корчились во власти амниотических кошмаров. Стремясь уберечь принцепсов от худших эффектов путешествия в варпе, техножрецы экипажа отключили их от внешнего мира, заперев каждую уникальную личность в молочных тюрьмах с одними только воспоминаниями о прежних жизнях.

Былые славы и победы простирались в прошлое на тысячи лет, и их обычно оказывалось достаточно, чтобы защитить принцепсов от самых худших последствий полёта в Имматериуме, но не на этот раз. Альфа-принцепсу Арно Люту снились существа с клинками-руками, кишевшие на его колоссальном теле подобно роющим червям и пожирающим его изнутри, и огромные био-титаны, сокрушающие его металлическое тело своей невозможной биологией.

Он молотил рудиментарными конечностями в немом ужасе, неспособный кричать или умолять техножрецов разбудить его. Все связи с внешним миром были отрезаны, но "Лупа Капиталина" чувствовала его боль и разделяла её, системы титана вспыхнули в эмпатической ярости.

Системы оружия и опознания угрозы ненадолго преодолели защиты Механикус, удерживавшие её неподвижно, боевые рога прерывисто взревели, а автопогрузчики и энергетические батареи пробудились к жизни. Сотни паникующих техножрецов и аколитов легио Сириус отреагировали на внезапную боевую готовность титана, но прежде чем они успели хоть что-то предпринять, дух-машина погрузился в сон.

Не нашли ни малейших следов причин, которые вызвали всплеск агрессии "Капиталины" и старшие магосы легио сочли произошедшее всего лишь превратностями варп-путешествия, которые отразились на механизмах инертных колыбелей "Сперанцы".

Но они сильно ошиблись.

С отлётом "Сперанцы" инфицированная рана точки перехода затянулась, когда измученная пряжа, которую смертные блаженно принимали за реальность, подтвердила своё господство. Отголоски столь грубой манипуляции законами, управляющими физическими свойствами вселенной, отзовутся эхом в прошлом и будущем, потому что в варпе просто не существовало такого понятия, как линейное время.

Бьеланна почувствовала жестокий переход человеческого флота в варп и успокоила призрачную кость в сердце "Звёздного Клинка". Корабль выдержал последний спазм варпа. Подчиняясь капитану, он всплывал, погружался и менял курс синхронно с амплитудой временных и причинных волн, вызванных грубым нарушением реального пространства.

Она открылась для цикла бесконечности, позволив разуму течь сквозь живую структуру "Звёздного Клинка". Блестящие светящиеся точки сверкали в Куполе Забытых Мечтаний, словно звёздный свет, варп-пауки заделывали трещины в призрачной кости, где давление на корпус сломало аккуратно выращенные рангоуты, которые давали кораблю обманчивую силу. Она не стала задерживаться возле варп-пауков, оставив их заниматься своими бездумными трудами, протиснулась сквозь шпангоуты гигантского корабля и ощутила, как горячий нейтронный ветер со свистом проносится мимо корпуса и наполняет энергией солнечные паруса. В сердце "Звёздного Клинка" пылали колоссальные хранилища энергии, ресурсы, полученные из эфира и почти бесконечных запасов звёзд.

Бьеланна чувствовала огоньки душевного света команды, каждую переплетающуюся

нить в пряже, каждую открытую возможность, которая простиралась из настоящего в несметное число возможных настоящих. Некоторые она чувствовала близко, другие она знала только потому, что бесконечный цикл поведал ей о них. Каждый эльдар на борту "Звёздного Клинка" соприкасался с бесконечным циклом и оставлял отпечаток на нём.

Да, в экипаже присутствовали поэты и творцы, но это был корабль воинов.

Два храма аспекта располагались в подфюзеляжном и дорсальном куполах "Звёздного Клинка", Жалящие Скорпионы и Воющие Баныши, а храм Зловещих Мстителей на носу. Три из многочисленных военных аспектов Кхаина: теневые охотники, воющая смерть и разрубающий клинок. Не задерживаясь, дух Бьеланны проскользнул мимо святилищ аспекта, власть варпа достигла зенита, и она не хотела привлекать чрезмерное внимание тех, кто носил военную маску столь близко.

В центре "Звёздного Клинка" размещалась святыня самого бога войны, но горнило печи оставалось холодным — тлеющие угольки воинственного сердца дремали, пока призыв к оружию снова не вдохнёт в них яростную жизнь. Правда, несмотря на отсутствие опасности битвы, неистовое эхо человеческого флота грубо билось о защищавшие от варпа барьеры, и разжигало угольки беспокойства.

Стражники тренировались в установленных на крыльях куполах, солдаты-граждане Бьель-Тана, жизнь которых возможно и свернёт с пути воина, но они всё равно откликнутся на его призыв, когда придёт время. Сердце Бьель-Тана всегда готово к войне. Сама сущность "Звёздного Клинка" готова к сражению.

Она ощущала это в напряжении призрачной кости, настойчивости варп-пауков и воющих военных масках воинов аспекта.

Разум капитана слился с её разумом, и она почувствовала вопрос, прежде чем он задал его.

— Нет, я ещё не нашла их, — сказала она. — Но они рядом. Позвольте мне вести "Звёздный Клинок" и всё получится.

Капитан молча согласился, и Бьеланна ощутила, как на неё опустился чудовищный вес корабля: носы в форме копий, широкие крылья, многочисленное оружие, подфюзеляжные кили и высокий солнечный парус. Чувство повелевать чем-то столь могучим оказалось невероятно сильным, опьяняющим и ей пришлось сопротивляться, чтобы сохранить самоощущение, когда огромный могучий дух набросился на неё, стремясь затянуть в своё пылающее сердце.

Разум Бьеланны вырвался в космос из приятного жара кости духа "Звёздного Копья", ураганные ветра альтернативного измерения обрушились на незваную гостью, пытаясь изменить её полёт. То, что она искала, было близко, она ощущала эту близость, но они были скромными и не желали показываться даже наследникам тех, кто сотворил их в потерянную эпоху величия.

Отделив себя от прозаичных мыслей о физическом местоположении, Бьеланна освободила разум для пряжи, погрузившись в течения будущего. Бесчисленные берега будущего открылись перед нею, покрытый множеством узлов канат, сотканный из миллиарда миллиардов тонких нитей. Она влилась в нити, направляясь к кроваво-красному берегу, который вёл к обнажённым клинкам, разрезанным венам и разрубленной плоти.

Будущее открылось ей, и она увидела то, что искала.

Оно превратилось из вероятности в реальность, и, наконец, показался портал паутины, мерцающее звёздное поле в созвездии Морай-Хег в аспекте Девы — одновременно красивой

и обольстительной, но и опасно обманчивой. Не один мифический цикл рассказывало о глупых эльдарх, которые обрекли себя на гибель, доверившись её удивительному лику. Нос "Звёздного Клинка" повернулся к солнечной фигуре богини судьбы и золотистому свету, приветственно и признательно сверкавшему по краям портала.

Далёкие звёзды исчезли во тьме, показались янтарные глубины паутины, и Бьеланна вернула корабль под контроль капитана. Её захлестнула мгновенная боль потери, когда огромное сердце "Звёздного Клинка" отпустило её. Она боролась с желанием снова соединить душу с кораблём, а тот легко скользнул в паутину, путешествуя между безбрежными межзвёздными заливами без ужасных опасностей, с которыми сталкивался человеческий флот.

Бьеланна вернулась из царства духов в царство плоти, открыла глаза и позволила восстановиться весу физического тела.

Она сидела скрестив ноги в центре своих пустых покоев между двумя кроватками для новорождённых эльдар.

Они пустовали и всегда оставались пустыми.

И если она не сможет повернуть человеческий флот с ошибочного пути в неизвестное, то так и останутся пустыми. Навсегда.

МИКРОКОНТЕНТ 09

Несмотря на все усилия прийти вовремя, Робаут и его экипаж остановились перед входом в офицерские казармы кадианцев на палубе Гамма спустя тридцать секунд после седьмого колокола. Той его половине, которая до мозга костей оставалась ультрамарской, претило подобное несоблюдение формальностей, но той, что принадлежала вольному торговцу, пришлось по вкусу такое бунтарство.

Впрочем, капитан понимал, что опоздание на полминуты не слишком тянуло на бунт.

Он пришёл с Эмилем, Адарой и технопровидцем Силквуд, которая воспользовалась возможностью провести время с солдатами Гвардии. Робаута не удивило её желание присоединиться, Каирн не понаслышке знала о боях на передовой, и уже сражалась вместе с кадианцами. Похоже, привычку общаться с кадровыми военными сложно сломать. Магос Павелька не сопровождала их, не продемонстрировав ни малейшего желания участвовать в бессмысленном социальном ритуале, когда после травмирующего варп-прыжка в инфомашинах выявили десятки критических сбоев.

Вход со стороны эспланады правого борта представлял собой на удивление изысканно отделанный дверной проём в каменной галерее, изготовленный из эмалированного чёрного дерева с золотым орнаментом и украшенный повторяющимися узорами символа Механикус. На уровне глаз размещалась матовая стальная табличка, на которой аккуратными резными буквами перечислялся проживающий здесь персонал. Робаут подозревал, что кадианцы предпочли бы что-то менее вычурное, но предположил, что подразделения Гвардии просто взяли то, что им предложили после высадки на корабль. На его взгляд они не слишком привыкли к подобной роскоши.

У входа их встретил лейтенант Фелспар, его сопровождали блестящие штыками широкогрудые штурмовики в громоздкой броне с тяжёлыми зарядными ранцами. Хотя они явно выполняли функцию почётного караула для гостей, было ясно видно, что они опасные люди, которые легко справятся с любой потенциальной угрозой.

— Добрый вечер, капитан Сюркуф. Полковник будет рад, что вы смогли прийти, — произнёс Фелспар.

— Да, извините, что мы добирались сюда дольше, чем ожидали. Оказывается эти маглевы не такие быстрые, как кажутся.

Взгляд Фелспара не оставил сомнений в том, что его владелец не расположен шутить, затем лейтенант сверился с инфопланшетом, который достал из-за спины.

— Эти люди ваша команда?

— Да, — подтвердил Робаут, представив Эмиля, Адару и Силквуд. Фелспар удостоверил их личности с помощью инфожезла, сравнив биометрию экипажа "Ренарда" с

биологическими данными, зарегистрированными, когда они впервые ступили на палубу "Сперанцы".

— Разумеется, вы должны сдать оружие, — сказал он.

— Мы не вооружены, — ответил Робаут.

— Позволю не согласиться.

Самоуверенный тон лейтенанта разозлил Робаута, и он собрался возразить, но Фелспар поднял жезл. По всей длине вспыхнула красная линия, указывая на наличие оружия.

— Извините, — произнёс Адара, вытаскивая нож-бабочку из кармана гимнастёрки. — Сила привычки.

— Разве я не говорил не брать оружие?

— Я уже давно не думаю о нём как об оружии, — смущённо пожал плечами Адара. — Не то чтобы я собирался им пырнуть кого-то.

— Не сомневаюсь, что лейтенант Фелспар просто счастлив услышать это. Теперь отдай его.

— Я получу его назад, не так ли? — спросил Адара, сложив нож и положив в протянутую руку Фелспара. — Мой папаша дал мне этот нож, он говорил, что когда-то он спас ему жизнь...

— Лейтенанта не волнует твоя биография, — перебила Силквуд, отпихнув Адару. — Скажи, ты хочешь махнуть своим жезлом передо мной, солдатик? По-моему, я могла утаить пару стволов, где-нибудь на теле. Я точно не помню, но лучше тебе удостовериться.

Фелспар покачал головой. — В этом нет необходимости, мэм, — сказал он, глубоко покраснев.

Силквуд непристойно рассмеялась и направилась мимо Фелспара, остановившись, чтобы одарить каждого штурмовика оценивающим взглядом. Эмиль последовал за ней и Адара поспешил их догнать.

— Она всегда такая наглая? — спросил Фелспар.

— Поверь мне, это было спланировано, — ответил Робаут. — Да, и кстати, "Ренард" стоит на якоре у причала Джовус-Три Девять Ноль и чтобы добраться сюда требуется ровно пятнадцать минут.

— Не уверен, что понял, — сказал Фелспар.

— Это, чтобы ты знал, где проснёшься утром, — пояснил Робаут, дружески хлопнув лейтенанта по плечу. — Так на всякий случай.

Прежде чем адъютант успел ответить, капитан направился в офицерские покои, следуя на звуки разговоров, звона бокалов и бравурной военной музыки, напоминавшей величественный триумфальный марш.

Приёмная за входом оказалась просторным банкетным залом, который вполне пристойно смотрелся бы и во дворце дворянина улья. Представления Адептус Механикус о жилых помещениях для солдат явно отличались от представлений Департаменто Муниторум.

К Робауту подошёл бритоголовый сервитор в кремовой мантии, он выглядел не столь аугметированным, как полагалось таким кибернетическим существам. Его кожу покрывала белая пудра, а волосы были смазаны едким маслом и зачёсаны назад. Он нёс чеканный металлический поднос, на котором стояли бокалы с тонкими ножками, наполненные золотистой жидкостью, искрившейся маленькими пузырьками.

— Даммассина? — предложил сервитор.

— Не откажусь, — ответил Робаут, беря бокал.

Он сделал маленький глоток и оказался вознаграждён сладким травяным вкусом с привкусом миндаля.

Эмиль и остальные уже воспользовались гостеприимством сервитора и стояли у одной из стен зала, изучая хозяев и гостей. Примерно тридцать кадианских офицеров в новых мундирах и ботинках болтали с грубовато-добродушным настроением мужчин, которые безоговорочно доверяли друг другу. Среди военных прохаживались и несколько магосов Адептус Механикус, они выглядели явно смущёнными в непривычной для себя обстановке.

— Никаких признаков Котова, — пробормотал Робаут.

— Ты и в самом деле ожидал его здесь встретить? — спросил Эмиль.

— Не слишком, — ответил Робаут, высматривая знакомые лица.

Его взгляд остановился на полковнике Вене Андерсе, который непринуждённо беседовал с Линьей Тихон и её отцом.

Невдалеке стоял магос Блейлок и офицер с погонами службы снабжения что-то объяснял ему, оживлённо жестикулируя руками. Компания младших офицеров окружила огромную фигуру Кул Гилада, который из уважения к проходящему мероприятию снял броню и облачился в простой чёрно-белый стихарь поверх матового чёрного панциря. Даже без массивных пластин и армапласта Храмовник выглядел огромным и обладал сложением хроно-гладиатора, которого Робаут когда-то видел в бойцовских ямах отстойников Бакки.

— Как он сохранил оружие? — спросил Адара, кивая на грубую булаву с орлиными крыльями на плече реклюзиарха.

— Ты попытался бы забрать её у него? — поинтересовался Эмиль.

— Полагаю, что нет, — ответил молодой человек, взяв очередной напиток у проходящего сервитора.

Кул Гилад пришёл не один, справа от него стоял бородатый воин со строгим "вдовьим пиком" и линией кованных сервисных штифтов на лбу. Если Кул Гилад мог хотя бы отчасти скрывать неловкость от присутствия в социальной среде, то его товарищ не носил такой маски.

— Кто его суровый друг? — задал вопрос Эмиль.

— Сержант, — ответил Робаут. — Это видно по белому венку на наплечнике.

— Ты уверен?

— Да, хотя Чёрные Храмовники и потомки Рогала Дорна, но, похоже, что их знаки различия и тому подобное всё ещё многим обязаны Ультрадесанту.

Сержант резко посмотрел на него, но Робаут удивился бы, если бы он слышал только что сказанное. Хотя с другой стороны кто на самом деле точно знал возможности генной структуры супра-спроектированных космических десантников?

Вен Андерс отвлёкся от разговора и осмотрелся вокруг, поймал взгляд Робаута и позвал их, дружелюбно махнув рукой. Робаут протиснулся сквозь толчею офицеров, добрался до полковника и пожал ему руку. Кожа командира кадианцев оказалась мозолистой и погрубевшей за десятилетия, проведённые в окопах и на бесчисленных полях битв. Покрытый медной чешуёй автоматон — заводной механизм в форме маленькой древесной ящерицы — цеплялся за его плечо, диафрагмированный глаз существа уставился на капитана с немой машинной неумолимостью.

Робаут представил команду, и полковник энергично пожал руку каждому с убедительной искренностью. Ящерица перебежала на другое плечо, её медные лапки

щёлкали как спешившие часы.

— Рад познакомиться со всеми вами, — сказал Андерс. — Очень приятно, что вы смогли присоединиться к нам.

— Мы не пропускаем такие события, — ответил Робаут.

— Он прав, — добавил Эмиль. — Мы никогда не отказываемся от бесплатной еды.

— Бесплатной? — спросил магос Тихон, подавшись вперёд в мускусном облаке ароматного ладана. — Этот приём не бесплатный. Стоимость еды и дамассина будет удержана из ваших комиссионных и суммы ремонтных программ, о которых вы договорились с архимагосом.

Выражение лица Виталия Тихона было невозможно понять. Внешне оно выглядело как у живого существа, но эластичный подкожный пластик, введённый в увядающую плоть, делал его похожим на манекенщицу улья. Глаза магоса напоминали многогранные зелёные кусочки стекла, и казались не вполне органичными из-за несколько большего размера, а тонкую ножку бокала сжимало слишком много металлических пальцев.

— В самом деле? — сказал Эмиль. — На вкус эта штука очень дорогая.

— О, так и есть, господин Надер. Очень дорогая.

Робаут едва не рассмеялся над выражением изумления на лице Эмиля, пока тот искал сервитора, чтобы вернуть нетронутый бокал.

— Чёрт, жаль, что нас раньше не предупредили.

Робаут заметил озорной огонёк в изумрудной оптике Тихона и улыбнулся, а Линья Тихон успокаивающе положила руку на локоть Эмиля. От капитана не ускользнули блеск аугметики с медным ободом в ухе под прядью светлых волос и предательская зеркальность искусственных глаз. Тонкая работа и вживлённая с намерением сохранить человечность.

— Полагаю, мой отец шутит, господин Надер, — сказала Линья. — Не самая лучшая из его привычек, учитывая очень плохое чувство юмора.

— Шутит?

— Да, — радостно согласился Тихон. — Словесная конструкция, произнесённая вслух ради развлечения или смеха, или в виде истории с неожиданной концовкой или игра на ожидаемое слово.

— Я думал, что Механикус не шутят, — сказал Адара.

— Обычно, нет, — пояснила Линья, — потому что железа юмора — один из первых органов, которые хирургически удаляют после принесения клятвы Архимеда.

— Я не знал это. А вы, капитан?

— Нельзя же всю жизнь оставаться идиотом, парень, — ответила Силквуд, схватив его за ухо. — А теперь иди, принеси мне ещё выпивки и постарайся по пути не сделать что-нибудь монументально глупое.

Адара кивнул и направился искать другого сервитора, потирая затылок, где твёрдый металл руки Силквуд видимо ушиб его.

— Не беспокойтесь, — произнёс Робаут. — Мы не все такие наивные.

— Ах, все мы были молодыми и глупыми, капитан, — ответил Андерс.

— Сомневаюсь, что вы когда-то были таким же глупым, как Адара, полковник.

— Мой отец не согласился бы с вами, хотя очень приятно от вас это услышать.

Робаут поднял бокал и сказал. — Нас восхитили помещения, где вас разместили. Полагаю, вы не привыкли к такой роскоши.

— Многие могут подумать так, но то, что мы выходцы с Кадии не означает, что мы

время от времени не наслаждаемся непродолжительным комфортом.

— Ни слова больше. Вы разрушите все мои иллюзии.

Робаут повернулся, чтобы приветствовать магоса и госпожу Тихон. — Вы хорошо устроились на борту корабля архимагоса Котова?

— Очень хорошо, капитан Сюркуф, — ответил Виталий. — Корабль — чудо, не так ли?

— Признаюсь, что пока мало что видел.

— Ах, а стоило бы, мой друг. Не каждый день позволяют исследовать столь невероятный корабль. Такому космическому путешественнику как вы следует ценить такую возможность. Буду весьма рад выступить в роли проводника, если вы решите узнать больше о его наследии. Собственно магистр двигателей магос Сайиксек как раз поведал мне о сложном устройстве приводных камер и...

Полковник Андерс вмешался, не дав Виталию продолжить. — Капитан, госпожа Линья только что рассказала мне о мотивах, которые побудили её с отцом принять участие в этом путешествии. Захватывающе и гораздо интереснее, чем то, что я обычно слышу на подобных мероприятиях.

— И что же вы обычно слышите?

— Главным образом местных сановников, которые слишком боятся напавших на их мир, что бы это ни было, и способных только бормотать, как они благодарны за наше присутствие, или каких-нибудь солдафонов из местной обороны, которые боятся опозориться на фоне профессионалов. Неловко на самом деле.

— Капитан, пожалуй, я пойду, посмотрю, чтобы Адара не влез в неприятности, — сказал Эмиль, непринуждённо приветствуя полковника Андерса и Тихонов.

— Я с тобой, — добавила Силквуд, направляясь к магистру двигателей, о котором говорил магос Тихон. Возможно, Фелспару всё же повезёт избежать её внимания.

Робаут переключил внимание на Линью, которая с удовольствием сделала глоток даммассина.

— Так что привело вас в экспедицию Котова?

— То же самое, что и вас, капитан.

— Вы уверены? Потому что я согласился за неприлично большую сумму денег и бессрочный контракт на ремонт для моего торгового флота.

— С магосом без владений-кузниц за пределами красных песков Марса?

— Из нашего контракта не следует, что ремонт нужно проводить на одной из кузниц магоса Котова.

— Не сомневаюсь, но это похоже на надуманную причину, ваши налоговые отчёты показывают, что вы легко можете заплатить десятины, которые Механикус требуют для контракта на ремонт.

— Вы читали мои налоговые отчёты? Разве они не должны храниться в Администратуме?

— С момента заключения контракта с Адептус Механикус полный отчёт о вашей жизни находится в открытом доступе и может быть загружен любым магосом в любой момент. Разве вы не знали?

Робаут не знал и побледнел, а Вен Андерс и магос Тихон смеялись, пока он корчился, как рыба на крючке. От мысли, что каждый магос на борту "Сперанцы" может знать о нём всё, внизу живота сформировался комок страха.

— Будем надеяться, что вам нечего скрывать, капитан, — сказал Андерс.

— Нечего, я невинен, как младенец, — ответил Робаут, быстро вернув самообладание. Он опасался подобного поворота событий, но должен был признать, что наслаждался им. — Ну хорошо, госпожа Тихон. Почему же, по-вашему, я проделал весь этот путь и направляюсь в неизвестный космос за Шрам Ореола, если не из-за несомненной выгоды?

— Потому что вам скучно.

— Скучно? Жизнь вольного торговца едва ли можно назвать скучной.

— Для жителей не Ультрамара может быть и нет, но она слишком простая для вас, не так ли? Кроме налоговых отчётов я загрузила историю вашей службы: записи Иакской защитной ауксии, послужной список Флота и торговые операции, когда вы вернулись в Имперское пространство после гибели "Наставника".

— Откуда столь пристальный интерес к моей жизни?

— Потому я хочу знать репутацию человека, который ведёт моего отца и меня в область космоса, откуда мы можем не вернуться.

— Леди права, — сказал Андерс. — Думаю, мы все хотели бы знать это.

— Допустим, — согласился Робаут. — И что все ваши исследования сообщили вам, Линья? Я могу называть вас Линья?

— Можете, — разрешила магос, и капитан слегка расслабился. Какой бы ни была её цель, она не сумеет его разоблачить. — Они сообщили мне, что в жизни есть вещи и похуже, чем быть воспитанным на Ультрамаре, Робаут. Я могу называть вас Робаут?

— Я обижусь, если не станете.

— Спасибо. Думаю, что ты человек, который процветает на проблемах, а жизнь вольного торговца больше не бросает тебе вызов. Ты преуспел, и твои торговые пути настолько хорошо организованы, что функционируют почти сами по себе. Ну и что тогда остаётся такому человеку как ты кроме как изучать одну из самых опасных областей космоса в галактике?

— Ты очень проницательна, Линья.

— Она права? — поинтересовался полковник Андерс, остановив сервитора, который нёс изящно запечённые канапе из слоёного теста и переработанного мясного паштета.

Робаут неторопливо кивнул. — "Здесь обитают драконы", — процитировал он. — Так писали на картах Старой Земли, если их создатели не могли сказать, что лежало за самыми дальними пределами их знаний, и это подходящие слова, когда вы говорите о том, что может находиться в глубинах глухого космоса.

— Хотите увидеть драконов? — спросил Андерс.

— Если можно так выразиться. Линья права насчёт жизни в Ультрамаре, она как ничто прививает трудовую дисциплину и неуклонную решимость достигать следующих горизонтов. Я добился очень многого, как вольный торговец, очень многого. Я заработал больше денег, чем могу надеяться потратить. Есть лишь немного вещей, которые человек может купить, поэтому, как только вы получаете всё, что хотите, что ещё остаётся кроме как отправиться в рискованное путешествие в неизвестное и добиться чего-то стоящего? Я хочу увидеть то, что лежит за пределами границ Империума, увидеть чудеса, неизвестные ни одному человеку, и плыть под светом звёзд, которые сияют над мирами, пребывающими в неведении о Боге-Императоре.

— Дстойная цель, — сказал магос Тихон. — Но такая цель дорого обходится. Рискованное путешествие в Шрам Ореола за пределы направляющего света Астрономикона? Другими словами плыть в неизученном и забытом космосе. Плюс коварные моря. Подобные

места — сосредоточие кошмаров и ужасных легенд. Последнюю экспедицию, которая рискнула отправиться туда, больше никогда не видели.

— Я знаю. Ваша дочь не единственная, кто умеет исследовать.

Фанфары объявили о начале обеда и собравшиеся офицеры, магосы и гражданские направились в длинный зал, освещённый мерцающими электрическими подсвечниками, которые удерживали над головами крошечные суспензорные поля. Стены украшали длинные флаги с изображениями символа Механикус, наградные свитки Кадии и её многочисленные известные лорды-генералы. В противоположном конце зала мерцающий проектор непрерывно показывал голограмму знаменитой речи Урсакара Крида, обращённую к войскам на Тирокских полях, а из скрытых вокс-динамиков доносилось бормочущее шипение бинарных молитв.

Стальные столовые приборы, гравированные фрактальными узорами, основанными на постоянно уменьшающейся последовательности совершенных чисел, указывали на отведённое каждому гостю место, и Робаут обрадовался, когда оказалось, что Линья сидела рядом с ним. Магос с увеличенными плечами и черепом, который наполовину состоял из плоти, а наполовину из бронзовой стали, занял место слева от него, а два громадных космических десантника напротив. Эмиль и Адара расположились дальше за столом, и Робаут не удивился, увидев, что Силквуд поменялась местами с младшим офицером кадианцев, чтобы сесть рядом с магистром двигателей.

Стройные сервиторы подали первое блюдо: густой суп с необычными специями, которые могли оценить только обладатели вкусовых рецепторов. Жрецам Механикус вместо него принесли расписанные кружки, наполненные жидкостью, которая источала лёгкий пар и испускала слабый аромат хлора. Беседа оживилась, хотя Робаут заметил, что, похоже, по большей части говорили кадианцы.

Линья представила Робауту магоса, который сидел рядом с ним, жреца звали Хиримау Дахан, чей ранг был, как он резко сообщил, секутор.

Увидев непонимание Робаута Дахан пояснил. — Я тренирую скитариев и развиваю схемы сражений, чтобы увеличить боевую эффективность всех воинских подразделений Механикус. Моя роль на борту заключается в полном внедрении с оптимальной эффективностью всех известных смертельных техник, навыков обращения с оружием и/или тактических подпрограмм в нашу военную доктрину.

Бородатый космический десантник что-то проворчал, но Робаут не смог понять было это демонстрацией удивления или насмешкой. Несколько лет назад на Макрагге Робаут разговаривал с воином Адептус Астартес, но встреча оказалась не слишком удачной, и поэтому он немного опасался вступать в новый разговор со сверхчеловеком.

— Вы не согласны с подходом магоса Дахана? — спросил он.

Храмовник посмотрел на него, словно решая, какой ответ окажется наиболее уместным.

— Я думаю, что он дурак, — произнёс воин.

Робаут скорее почувствовал, чем увидел, как изменилось положение Дахана, а в горле появилась горечь от жгущих химических стимуляторов. Рука непроизвольно сжалась в кулак, и острый вкус механической стружки заполнил рот. Капитан моргнул от внезапного прилива агрессии, и Линья Тихон наклонилась ближе к нему.

— Вдохни, — прошептала она в ухо, её дыхание оказалось успокаивающим ароматом тёплого мёда и спелых фруктов, который смягчил необъяснимый гнев. — Ты подвергся воздействию ответных феромонов магоса Дахана. Боевые стимуляторы и адреналиновые

шунты повысили его агрессию, а у тебя нет обонятельных фильтров, чтобы избежать эффектов, находясь так близко к нему.

— Уточнение: Объясните содержание своего последнего замечания, — сказал Дахан, и в языке его тела безошибочно угадывалось сдерживаемое желание применить силу.

— Прошу прощения, магос Дахан, — ответил Кул Гилад. — Брат-сержант Танна сказал без намерения оскорбить. Он не привык общаться со смертными не из нашего ордена.

— Смертными? — спросил Робаут, акцентировав внимание на слове реклюзиарха. — Не знал, что космические десантники бессмертны.

— Возможно, я использовал не совсем точный лингвистический термин, — признал Кул Гилад, — но от этого он не стал менее верным. Наше геносемя возвращается в орден, поэтому наше биологическое наследие живёт в новом поколении воинов. Но насколько я понял это не то, что вы подразумевали. Да, фактически мы бессмертны. Наш аптекарий брат Ауйден, но и я понимаю достаточно. Тела космических десантников искусственно стареют медленнее и нас спроектировали гораздо более долговечными, чем не столь усовершенствованные физиологические организмы.

— Так вы можете умереть? — сказала Линья.

— В конечном счёте, все умирают, госпожа Тихон. Даже космические десантники, но жизнь в вечном крестовом походе против врагов Императора гарантирует, что немногие из нас проживут достаточно долго, чтобы узнать, какой нам отмерен срок.

— Тем не менее, долголетие явно не приравнивается к надлежащему соблюдению этикета, — заметил Дахан.

— Как и вы, магос Дахан, мы обычно не общаемся с посторонними, — ответил Кул Гилад, и глубокая сила в его словах заставила Робаута обрадоваться, что не на него устремлён резкий взор реклюзиарха. Но если Дахана и испугал пристальный взгляд Храмовника, то он превосходно скрыл это.

— Тогда, возможно, брат-сержант Танна объяснит своё замечание не столь провокационным способом? — предложила Линья. — Почему он не согласен с подходом магоса Дахана?

— Конечно, — согласился Кул Гилад. — Брат-сержант?

Хотя черты лица Танны выглядели грубыми и сглаженными, из-за чего почти отсутствовали обычные микровыражения, которые визуально подтверждали бы сказанное, Робаут понял, что он не хотел отвечать.

— Вы говорите о бое, словно его можно свести до чисел и уравнений. Это — ошибка.

Робаут ждал, что Храмовник скажет ещё что-нибудь, но критика Танны этим и ограничилась.

— Бой — это числа и уравнения, — возразил Дахан. — Скорость, досягаемость, мышечная масса, скелетная плотность, время реакции. Все эти и другие факторы можно измерить и предсказать. Как и в любой хаотической системе, если вы наполните её достаточным количеством данных, изменения в результате окажутся незначительными. Дайте мне показатели любого противника, и я сумею победить его со статистической значимостью.

— Вы ошибаетесь, — произнёс Танна с окончательностью, которую было сложно оспорить.

Дахан подался вперёд и поставил на стол четыре руки. Робаут только сейчас заметил, что у магоса было несколько конечностей, а на руках по восемь пальцев, каждый из которых

обладал большим количеством суставов, чем обычные.

— Тогда, возможно, необходима эмпирическая демонстрация принципов, — сказал Дахан.

Танна секунду смотрел на него, прежде чем ответить. — Вы хотите сразиться со мной?

— С вами или одним из ваших воинов, — ответил Дахан, его составные пальцы волнообразно двигались в многочисленных суставах. — Результат не изменится.

Танна посмотрел на Кул Гилада и реклюзиарх коротко кивнул.

— Хорошо, — произнёс сержант. — Бой состоится.

— Очень хотелось бы посмотреть на эту схватку, — сказал Робаут.

Танна холодно взглянул на него. — Не в обычаях Храмовников сражаться на публику.

Вторая перемена блюд состояла из жареного мяса, приготовленных на пару овощей и чего-то вроде варёной пасты, которая напоминала на вкус слабо стерилизованную жидкость, но оказалась совсем ничего с густым сливовым соусом из полкового серебра. Робаут ел с удовольствием, наслаждаясь новизной приготовленной еды вместо воссозданных белков и неоднократно переработанной солоноватой воды систем охлаждения "Ренарда".

Даммассин лился рекой и Робаут почувствовал лёгкое головокружение, несмотря на ингибиторы аугметики в печени, фильтрующие и рассеивающие алкоголь в крови.

Он поговорил с магосом Даханом об оптимизации компилирования тысяч боевых загрузок, с Линьей Тихон о её работе на орбитальных галереях Кватрии и с Кул Гиладом о том времени, когда ему повезло увидеть отделение Ультрадесанта на улицах Первого Приземления. Реклюзиарх задал множество вопросов касательно манеры держаться братьев-воинов, их количества, вооружения и опознавательных маркировок. Робаут не сразу понял, что Храмовник занимался боевым анализом, словно речь шла о вражеском подразделении. Он задался вопросом, существовала ли у Адептус Астартес какая-либо иная система взглядов, с которой можно усваивать информацию. Не являлся ли каждый факт и фрагмент данных просто частью головоломки, которая позволит им сразаться с большей эффективностью?

Возможно, их боевые философии с магосом Даханом, в конечном счёте, не слишком отличались.

Обед шёл своим чередом, и полковник Андерс потчевал собравшихся харизматичным пересказом последней кампании 71-го на Бактаре-3 против ксено-расы, известной как тау. Его повествование время от времени прерывалось различными замечаниями офицеров в зависимости от эпизодов сражения. Лейтенант со следами ожогов рассказал о том, как его рота сбивала одну за другой эскадрильи скиммеров ксеносов, которые пытались разведать путь через лесистую долину реки. Беспечно красивый капитан по имени Хокинс говорил об отважных действиях комиссара Флоризна, который держал поднятым знамя полка даже после того, как в конце сражения фузионное оружие тау испарило почти всю его плоть.

Каданцы склонили головы в честь павшего комиссара, и это показалось Робауту необычным. Как правило, комиссаров боялись, часто уважали, но в полках редко почитали людей, обладавших правом распоряжаться жизнью и смертью.

Когда совместная военная история подошла к концу, у Робаута сложилось впечатление, что солдаты рассказали далеко не всё, но он прожил достаточно, чтобы понимать, что произошедшему в разгар битвы следует там и оставаться. Андерс встал и поднял бокал, Робаут последовал его примеру, как и остальные офицеры и жрецы Механикус.

— Мёртвые Кадии, — сказал полковник, выпив даммассин. — Огонь и честь!

— Огонь и честь! — проревели кадианцы, и Робаут кричал вместе с ними.

Пока офицеры уважительно молчали, вспоминая погибших в той кампании, сервиторы быстро наполнили опустевшие бокалы. Наконец все сели под скрежет стульев по металлической палубе, и задумчивое настроение немедленно сменилось хорошим.

— Сейчас, когда все слышали какие мы герои, думаю, пришло время узнать несколько военных историй наших гостей, — сказал полковник Андерс. — Капитан Сюркуф, при нашей первой встрече вы сказали, что расскажете реклюзиарху о том, как выходец из Ультрамара стал вольным торговцем. Сейчас вполне подходящее время исполнить обещание.

Робаут ожидал такого поворота и был только удивлён, что он не произошёл раньше.

— На самом деле это не слишком интересно, — произнёс он, но его слова заглушили удары ладонями по столу и хор требований рассказать историю.

— Сильно сомневаюсь, — возразил Андерс, его медная ящерица сбежала по руке на стол, где свернулась вокруг ножки бокала. — Любая история с участием чопорной задницы из Ультрамара — без обид — променявшей строгую размеренную жизнь на прыжки с планеты на планету должна быть интересной. Давай, парень!

Робаут понимал, что слова полковника не стоило рассматривать, как оскорбление, они являлись следствием распространённого заблуждения, что вольные торговцы не слишком отличались в лучшую сторону от мародёрствующих корсаров, которые везли в трюмах награбленные сокровища со всей галактики. Он взглянул через стол и увидел, что Кул Гилад внимательно смотрит на него. Капитан сразу решил, что честность окажется самым лучшим выбором и собрался с воспоминаниями из жизни, которую он давно запер за семью замками.

— Хорошо, — сказал Робаут, — я расскажу, как это произошло, но не обещаю, что вам понравится.

МИКРОКОНТЕНТ 10

Прежде чем начать Робаут глубоко вздохнул. — Мне присвоили офицерское звание Флота, и я стал младшим лейтенантом на борту фрегата, который патрулировал западные пределы Ультрамара. "Инвигилам" из Кар Дуниаш. Хороший корабль, надёжный, он оберегал нас, а мы его. Я прослужил на его борту почти пять лет, уверенно получая всё новые повышения, пока не стал офицером на мостике.

— Предположу, что вы участвовали в боях? — спросил Андерс.

— Дважды. Первый раз против оравы зелёнокожих посудин, которые вторглись в систему с северных границ. Нам не пришлось предпринимать ничего особенного, с нами был "Доминатор" "Ультима Претор" и его "Нова" крепко потрепала ксеносов, прежде чем они даже приблизились к нам. Затем мы оказались среди них и меньше чем за час бортовые залпы "Претора" и наши торпеды разорвали орочьи развалюхи в клочья, заставив наглотаться вакуума.

— У меня такое чувство, что второй ваш бой не оказался столь лёгким, — предположил Андерс.

— Нет, не оказался, — согласился Робаут. — Флот тау глубоко вгрызся в имперское пространство на дальней границе Аркадийских окраинных миров, и мы отправились выдворить их. Они не предпринимали никаких открытых агрессивных действий, просто бряцали оружием, но оперативные сводки свидетельствовали, что такое поведение типично для тау перед началом кампаний расширения. Мы стали демонстрацией силы, напоминанием, что это наш космос, а не их. И чтобы не осталось никаких сомнений с верфей Калта прибыл "Синий Лихтер", ударный крейсер второй роты Ультрадесанта.

— И что же произошло? — спросил Андерс. — Мы на собственном опыте знаем, как умеют сражаться тау.

— Мы продолжали вытеснять их, всего лишь играя в удары и ложные манёвры. Космические десантники стремились навязать бой, но ксеносы всё время отступали, рассредоточиваясь и перегруппировываясь. Создавалось впечатление, что они не хотели сражаться, но при этом и не хотели слишком далеко от нас оторваться.

— Они заманивали вас, — сказал Дахан.

— Так и оказалось, да. Право командования автоматически досталось капитану Ультрадесанта, а он рвался в бой. В конечном счёте, мы оттеснили корабли тау в зону гиперплотных полей газа со скоплениями обломков и потоками выброшенного вещества из древней сверхновой звезды. Мы думали, что загнали их в угол, но попали в засаду. В электромагнитном тумане скрывалась пара боевых сфер, которые мы не заметили. Они крепко ударили по нам, действительно крепко и заняли едва ли не каждый клочок пустоты

вокруг нас. "Синий Лихтер" получил несколько тяжёлых попаданий, но это похоже не слишком волновало его, досталось и "Претору". Флот тау развернулся и хлынул на нас, подобно рассерженным зеленовато-жёлтым осам.

— Они повредили нас, но забыли первое правило засады: ударить изо всей силы и быстро, а затем убираться к чёрту. Корабли Флота старые, но они крепкие и могут выдержать многое, прежде чем придётся выходить из боя. Тау решили, что разбили нас и усилили натиск, когда следовало отступить. "Синий Лихтер" повернулся и снёс огнём два корабля, не дав им приблизиться, а затем занялся сфероидами.

— Не стоит недооценивать фактор боевой эффективности ударного крейсера космического десанта, — произнёс Кул Гилад.

— Вы не ошиблись, — согласился Робаут. — Он выпотрошил боевые сферы. Они оказались неспособны быстро маневрировать и Ультрадесантники яростно атаковали их, выбив огромные куски надстроек из бомбардировочной пушки, а затем выпуская залп за залпом из бортовых орудий. Не самое приятно зрелище и когда крейсера тау вступили в ближний бой, мы показали им что требуется больше чем неожиданный удар из засады, чтобы вывести из строя имперские корабли. Сражение шло хаотично и грязно, но мы поставили ксеносов на место и когда "Синий Лихтер" атаковал всё было кончено.

— Достойный бой, — сказал Дахан. — Я только что загрузил данные из манифольда. Вы забыли упомянуть, что заслужили множество благодарностей, капитан Сюркуф. Вы получили Сердце Бакки за ранение и капитан "Инвигилама" направил представление с награждением вас лавром Флота, звездой Махария и рекомендовал при первой же возможности повысить до командной должности.

— Капитан Кибел был хорошим человеком, — ответил Робаут. — Он не хотел потерять меня, но знал, что я не успокоюсь, пока не получу собственный корабль.

— Корабли не принадлежат капитанам, — поправил магос Сайиксек, тёмно-красная мантия магистра двигателей колыхалась от расходящегося холодного воздуха.

— Прошу прощения, магос, это — фигура речи, — сказал Робаут.

— И так вы получили командную должность? — спросил полковник Андерс.

— Нет, но меня повысили до старшего офицера на борту "Наставника", крейсера типа "Готик", заложенного на орбитах станции Гатара две тысячи лет назад. Он был приписан к линейному флоту Тартара и капитан Миндар... что ж если говорить прямо, то он получил звание капитана благодаря удаче, связям и беззастенчивой протекции вышестоящего родственника.

— В ордене космических десантников такое совершенно невозможно, — сказал Кул Гилад, словно кто-то посмел бы возразить ему. — Только уровень подготовки определяет, кто будет командовать.

— В манифольде "Наставник" отмечен, как безвозвратно потерянный, — заметил магос Дахан. — Данный факт подтверждён записями Флота и соответствует отчётам Адептус Механикус. Как получилось, что вы остались в живых?

— Да, "Наставник" был безвозвратно потерян и я находился на его борту в этот момент.

— Как такое могло случиться? — спросила Линья.

— Дело в том, что капитан Миндар оказался высокомерным дураком, который почти ничего не знал о космической войне. Он происходил из старой семьи Скаров, которая направляла всех сыновей на Флот, и считал, что этого вполне достаточно, чтобы принять командование военным кораблём.

— И что же произошло? — спросил Андерс.

В обеденном зале воцарилась тишина, все офицеры и магосы внимательно слушали рассказ Робаута. Помещение словно стало меньше, и появилось растущее чувство клаустрофобии, пока он вспоминал последний полёт "Наставника". Робаут глубоко вздохнул и подумал об астронавигационном компасе в своей каюте и обречённых попытках стрелки найти азимут.

— Мы выслеживали пиратский флот, который использовал пояс астероидов рифа Калигари для налёта на конвои, следующие через точку Мандевиля Овиллард, — начал Робаут. — Команда мостика "Наставника" заслуженно считалась надёжной, и мы пребывали в уверенности, полагая, что даже с Миндаром во главе сможем выдержать всё, что они сумеют выставить против нас, но мы не знали, что пираты действовали не одни. Им помогали.

— Кто помогал? — поинтересовался магос Дахан.

— Вечный враг, — ответил Робаут, ощутив рост агрессии в зале. Каданцы на собственном горьком опыте знали ужасы войны с чудовищными врагами, атаковавшими из Ока Ужаса. Битвы кадианских полков с силами Вечного врага велись не просто ради победы, они стали личным делом. Хотя ни у кого за столом судьба "Наставника" не вызывала сомнений, Робаут чувствовал их желание, чтобы финал рассказа оказался иным.

— Мы никогда не узнали название корабля, который атаковал нас, — наконец произнёс он. — Вокс-офицеры и ауспик-сервиторы погибли в первые мгновения, когда он закричал. Их мозги вспыхнули и взорвались в черепах, прежде чем мы поняли, что произошло. Кроваво-красный адский корабль набросился на нас из укрытия в радиоактивных астероидах и рассеял эскорты бешеным батарейным огнём. В то же время он обстрелял нас из многочисленных ланс-батарей, за считанные минуты сбив большинство щитов.

— И всё же мы могли продолжать сражаться, но Миндар испугался и попытался оторваться от противника вместо того, чтобы защищаться. Несмотря на мои активные возражения он развернул корабль и перенаправил часть энергии с щитов ремонтным бригадам и двигателям. Я пытался звать к его разуму, убедить, что мы должны пробиваться, а не бежать, словно испуганный щенок грокса. Он накричал на меня, назвал мятежником и приказал охране увести меня с мостика.

— И что вы сделали? — спросил Андерс.

— Охранники собрались арестовать меня, но в этот момент корабль Вечного врага атаковал нас каким-то потоком частиц. Сорвало последние щиты, надстройки засветились, как во время фейерверка. Не знаю, что это было за оружие, но оно прошло прямо сквозь корабль, пробив брешь до нижних палуб. Воздух из половины отсеков для экипажа улетучился в космос, а артиллерийские палубы обезлюдели, прежде чем мы открыли ответный огонь. Обратные повреждения и вторичные взрывы захлестнули мостик, и огненный смерч опустошил все посты. Мне повезло — охранники оградили меня от взрыва, но почти все старшие офицеры превратились немногим больше, чем в обугленные трупы или кричащие бесформенные куски сплавленных костей и пепла. Одни из самых храбрых людей, с которым я служил, погибли, но этот ублюдок Миндар выжил и продолжал вопить, что мы подвели его и произошедшее не его вина. Вы можете в это поверить? Вверенный ему корабль погибал, а он всё ещё искал кого-нибудь, чтобы возложить вину за собственную глупость.

— Эскорты отступили. Они сбежали, увидев, что нас подбили, а когда вслед за адским

кораблём появились пираты, я понял, что мы умрём. Воздух вытекал в космос, а те немногие отсеки, где он сохранился, объял огонь. "Наставник" погиб в этом не осталось никаких сомнений, и когда Миндар покинул командную кафедру и завопил, что я должен проводить его к спасательным капсулам... именно тогда я сорвался.

— Сорвался? — спросил Андерс. — О чём вы?

— О том, что я застрелил его, — пояснил Робаут, вызвав изумление слушателей. Даже магосы выглядели потрясёнными.

— Я достал пистолет и съёс его чёртову башку. Он погубил нас и собирался бросить собственный корабль. Я не мог это допустить и разрядил всю силовую ячейку в его труп.

Робаут глубоко вздохнул, вспоминая момент, когда он бросил пистолет на обезображенный лазером труп Миндара. Он не почувствовал ничего: ни праведного восторга, ни удовлетворения от возмездия, только пустоту, которая занозой поселилась в сердце.

— Вы убили своего капитана? — спросил Андерс.

— Да, и, не задумываясь, сделал бы это снова. Его некомпетентность стоила тысяч жизней.

— Значит, он не имел права жить, — сказал Кул Гилад. — Вы правильно поступили, капитан Сюркуф.

— В любом случае это оказалось неважно. Оставалось только ждать, пока Вечный враг доведёт дело до конца. Мы горели и теряли воздух, но уцелело ещё достаточно элементов корпуса и бортовых систем, чтобы поживиться. Я знал, что это только вопрос времени, когда "Наставник" возьмут на бордаж, поэтому собрал всё огнестрельное оружие, которое смог найти, и ждал врага. Я убил бы столько, сколько смог и оставил бы одну пулю для себя. Я ни за что не позволил бы взять себя в плен. Я ждал на обгоревшем мостике целые часы, но они всё не шли.

— Вы знаете почему?

Робаут покачал головой. — Тогда ещё нет. Большинство ауспиков вышли из строя, и я не спешил включать оставшиеся топографы. Хотя вокс-системы не функционировали, я слышал крики адского корабля. Он кричал несколько дней, но затем замолчал и я понял, что он ушёл. Возможно, кто-то ещё остался в живых, но я это так и не узнал, всё, что я мог делать — отсрочивать неизбежное. Если бы я покинул мостик, то произошла бы разгерметизация, а температура быстро падала. У меня не было ни еды, ни воды и в отсеке уменьшалось давление, потому что целостность элементов конструкции начала сдавать. Лёд на корпусе мешал воздуху вырваться наружу, но в лучшем случае мне оставалось несколько дней, прежде чем простуда или обезвоживание превратили бы меня в мертвеца. Я подумывал приставить пистолет к голове и быстро со всем покончить, но это не путь Ультрамара. Вы никогда не сдаётесь, никогда не прекращаете бороться и никогда не теряете надежду.

— Безрадостная ситуация, — заметил Виталий Тихон. — Очень интересно узнать, как вы выжили.

— Это просто, меня подобрал другой космический корабль.

— Статистическая вероятность быть спасённым пролетающим мимо кораблём столь маловероятна, что почти равна нулю, — сказал магос Блейлок. — И в любом случае корабль Вечного врага, разумеется, должен был знать обо всех судах, которые находилось поблизости и могли быстро добраться до вас. Почему он не атаковал?

— Он не атакował, потому что знал, что не сможет победить.

— Как такое возможно?

Робаут глубоко вздохнул, прежде чем ответить.

— Потому что это был корабль эльдар, — произнёс он.

Слова Робаута встретила потрясённая тишина. Остальные, возможно, ожидали услышать о последней спасательной капсуле, или об одном из эскортов "Наставника", который вернулся за выжившими, или о каком-нибудь другом счастливом случае, удивительном, но объяснимом. Одним из множества неожиданных поворотов на войне.

Никто не ожидал услышать о вмешательстве ксеносов.

— Корабль эльдар? — прорычал Кул Гилад.

— Да, — ответил Робаут, — военный корабль Алайтока "Игла Иши". Они давно охотились на адский корабль и приготовились захлопнуть ловушку, когда мы случайно попали в засаду.

— Зачем они решили забрать вас? — спросил Андерс. — Не поймите не правильно, я рад, что вы выжили, но кажется более вероятным, если бы эльдары с радостью наблюдали за вашей смертью.

— Этого я так никогда и не узнал. Не до конца. Я даже почти не помню, как они спасли меня на "Наставнике", только необычный свет, танцующий, словно маленький вихрь над кафедрой мостика, где я решил умереть. Затем фигура в красной броне с каким-то вытянутым ранцем появилась из света и подняла меня. Следующее, что я помню, как проснулся в мягкой постели, а мои ожоги покрывали бинты и пересаженная кожа.

Кул Гилад подался вперёд и Робаут почувствовал кипящую в нём ненависть.

— Я потерял храбрых воинов из-за эльдар, — произнёс реклюзиарх. — Пять воинов, чьи деяния выгравированы на развалинах Врат Аннапурны, все герои. Чемпион Императора Элий пал на Дантиуме меньше года назад. Свора кричащих убийц забрала его голову, а варп-сука украла сломанный священный клинок.

— Я понимаю вашу скорбь, реклюзиарх, — сказал Робаут. — Я знаю, как больно терять людей под своим командованием. Я потерял целый корабль с людьми, которые зависели от меня.

— Сколько времени вы провели с ксеносами? — спросил Кул Гилад.

— Почти год. Они достаточно хорошо ко мне относились, но я чувствовал, что всего лишь из-за мимолётного любопытства, которое могло быстро наскучить. Я встречался всего с несколькими эльдарами из экипажа: целителями, лечившими мои раны, и парой скульпторов, Ирландриаром и Итандриэлем.

— Скульпторы в экипаже боевого корабля? — явно не веря спросил Кул Гилад.

— Скульптор — лучшая аналогия, которую я могу подобрать, — объяснил Робаут. — Конечно, они создавали скульптуры, но полагаю, что произведения искусства были всего лишь побочным продуктом того, чем они на самом деле занимались на корабле.

— Чем же они занимались? — поинтересовалась Линья.

— Они называли себя певцами кости, думаю, это означало, что они могли ремонтировать повреждённые части корабля или при необходимости создавать новые. Однажды я видел, как они вырастили новую секцию корпуса всего лишь из щепки величиной с ноготь. Это воистину удивительно.

— Очень интересно, — сказал магос Блейлок. — Я давно полагал, что технология эльдар формируется из био-органического полимера, который в некотором смысле является

живым. Их корабли, по сути, выращены, а не построены.

— Ты всегда отличался нездоровым интересом к ксенотеху, Таркис, — сказал Сайиксек, сидевший дальше за столом. — Противоестественным. Ты забыл Девятый закон: технологии ксеносов — искажение Истинного Пути.

— Ты говоришь с упрямым невежеством человека, который принял решение не изучать технологии ксено-рас, — возразил Блейлок. — И ты забыл Шестой закон: понимание — Истинный Путь к Познанию.

— Омниссия не живёт внутри столь богохульных творений. Ты слышал вольного торговца — их технология выращена. Она не создана, у неё нет священного механического анимуса в сердце. Такие ксено-образцы — оскорбление Империиума и Бога Машины. Справедливо ненавидимые.

— Скажите мне, — произнёс Кул Гилад, прервав теологический спор между магосами. — Что вы рассказали эльдарам об Империиуме?

— Ничего, — ответил Робаут. — Они никогда не спрашивали меня о нём, и, похоже, Империиум их совсем не интересуется. Я рассказал им о моей жизни в Ультрамаре, красоте Иакса и Эспандора, диких горах и океанах Макрагга. Я рассказал им о праздниках и своих юношеских неудачах, не больше. Если они спасли меня с целью узнать наши тайны, то не сделали ничего, чтобы вывести их у меня.

— По крайней мере, не так, чтобы вы об этом догадались, — сказал реклюзиарх. — Ведьмы эльдар с помощью колдовства могут прочесть мысли человека. Они жестоки и им чужды честь и мораль, к которым мы привыкли. Ради продления своего жалкого существования они желают видеть расу людей марионетками, всего лишь пешками на космической регицидной доске.

Робаут понимал, что это не тот спор, который он может выиграть у космического десантника и сказал, — я могу говорить только о том, что видел, реклюзиарх. Эльдары хорошо относились ко мне, а когда они потеряли ко мне интерес, то высадили на планете в системе Коалит рядом с имперским городом. Остальное, как говорится, дело прошлого.

Конечно, только этим его история не ограничивалась, но существуют пределы для откровенности в подобной компании. Поэтому пока не стоило рассказывать подробности пути Робаута от беженца до вольного торговца, слишком многие из присутствующих не одобряют, не поймут или не смирятся с его последующими действиями.

И если Котов узнает хотя бы половину, то у него ещё оставалось время вышвырнуть Робаута и его экипаж со "Сперанцы".

— Хорошо, — сказал он. — Что на десерт?

Последнее блюдо оказалось сахарной выпечкой и фруктами с мягкой мякотью и розовой серединой. Робаут перестал быть в центре внимания, теперь оно переключилось, как снайпер, на более важные цели. Возникли отдельные разговоры: магосы обсуждали достоинства и опасности изучения ксено-технологий, а кадианцы обменивались историями былых сражений и пустыми догадками о том каких врагов они могут встретить за Шрамом Ореола. Космические десантники отклонялись, прежде чем был подан десерт, и Робаут обратил внимание, что и к прошлым блюдам они почти не притронулись.

— Им не понравилась еда? — спросил он.

— Думаю, что этот обед по своим питательным свойствам бесполезен для них, — пояснила Линья. — Калорийность и масса к соотношению энергии мяса и заменителей белка делает его почти незаметным для их пищеварительных систем. Это как если бы ты

съел салфетку и хотел насытиться. Еда космических десантников обязательно содержит высокопитательные вещества, аминокислоты и сложные ферменты, чтобы поддерживать разнообразие биологической конструкции их организмов. Было бы достаточно неблагоразумно объедаться, когда твоё тело может спровоцировать рвотную реакцию.

— Не совсем понял, что это значит, но звучит не слишком приятно.

— Для тебя и любого, кто рядом.

Робаут рассмеялся и взял ещё один напиток у проходящего сервитора.

Он сделал большой глоток даммассина и произнёс. — Так о чём ты разговаривала с полковником, когда я пришёл? Что-то о причинах, почему ты с отцом отправилась в это путешествие? И не говори мне, что из-за любви к исследованиям. Отчасти может и так, но я знаю, что дело не только в жажде странствий.

Неизменное слегка снисходительное выражение лица Линьи сменилось на серьёзное.

— Ты — проницателен, Робаут, — сказала она. — Хотя соглашусь, что мысль исследовать неизвестный космос по другую сторону Шрама Ореола привлекательна, ты прав — не она привела нас сюда.

— А что привело?

Она вздохнула, словно размышляла, как лучше ответить. — Насколько хорошо ты знаком с небесной механикой? Жизненными циклами звёзд и физическими основами их различных стадий существования?

Робаут пожал плечами. — Не слишком хорошо, — признался он. — Я знаю, что они — огромные шары газа с невероятно мощными ядерными реакциями в центре и что во время варп-прыжка лучше держаться от них как можно дальше.

— Этого вполне достаточно для большинства космических путешественников. Но внутри звезды происходит гораздо больше, и даже самый одарённый калькулюс-логи неспособен распутать их переплетённые реакции и влияние на магнитно-радиационные поля в ближайших хаотических системах.

— Понятия не имею, что всё это означает.

— Разумеется, но ты знаком с концепцией, что звёздному свету, который ты видишь, уже много веков?

— Да, знаком.

— Свет движется быстро, очень быстро, быстрее, чем что-либо ещё, что мы можем измерить в галактике, и представление, что мы когда-нибудь сможем построить космический корабль, который преодолеет световой барьер, смехотворно.

— Я слежу за твоей мыслью, но не забывай, что я не из Культа Механикус.

— Поверь мне, я помню. Я упрощаю насколько могу и не в обиду тебе, но это всё равно, что рассказывать о цветах слепому.

Робаут старался не обижаться на её нечаянное принижение его интеллекта, наконец, поняв, что для Адептус Механикус с аугметированным разумом было типичным считать всех остальных идиотами с повреждённым мозгом.

— На орбитальных галереях Кватрии расположены макроскопы моего отца, и они являются одними из самых лучших приборов обнаружения в дальнем космосе во всём сегментуме. Они измеряют всё от уровня излучения, радиационного выхода, радиоволн и пульсовых волн до нейтронного потока, отклонения под воздействием силы тяжести и тысячи других элементов фонового шума галактики. Отец создал схему южной границы галактики почти пятьсот лет назад, изготовив настолько точную карту насколько это

возможно. Она воистину произведение искусства, точностью плюс-минус один световой час. Если уменьшить её до карты улья, то она показывает каждую трещину на каждом надземном переходе.

— И так что привело тебя сюда?

— То, что звёзды на границе галактики изменились.

— Изменились?

— Ты должен понимать, что изменения, которые происходят в анатомии звезды, занимают непостижимо огромные периоды глубокого времени. Они протекают в масштабе, который невозможно увидеть.

— Тогда откуда ты знаешь, что они происходят?

— Потому что если мы не видим, как что-то происходит, из этого не следует вывод, что это не происходит, — снисходительно ответила Линья, словно обучала ребёнка базовым понятиям. Хотя, по сути, так и было. Особенности науки и техники были фактически неизвестны населению Империи. Что кажется почти снисходительно простым для члена Культа Механикус для остальных выглядит суеверием и мистикой.

— Мы не можем заметить вирусные взаимодействия невооружённым глазом, поэтому мы создаём аугментированную оптику. Также вокс-волны невидимы, но мы знаем, что они существуют, потому что Омниссия показал нам, как построить механизмы, которые способны передавать и принимать их. То же самое применимо и к звёздам и продолжительности их жизни. Никто не может прожить столько, чтобы увидеть всю постоянную энтропию их существования, поэтому мы изучаем сигналы тысяч разных звёзд, наблюдая различные стадии звёздных жизненных циклов. Когда мы изучали звёзды за Шрамом Ореола, то увидели, что уровень яркости и сигнатуры излучения совершенно изменились.

— Каким образом изменились?

— Если совсем просто, то они состарились на миллионы лет за несколько веков.

— И что-то мне подсказывает, что это ненормально?

Линья покачала головой. — Совершенно ненормально. Что-то произошло с этими звёздами и их жизненные циклы почти закончились. Возможно, некоторые из них уже превратились в сверхновые, потому что изменения, которые мы зафиксировали, постоянно увеличивались и уже успели устареть на несколько веков.

— Значит, ты не знаешь, что мы найдём, когда доберёмся туда?

— Можно и так сказать. Мы получим более точные данные, когда приблизимся. "Сперанца" обладает невероятно точными комплексами топографов, поэтому я надеюсь к тому времени, как выйдем из варпа на галактической границе, получить намного более ясное представление о том, что нас ждёт.

— Ты надеешься?

— Шрам Ореола делает... трудными любые расчёты.

— Получается, ты видишь, как звёзды быстро стареют. И в чём же на твой взгляд причина?

— Не имею ни малейшего представления.

Убрали последнее блюдо, и обед быстро подошёл к концу, кадианцы не привыкли злоупотреблять приятными времяпрепровождениями, способными ослабить их строгие режимы тренировок. Теперь, когда Роберт изучал лица вокруг стола, оказалось, что остались только он и Эмиль, который явно переусердствовал с даммасином. Технопровидец Силквуд

ушла ещё раньше с магосом Сайиксеком, хотя капитан почти не сомневался, что просто для того, чтобы поговорить о двигателях и внутреннем сгорании.

Адара нашёл общий язык с кадианцами, испытанные в боях гвардейцы легко распознали его врождённые способности к смертельным искусствам. Хотя у юноши забрали оружие, он показывал приёмы клинкового боя столовым ножом и несколько младших офицеров повторяли его движения.

Эмиль положил колоду карт на стол, принимая ставки у любого достаточно глупого заключать пари. Карты танцевали между его пальцами, словно жили собственной жизнью, и его ловкость производила на окружающих не меньшее впечатление, чем удача.

— Солдатам нравится держаться рядом с такими удачливыми типами, — сказал Робаут, заметив, что Линья наблюдает за умениями Эмиля.

— Кажется, мы установили, что такой вещи, как удача не существует, — ответила она.

— Скажи это солдату и услышишь, что ошибаешься, — возразил Робаут, встав с довольным ворчанием. — У каждого из них найдётся талисман на удачу, удачный ритуал или удачная молитва. И знаешь, раз это помогает им, то кое-кому следует признать, что они не совсем неправы?

— Предвзятость подтверждения, но допускаю, что поле битвы — место, где огромное количество случайных величин в хаотической окружающей обстановке — плодородная арена для восприятия удачи.

— Никто не может говорить за других людей, — произнёс он, и в этот момент сервиторы распахнули величественные двери в приёмную и гости друг за другом потянулись к выходу.

Линья пожала плечами. — Я имею дело с фактами, действительностью и тем, что могу доказать основываясь на фактах.

— Это не лишает тебя красоты вещей? Разве полярное сияние не теряет волшебство, когда ты уменьшаешь его до света и радиации, которые проходят сквозь термоклинковые слои загрязнённой атмосферы? Разве великолепный заход солнца не становится простым ежедневным циклом вместо удивительной симфонии света и покоя?

— Наоборот, — сказала Линья, пока они отходили от обеденного стола. — Именно потому что я понимаю, как функционируют такие вещи, они и становятся волшебными. Искать и открывать тайны — это и есть конечная цель Адептус Механикус. Вот что для меня волшебство. И я использую слово волшебство в чисто поэтическом смысле, прежде чем ты начнёшь цепляться к нему.

— Я не посмел бы, — улыбнулся Робаут, когда они подошли к дверям, ведущим к эспланаде правого борта. Прозвенел колокол и Робаут понял, что прошло четыре часа с момента их прибытия.

— Сейчас позже, чем я думал, — сказал он.

— Точное время, как я и ожидала. Мои внутренние часы синхронизированы со "Сперанцей", хотя у неё есть необычные идеи касательно релятивистского потока звёздного времени.

Робаут пожал плечами. — Поверю на слово, — сказал он, наблюдая, как тусклый свет играет на резных изгибах её скул. Он и раньше считал Линью привлекательной, но сейчас она выглядела прекрасной. Как он не замечал это? Робаут отдавал себе отчёт об алкоголе в организме, но фильтр в искусственной печени уже рассеял большую часть.

— Ты очень красивая женщина, Линья Тихон. Ты знаешь это? — произнёс он, прежде

чем понял, что делает.

Улыбка исчезла с её лица, и Робаут понял, что пересёк черту.

— Извини, — сказал он. — Это было глупо. Слишком много даммассина...

— С вашей стороны очень любезно сказать такое, капитан Сюркуф, но было бы неблагоразумно для вас питать какие-нибудь мысли о романтических отношениях со мной. Я вижу, что нравлюсь вам, но не могу ответить взаимностью.

— Откуда ты можешь знать, если не попробуешь? — возразил Робаут, понимая, что это безнадежно, но до конца не сдаваясь.

— Вам будет трудно понять.

— Я попытаюсь.

Она вздохнула. — Нервные пути моего мозга настолько сильно были изменены хирургической аугметикой, химической обработкой и когнитивным перераспределением, что процессы, происходящие в нём не приравнять к таким понятиям, как привязанность или любовь.

— Но ты же любишь своего отца, не так ли?

Она ответила не сразу. — Только в том смысле, что я благодарна ему за то, что он подарил мне жизнь, да, но это не любовь в вашем понимании. Мой разум не способен уменьшить комплексную асимметрию моего синоптического взаимодействия до чего-то столь...

— Человеческого?

— Иррационального, — поправила Линья. — Робаут, вы человек с богатой историей, немалая часть которой очень импонирует другим людям. Вы обладаете личностной матрицей, и я уверена, что она делает вас интересным, но не для меня. Я вижу вас насквозь и знаю каждую грань вашей жизни, начиная с клеточного уровня до гоминидной архитектуры вашего мозга. Для меня ваша жизнь с самого рождения до этой минуты — открытая книга, и я могу обработать каждую её страницу за микросекунду. Вы развлекаете меня, но ни один неаугметированный человек не обладает достаточной сложностью, чтобы долго удерживать моё внимание.

Робаут слушал её слова с растущим чувством, что ступил на зыбкую почву. Он ошибся, предположив, что раз Линья похожа на женщину, то она и является женщиной во всех отношениях. Она оказалась также далека от его сферы существования, как он от прирученного домашнего животного.

Это оказалось отрезвляюще, и он сказал. — Должно быть, это очень одинокое существование.

— Ровно наоборот. Я говорю эти вещи не для того, чтобы причинить вам боль, Робаут, а только чтобы уберечь от любого эмоционального расстройства, которое вы могли бы получить, неудачно пытаясь завоевать моё расположение.

Робаут поднял и руки сказал. — Согласен, я понял, расположение невозможно, а дружба? Это понятие, которое ты можешь... обработать? Мы можем быть друзьями?

Она улыбнулась. — Мне хотелось бы этого. А теперь с твоего позволения мне нужно проанализировать логические синтаксические компоненты загруженных данных.

— Тогда спокойной ночи, — сказал Робаут и протянул руку.

Линья приняла её, рукопожатие оказалось крепким и приятным.

— Спокойной ночи, Робаут, — ответила она, повернулась и направилась к помосту маглева.

Сзади показались Эмиль и Адара, покрасневшие от жирной пищи и выпитого даммассина. Адаре вернули нож, и он вращал его между пальцами, что казалось рискованным, учитывая сколько юноша выпил.

— И что это сейчас было? — спросил Эмиль.

— Как оказалось ничего, — ответил Робаут.

МИКРОКОНТЕНТ 11

Они блуждали по внешнему спиральному рукаву галактики, как околдованные окружающей красотой путешественники по зачарованному лесу. Зал астронавигации омывал свет. Карты сектора, эллиптические звёздные диаграммы и блестящие облака пыли вращались вокруг Линьи и Виталия Тихонов, подобно множеству невероятно сложных атомных структур. Каждая из них представляла собой совершенную схему звёзд и туманностей и Линья протянула руку, чтобы увеличить масштаб внешних границ системы на пути курса "Сперанцы".

— От этого промежуточного пункта отказались? — спросил отец, вытягивая пальцами потоки данных с кружащихся планет, словно выброшенную материю с поверхности солнца.

— Да, — ответила Линья. — Система Некрис.

— Конечно, системный мир Адептус Астартес.

— Если верить слухам, — согласилась Линья. — Образцовые Десантники, говорят, что их крепость-монастырь расположена в этой системе, но данная информация никогда не подтверждалась с достаточно высокой степенью точности, чтобы я добавила примечание.

— Космическим десанникам нравится уединение, — сказал отец, быстро переходя через визуальное воспроизведение системы Некрис, словно уважая волю скрытного ордена.

Линья кивнула, бросив последний взгляд на разрозненные планеты системы, вращавшиеся на бесшумных орбитах. Одни казались одинокими, далёкими от живительного солнца, холодными и синими из-за льда; другие, пути которых пролегали слишком далеко от разнонаправленной гравитации звезды, чтобы оставаться геологически активными, стали не больше чем бесплодными охрыными пустынями.

Флот достиг первого промежуточного пункта, когда "Сперанца" выпрыгнула из варпа на границе субсектора Геракл, бесчисленные топографы ковчега поглощали новую информацию и данные окружающего космоса, передавая в проложенный курс. Систему Некрис рассмотрели и отклонили в качестве промежуточного пункта, её точка Мандевилля оказалась в слишком узком промежутке дуги спокойных попутных варп-маршрутов.

И она лежала несколько в стороне от пути флота через Валетте.

Зал, в котором они находились, представлял собой купол из полированного железа в сто метров шириной, созданный из единственного огромного слитка с горы Олимп и обшитый тонкими золотыми пилястрами, как и аркбутаны, поддерживающие огромный темплум. В центре рядом с вытравленным символом Механикус стояла отделанная деревом панель с несколькими тактильными клавиатурами и ручными рычажками. Из старой дополнительной клавиатуры торчало множество кодовых дисков, каждый из них содержал выборку данных, полученных логистами астронавигации "Сперанцы".

Энтоптические машины неустанно и скрупулёзно поддерживали точную модуляцию суспензорных полей, проецирующих столько света в воздух, что происходящее напоминало прогулку в аквариуме, объединённом с оранжереей. Небесные тела мелькали подобно стоическому живому корму, кометы проносились стремительными насекомыми, а призрачные облака газа и пыли напоминали дрейфующую медузу. Курс "Сперанцы" отмечала мерцающая красная линия, хотя отображались только реальные космические участки путешествия. Нанесение на карту бурлящих глубин варпа лучше оставить навигаторам, если такое вообще возможно.

— Проложенный тобой курс похвально точен, дорогая, — произнёс отец, наблюдая, как всё больше информации вливается в непрерывные уравнения. — Я не гексамат, но полагаю, что архимагос доволен.

Линья чувствовала гордость в тёплых эманациях его системы жидкообращения и послала безмолвное подтверждение, что разделяет его радость.

— Курс точен до одной световой минуты, — ответила она. — Новая астрономическая информация только улучшит его по мере продолжения путешествия.

— Пока мы не выпрыгнем из варпа у Шрама Ореола, — напомнил отец.

— Я знаю, но достигнув Валетте, мы сможем лучше... оценить то, что ожидаем увидеть.

— Ты ведь хотела сказать "предполагаем"?

— Я рассматривала такой вариант, но решила, что он подразумевает слишком большую долю погрешности.

— Место, куда мы направляемся скрыто завесой неопределённости, доченька. Нет ничего постыдного в неведении, чего нельзя сказать о его отрицании. Зная, что мы не знаем, мы можем предпринять шаги, направленные на исправление нашего незнания.

Виталий Тихон шагал сквозь течения звёздной информации с непринуждённостью человека, который провёл жизнь, изучая небеса. Его руки двигались, как у виртуозного дирижёра, дружелюбно и по-отечески тщательно просеивая поток данных, словно каждая система и звезда принадлежали ему. Он направился вдоль стен зала, минуя области космоса, где свет звёзд превращался в немногим больше чем в релятивистские пятна, к системам вблизи галактического ядра.

Он подошёл к проекции Шрама Ореола, изображение которого рябило и мерцало и не могло сфокусироваться, как будто проекторы испытывали затруднения в расшифровке искажённых данных. Машины, шипя, выплёвывали в воздух кольца свистящего кода, гневаясь, что приходится визуализировать столь уродливую область космоса. Растекавшиеся красные и фиолетовые кровоподтёки, испещрённые жёлтыми и зелёными вкраплениями, распространяясь, подобно инфекции вдоль границы галактики, переходя в полосу звёздных полей, которые не имели никакого эмпирического смысла. Проецируемая информация мерцала и исчезала, прежде чем появиться обновлённой под гул схем и неослабевающий шум раздражённого оборудования.

— Духи беспокоятся сегодня, — сказала Линья.

— А ты не беспокоилась бы? — спросил Виталий и протянул руку, чтобы коснуться стены и послать успокаивающую бинарную молитву во взволнованное сердце механизма. — Проецирующие духи зала раздражены изменчивыми потоками информации. Путешествие сквозь варп не привело к ответам на картографические вопросы, и как любой из нас, когда мы не добиваемся цели, они без всякого удовольствия встречают нарушение нормального режима работы.

— Они видят в тебе родственную душу, — сказала Линья, когда изображение отдалённых секторов и мерцающих звёзд стало более ярким и чётким. Раздражённое шипение машин стало тише.

— У меня много общего с духами, которые ищут далёкие берега, — ответил Виталий без особого намёка на скромность. — Также как и у тебя.

Линья знала, что отцу не всегда хватало такта в общении с ней, но всё же высоко ценила такое проявление чувств.

— Какая жалость, — произнёс Виталий, возвращая внимание к зловеще ухмыляющейся ране Шрама Ореола. — Когда-то это были астрономические ясли юных и молодых звёзд. Теперь это немногим больше, чем кладбище истощенной материи, умирающих сжимающихся ядер и искажённых данных, которые столь же бессмысленно выглядят отсюда, что и с Кватрии.

— Даже загруженные "Сперанцей" на последнем промежуточном пункте астрономические данные мало помогли в расшифровке произошедшего, — заметила Линья.

— Понятно, — сказал Виталий, вытягивая водопад данных из воздуха. — Гравитационные постоянные изменения, вызванные взаимодействием столь многих гиперстарых звёзд, просто смеются над нашими инструментами. Если верить их показаниям, то внутри Шрама Ореола есть силы, способные разорвать корабль в мгновение ока.

— Я надеюсь, что на промежуточной станции Валетте мы получим более чёткое представление об этих умирающих звёздах и изменчивом космосе между ними. Возможно, мы даже сумеем проложить курс сквозь гравитационное болото.

Отец отвернулся от Шрама Ореола и спросил. — На чём основана подобная надежда?

Линья ответила не сразу, хотя она и подозревала, что отец уже догадался о причине. — Манифольдная станция Валетте — последняя известная точка контакта с потерянным флотом магоса Телока. Весьма разумно предположить, что есть причина, почему эта система получила сообщение по манифольду от флота Телока. Возможно, она находится в коридоре, где гравитационные поля аннулируют друг друга. Я не могу считать простой случайностью, что Валетте расположена прямо на нашем оптимальном курсе к Шраму Ореола. Я верю, что нас ведёт воля Омниссии, отец.

— Ты считаешь, что могла оказаться жертвой предвзятого подтверждения, как и неаугметированные?

— Да, но я отбросила такую возможность. Шанс, что Валетте встретится на запланированном курсе от Джоуры, бесконечно мал в абсолютном объёме потенциальных маршрутов, эллиптических отклонений орбиты и аксиоматической непостоянности системы.

— Согласен, — произнёс Виталий. — И должен признаться, что с некоторым нетерпением ожидаю загруженных данных от манифольдной станции Механикус, расположенной так близко к Шраму. Кто знает, какую информацию там могли собрать за последние столетия?

Дрожь светоданных пробежала по кабелепроводам пола, когда за спиной Линьи открылась вращавшаяся дверь в форме шестерёнки. В воздух поднялась яркая пелена биографической информации, эксплуатационного статуса и текущих загружающихся/выгружающихся данных.

Таркис Блейлок стремительно вошёл в купол астронавигации и его загрузочные устройства сразу же принялись поглощать окружающую информацию. Он выпалили

подобающий приветственный код Линье и Виталию. Формальность, но она ожидала меньшего. Хотя нравы и формы обращения Механикус сильно отличались от присущих неаутметированным людям, многие из аллюзий сохранились — пускай и на двоичном коде — передавая малейшие намёки упрёка, одобрения или как сейчас тщательно скрываемого презрения.

— Магос Блейлок, — произнёс Виталий, используя простую форму бинарных протоколов, которые вышли из употребления после повторного открытия высокофункциональной лингва-технис почти пять тысяч лет назад. — Как всегда рад видеть вас. Что привело вас в купол астронавигации?

— Этот вопрос лучше обсудить конфиденциально, — ответил Блейлок, демонстративно игнорируя Линью.

— Чтобы вы не сказали мне конфиденциально, я позже передам это дочери, — произнёс Виталий, прокручивая астрономические данные системы Кетерия. — Поэтому в целях краткости и лучшего применения нашего времени предлагаю вам просто сказать то, что вы собираетесь.

— Хорошо, — согласился Блейлок, направляясь в центр зала и устремив взор зеленоватой оптики вверх, где таинственные пространства далёких галактик вращались подобно туманным паутинам. — Я пришёл в поисках вашей поддержки.

— Поддержки в чём?

— Поддержки в моих притязаниях на марсианские кузни архимагоса Котова, когда их будут перераспределять.

— Разве это несколько не преждевременно? — спросила Линья. — Мы даже не достигли границы галактики, а вы говорите так, словно экспедиция уже потерпела неудачу.

— Статистически успех экспедиции всегда считался маловероятным, — ответил Блейлок, поворачиваясь на триста шестьдесят градусов и изучая данные прозрачных звёздных систем. — Ничего не изменилось. Наиболее вероятный исход путешествия — Шрам Ореола не удастся преодолеть и архимагосу Котову придётся вернуться на Марс, признав неудачу.

— Если вы так уверены, что экспедиция закончится неудачей, почему вы участвуете в ней?

— Генерал-фабрикатор лично направил меня к архимагосу Котову, — сказал Блейлок, позаботившись, чтобы благодаря лингва-технис они поняли всю полноту его власти. — Непростительно потерять столь ценное судно, как "Сперанца" в бесплодной попытке отправиться в область проклятого космоса. Я должен убедиться, что ковчег не окажется напрасно принесённым в жертву на алтаре отчаявшегося человека, который стремится вернуть былую славу.

— Как великодушно, — произнесла Линья даже не потрудившись скрыть презрение.

— Несомненно, — ответил Блейлок, проигнорировав насмешку.

— И когда Котов вернётся с поджатым хвостом, начнётся борьба за его последние владения, — сказал Виталий. — Вы считаете, что они должны перейти к вам?

— Я — самая подходящая кандидатура, чтобы взять под контроль его кузни в Тарсисе, — согласился Блейлок.

— Подозрительный человек может сказать, что вы лично заинтересованы в провале экспедиции, — заметил Виталий.

— Свойственное человеку предположение, но ошибочное. Я продолжу полностью

поддерживать архимагоса Котова до тех пор, пока не приду к выводу, что шанс непоправимого повреждения "Сперанцы" выше вероятности обнаружения какого-либо полезного восстановленного знания. Так как последнее — наиболее вероятный исход, то логично, что я ищу поддержки старших магосов до возвращения на Марс. Вы знаете о моём высоком положении среди Духовенства, и я не забуду вашу поддержку, когда придёт время заняться вопросами реквизиции. На Марсе много технологий, которые я бы мог бы передать на Кватрию, и превратить её в главную картографическую галерею Империиума.

— Сначала вы пытались наложить вето на участие моего отца в экспедиции, а теперь желаете подкупить его прозрачными взятками? — произнесла Линья человеческим голосом, чтобы посильнее уязвить Блейлока.

— Я голосовал против его участия, потому что считаю, что есть более квалифицированные магосы, которые могут обеспечить картографическую поддержку.

— Ни один из них прежде не путешествовал туда, — резко возразила Линья. — Присутствие моего отца повышает шансы на успех и не способствует вашим хищническим интересам, не так ли?

— Вы предполагаете, что я исхожу из постоянных взглядов и человеческих моделей поведения, — возразил Блейлок, перейдя с лингва-технис на аугметический голос. — Когда меняется ситуация, меняется и моя поведенческая схема, в конце концов, я не автоматон. Неудача экспедиции — реальная статистическая вероятность и было бы глупо для меня не подготовиться к этому.

— А если экспедиция не провалится?

— Тогда я продолжу помогать поиску знания, и священный долг перед Омниссией будет исполнен, — сказал Блейлок. — В любом случае, я буду рад служить воле Марса.

— Я думаю, что вы лжёте.

— Госпожа Тихон, если вы настаиваете на том, чтобы переносить человеческие поведенческие модели, которые не имеют отношения к моему образу мышления, на мои мотивы, то мы можем продолжить нашу бессмысленную пикировку.

— Возможно, ваши вычисления ошибочны.

Блейлок широко развёл руки, и в ноосферный воздух, подобно стае хищных птиц устремилось неисчислимое множество великолепных статистических алгоритмов. Столь грандиозные, что их было почти невозможно постичь, комплексные решётки уравнений Блейлока являли собой прекрасную конструкцию непогрешимой логики. Даже поверхностная загрузка показала Линье полное отсутствие ошибок.

Шансы экспедиции Котова на успех оказались столь незначительными, что их можно было не принимать в расчёт.

Понимая, что поступает уныло по-человечески, Линья произнесла. — Данные промежуточного пункта Валетте изменят ваши вычисления.

— Вы правы, — согласился Блейлок. — Но не достаточно для появления статистически значимого расхождения.

— Мы довольно скоро узнаем это, — сказал Виталий, притянув полупрозрачную модель системы Валетте и выдвинув на первый план манифольдную станцию Механикус. — Мы вернёмся в реальное пространство через десять часов.

Магос Дахан с удовольствием наблюдал за гармоничным взаимодействием множества родов войск, представлявших военную мощь Империиума. Имперская Гвардия полковника Андерса вела бои в огромном воссозданном разрушенном городе, каждый квадрат усеивала

жестокая паутина комплексных защитных сооружений, тщательно выверенных секторов огня, треугольных огневых мешков и многочисленных пересекающихся открытых перекрёстков. Худший ночной кошмар для атакующих, но пока военная методология кадианцев оказывалась эффективной.

Конечно, это было легко, когда они сражались рядом с полным арсеналом убийственных машин Адептус Механикус. Где человеческим солдатам было слишком опасно, там наступали четвероногие преторианцы из плоти и стали, грохот взрывов и треск разрядов сопровождали их стрельбу из имплантированных орудий и энергетического оружия. Расчёты боевых сервиторов забирались на стены при помощи внедрённого скалолазного оборудования и изливали сверху смерть из плечевых вращающихся пусковых установок и гранатомётов. Отделения скитариев Дахана возглавляли штурмы захваченных зданий, их поддерживали "Адские гончие" кадианцев, которые омывали покинувших укрытия вражеских дронов-сервиторов потоками горящего прометия. "Часовые" валили ослабленные стены, обходя с флангов вражеские подразделения и обеспечивая разведанными следующую за ними пехоту, которая в свою очередь наступала в сопровождении средних танков "Леман Русс", "Химер" и рычащих "Василисков".

Конечно, они несли потери, очень большие потери, но пока ни одна рота или клан не оказались обескровлены настолько, чтобы стать небоеспособными. Количество зарегистрированных смертей держалось более чем в приемлемых рамках и не оказывало влияние на общий результат сражения.

А главенствовали на поле боя сами боги войны.

Титаны легио Сириус ступали среди дымящихся руин в тени пламени битвы, стробирующих лазерных разрядов и ярких шлейфов снарядов из "Инферно". Знамёна легио и победные баннеры свисали с шарнирных талей и вздымались парусами на серых, золотых и синих корпусах. Окружавший их измученный воздух ревел от горячих восходящих потоков.

Над всеми возвышалась "Лупа Капиталина", её громадные орудия изливали на повергнутый город разрушительные энергии. Несмотря на отсутствие взрывчатки в поражающих элементах кинетическая сила боеприпасов опустошала воссозданный город Дахана. В то время как "Амарок" рыскал среди развалин жилых блоков, выискивая вражеские цели для неожиданной атаки, не позволяя им исчезнуть в тенях пожаров, "Вилка" в одиночестве пробиралась через город и скрывалась, пока не подойдут более крупные собратья. Как только "Канис Ульфрика" или "Лупа Капиталина" приблизятся и защитники выдвинутся им навстречу, "Вилка" ударит из засады и отступит, прежде чем враг успеет контратаковать.

Дахан ехал по разбитой тренировочной арене на "Железном кулаке", подключившись к механизмам управления и отдавая приказы БМП импульсами по нейронной сети с помощью кабелей из задней части шеи. Хотя боевые патроны звонко врезались в камни и рикошетили, а в воздухе шипели отражённые лазерные разряды, он не подвергался ни малейшей опасности. Встроенные в корпус транспорта преломляющие генераторы защищали "Железные кулак" от малейшей царапины. Куда бы ни посмотрел Дахан, повсюду имперские войска продвигались с безжалостной математической точностью, они стали оркестром смерти, а он их композитором.

Огонь и манёвр, дом за домом, его город смерти не смог эффективно остановить имперское наступление. Где одно подразделение атакующих оказывалось слабым, другое оказывалось сильным. Молот Гвардии и точно приложенная сила Адептус Механикус

хорошо работали вместе.

Только одно подразделение не принимало участие в бою, но Дахан ожидал их появления в ближайшее время.

Рубежи падали один за другим и тактическая боеспособность города уменьшилась настолько, что Дахан больше не видел смысла продолжать. Он положил конец тренировке мысленным импульсом, и на потолке огромной учебной палубы зажглись ряды дуговых ламп. Запустились гигантские экстракторы, втягивая клубы дыма и аэрозольные частицы, чтобы выбросить их в кильватерном следе "Сперанцы". Достаточно быстро обширное пространство очистилось от дыма и запахов, и эхо сражения начало стихать. Дахан направил "Железный кулак" по заваленной камнями и копиями имперских святых дороге. Немало сервиторов-дронов лежали под обломками, их изувеченные тела почернели от оружия кадианцев. Органика сгорела, а механические компоненты придётся чинить, прежде чем повторно освятить и пересадить другому дрону из плоти. Обонятельные чувства Дахана идентифицировали очищенную смесь прометия, а также выявили особые соединения окаменелых углеводородов и тонкий аромат целлюлозы, который обладал химическими признаками северной сосны Кадии.

К "Железному кулаку" приблизилось отделение кадианцев, и секутор узнал полковника. Частота дыхания командира полка оказалась значительно повышена, гораздо сильнее, чем у его солдат.

— Полковник Андерс, — произнёс Дахан, коротко уважительно кивнув. — И снова ваши люди превзошли мои ожидания.

— Ваши ожидания, возможно. Моим они соответствовали, — ответил Андерс, сняв шлем и проведя влажным платком по лбу. — Итак, как всё прошло?

— Превосходно, — сказал Дахан, спускаясь с турели БМП. — Все цели в городе захвачены с минимальными потерями.

— Насколько минимальными?

— Средние коэффициенты смертности в ротах — восемнадцать целых семьдесят пять сотых процента, с тяжёлыми ранениями — тридцать целых шесть десятых. Я округляю в большую сторону, разумеется.

— Разумеется. На первый взгляд звучит вполне нормально для города такого размера, может быть немного меньше.

Полковник поставил ботинок на почерневшее тело убитого сервитора и перекатил труп на спину. Кибернетические руки оказались крепко сжаты в обгоревшие оплавленные кулаки, рот широко открыт. Андерс отшатнулся.

— Как вы думаете, они чувствуют боль? — спросил он.

Дахан покачал головой. — Нет, теменно-инсулярная область, обрабатывающая боль через нейроматрицу, является одним из многих сегментов мозга, которые прижигают во время процесса принудительной трансформации.

— Поэтому они опасны в бою, — сказал Андерс. — Враг, который боится боли уже наполовину побеждён.

— А кадианцы не чувствуют боли? — спросил Дахан, добавив какой-то риторический код на лингва-технис.

— Мы живём с болью каждый день. Что ещё остаётся тем, кто живёт под Огромным Оком?

— У меня недостаточно компетенции, чтобы ответить на это.

— Иного я и не ожидал, — сказал Андерс, снова поворачиваясь к Дахану. — Итак, восемнадцать целых семьдесят пять сотых? Посмотрим, не сможем ли уменьшить до пятнадцати, когда достигнем Шрама.

Дахан жестом указал в сторону аугметированных воинов в чёрной броне, которые строились ровными рядами за пределами захваченного города. — Скитарии Адептус Механикус стали одним из факторов уменьшения среднего числа, как и присутствие легио Сириус.

Андерс рассмеялся. — Верно, ничто не сравнится с поддержкой легио титанов, которые заставляют врагов не высовываться. А эти скитарии достаточно крепкие сыны грокса. Буду рад, если они окажутся рядом, если там, куда мы летим, придётся сражаться.

— Боюсь, сражений не избежать. Какие бы тайны не лежали за пределами галактики их обладатели не расстанутся с ними по доброй воле.

— Более чем вероятно, — согласился Андерс, сняв матерчатую флягу с разгрузочного пояса и сделав большой глоток. Утолив жажду, он вылил остатки воды на голову, глубоко дыша, чтобы успокоить сердце.

— Похвально, что вы сражаетесь рядом со своими гвардейцами, — заметил Дахан. — Нелогично, но храбро.

— Ни один офицер кадианцев не командует по-другому, если желает сохранить звание. Так всегда было и так всегда будет.

— По моим подсчётам вы, по крайней мере, на пятнадцать лет старше ваших солдат.

— И? — предупреждающе спросил Андерс.

— Вы в прекрасной физической форме для человека вашего возраста, но риск для командных и управляющих функций полка значительно превышает пользу для морали солдат благодаря возможности видеть командира.

— Значит, вы мало знаете о кадианцах, — произнёс Андерс, закинув за плечо лазган.

— Ваши люди уже указывали мне на это, хотя такое наблюдение в корне неправильно.

— Послушайте, — сказал Андерс, встав на подножку "Железного кулака". — Вы когда-нибудь бывали на Кадии, магос Дахан? Вы кадианец?

— Нет на оба вопроса.

— Тогда чтобы вы не думали, что знаете о кадианцах — вы не знаете ни черта. Единственный способ на самом деле узнать кадианцев — сражаться против них, но не думаю, что вы этого хотите.

Хотя полковник не повысил голос, а его мимика и жесты не демонстрировали открытой враждебности, системы реакции на угрозу Дахана впрыснули адреналин в инфокровоток. Он почувствовал, как напряглись оружейные руки, энергия устремилась в силовые клинки, а внутренние обоймы начали подачу боеприпасов. Дахан мысленно успокоил ответную реакцию, потрясённый как быстро вежливость Вена Андерса сменилась воинственной конфронтацией.

— Вы правы, полковник Андерс. Я не хочу этого.

— Мало кто хочет, но думаю, вам предстоит познакомиться кое с кем поближе, чем хотелось бы.

— Полковник?

Андерс кивнул над плечом Дахана и добавил, — веру в ваши методы ждёт суровая проверка.

Дахан повернулся на центральной оси и системы обнаружения угроз снова

активировались, когда он увидел, что к нему направляется Кул Гилад во главе боевого отделения Храмовников.

Гигантский реклюзиарх остановился перед Даханом, возвышаясь, словно плита из керамики и стали с ликом смерти.

— Мы пришли на бой, — сказал он.

Новость о поединке быстро облетела тренировочную палубу и скоро сотни солдат, скитариев и рабочих из бригад расчистки образовали гигантское кольцо вокруг магоса Дахана и Чёрных Храмовников. Сервиторы приостановили работы и подняли солдат повыше, а обломки торопливо сложили, улучшая обзор. Солдаты стояли на танках, на "Часовых" или везде, где они могли найти хорошее место, чтобы увидеть бой, который бывает раз в жизни.

Капитан Хокинс пробился сквозь толчею тел, используя лейтенанта Рея и своё звание, как таран, раздвигая устроившихся солдат. Они достаточно быстро добрались до внутренней стороны круга, и он увидел магоса Дахана, который стоял напротив мощной фигуры Кул Гилада.

— Он ведь не собирается сражаться с таким здоровяком? — спросил Рей. — Это же чёртов танк.

Хокинс покачал головой. — Сильно сомневаюсь. Такой бой не продлится долго, и я потеряю недельное жалование, если он проиграет.

— Император любит вас, сэр, но неужели вы поставили деньги на магоса?

— Да, думаю у него найдётся пара козырей в рукаве.

— Но... но это же космические десантники, — сказал Рей, словно безумие ставки Хокинса являлось само собой разумеющимся.

— А Дахан — секутор. Не стоит его недооценивать.

— Согласен, сэр, но ставка против космического десантника выглядит несколько ну...

— Несколько какой?

— Мятежной? — смущённо ответил Рей.

— Обещаю, что не скажу комиссарам, если ты не скажешь.

Лейтенант пожал плечами и вернулся к участникам поединка. Вокруг все заключали пари на результат схватки, но он проигнорировал несогласные крики и ставки, сосредоточившись на действиях дуэлянтов. Чёрные Храмовники стояли неподвижно позади Кул Гилада, и не представлялось невозможным оценить их силы. Знаки отличия делали воинов почти неразличимыми, хотя один был облачён в прекрасную украшенную броню, словно великолепнейшее воплощение своего ордена. На шлеме виднелся лавровый венок цвета слоновой кости, а в ножнах за плечами висел огромный меч более метра длиной. Если остальные братья несли огромные болтеры, то он был вооружён древним пистолетом, отделанным золотом.

— Это будет он, — сказал Хокинс. — Запомни мои слова.

Рей кивнул, соглашаясь, и в этот момент магос Дахан сбросил мантию, обнажив мускулистое тело из пластиковой плоти со светившимися стальными рёбрами. Кроме обычной пары рук, — которые, как теперь увидел Хокинс, включали мерцающие металлические имплантаты, аугментические энергетические клинки и что-то похожее на кольцевое оружие — присутствовала и вторая пара, развернувшаяся из-за спины. Их увенчивало раздвоенное оружие, которое искрило, когда потрескивающая фиолетовая молния образовывала дугу между зубцами. Тело Дахана свободно вращалось в талии,

позволяя легко поворачиваться на триста шестьдесят градусов, а три обратно сочленённые ноги заканчивались расширяющимися рудиментарными пальцами, которые с лязгом раскрылись.

— Всё ещё думаешь, что я не на того поставил? — спросил Хокинс, когда Дахан снял длинное древковое оружие с корпуса "Железного кулака". Раздался неприятный шум — это активировалось зазубренное лезвие, а когтистый энергетический блок у основания алебарды начал потрескивать от кинетической энергии.

— Поверьте, вы обрадуетесь, что не поставили месячное жалование, — ответил Рей.

Дахан приступил к серии боевых упражнений, вращая длинный клинок вокруг тела и плеч в сложной схеме убийственных движений. Ноги магоса тоже оказались оружием. Перенеся вес на две, он нанёс третьей потрошащий удар.

Кул Гилад кивнул, наблюдая за подготовительными упражнениями Дахана, и кружа вокруг зоны поражения секутора.

— Что думаешь, Танна? Кто станет лучшим противником? — спросил Кул Гилад, и бородатый воин, присутствовавший на обеде у полковника Андерса, вышел из рядов космических десантников. Остальные братья продолжали стоять, словно безмолвные статуи.

— Им должен стать Варда — он самый достойный из нас, — сказал сержант.

Воин с двуручным мечом шагнул вперёд и огромные изогнутые наплечники его доспеха сместились, когда он повёл плечами.

— Видишь, я говорил, что это будет он, — произнёс Хокинс.

Кул Гилад поднял руку и покачал головой. — Нет, чемпион Императора сражается только насмерть. Его клинок убивает во имя Повелителя Человечества, а не ради зрелищ или тщеславия. Чтобы доказать нашу правоту должен сражаться тот, кто снискал меньше всего славы. Шаг вперёд, Яэль.

Сержант не сумел скрыть удивление. — Яэль совсем недавно стал полноправным Храмовником, ему ещё предстоит пролить кровь с братьями из батальной роты.

— Именно поэтому это должен быть он, сержант Танна. Сам верховный маршал отметил его величие. Ты сомневаешься в мудрости верховного маршала?

Сержант понимал, что не стоит спорить со старшим офицером на виду у многочисленных зрителей и ответил, — нет, реклюзиарх.

Танна встал рядом с чемпионом Императора среди остальных Храмовников, а стройный космический десантник направился к Кул Гиладу. Он носил шлем, и поэтому нельзя было сказать, сколько ему лет и всё же воин держался гордо, молодой смельчак, желавший заслужить себе имя. Хокинс уже видел таких в полку: молодых офицеров прямо из учебных лагерей за пределами касра Хольна, стремившихся доказать, что чего стоят, влезая в самые опасные бои, в которые могли.

Некоторые погибали. Те, кто выжил, учились на опыте.

Оба результата помогали сохранять кадианские полки сильными.

Кул Гилад стоял перед Яэлем, положив руки в тяжёлых латных перчатках ему на плечи. Реклюзиарх что-то тихо произнёс, и воин-рыцарь кивнул, обнажив цепной меч с острыми зубьями и боевой нож.

Кул Гилад встал между Даханом и Яэлем.

— Пусть это будет благородный поединок, сражайтесь мужественно и храбро.

— До чего мы будем сражаться? — спросил Дахан. — До первой крови?

— Нет, — ответил Кул Гилад. — Бой не закончится из-за царапины.

— Тогда до чего? До смерти?

Реклюзиарх покачал головой. — Пока один из бойцов не нанесёт смертельный удар. Нанеси удар, но не завершай.

— Я способен остановиться благодаря мышечным ингибиторам и микроскопическому допуску оптики. Ваш воин может сказать то же самое?

— Боишься пораниться? — произнёс Яэль, и хотя его голос был изменён решёткой вокса, Хокинс услышал, насколько Храмовник молод.

— Отнюдь, — ответил Дахан, встав в боевую стойку и подняв суставные руки.

Кул Гилад шагнул назад. — Начали!

Дахан атаковал не сразу, а осторожно кружил вокруг Яэля, используя оптические анализаторы угрозы, чтобы собрать данные о противнике: дальность удара, рост, вес, предположительная сила, движение ног, позиция. Он ожидал, что придётся сражаться с крупным воином в шлеме с лавровым венком, но если реклюзиарх решил запутать боевые подпрограммы, выбрав неожиданного противника, то это оказался жалкий гамбит.

Он держал кебранианскую алебарду немного широко, одна из серврук была над ней, а другая под. Потрескивающие электрические искры мелькали между зубцами, заряд каждого шокового клинка был способен остановить сердца разъярённого карнифкса. Дахан спокойно повернулся на шарнирной талии, неторопливо постукивая рудиментарными пальцами по палубе. Одного вида его созданного для боя тела было достаточно, чтобы лишить мужества большинство врагов, но этот воин казался равнодушным.

Он решил проверить смелость противника чем-то простым, ложной атакой для определения скорости реакции и рефлексов. Кебранианская алебарда устремилась в рубящем ударе к голове Яэля, но Храмовник качнулся в сторону, отбил смертоносное лезвие, развернулся и продолжил двигаться по кругу. Он использовал защиту Бонетти, испытанную технику, но тот вариант, который применяется в схватке с четырёхруким врагом.

Против подобной защиты логичным вариантом было использовать атаку Капо Ферро, но по текущему профилю движения Храмовника Дахан понял, что тот провоцирует такое нападение. Его походка была, как у великого мечника из Кемоша, Агриппы, но оружие он держал, как Тибо.

Значит смещение стилей.

Дахан улыбнулся, поняв, что противник также оценивает его. Он любезно предоставил Яэлю возможность в полной мере осознать тщетность попытки сражаться с противником, который может предсказать каждое твоё движение, который разложил на части и проанализировал более миллиона поединков. И для которого просто не существовало способной удивить комбинации атак.

Гвардейцы и скитарии подбадривали и кричали, воодушевляя выбранного бойца, но Дахан переключил слуховые чувства на более высокую частоту, блокируя внешние раздражители. Звуки сменились шипящим машинным шумом, бормочущим кодом и глубоким ледяным гулом огромного разума "Сперанцы" из центра судна.

Яэль начал первую атаку, низко ударив боевым клинком, который Дахан легко парировал основанием алебарды. Он крутанул запястьями, поворачиваясь на шарнирной талии, уклоняясь от настоящей атаки цепного меча, и впечатал металлическое колено в живот Храмовника, оттолкнув противника и заставив керамику треснуть. Затем нанёс быстрый удар шоковыми когтями. Клинки скользнули по руке Яэля, прорезав броню на сантиметр. Импульс в сотни вольт прошёл по клинку, но Храмовник проигнорировал его и

шагнул вперёд, направив меч в грудь Дахану.

Второй шоковый коготь остановил атаку и магос устремил основание алебарды в бок Яэля. В ушах раздался рёв яростного кода, когда энтропийный конденсатор алебарды направил разрушительные импульсы парализующего кода в доспех Храмовника. Яэль пошатнулся, а системы брони вздрогнули от неожиданной атаки, изо всех сил стараясь не отключиться и не перезагрузиться. Дахан откинулся на одной ноге, а двумя передними ударил в грудь Храмовника, отбросив космического десантника. Яэль тяжело ударился о палубу и покатился, из силового ранца полетели искры.

Дахан прыгнул следом, направив золотистое лезвие алебарды вниз. Яэль перекатился в сторону и вскочил на ноги с такой силой и скоростью, которые удивили Дахана. Стало ясно, что воинственный дух доспеха Яэля оказался лучше приспособлен сопротивляться нападению, чем большинство машинных душ.

Яэль низко ударил мечом, но Дахан поднял ногу над стремительным клинком. Алебарда снова устремилась вниз, отклонив атаку в предплечье. Астартес обошёл защиту Дахана и ударил боевым ножом в грудь. Двойные шоковые клинки перехватили его на расстоянии волоска от укреплённой кожи. Магос направил разряд потрескивающей энергии сквозь нож и тот разлетелся ливнем раскалённых добела металлических осколков.

Дахан попал рукоятью алебарды в подбородок Яэля, наклонился почти на девяносто градусов по вертикальной оси и ударил шоковыми клинками в бок противника. Взревев от боли, Яэль опустился на колено, сверкающие пурпурные молнии заплясали на его броне. Дахан не останавливался и, двигаясь по кругу, оказался за спиной поверженного Храмовника, заноса алебарду, чтобы обезглавить космического десантника.

Он слегка согнул ноги и широко замахнулся клинком, но неожиданно почувствовал меч Яэля напротив паха. Дахан потрясённо посмотрел вниз. Храмовник всё ещё стоял на коленях, словно молился, но клинок был направлен назад между туловищем и левой рукой. Острие меча касалось тела Дахана, но бешено вращавшиеся зубья остановились. Мгновенные вычисления показали, что клинок воина проникнет внутрь на смертельные двадцать пять сантиметров, прежде чем его собственный клинок успеет оборвать жизнь Яэля.

— Смертельный удар, — произнёс Кул Гилад.

— Я не понимаю, — сказал Дахан, возвращая руки с шоковыми клинками в исходное положение на спине и поставив алебарду вертикально. — Это невозможно. Комбинации схем боя Храмовника Яэля, способов атак и физических атрибутов не прогнозировали такой результат.

Яэль встал и посмотрел на магоса. Он вложил меч в ножны и поднял руки, чтобы снять шлем. Его лицо оказалось невыразительным, резкие черты сгладили генетические манипуляции и увеличенная плотность кости. Изотопный распад скелетной структуры сообщил Дахану, что Яэлю было не больше двадцати четырёх терранских лет.

— Ты сражался классическими школами, — сказал секутор. — Агриппа, Тибо, Калгар...

— Я обучен им, знаю их, но не следую им слепо, — пояснил Яэль.

— Почему нет? Каждая из этих техник очень искусна.

— Бой — это больше, чем просто техника и мастерство. Это мужество и храбрость. Готовность терпеть боль, понимание, что даже величайший воин может проиграть по воле случая, из-за клочка рыхлого грунта, пылинки в глазу...

— Я учёл случайные факторы в вычислениях, — возразил Дахан, всё ещё не желая

признать, что его боевые подпрограммы могли ошибиться. — Мои результаты бесспорны.

— В этом и заключается ваша ошибка, — произнёс Кул Гилад. — Когда речь заходит о бое такой вещи как бесспорность не существует. Даже величайший мастер клинка может быть повержен более слабым противником. Чтобы стать воистину совершенным воином надо понимать, что поражение возможно всегда. Только когда вы признаете это, то действительно сможете сражаться с храбростью.

— С храбростью? — усмехнулся Дахан. — Хотел бы я знать, как её можно объединить с моими навыками?

— Тренируйтесь с нами и поймёте.

Дахан кивнул, но не успел ответить, потому что по тренировочному ангару разнёсся невероятный ревущий вой. Исполненное гневом, ужасом и безумием эхо металось по разрушенному городу Дахана. Вою ответили, и высокая конструкция из модульной стали и пермакрита в центре города обрушилась лавиной обломков. Оптика Дахана пронзила завесу пламени, дыма и пыли, но увиденное было лишено всякого смысла.

Титаны легио Сириус сражались друг с другом.

МИКРОКОНТЕНТ 12

Командное отделение "Лупы Капиталины" заполнили звуки сокрушительных ударов по потрескавшемуся стеклу саркофага принцепса и крики гневного кода. Мигающие изображения вспыхивали и безостановочно звенели, титан приготовился сражаться за свою жизнь. Грохочущие орудия требовали боеприпасов, пустотные генераторы пульсировали, накапливая энергию, бессмысленные запросы равнодушных оружейных сервиторов забили внутренний вокс.

И в центре всего находился принцепс Арно Лют.

Амниотический резервуар пенился от его конвульсий, в молочно-серой жидкости виднелась кровь, напоминая узоры на полированном мраморе. Безрукое и безногое изувеченное тело корчилось, словно рыба на крючке. Фантомные конечности, давно принесённые в жертву Омниссии, дёргались в муках, из аугмитеров саркофага раздавался немой крик ужаса.

Всё началось несколько секунд назад.

"Лупа Капиталина" успешно зачистила внешние оборонные районы, распыляя их из турболазеров и заливая обломки имитированным плазменным огнём. "Канис Ульфрика" завершил опустошение ракетными залпами, а "Амарок" и "Вилка" прочёсывали развалины, устраняя последние очаги сопротивления штормом огня из болтеров "Вулкан".

Модератус Ростен приступил к процедурам после прекращения стрельбы, собираясь обесточить орудия, и в этот момент "Канис Ульфрика" попал в поле зрения "Капиталины". Скамёльд приветствуя принцепса, поднял оружие, и все аварийные сирены пробудились к жизни.

Принцепс Лют закричал, словно его истерзанную плоть пронзил неистовый приступ эпилепсии. Яростная ответная реакция захлестнула панели управления, мгновенно убив Ростена. Пылающая вспышка превратила мозг несчастного в пар и сожгла изнутри. Магосу Гирдрид повезло больше, встроенный предохранитель прервал соединение с манифольдом прямо перед атакой, но такое внезапное отключение несло собственные опасности. Гирдрид корчилась на полу, из имплантатов текли чёрные жидкости, а маслянистое пенное вещество сочило из каждого машинного отверстия в её теле.

Коскинен также почувствовал симпатическую боль из-за припадка Люта, но в этот момент он не был подключён к манифольду. Он страдал от вида мучений принцепса и гибели напарника-модератуса. Коскинен бросился на свой пост, вскинув руки, защищаясь от потоков искр и шипящих выбросов пара, который бил из восстанавливающих давление трубопроводов. Он сел в контурное кресло, бегло просматривая поступавшие данные. Окружающие гололиты кишели сигналами угрозы и предупреждениями о приближающихся

врагах.

— Это бессмысленно, — произнёс он, смотря то на данные об угрозах на своих панелях, число которых росло с каждой секундой, то на разрушенный город, который они только что сравнивали с землёй. Лют кричал, беззвучный вопль на машинном языке всё же сумел передать нестерпимые муки принцепса.

Коскинен изучил тактический экран. Согласно увиденным данным легио окружали тысячи врагов, их атаковали чудовищные рои. Это был только фрагмент общей картины, но, не подключаясь снова к манифольду, не осталось никакой возможности понять, что титан видит или думал, что видит.

— Гирдрид! — завопил он. — Вставай! Ради Марса вставай! Ты нужна мне!

Благодаря его словам или просто совпадению Гирдрид решила привести себя в вертикальное положение. Она оглядывалась по сторонам, словно не могла обработать, что происходит вокруг. Едва она нетвёрдо встала на ноги, как палуба покачнулась и "Капиталина" неуверенно шагнула.

— Вопросительно: что во имя Бога Машины происходит?

— Ты не видишь? Всё катится в ад, вот что происходит! — прокричал Коскинен. — У Люта начался какой-то приступ и титан решил, что нас атакуют тысячи врагов.

— Ты подключён к манифольду?

— Нет. Я думаю... я думаю, что "Лупа Капиталина" подчинила его...

— Тогда подключись и верни контроль, — огрызнулась Гирдрид, наклоняясь, чтобы заменить оплавленный кабель на посту управления на новый, который раскручиваясь из живота, напоминал намотанные кишки. Она работала невероятно быстро, восстанавливая связь с машинным сердцем титана, и распевая молитвы с каждым поворотом болта и сварки пальцем.

— Ты сошла с ума, Гирдрид, — сказал Коскинен, поворачиваясь в кресле и показывая на обгоревшие остатки поста модератуса напротив. — Посмотри, что случилось с Ростеном.

— Выполняй, — повторила Гирдрид, когда титан сделал очередной шаг, и завывания Люта стали ещё опаснее. — Установи связь, мы должны узнать, что происходит в сердце "Капиталины".

— Я не стану подключаться. Это — самоубийство.

— Ты подключишься. Неважно, что привело к этому безумию, твоему принцепсу нужно, чтобы ты вытянул его из неприятностей.

Коскинен покачал головой.

Гирдрид оттянула рукав мантии и показала короткий ствол, который выдвинулся из металлической руки. Щёлкнула обойма и оружие загнулось.

— Выполняй немедленно или я пристрелю тебя на месте.

— Ты спятила! — закричал Коскинен.

— Я считаю до трёх. Раз, два...

— Дерьмо, Гирдрид, — выругался Коскинен. — Хорошо я подключусь, только убери оружие.

— Мы подключимся вместе. Понял?

— Да понял, чтоб тебя.

Коскинен взвесил в руке коннектор манифольда, позолоченные соединительные стержни напоминали кинжалы, нацеленные в мозг. Обычно общение по манифольду было священным действием, проводить которое помогала целая армия техноаколитов, и

использовалось множество масляных елеев и противовоспалительных гелей, но сейчас всё это оказалось так далеко насколько вообще возможно.

— Готов? — спросила Гирдрид, возвращая к ненавистной реальности.

— Готов.

— Подключайся, — приказала магос, Коскинен подчинился и почувствовал в затылке холодный укус позолоченных стержней коннектора. На него сразу же обрушилась волна неистового гнева и жара, спина изогнулась от шока. Кислотные данные струились по неврологическим венам, стимулируя всплеском боли каждое нервное окончание и закачивая полный набор агрессивных стимуляторов в сердечно-сосудистую систему. Коскинен взревел с животной яростью, почувствовав, как злобное сердце "Капиталины" вонзило когти в его разум.

Подключение по манифольдной связи модератуса с агрессивным духом титана давало только поверхностную связь, но и она почти подавляла.

Что же тогда происходило с принцепсом Лютом, если две души слились вместе во имя единственной военной цели?

Коскинен боролся с гневом, понимая, что он принадлежит не ему. Сработали эйдетические тренировки Титаникус, изолировав те части мозга, которые подверглись наибольшему воздействию, и он сосредоточился на восстановлении ситуационной осведомлённости. Потоки разноцветных данных сфокусировались, и на него хлынула полная информация от ауспиков. Шёпот ужаса сорвался с губ модератуса, когда он увидел орды приближающихся существ, миллионы показателей топографов превратились в размытую гомогенную массу.

— Бог Всех Машин, спаси нас... — прошептал он. — Их так много!

<Контролируй себя,> — раздался голос, прорезавшийся сквозь мыслительные процессы. Магос Гирдрид также подключилась к манифольду. <Всё это — нереально. Присмотрись!>

Коскинен собрался с духом и заставил себя ослабить тактильный захват на устройствах управления огнём плазменного деструктора, даже не осознавая, что активировал их. Электрические батареи орудия зарядились по собственной воле, но к счастью разрешение на выстрел всё ещё оставалось за модератусом. Он бегло просмотрел интерполированные данные топографов, и увидел, что "Владыку войны" окружает огромный рой существ. Враг действовал с ужасающей координацией и пугающей мгновенной реакцией.

И неожиданно Коскинен понял, на что смотрит.

— Это — Бета Фортанис... — произнёс он. — Почему он думает, что мы снова на Бете Фортанис?

<Неизвестно,> ответила Гирдрид. <Возможно, он страдает от последствий полёта в варпе. Принцепсы — боги среди людей, существа столь непостижимые и редкие, что на некоторых мирах-кузнях их заслуженно считают бинарными святыми. И всё же у них смертный разум, разум, который столь же уязвим от перелёта в варпе, как и любой другой. Я полагаю, что принцепс Лют страдает эпизодической галлюцинацией памяти.>

— У него кошмар?

<Коротко говоря, да.>

— И как мы его разбудим?

<Никак. В конечном счёте, он сам пробудится из состояния фуги. Нам просто нужно минимизировать ущерб, который он нанесёт к тому времени.>

— Отлично, — сказал Коскинен, всматриваясь в вызывающие галлюцинации показания

ауспилов, и чувствуя, как в животе поднимается едкая волна тошноты. — Я помню эту схему атаки... Бой Люта с тиранидами в Серном Каньоне! Сражение, где... о чёрт!

<Вот именно, сражение, где он убил био-титана ксеносов. А теперь отключи плазменные индукторы, быстрее.>

— Я пытаюсь, — проворчал он, используя все свои права для разрядки оружия. — Но чёртова "Капиталина" решила действовать по-своему.

Титан, покачиваясь, обошёл развалины, которые некогда были макетом башни с часами, где укрывались вражеские боевые расчёты с ракетными установками, пока "Амарок" не срезал верхние этажи из "Вулкана". Среди ложных символов несуществующих роёв тиранидов Коскинен различил иконки паникующих "Псов войны", бежавших в укрытие. Их возглавлял "Канис Ульфрика", средний титан огибал разрушенные здания, и набирал скорость, пытаясь убраться с пути "Лупы Капиталины".

Руку Коскинена окутал жар, и модератус вздрогнул, хотя и понимал, что боль иллюзорна.

— Плазменный деструктор активирован! — завопил он. — Я не могу отключить его!

<Отклони запросы на ведение огня,> велела Гирдрид.

Коскинен мельком взглянул на амниотический резервуар принцепса Люта, пойманная внутри жидкость оказалась взболтана, словно на дне илистого озера. Во тьме плавала фигура, мелькнуло худое лицо с закрытыми глазами, проступили закупоренные уши и рот с питающей трубкой. Ампутированные руки, из локтей которых тянулись серебряные провода, яростно били по стеклу, а вытянутая голова, обтянутая кошмарной пергаментной кожей, мазала прозрачные стенки кровью, и в замешательстве поворачивалась из стороны в сторону, видя только врагов.

Коскинен связался с саркофагом принцепса и произнёс настолько спокойно насколько смог. — Это — нереально, мой принцепс. То, что вы видите — нереально. Эта битва произошла год назад. Они ранили нас, да, но мы выжили. Мы победили этих ксеноублюдков!

Чудовищная голова Люта повернулась в сторону модератуса, хотя принцепс никак не мог увидеть его. Коскинен понятия не имел, способен ли был Лют хотя бы услышать его, вспомнив хаос боя против тиранидов в узком каньоне. Они сражались вслепую посреди жёлтого пара, который поднимался из затопленных пещер, миллионы быстрых хитиновых монстров кишели вокруг, прыгали с возвышающихся утёсов или парили на потоках восходящего воздуха.

Лют скрылся из вида, исчезнув в вязкой жидкости.

— Он слишком далеко ушёл, Гирдрид, — сказал Коскинен. — Он собирается выстрелить.

<Перенаправь энергию с оружейных систем,> — ответила магос.

— Бесполезно, "Капиталина" забирает энергию у щитов, — ответил Коскинен, отклоняя запросы на открытие огня так быстро, как они появлялись на его панелях. С каждой секундой их количество росло, и модератус понимал, что было всего лишь вопросом времени, когда он не успеет и один прорвётся к плазменному деструктору. Он почувствовал растущий жар в руке, когда титан поднял могучее орудие. Коскинен сопротивлялся, отчаянно пытаясь не позволить руке-оружию двигаться, но против мощи древнего волчьего сердца "Капиталины" он был пылинкой против урагана.

<Не давай руке двигаться!> — закричала Гирдрид.

— Что, по-твоему, я из всех сил пытаюсь сделать? — проворчал Коскинен, по лицу которого струился пот.

<Тогда пытайся сильнее, возможно это единственный шанс предотвратить беду.>

Коскинен посмотрел сквозь фонарь мостика, когда "Лупа Капиталина" сделала очередной шаг, и на панели засветилось слишком много запросов, чтобы отклонить их все. "Канис Ульфрика" заслонял обзор, но система управления огнём звенела, сообщая об успешном захвате цели в голографической схеме, в которой Коскинен узнал Серный Каньон.

Био-титан тиранидов тогда едва не победил их в конце битвы.

— Омниссия, прости нас... — произнёс он, когда обжигающий жар поглотил его кулак. — Цель зафиксирована!

<Выруби приводы псевдомышц.>

— Слишком поздно! — закричал Коскинен, и плазменный деструктор "Лупы Капиталины" по собственной воле выпустил энергию звёздного сердца.

+Титан. Убит.+

"Железный кулак" ревя на полной мощности, мчался по горам щебня к титанам. Мало что уцелело после их военного марша, остались лишь жалкие и бесполезные измельчённые обломки. Дахан пытался понять, что происходит, но не сумел связаться с принцепсом "Лупы Капиталины". Ноги "Владыки войны" подогнулись, а правая рука поднималась в судорогах и спазмах, словно приводной механизм получил повреждения.

"Псы войны" Сириуса прятались за могучим титаном, рыская в замешательстве и предупреждающе трубя из военных рогов. "Разбойник" встретил "Владыку войны" лицом к лицу, ему было некуда бежать, а все укрытия они сами с полным усердием уничтожили во время тренировки. Корпус "Канис Ульфрика" искрился и скрипел, пока команда лихорадочно пыталась снова включить пустотные щиты, а визжащие волны помех образовали мерцающую радугу вокруг лобовой брони. Он поднял оружие, и вращавшиеся стволы роторного бластера раскручивались до огневой скорости.

Что овладело Сириусом, заставив их сражаться друг с другом?

Что могло привести в ярость две столь невероятно мощные военные машины?

Без свободного доступа к манифольду легио Дахан не мог напрямую общаться ни с одним принцепсом. Лучшее, что он мог сделать, направлять повторяющиеся запросы по общей командной сети. Его задний мозг непрерывно посылал поток требований легио отменить боевую готовность и одновременно сектор соединился с ноосферой "Сперанцы" и предупредил архимагоса о происходящем.

"Псы войны" заметили его и меньший из пары "Вилка" прекратила безумно метаться, активировала загрузчики боеприпасов и предупреждающе взывала. В каждой зашифрованной частичке кода содержалось недвусмысленное требование.

Не приближайтесь!

Дахан резко остановил "Железный кулак" перед "Псом войны".

— Что легио делает? — произнёс он по воксу, надеясь, что кто-то, хоть кто-нибудь из Сириуса ответит ему. — Вы должны немедленно прекратить это безумие!

Не приближайтесь!

— Во имя любви Омниссии, отступите! — прокричал Дахан в голосовой, бинарной и ноосферной сферах. — Опустите оружие, прошу вас!

Горячая дымка перегретого света окутала руку "Лупы Капиталины", огневые отверстия плазменного деструктора завизжали, готовясь выпустить вулканические излишки тепла.

Зная, что сейчас произойдёт, Дахан скрылся в "Железном кулаке" и захлопнул люк, надеясь, что этого окажется достаточно. Внутри Дахан изолировал "Железный кулак" от внешнего мира, отключив ауспик, вокс и пикт-устройства.

Он резко дал задний ход и даже несмотря на бронированный корпус и рёв двигателя Дахан услышал пронзительный выдох плазменного деструктора.

— Приготовиться, — произнёс он, отключив столько периферийных систем, сколько смог за микросекунду перед тем, как орудие титана достигло оптимальной температуры выстрела.

И удар грома измельчающей термической энергии врезался в БМП, мгновенно прожёл преломляющие поля и проплавил насквозь абляционную броню толщиной в ладонь. Внутренняя температура в отделении экипажа стала как в доменной печи и та немногая кожа, что ещё оставалась у Дахана, исчезла в мгновение ока.

Прежде чем он хотя бы успел почувствовать боль, кинетическая ударная волна разрядившегося плазменного деструктора оторвала "Железный кулак" от палубы и прихлопнула, как надоедливое насекомое.

Хокинс услышал вой огромного оружия титана перед выстрелом и бросился в укрытие в разрушенном здании. Рей и несколько солдат последовали его примеру, а остальные устремились под защиту бронетехники, груд обломков и вообще всего чего угодно, что могло оградить от обратной волны.

Имперских титанов с радостью встречали на любом поле боя, но вам не захочется оказаться рядом, когда они ведут огонь из плазменного оружия. Выпущенный жар пронесётся по земле на сотни метров во всех направлениях, и тепловая взрывная волна гарантирует любому застигнутому на открытом месте чертовски неприятный ожог. Он не хотел думать о том, что могло произойти в герметичной, насыщенной кислородом атмосфере космического корабля.

— Что во имя Ока происходит, капитан?! — закричал Рей.

— Будь я проклят, если знаю, — ответил Хокинс, рискнув выглянуть над разрушенной кирпичной кладкой здания. Маневрирующие титаны вздымали клубы пыли, мешая различить детали, но Хокинс заметил самый большой из них с растущей жгучей молнией в руке. Другой титан стоял спиной к нему, прилагая все усилия, чтобы не попасть на линию огня, но даже сравнительно проворный "Разбойник" не мог уклоняться от "Владыки войны" вечно.

— Что он делает? — прошептал Хокинс.

Протрубили военные рога, в них слышалась угроза, вызов и одновременно мольба.

Но чтобы не делал "Разбойник", пытаясь умерить гнев большего титана, это не сработало.

— Жмите уши и не высовывайтесь! — закричал Хокинс. — Сейчас начнётся!

Он отступил от трещины в стене и зажал ладонями уши. Прижал голову к коленям, выдохнул, и в этот момент колоссальное плазменное орудие выстрелило, заполнив учебный ангар оглушительным раскатом грома воспламенившегося воздуха. Температура резко повысилась, а вспышка отпечаталась на сетчатке Хокинса. Мгновенно поднялась кипящая волна раскалённого жара, промчавшись огненным пустынным ветром из пыли и обломков. Стены падали по всему разрушенному городу, не сумев устоять перед мощью взрывной отдачи в ограниченном пространстве.

Несмотря на собственные приказы Хокинс выгадал время, чтобы мельком взглянуть на

огромный сине-белый разряд раскалённой плазмы, который пронёсся над ним. Слишком яркий, чтобы смотреть, он одновременно оказался ослепительно сияющим затмением и сверхновой звездой. За ним тянулся след расплавленного металла, плазма пронеслась сквозь весь тренировочный зал и врезалась в широкую переборку с огромным лицом-черепом.

Хокинс ожидал увидеть взрыв, но огромный перегретый плазменный разряд просто прошёл сквозь толстую переборку, словно её и не было. Капитан попытался сморгнуть болезненные неоновые остаточные изображения, но они никуда не исчезли и он выругался на своё глупое любопытство. Ветер поднял целую тучу веществ, которые вопящим облаком пронеслись мимо, и стена закрипела от невероятного удара сокрушительной тепловой волны.

— Бегите! — закричал Хокинс, вскочив на ноги, когда защитившее гвардейцев от взрыва здание задрожало, угрожая упасть и похоронить их заживо. Он и Рей пробирались наружу, и в этот момент здание обрушилось лавиной стали и камня. Один из обломков с такой силой врезался Хокинсу в плечо, что треснула кость. Он заворчал от боли, а беспорядочно падавшие куски стальной арматуры и блоков дождём лились на его людей. Необузданные тепловые вихри закружили облака удушливой пыли, и системы вентиляции заработали на полную мощь, пытаясь рассеять жар.

Хокинс перекатился в сторону, сжимая раненное плечо и выплёвывая полный рот забрызганной кровью пыли. В ушах шумело, а зрение ещё не вполне восстановилось, но он уже видел, что не всем его солдатам так повезло. Большинство покинули здание вовремя, но капитан заметил руки и ноги, которые высывались из-под обломков, и солдата, туловище которого засыпало камнями. Несколько пыльных и окровавленных кадианцев пытались вытащить его, хотя было очевидно, что несчастный мёртв.

Хокинс поднял здоровую руку и произнёс. — Помоги мне встать, Рей. И будь осторожнее, похоже, ключица сломана.

Почти неузнаваемый под налётом серого пепла и чёрной пыли лейтенант схватил руку и поднял его на ноги. Хокинс сдержал крик боли и вытер со лба кровь, пытаясь хоть как-то оценить ситуацию. Над головой вспыхивали сигнальные огни, гневно завывали аварийные сирены, медицинские бригады сервиторов покидали альковы. Раненые гвардейцы звали санитаров, пока "Химеры", "Адские гончие" и "Леман Руссы" ревели, формируя защитный лагерь на дальней стороне развалин. Изумлённые гвардейцы бродили среди обломков, некоторые из них лишились рук или ног, у других виднелись ужасные ожоги, которые они, скорее всего, не переживут, ещё больше солдат страдали от опалённой до красноты кожи после теплового выброса плазменного орудия.

— Святой Бог-Император... — выдохнул Рей.

То немного, что оставалось от разрушенного города исчезло, сборные конструкции и составные блоки сгладила плазменная волна давления, расходившаяся из центра опустошения. "Лупа Капиталина" мерцала в искажающем мареве, окружённая облаками пара, рука-орудие выпускала перегретый воздух после плазменного выстрела. Военные рога триумфально трубили, но как раз в тот момент, когда Хокинс разглядел её возвышавшуюся фигуру сквозь дым и пыль, звук превратился в тоскливый вой. "Владыка войны" увидел учинённые им разрушения.

Перед большим боевым титаном стоял, шатаясь "Канис Ульфрика", его правая рука и большая часть брони правого плеча просто исчезли. Из раны вырывалось пламя, и вываливались кабели, выплёвывая дуги молний. С больной медлительностью раненого

гвардейца, который только что понял, что получил смертельное попадание в грудь, "Канис Ульффрика" упал на колени с громоподобным лязгом, который разнёсся по тренировочным залам. Не успел он упасть, как из аугмитов всех членов Культа Механикус раздался стонущий вопль бинарного кода.

Несмотря на смерти и ранения солдат, Хокинс почувствовал, как от вида гибели столь могучей военной машины на глазах навернулись слёзы. "Псы войны" кружили вокруг павшего "Разбойника", закинув головы и воя от первородной потери.

Какие бы разрушения не причинил плазменный разряд в тренировочных залах, они оказались ничем в сравнении с грядущими опустошениями. Дело было не только в насыщенной кислородом окружающей среде, но и в отсутствии атмосферы, в которой могла бы рассеяться высокая температура и ионизирующие электроны, поэтому горящая плазма сметала всё на своём пути, двигаясь вдоль "Сперанцы". Она прожгла путь сквозь комплексы солнечных коллекторов правого борта, разбив миллионы тщательно отполированных зеркал и плавя поддерживающие стойки, изготовленные с наноскопической точностью. Бесчисленные хрупкие взрывы звучали так, словно стеклянное море разбивалось о стальной берег, отражённое тепло вскипятило плоть на костях сервиторов, всю жизнь посветивших поддержанию зеркал в безупречном состоянии.

Очередная переборка уступила с ужасающей непринуждённостью, надпалубные сооружения по всему отсеку провисли, и центральная стяжная балка сломалась под непомерной нагрузкой. В сводчатых залах за солнечными коллекторами огромные конденсаторы, создание которых давно было за пределами воспроизводственных возможностей Адептус Механикус, превратились в тысячи тонн металлолома, когда плазма прошла сквозь машины, грезившие о былых эпохах. Невосполнимая технология стала литым шлаком, и громовой электрический разряд вырвался из кричавшего в агонии смертельно раненого механизма. Каждая металлическая конструкция в пределах пятисот метров получила заряд в тысячи вольт и сотни корабельных сервов умерли, убитые прыгающими дугами красных молний.

Ангарам с колоссальными землеройными машинами пришлось не намного лучше, как и бульдозеру улья пятисот метров высотой. Взорвались топливные элементы, и сложное оборудование в центре технической палубы оказалось затоплено быстроиспаряющимся электроплазменным потоком. Колёса из твёрдой резины растаяли от жара и все до единой панели из прозрачной стали разлетелись вдребезги в термоплазменной вспышке. В средней части ковчега получил повреждения гигантский кран, способный перемещать космические корабли между строительными колыбелями, и вся верхняя секция рухнула на палубу, развалившись в полёте и нанеся непоправимый ущерб трём подъёмникам "Голиаф" и экскаватору типа "Прометей".

А разрушительный плазменный разряд всё не останавливался.

Командную палубу озарял кроваво-красный свет сирен, доклады о повреждениях и вспыхивавшие аварийные подпрограммы. "Сперанца" содрогалась всем корпусом, и архимагос Котов чувствовал её боль благодаря связи с огромным духом-машиной. Архимагоса обвивали потрескивающие дуги энергии, заземляясь в микроскопических гасителях кибернетического тела, пока он старался сохранить контроль над ковчегом.

Его старшие магосы подключились к своим постам, передавая результаты катастрофического происшествия на учебной палубе. Составные руки магоса Сайиксека танцевали над инженерными пультами, перенаправляя энергию для двигателя с пути

разряда, в то время как магос Азурамаджелли отмечал потенциальные точки выхода для экстренного прыжка из варпа. Магос Блейлок координировал аварийные службы судна, пока Криптаэстрекс управлял ремонтно-восстановительными работами.

Ни одна из новостей не была хорошей.

— Что-нибудь от Дахана? — спросил Котов, зная ответ.

— Никак нет, архимагос, — сказал Криптаэстрекс. — Его инфоток отключён. Вероятно, секутор мёртв.

Поступившая от Дахана на мостик информация была неполной, а последовавшие запросы о разъяснении остались без ответа. Обрывочные данные, которые магосу-секутору удалось выгрузить, пока действовала связь, позволяли сделать вывод, что один из титанов легио Сириус выстрелил в другого, но причина произошедшего оставалась неясной.

Предательство? Гниль предательства и порчи коснулась титана Сириуса, как легио Серпентес на Ураниборге-1572? Котов вздрогнул от этой мысли и "Сперанца" застонала, почувствовав его страх. Неужели Омниссия навечно проклял его и обрёл на страдания? Неужели крестовый поход в неизвестное оказался недостаточной епитимьей, чтобы вернуть безграничное благоволение и бинарную славу?

— Солнечные коллекторы правого борта уничтожены, — произнёс Таркис Блейлок, вернув его внимание. Если Котов был соединён с манифольдом судна, то Блейлок не последовал его примеру. Подключение двух старших магосов во время подобной катастрофы не соответствовало процедуре, но Котов отчаянно нуждался в статистических знаниях Блейлока в координировании аварийно-спасательных служб "Сперанцы".

Если Котов не мог использовать Блейлока, то он мог обратиться к лучшему из остальных. Архимагос направил по ноосфере серию кодовых частот и протоколов званий Линье Тихон вместе с указаниями, что от неё требуется. Она ответила почти немедленно, уже зная об опасности, которая стояла перед "Сперанцей". Загрузочные/выгрузочные умения Линью присоединились к усилиям архимагоса, облегчив бремя обработки запросов судна. Её примеру последовали и остальные.

По всему ковчегу каждый магос, способный подключиться к манифольду, помогал облегчить боль раненого корабля. По всем палубам разносились бинарные молитвы и гимны машинного кода, которые эхом отзывались от носа до кормы, пока Культ Механикус направлял свою логическую волю на восстановление чистоты функциональности.

— Поле Геллера держится? — спросил Котов, направив частичку внимания к управлению мостиком.

— Держится, — ответил Азурамаджелли. — Щитовые генераторы расположены на носу, но с отключёнными конденсаторами их непрерывная работа израсходует наши запасы гораздо быстрее.

— Вы вычислили точку выхода?

— Работаем, — ответил Азурамаджелли сумев передать раздражение даже несмотря на невыразительные мозговые колбы.

— Строительный двигатель Виристук сообщает о снижении функциональности на девяносто процентов, — сообщил магос Криптаэстрекс, его громкий голос звучал, как у матери, говорившей о мёртвых детях. — Подъёмник Нуммистро уничтожен. Механизмы Паундстоун и Торсен также повреждены. Очень сильно.

— Где сейчас плазменный огонь? — потребовал ответа Котов. — Как далеко он прогорел?

— В кормовой части, прожигает транспортные палубы, — отозвался Блейлок. — Поля целостности не выдержали, и потеря атмосферы помогла уменьшить энергию плазмы на 102 градуса по Кельвину, хотя тесла сила разряда не изменилась. Тридцать два процента наших десантных кораблей выбросило в варп вместе с сорока пятью процентами бронетехники Гвардии.

Криптаэстрекс заворчал, его составные руки и широкое тело вздрогнули от досады.

— Кадианцам это не понравится, — произнёс он.

— Если мы не сможем затушить пламя, то их неудовольствие станет наименьшей из наших проблем, — сказал Котов. — Когда всё закончится, я построю им новую технику на носовых мануфактурах. Так что с защитными дверями?

— Противовзрывные щиты подняты между отсеками Z-3 Третий Лямбда и X-4 Ро, — ответил Блейлок, считывая данные ремонтно-восстановительных работ из ноосферной пелены света. — С вероятностью восемьдесят три целых семь десятых процента они не остановят разряд, и он достигнет главной плазменной камеры сгорания.

— Но они хотя бы ослабят его?

— В некоторой мере, да, — согласился Блейлок. — Но принимая во внимание благоприятные условия для плазмы на борту судна, не остановят.

— Выкачайте воздух за ними, — предложил Азурамаджелли. — Это единственный способ.

— Нет, — возразил Сайиксек. — Там расположены рабочие хабы технических палуб. Мне необходимы крепостные, чтобы сохранять эффективную работу двигателя. Полученное отклонение значительно затруднит нашу миссию.

МИКРОКОНТЕНТ 13

Авреем наклонился, чтобы снять защитную маску, когда волна тошноты подступила к горлу. Он поднял респиратор ровно настолько, чтобы открыть рот — практика, которую быстро изучил каждый рабочий в перерабатывающих залах — и его вырвало кровавой пеной тканей лёгких и желудка. Он сплюнул полный рот вязкого пепла и стекловидных остатков плазмы и вытер потрескавшиеся губы тыльной стороной перчатки.

— Поспешите, крепостной Локк, — произнёс Вреш, опустив репульсорный диск и положив основание кинетического жезла ему на плечо. — Не заставляйте меня воспользоваться этим.

Авреем уже почти хотел, чтобы Вреш снова говорил резкими взрывами машинного кода. По крайней мере, ему не пришлось бы с пониманием выслушивать грубую речь надсмотрщика. Вреш, наконец, сообразил, что, сколько бы он не повышал голос, двоичный код всё равно не становится понятнее, потому что его не могут перевести.

По иронии судьбы именно Крушила помог расшифровать приказы Вреша. Примитивная аугметика, внедрённая в мощное тело огрина, включала бинарный подчинённый передатчик, который сохранил достаточно выцветших идентификационных маркировок, чтобы Авреем убедился в его гвардейском происхождении. Сам Крушила не помнил ничего о прежней жизни до работы в портовом баре, но наиболее вероятным казалось, что он служил в одной из недочеловеческих когорт, приданных к Джоурскому полку, возможно в команде технопровидца.

Вреш оказался злопамятным надзирателем, мелким бюрократом, который упивался своей второсортной должностью. Он жёстко управлял крепостными, охотно прибегая к тяжёлым ударам кинетического жезла, и заставлял их работать буквально до последней секунды, прежде чем гигантские плазменные цилиндры вываливали взрывные отходы.

— У меня лёгкие горят, — сказал Авреем, пытаясь вздохнуть. — Я не могу дышать.

— У тебя пять секунд, прежде чем я прибегну к исправительной стимуляции.

Авреем кивнул, смирившись с болью, у него уже просто не осталось сил. Некоторые из крепостных, которые больше не могли работать, добровольно соглашались на хирургическое рабство, но он давно поклялся не пасть так низко. Вреш подлетел ещё ближе, конец кинетического жезла загудел, накапливая энергию.

— Эй, в этом нет никакой необходимости, — произнёс Хоук, пробираясь по кучам острых плазменных осколков вместе с Крушилой. — Мы займёмся им. Он в порядке.

— Да, смена уже почти закончилась, не надо угрожать, а? — добавил Койн.

Крушила помог Авреему подняться, и тот благодарно кивнул Хоуку и Койну, когда прочитал корабельное время в строчках кода, ползущих внутри стен. До конца смены

оставалось пятьдесят пять минут. Авреем задумался, как ему удастся продержаться так долго, и тут увидел нечто, вызвавшее прилив адреналина в несчастное разрушенное ядовитыми отходами тело.

На сводчатом потолке перерабатывающего зала мерцали гневные раненые вспышки кодового огня, напоминая красный рубец на коже, перед тем как игла прокалывает вену. Вреш также почувствовал неладное и недоумённо осматривался, пока на потолке росло пятно пылающего света.

— Это что ещё за хрень? — спросил Хоук, вытирая грязной рукой стёкла противогаза.

Авреем прочитал разлетавшийся брызгами предупреждающих данных безумный код, и увидел в бинарном страхе истинную картину разыгравшейся на верхних палубах катастрофы. Порабощённые крепостные по всему залу прекратили работу и смотрели на странное зрелище на потолке.

— Мы должны бежать, — выдохнул он. — Немедленно.

— Почему? Что происходит?

— Плазменная камера сгорания пробита! — крикнул Авреем, затем повернулся и бросился к закрытым воротам со всей скоростью, какую только мог развить в защитном скафандре. — Бегите все! Бегите, во имя яиц Тора, бегите!

— Стоять немедленно! — рявкнул Вреш. — Крепостной Локк прекратите и воздержитесь от всех попыток покинуть этот зал. Дальнейшее неповиновение приведёт к принудительному хирургическому рабству.

Авреем проигнорировал надсмотрщика и продолжил бежать, тяжело ступая по очищенному участку палубы, где уже прошли промышленные сортировщики и щётки. От гула жезла Вреша заслезились глаза, но у него не осталось сил увернуться. Жезл коснулся середины спины, и оглушительный удар кинетической энергии заставил Авреема растянуться на палубе. От удара из лёгких выбило воздух, он перекатился на спину, а Хоук и Койн бросились к нему.

— Ты в порядке? — спросил Хоук.

— Мы должны бежать, — ответил Авреем. — Мы можем в любое мгновение оказаться по горло в плазме.

Он изо всех сил старался встать, руки и ноги всё ещё не слушались из-за болезненной нервной стимуляции жезла Вреша. Надзиратель подлетел на репульсорном диске и нацелил пульсирующий посох в грудь Авреема.

— Возвращайся к работе, крепостной, — сказал Вреш. — Или следующие удары разорвут твою нервную систему сквозь кожу.

Авреем посмотрел вверх и увидел, как крошечное пятнышко света отделилось от потолка, падая почти по ленивой параболе, которая оказалась всего лишь оптическим обманом. Капелька плазмы упала с идеальной синхронностью предопределения, и Авреем не стыдился позже признать, что ему очень понравилось дальнейшее развитие событий.

Капля приземлилась точно на макушку стального черепа Вреша и прошла насквозь, словно высокомощный лазер. Костный мозг в теле вспыхнул, и синее пламя вырвалось из аугметических глаз и соединительных разъёмов. Кости мгновенно сплавились и кусок обугленной плоти и имплантированного металла рухнул на палубу с влажным стуком дымивших останков.

— Святая Терра! — завопил Койн, в ужасе пятясь от того, что мгновение назад было человеком.

— Какого чёрта...? — выпалил Хоук.

— Быстрее! — крикнул Авреем. — Мы должны бежать. Немедленно.

— Не возражаю, — ответил Хоук, повернулся и устремился к выходу. Койн последовал за ним, сзади неуклюже двигался Крушила. Авреем оказался последним, потому что от кинетического удара ноги и руки еле двигались и дёргались.

Свет на потолке становился всё ярче, пока не омыл весь зал болезненным белым сиянием. От места первоначальной утечки протянулась паутина пылающего света, расширяясь там, где целостность конструкции потолка начала сдавать. Упали новые капельки плазмы, и со стороны казалось, что просто заморосил небольшой дождик. Но там где они приземлялись, вспыхивал огонь, вновь зажигая токсичные отходы камер сгорания или поджигая промасленные защитные скафандры крепостных.

Стратифицированные слои летучих паров, остававшиеся за пределами порога возгорания благодаря напряжённой работе гудящей системы вентиляции, резко увеличились в объёме, смешавшись с горячей плазмой. Карманы легковоспламеняющегося газа взрывались по всему помещению, а светившиеся трещины в потолке становились всё ярче и ярче.

— Откройте ворота! — закричал Авреем, когда моросящий за спиной дождь раскалённой добела плазмы превратился в падающую завесу огня. Предсмертные крики крепостных обрывались, перегретый воздух превращал в пар их респираторы и высасывал воздух из лёгких.

— Они на хрен заперты, не так ли? — сказал Хоук, оглянувшись, когда часть потолка обрушилась и плазма хлынула в зал. — Только Вреш мог открыть их.

— Не только Вреш, — ответил Авреем. — По крайней мере, я на это надеюсь.

Он положил руку на арочные ворота и считал данные простого духа-машины замка. Его сознание едва ли был достойно имени, обычная двойная функция. Авреем изучил принцип его работы и направил бинарный импульс из аугметированных глаз. Замок сначала сопротивлялся, не привыкнув к нему и пугаясь нового прикосновения, но затем уступил, когда Авреем зашептал молитву, которой научил его отец, когда он был маленьким мальчиком.

— Ибо мы призываем волю Бога Машины. Сим мы соединяем то, что было сломано.

Замок открылся, и бронированные ворота начали опускаться в пол со скрежещущим грохотом медленно поворачивающихся механизмов. Первым перелез Хоук, за ним быстро последовали Крушила и Койн. Авреем прыгнул как раз в тот момент, когда ревущий треск и ослепительная вспышка возвестили о том, что весь потолок за их спинами наконец-то обрушился.

— Закрывай! Закрывай! — завопил Койн, когда волна бурлящей плазмы устремилась к воротам.

Авреем положил ладонь на пластину запирающего механизма снаружи зала.

Он снова заглянул вглубь сердца духа замка и произнёс. — Машина, закройся.

Казалось, что ворота поднимаются с мучительной медлительностью, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы помешать океану жгучей плазмы хлынуть за пределы перерабатывающего зала. Струя обжигающего пара и слой опалённого железного шпата прорвались над верхними створками, но эти ворота спроектировали выдерживать повышенную температуру и давление, и они устояли под натиском жаркой как солнце плазмы.

Авреем тяжело выдохнул и положил голову на горячий металл ворот.

— Спасибо, — сказал он.

Хоук и Койн держались за бока и с жадностью дышали застоявшимся воздухом.

— Вот дерьмо, это было так близко, — произнёс Хоук, почти смеясь от облегчения.

— Что произошло? — спросил Койн. — Все кто остался там мертвы?

— Разумеется, мертвы, — огрызнулся Авреем. — Они превратились в пар.

— Милосердие Императора, — сказал Койн, опустившись на колени и обхватив голову руками. — Я больше не выдержу.

— Ты спас нам жизни, Ави, — произнёс Хоук, похлопывая Авреема по спине. — Я считаю, что это чего-то стоит. Что скажете, если я поставлю вам выпивку, парни?

Авреем кивнул. — Сейчас я могу выпить целый баррель твоего пойла.

— Не стоит увлекаться. Сперва заглянем домой.

— Температура плазмы падает по экспоненте, — произнёс магос Блейлок, и его низкорослая свита захлопала короткими ручками, словно он лично спас корабль. — Тесла всё ещё высока, но также падает. Плотность плазмы быстро уменьшается и тепловая кинетическая энергия на частицу достигла безопасных уровней.

Котов выпустил поток молитв на лингва-технис и закрыл глаза, благодаря за отсрочку.

— Сегодня Бог Всех Машин решил, что слуги Его достойны Великой Работы, — сказал Котов, позволив голосу разнестись по мостику. — И мы благодарны за это. Слава Омниссии!

— Слава Омниссии! — произнесли нараспев собравшиеся магосы.

— Живое падёт, — продолжил Котов.

— Но Машина выстоит, — раздался традиционный ответ.

Потоки молитвенного бинарного кода хлынули из инфотоков магосов, когда они стали брать под контроль повреждения, которые получил ковчег. Котов чувствовал его глубокую рану и сильную муку, словно в спину вонзилось смертное копьё.

Но где меньшие суда погибли бы, ковчег Механикус выстоял.

Котов позволил разуму скользить по пульсирующим потокам света, которые струились по всей "Сперанце", поглощая потоки данных, проходящие по её бесчисленным системам. Каждая из них кровоточила, но они забирали муки системной смерти у самых тяжело пострадавших машин и включали в собственные процессы. Каждая часть судна страдала от ран, но объединение боли позволило ослабить наиболее сильные повреждения.

По всему кораблю Котов ощущал присутствие тысяч техножрецов, лексмехаников, калькулюс-логи, инфосавантов и способных чувствовать сервиторов, которые составляли экипаж "Сперанцы". Каждый член Культа Механикус, способный подключиться к манифольду, сделал это, и распевал бинарные гимны успокоения или читал вслух катехизисы преданности и почтения Машине. По отдельности их усилия были почти незаметны, но они сплетались в единую песнь Адептус Механикус, смягчая боль ужасной раны.

Котов позволил своему одобрению влиться в манифольд.

Где ещё кроме Адептус Механикус можно найти столь необыкновенное единство цели?

Хвалебные песни Омниссии омывали его, двойные, тройные и даже четверные винтовые спирали двоичного кода непринуждённо плыли сквозь схемы и светоданные, словно успокаивающий бальзам. Сколь бы ужасными не оказались повреждения самое плохое позади и хотя потеря даже одной машины — тяжёлый удар, Котов понимал, что они ещё легко отделались.

Он почувствовал присутствие Линьи Тихон и направил свой инфопризрак к залу астронавигации, где она с отцом вплетала собственные стихи в целительную бинарную песнь. Он почувствовал волны информации, заполнявшей зал, и изумился, что ничто не пострадало во время приступов цифровой анархии, которые пронесли по ковчегу.

<Архимагос,> приветствовала его Линья.

<Примите благодарность за вашу помощь, госпожа Линья, она была неоценима.>

<Я служу воле Омниссии,> ответила Линья. <На самом деле я сделала очень мало.>

<Вы недооцениваете себя, Линья. Это — неподобающе и заставляет других сомневаться в вас. Сегодня вы доказали свою ценность в манифольде и другие также увидят это.>

Котов почувствовал рост гордости в инфокровотоке Линьи и Виталия и направился дальше к источнику разрушительного плазменного разряда. Сознание архимагоса двигалось вдоль пути, который проложил опаляющий разряд, оплакивая бесполезную потерю столь многих прекрасных машин. Нижние отсеки превратились в мёртвое пустое пространство, где на целых двух палубах выкачали воздух, чтобы лишить плазму кислорода и ионизированной атмосферы. Прискорбное действие, но необходимое.

Он увидел разбитое кладбище зеркал солнечного коллектора правого борта и расплавленные остатки гигантского конденсатора, хранившего накопленную энергию. Даже неисправность одной такой системы грозила неприятными последствиями, но потеря обеих вела к серьёзной нехватке доступной энергии. Учитывая разрушение одной из главных камер сгорания Котов полагал, что экспедиция окажется перед реальной опасностью непосильного дефицита энергии.

Двигаясь вперёд, он увидел опустошённый тренировочный ангар, где гвардейцы, Чёрные Храмовники и скитарии пытались справиться с сотнями раненых и мёртвых. Ограниченная герметичным ангаром взрывная волна сровняла учебную арену Дахана и убила великое множество лучших воинов Империиума. Котов загрузил списки убитых и раненных, и испытал потрясение от количества погибших и находившихся при смерти.

"Лупа Капиталина" стояла в дальнем конце ангара, её руки бессильно свисали вдоль корпуса, пока ревущие вентиляционные клапаны выпускали перегретый пар. Аварийная вентиляция плазменного реактора, догадался Котов. Экипаж отключил титан, полностью исчерпав энергию, и горячий дождь шёл вокруг бездействующей машины, покрыв полосами огромный бронированный корпус и капая с опущенной головы, словно слёзы.

Котов увидел группу техножрецов и сервиторов, спускавших бронированный саркофаг из открытого фонаря рубки "Владыки войны". Они действовали с величайшей осторожностью, потому что перемещали смертную плоть принцепса Арно Люта, избранного Омниссии и возлюбленного сына битвы. Без него "Лупа Капиталина" являлась всего лишь неповоротливым куском священного металла. Лучшие из Адептус Биологис будут работать, не зная сна и отдыха, дабы исправить причину столь ужасной последовательности событий.

"Канис Ульфрика" стоял на коленях перед "Владыкой войны", правый бок среднего титана вырвало и оплывало жаром взрыва. Котов чувствовал боль "Разбойника" в манифольде, но отметил, что она оказалась вполне терпимой. Криптаэстрекс не испытывал проблем с материальными запасами, а Тарентек, фабрикатус ковчега "Сперанца" мог творить чудеса с повреждёнными машинами, которые считали подлежащими ремонту. "Амарок" и "Вилка" кружили вокруг раненого титана, пока сотни техножрецов и аколитов легио копошились на изувеченном корпусе. Эрикса Скамёльда уже извлекли, и его саркофаг покоился на парящем гравитационном паланкине, пока поющие жрецы ожидали альфа-

принцепса.

Даже загрузка записей манифольда обоих титанов мало приблизила Котова к ответу на вопрос, что заставило "Лупу Капиталину" стрелять по одному из своих. Он понял, что от полного уничтожения "Канис Ульфрика" спасла магос Гирдрид, которая в самый последний момент стимулировала приводы псевдомышц "Владыки войны" и сбила прицел.

Изучая ужасные разрушения тренировочного зала, Котов уловил на краю манифольда слабый, но безошибочный микроэлемент био-механического запаха магоса Дахана.

<Дахан? Это ты?>

Архимагос не получил ответа, но интенсивность техно-сигнала повысилась. Двигаясь в инфосфере, Котов быстро триангулировал источник техно-сигнала — разбитую БМП, почти полностью погребённую в руинах упавшего здания — и приказал откопать её ближайшей группе усиленных боевых сервиторов.

Он почувствовал настойчивые призывы командных запросов с мостика, и помчался назад по кабелепроводам судна, пока его сознание снова не оказалось в пределах коры головного мозга. Котов открыл глаза и позволил успокаивающе тёплому морю данных окутать себя.

— Суммируем: повреждения и прогноз, — сказал он. — Магос Блейлок, начинайте.

— Плазменный заряд полностью разряжен. Вентиляция нижних палуб оказалась правильным решением. Несмотря на многочисленные потери механических и смертных компонентов — полный перечень находится в субстратной ноосферной ссылке — "Сперанца" продолжает функционировать в эксплуатационных параметрах. Во время продолжения экспедиции нашими самыми большими проблемами станут потери экипажа и падение энергетических мощностей. Поле Геллера быстро истощит оставшиеся запасы энергии и по рекомендации магоса Азурамаджелли я бы предложил выйти из варп-пространства в течение ближайших двух часов.

— И сколько нам останется лететь? — задал вопрос Котов.

Азурамаджелли ответил, его напоминавший раму каркас направился к парящему изображению системы Валетте. Несколько нутромеров вытянулись из вращавшегося обода под мозговыми колбами, и за внешней границей системы появилась мерцающая светящаяся точка.

— Используя загрузочные способности магоса Тихона, я вычислил оптимальный пункт выхода в пятнадцати днях от границ системы.

— Пятнадцать дней? Это неприемлемо, магос Азурамаджелли, — сказал Котов. — Найдите другой пункт выхода ближе к Валетте.

— Нереально, — ответил Азурамаджелли. — С текущим потреблением энергии не представляется возможным поддерживать поле Геллера достаточно долго, чтобы подойти ближе и сохранить надлежащие запасы.

— К чёрту запасы, — возразил Котов, горячая ярость вырвалась из его тела в красном тумане инфотока. — Найдите более близкий выход.

— К сожалению, магос Азурамаджелли прав, — сказал Сайиксек, развернув в воздухе множество таблиц данных и графиков. — Потеря плазменной камеры сгорания замедляет нас — это слишком большой фактор, чтобы его игнорировать.

— И наши рабочие протоколы предписывают, что мы не можем продолжать полёт без резервов конденсатора, — добавил Криптаэстрекс. — Мы должны вернуться в реальное пространство и развернуть бортовой солнечный коллектор, чтобы зарядить оставшийся

конденсатор. Вероятно, нам придётся забрать половину топлива и энергии у вспомогательных судов или мы даже не доберёмся до Шрама Ореола, не говоря уже о путешествии за его пределы.

— Действительно, — подытожил Блейлок. — Благоразумие диктует отказаться от этой попытки, пока мы не подготовимся лучше.

— Я всё ждал, когда вы предложите это, — сказал Котов.

— Архимагос?

— Вернуться? Ничего бы ты не хотел сильнее, чем нашего позорного возвращения на Марс.

— Уверяю вас, архимагос, я не меньше вашего желаю успешного завершения экспедиции.

Котов не считал лжи в инфотоке Блейлока, но не мог заставить себя до конца поверить фабрикатус-локуму. Пауза затянулась, и архимагос понял, что других вариантов у него нет.

— Хорошо, — сказал он. — Займитесь необходимыми приготовлениями к возвращению в реальное пространство.

Авреем, Койн, Хоук и Крушила возвращались по мрачным транспортным отсекам на нижние палубы, где располагались общежития крепостных. Металлический пол стал скользким от влаги и струйки холодного пара вырывались из вентиляционных отдушин, нагнетая морозный воздух в арочные туннели.

— Странное чувство, — произнёс Койн. — Мне эти туннели всегда казались тесными до клаустрофобии.

— Такое вполне возможно, когда сотни крепостных бредут на работу и обратно, — ответил Авреем, стараясь не вспоминать крики умирающих в перерабатывающем зале, когда несчастных поглотила плазменная волна.

— Ещё и холодно, — добавил Хоук.

— Да, и воздух на вкус необычный, — согласился Койн.

— На вкус он... чистый... — сказал Авреем, удивлённый, что не заметил это раньше. Так много времени прошло с тех пор, когда он дышал воздухом, который не был пропущен сквозь фильтры или не содержал пыль и токсины, что он просто забыл вкус чистого воздуха.

— Возможно, после случившегося они запустили системную очистку? — предположил Койн.

— Вряд ли, — возразил Хоук.

— Тогда что, по-твоему, произошло?

— Мне всё равно. Раз воздух стал чище, то это хорошо, но я не поставлю и пука корабельной крысы на причину.

Авреем покачал головой. — Нет, воздух не просто чистый, а холодный. Я в том смысле, что он действительно холодный. Словно его заморозили. И не знаю, как сказать, он безвкусный или что-то подобное.

Друзьям нечего было ему возразить, и они молча прошли оставшуюся часть пути, следуя по гулким туннелям, освещённым танцующими огнями сквозь узкие витражи. Они спустились по маркированной черепом металлической лестнице, миновали широкие ворота, украшенные резными каменными шестерёнками, и поднимающиеся ряды неустанных поршней.

Они не встретили никого, кто объяснил бы отсутствие людей.

Иногда Авреем замечал брошенное на палубу техническое оборудование, но не видел

никого, кто бы управлял им. Чем больше герметичных люков они проходили, тем чаще встречали признаки чего-то неправильного.

С тех пор как они стали крепостными никто из них особо не обращал внимания на окружающую обстановку, а постоянное истощение быстро свело на нет любое желание глазеть по сторонам. Но без толчеи вокруг и благодаря внезапной ясности, которая появилась из-за близости смерти, все три человека испытывали возрастающее предчувствие по мере приближения к жилому отсеку.

— Мне это не нравится, — произнёс Хоук.

— Где все? — спросил Койн в точности повторив мысли Авреема.

Наконец они достигли огромного входа в столовую и как только герметичные ворота опустились в палубу, в коридор хлынула стена из сваленных тел, словно вода, прорвавшая дамбу. Над мёртвыми пронеслись порывы морозного воздуха, и Авреем попятился от потока трупов; мужчин и женщин в грязных рабочих комбинезонах крепостных Механикус. Тела выглядели бледными, губы посиневшими, в широко раскрытых глазах читались боль и ужас от внезапной декомпрессии и удушья. У тех, кто отчаянно царапал ворота, ногти покрывала кровь.

— Кровь Тора, — произнёс Хоук, когда скользящая груда тел остановилась. — Какого чёрта здесь произошло?

— Они все мертвы... — выдохнул Койн.

Авреем почувствовал, как ледяной воздух сжимает сердце, когда, наконец, понял причину похолодания в прилегающих туннелях. Он посмотрел на отвесные стены и медленно вращавшиеся лопасти вентиляторов. На жалюзи развевались полосы исписанного пергамента, молитв чистоты и проклятий для свободного прохождения воздуха. Эти молитвы казались ужасной насмешкой, и он старался не думать о том, какое отчаяние охватило людей, когда вентиляторы изменили направление вращения и стали вытягивать воздух, а не втягивать.

— Ублюдки! — закричал он, обхватив своё худое тело руками. Сначала смерти в перерабатывающем зале, а теперь это! Сколько может вынести один человек?

— Как это произошло? — спросил Койн, ещё не сделав неизбежного вывода по трупам с посиневшими губами.

Крушила проложил путь среди мёртвых, поднимая каждое тело в сторону и показав удивительную доброту для столь чудовищно сложенного и на вид недалёкого существа. Авреем последовал за огрином и Хоуком, позволив взгляду скользить по пустым рядам столов, чудовищной тишине и разбросанным испорченным пластовым подносам. Сервиторы так и умерли возле своих раздаточных машин и, хотя большинство трупов лежали кучами у трёх входов, немало тел покоилось прямо под вентиляционными отверстиями, возможно из-за тщетной попытки вновь запустить их.

Хоук проследил за взглядом Авреема и произнёс. — Они выкачали воздух. Они на хрен выкачали весь воздух.

Койн повернулся к Авреему, желая, чтобы тот опроверг Хоука. — Нет, этого же не может быть? Они не стали бы так делать.

Авреем почувствовал, как исчезла последняя крупца его человечности, сменившись сжатой пружиной абсолютного гнева. — Хоук прав. Они выкачали атмосферу с этой палубы в вакуум, вот почему воздух на вкус холодный и неприятный. Его только что восстановили.

— Почему они сделали это? Это бессмысленно.

— Пробоина в плазменной камере сгорания, — вздохнул Авреем, садясь за один из множества свободных столов. — Что бы её не вызвало оно по-видимому оказалось ещё хуже, чем мы думали. Сайиксек, скорее всего, решил выкачать воздух с этой палубы, чтобы вытянуть плазму в космос и потушить огонь.

— Но он убил целую смену крепостных, — сказал Койн, всё ещё не желая признать, что столь чудовищное действие могли совершить преднамеренно.

Авреем вскочил на ноги и схватил Койна за испачканный масляными пятнами комбинезон.

Он бросил Койна в стену и закричал ему в лицо. — Когда ты вобьёшь в свою тупую башку, что Механикус не волнуют наши жизни? Мы — цифры и ничего более. Что особенного в том, что Сайиксеку пришлось убить несколько тысяч крепостных, только чтобы потушить огонь? Всегда найдётся другой мир, где он может насильно завербовать новых рабов, которые будут работать до смерти на его чёртового Бога Машину.

— Полегче, Ави, — сказал Хоук, положив руку ему на плечо. — Койн тебе не враг. Этим ублюдкам Механикус нужно преподать урок или два, верно?

Авреем почувствовал, как ярость спадает и отпустил Койна, стыдливо всхлипнув.

— Мне жаль, — сказал он.

— Всё нормально, — ответил Койн. — Забудь об этом.

— Нет, — возразил Авреем. — Как раз это я не собираюсь делать. Адептус Механикус убили этих крепостных, и вот что я скажу тебе. Кто-то за это заплатит.

Спустя девяносто три минуты "Сперанца" с трудом выпрыгнула из варпа, целостность её корпуса и поля Геллера держались уже на пределе. Магосу Криптаэстрексу пришлось полностью израсходовать все запасы вспомогательной энергии, чтобы поддерживать щиты и достигнуть точки выхода, определённой магосом Азурамаджелли. По настоянию Котова — и к сильному недовольству Азурамаджелли — его транс-имматериумные вычисления были проверены Линьей и Виталием Тихонами, но оба магоса Кватрии подтвердили безошибочность уравнений.

"Сперанца" прорвала барьер между эмпиреями и реальным пространством далеко от границ системы Валетте. Течения, которые пронесли её столь далеко через варп, всё ещё оставались беспокойными и прыжок не прошёл гладко. Ковчег Механикус дрожал, таща оторванные полосы энергий Имматериума, которые цеплялись за корпус и безумно завывали, пока не исчезли в дымке туманного гнева.

Как только обезопасили периметр, открылся борт огромного судна; противовзрывные щиты и герметичные заслонки медленно распахнулись, показался уцелевший солнечный коллектор и начал медленно разворачиваться парус. Комплексные решётки сочленений, кардановых подвесов, вращавшихся лопастей и кратных шарниров развернулись в точном геометрическом балете, и парус в километр длиной и семьсот метров шириной изголодавшихся по энергии батарей нацелился на мерцающий свет далёкого солнца Валетте.

На таком расстоянии от центра системы коллектор соберёт мало энергии, но главной целью был поток горячих нейтронов, текущий вдоль электромагнитно заряженного корпуса, и улавливаемый мощным магнитным полем "Сперанцы". Почти сразу после полного развёртывания коллектора уровни зарядки на опустошённом конденсаторе поползли вверх, и скорость подъёма возрастёт по мере увеличения скорости "Сперанцы".

Экстренный прыжок раскидал флот словно зёрна, случайно разбросанные сельскохозяйственной сеялкой, и прошло ещё три часа, прежде чем удалось связаться с

другими судами. Один за другим корабли флота сообщали о своём местоположении и начали медленный процесс перегруппировки. Перерабатывающие суда и корабль-генераторы собрались вокруг "Сперанцы", громадные шлангокабели соединили их с ковчегом Механикус, чтобы утолить изголодавшийся по топливу и энергии флагман. Десять судов опустели, прежде чем "Сперанца" достаточно насытилась и могла продолжить путешествие.

Из рассеянного флота больше всех повезло родственным душам и однотипным кораблям "Дитя Луны" и "Дитя Гнева", они оказались на день впереди "Сперанцы". "Адитум" выпрыгнул вблизи могучего судна, а "Кардинал Борас" лежал на траверзе меньше чем в пятнадцати часах. Эскорты "Мортис Фосс" и "Клинок Фосса" были не столь удачливы и отстали, по крайней мере, на сутки в глухом космосе.

Несмотря на многочисленные попытки определить местонахождение "Клинка Чести" при помощи ауспиков дальнего действия, мощных сканеров-авгуров и астропатических посланий так и не удалось найти ни малейшего следа третьего корабля с Фосс Прайм. Флот продолжал поиски столько, сколько архимагос Котов счёл целесообразным, но каждый капитан в глубине души знал, что долго задерживаться в глухих заливах между системами слишком опасно и рискованно.

Капитаны уцелевших фоссианских кораблей потребовали дополнительное время на поиски, но Котов отказал и пригрозил освободить обеих женщин от командования, если они не исполнят его приказы на полной скорости следовать к далёкой границе системы. "Мортис Фосс" и "Клинок Фосса" неохотно повернули носы к Валетте и подчинились.

На уцелевших судах трижды ударили в великий колокол в Верховном Храме Омниссии: за потерянный "Клинок Чести", за потерянных детей Бога Машины и за смертные души на его борту.

Экспедиция двигалась дальше, хотя корабли так сильно рассеялись и растянулись, что не соответствовали ни одной доктрине Флота, регламентирующей конвой, но, по крайней мере, вместе и в близком боевом порядке. Ведомый "Дитём Луны" и "Дитём Гнева" флот Котова следовал прямым курсом к одинокому аванпосту, который двести тридцать пять лет путешествовал по орбите звезды в центре системы.

Манифольдная станция Валетте Механикус.

Последняя точка контакта с потерянным флотом магоса Телока.

МАКРОКОНТЕНТ НАЧАЛО:
+++МАКРОКОНТЕНТ 003+++

Бездушное сознание — враг всего живого.

МИКРОКОНТЕНТ 14

Атмосфера встречи стаи оказалась ничуть не теплее туманного воздуха из кондиционеров, и явно не собиралась улучшаться, подумал модератус Коскинен. Скамёльд уже рвался в бой после происшествия на тренировочной палубе. Коскинен уважал Скамёльда, но он ему не нравился, хотя модератус и не мог винить принцепса за гнев.

За прошедшие после нападения "Лупы Капиталины" на "Канис Ульфрика" две недели кузни на носу ковчега Механикус работали в три смены, создавая новое оружие и листы брони, чтобы заменить уничтоженные компоненты "Разбойника". Целая армия техножрецов, аколитов легио и инженеров трудилась над павшим титаном, возвращая его в боевую готовность. Столь сложная задача обычно требовала месяцев напряжённой работы, ритуалов и освящений, но фабрикатус ковчега огромный инженер-магос по имени Тарентек сотворил чудо и резко сократил это время. Титан скоро встанет со строительных колыбелей, возрождённый и отремонтированный, но Коскинен знал, что не физические повреждения являлись самыми тяжёлыми последствиями нападения.

Он стоял возле саркофага Люта, прижав ладонь к бронестеклу и чувствуя дремлющее сердцебиение божественного существа внутри. Магос Гирдрид работала за контролирующим устройством, прикреплённым к нижней части саркофага, и мигающие сигнальные огни показывали процесс восстановления здоровья принцепса.

Люту всё ещё предстояло пробудиться из неврологического сна и кто знал в каком душевном состоянии окажется принцепс, когда его разбудят? Он вспомнит, что произошло на тренировочной палубе или всё ещё будет вести отчаянный бой в Серном Каньоне? Даже старшие из легио Биологис не могли сказать наверняка, какой эффект эти действия оказали на его разум. Коскинен хотел, чтобы Лют остался в здравом уме, потому что оставался только один воин, способный принять командование в случае признания альфа-принцепса непригодным к службе.

Саркофаг Скамёльда стоял напротив Люта, подключённый к встроенной панели медицинского темплума, предоставленного в распоряжение легио архимагосом Котовым. Принцепс "Разбойника" выглядел затенённой фигурой, которая висела в молочно-белой суспензии, словно безрукое и безногое привидение. Его саркофаг был немного меньше и более украшенным, чем у Люта, потому что его ввели в эксплуатацию под началом другого фабрикатора.

Скамёльд также сильно пострадал и магос Охтар с великим усердием заботился о своём принцепсе. "Разбойник" едва не погиб, и боль обратной связи должна была быть невыносимой. Как и "Лупа Капиталина" "Канис Ульфрика" тоже потерял модератуса. Тобайас Осара испарился во время взрыва, который уничтожил руку "Разбойника", а второй

модератус Йоаким Бальдур получил тяжёлое ранение. Его правую руку и часть черепа покрывал эластичный бинт, а обожжённую кожу заменили искусственно выращенной. Бальдур впился взглядом в Коскинена, словно тот лично был виновен в конфликте между титанами. Коскинен не поддался на уловку и молчал, пока все ожидали Оборотня.

Холодный воздух заполнял медицинский храм и Коскинен плотнее закутался в форменный китель, жалея, что не додумался одеться потеплее. Температуру внутри помещения тщательно контролировали, и тонкий слой инея покрывал металлические символы Омниссии на стенах, изолированное оборудование центрального когитатора и мозаичный пол. Стерильные стальные листы облицовывали нижнюю половину стен, а с потолка свисала сложная сеть ребристых трубопроводов, и из них время от времени вырывались струйки аммиачного пара. Под потолком располагались сотни цилиндров из прочного стекла, в каждом из которых легко мог поместиться человек, их удерживали механические рычаги, они же в случае необходимости опускали их на пол. Коскинену довелось плавать в одной из таких заполненных жидкостью капсул после сражения с тиранидами на Бета Фортанис, когда его инфокровоток очищали от отбрасываемых данных и манифольдного мусора.

Не самое приятное воспоминание, учитывая, что такие чистки нельзя было назвать безболезненными процедурами.

По медицинскому храму прохаживался Элиас Хяркин, опустошённое патогенами тело которого было полностью заключено в сетчатый экзоскелет из меди и серебра. Весь его красно-чёрный бритый череп покрывали синие символы: растрёпанные волчьи хвосты, окровавленные клыки и светившиеся во тьме глаза. Атрофированные лицевые мышцы подёргивались от электро-стимуляторов, которые компенсировали цереброваскулярное расстройство и позволяли говорить отрывистыми сериями тестовых сигналов. Как и большинство принцев Хяркин испытывал отвращение от разрыва связи с "Вилкой" и его неспособное самостоятельно передвигаться тело двигалось с неестественной сгорбленной походкой, почти не отличаясь от "Пса войны", которым он управлял.

Как принц он был богом, как смертный — калекой.

Герметичная дверь скользнула, открываясь, и вошёл Оборотень. Серебристые волосы самого молодого принца легио Сириус Гуннара Винтраса были коротко подстрижены, а парадная форма выглядела накрахмаленной и выглаженной, словно он собирался присутствовать на торжественном собрании легио. С одного бедра свисала на платиновой цепи кривая силовая сабля, а на другом размещалась кобура с инкрустированным золотом болт-пистолетом.

— Рад видеть вас, — произнёс Хяркин, несмотря на расстроенную артикуляцию его слова прозвучали вполне понятно благодаря искусственным мышцам, хотя всё ещё и оставались искажёнными.

— И я рад видеть вас, Элиас, — ответил Винтрас, сев за центральный комплекс когитаторов. — Когда Лунная Скорбь созывает встречу стаи — я прибегаю.

— Встреча началась тридцать минут назад, — заметил Хяркин.

Винтрас пожал плечами и вскочил, словно ему уже надоело сидеть.

— Чтобы хорошо одеться нужно время, — ответил он, приводя в порядок мундир и счищая невидимую пылинку с эполетов на плече. — Вас разумеется одели ваши кибер-слуги, не так ли? Уверен, они старались изо всех сил.

— Вы понимаете, что принц Лют не умер? — спросил Коскинен, возмущённый

поведением Винтраса.

Винтрас обошёл когитаторы и остановился перед ним, и Коскинен сразу пожалел, что открыл рот. Служить модератусом на "Владыке войны" — великая честь, но любой принцепс — даже принцепс "Пса войны" — был старше по званию и имел право оборвать его жизнь.

— Что это, модератус забыл своё место? — произнёс Винтрас, склонившись над Коскиненом и оскалив зубы с острыми клыками. — Поосторожней, человек, пока страшный серый волк не перегрыз тебе глотку.

+Оставь парня в покое, Винтрас,+ раздался резкий голос из аугмитов саркофага Скамёльда. +Он видит, что ты пришёл на встречу стаи одетый как на похороны.+

— Прошу прощения, Лунная Скорбь, — сказал Винтрас, отступив со звериным оскалом. — Я жду вашего слова.

— Правильно, сейчас все здесь, Скамёльд, — проворчал Хяркин, его экзоскелет скрипел и лязгал, когда он снова начал прохаживаться по темплуму. — Что вы хотели от нас?

+Ты знаешь, чего я хочу. Командования. Лют изжил себя. Его время прошло. Я главенствую над легио. Вы все знаете это.+

Никто не ответил. Коскинен и Гирдрид ожидали подобного развития событий, но услышать такое произнесённым вслух и столь дерзко перед остальным легио всё равно стало шоком. Осматривая медицинский темплум Коскинен понял, что никто не хотел видеть Лунную Скорбь главным. Взаимоотношение внутри стаи являлись отражением альфы и холодное сердце Скамёльда, в конечном счёте, возьмёт своё и станет доминировать над титанами под его командованием, и превратит их из дружных охотников в злобных хищников. Хяркин выглядел потрясённым предложением Скамёльда и даже Винтрас казался встревоженным, хотя он, скорее всего, понимал, что так и произойдёт.

— Принцепс Лют ещё может проснуться, — сказал Хяркин.

+И когда он проснётся, кто-нибудь из присутствующих может сказать, что он не будет грезить былыми войнами, и снова не обратит оружие на брата из стаи?+

Коскинен хотел высказаться в защиту Люта, но Магос Биологис так и не установили причину кошмара и не могли дать гарантии, что подобное психическое расстройство не повторится. Скамёльд сказал только правду, но чувство справедливости модератуса всё равно противилось ей, потому что принцепс "Разбойника" вырывал лидерство над стаей, когда альфа не мог защитить своё положение.

— Правом командования должны наделять Старокровные, — возразил принцепс Хяркин в последней отчаянной попытке следовать протоколу легио.

+Старокровных здесь нет. Здесь мы. Я. Зимнее Солнце повернул оружие против брата-воина. Нет большего преступления против стаи. Почему ты вообще споришь, Железная Синь? Я — Лунная Скорбь и ты не равен мне.+

Хяркин склонил голову, лязгая экзо-суставами. — Вы — старший стаи, Лунная Скорбь.

+Тогда закончим с этим. Я — альфа-принцепс.+

+Нет.+

Коскинен подпрыгнул от звука из саркофага за спиной. Принцепс Арно Лют плавал за стеклом, его выпуклый вытянутый череп всё ещё кровоточил после недавних многочисленных инвазивных операций. Соединяющие с манифольдом кабели отсутствовали, и резьбовые разъёмы в груди и позвоночнике зияли, словно раны со

стальными краями. На передней панели саркофага мерцали зелёные огоньки, и Коскинен увидел, как Гирдрид вытащила незаметный инфоштекер.

+Я — Зимнее Солнце, и ты не равен мне.+

Манифольдная станция Валетте висела во мраке на краю системы, словно терпеливый паук, поджидающий в сети неосторожную жертву. Лёд мерцал на её тёмной круглой средней секции, а из медленно вращавшегося центрального коммуникационного отсека тянулось множество механических манипуляторов, ауспиков, топографов, перехватывающих авгуров и пси-проводников. Хотя "Сперанца" всё ещё оставалась в сотнях тысяч километров от станции, носовые пикт-устройства воспроизводили её изображение с идеальной точностью.

Почтительная тишина воцарилась на мостике ковчега. Как последнее место, получившее сообщение от магоса Телока, манифольдная станция Валетте одновременно представляла собой святое место и памятник. Ни один из собравшихся магосов не мог не признать важность путешествия к ней, прежде чем попытаться пробиться сквозь Шрам Ореола.

Магос Азурамаджелли сохранял курс и контролировал постепенное увеличение мощности двигателя, по мере продолжения ремонта в повреждённой камере сгорания. Из-за потери огромного количества крепостных Сайиксека возникли проблемы, но благодаря использованию рабочих бригад сервиторов с опустевших перерабатывающих судов ожидаемое падение производительности и эффективности оказалось меньше, чем боялся магистр двигателей. В самой дальней части мостика Линья и Виталий Тихоны работали за станцией астронавигации, умело управляя парой четырёхмерных карт.

Магос Блейлок располагался возле командного трона, обрабатывая входящую информацию судна и позволяя Котову поддерживать связь со "Сперанцей". Ковчег Механикус всё ещё капризничал после инцидента с титанами, и требовалось лёгкое прикосновение, чтобы системы сохраняли спокойствие. Большая часть познавательных способностей Котова была направлена на исцеление духовных ран корабля и восстановление его полного доверия. Почти весь поток ситуативных знаний, который он обрабатывал бы на подсознательном уроне, архимагос вынужден был делегировать подчинённым и узнавать из вторых рук.

— Есть какой-нибудь ответ на наши бинарные запросы? — спросил Котов.

— Нет, архимагос, — ответил Блейлок, просеивающий накопленные данные, после сканирования затемнённой станции. — Нас продолжают игнорировать.

— И её манифольд по-прежнему не устанавливает связь?

— Не устанавливает, — согласился Блейлок. — Это удивляет сильнее всего.

Котов уделил время, чтобы осмотреть далёкую станцию, которая выглядела почти чёрной на фоне призматического пятна Шрама Ореола за короной света системного солнца. Он тщательно изучал аномалию на краю галактики, но впервые вживую увидев её, почувствовал странное ощущение волнения и страха.

Эмоции, которые Котов считал давно преданными земле в органическом прошлом.

Тихоны собрали огромное количество информации об уродливом явлении, чтобы проложить путь сквозь гравитационные бури, бушующие внутри его туманных границ. Их работа была высоко детализированной, но накопленная за тысячи лет на манифольдной станции имматериологическая статистика сильно поможет в картографических уравнениях. Вот только пока единственным ответом на многочисленные попытки убедить станцию загрузить данные на "Сперанцу" оставались статические помехи.

И всё же сколь ни завораживало искривление пространства-времени Шрама Ореола, Котов предпочёл снова остановить взгляд на манифольдной станции. Шестьсот метров шириной в центральной секции и триста метров высотой — она была почти невидимой пылинкой посреди мрака галактической пустоши. Только вспышки тусклого звёздного света на льду на корпусе позволял различать её очертания. Словно замороженные снежинки вокруг станции кружили блестящие скопления осколков, но происхождение этих крошечных обломков оставалось тайной.

И Котов ненавидел тайны, на которые не мог найти ответы.

Призрачная и бездействующая станция продолжала следовать по своей древней орбите, пойманная гравитацией и физикой.

Котов обладал множеством чувств, больше чем любой неаугметированный смертный мог надеяться постичь или использовать, и они искали любой знак, что кто-то или что-то живо на станции Валетте. До сих пор они не предоставили ни малейшего намёка, что он найдёт живым хотя бы одного из членов экипажа.

И всё же Котов не мог избавиться от чувства, что что-то на станции смотрело на них, изучало, наблюдало...

— Время до перехвата? — спросил он, отбросив смехотворное органическое убеждение, что за ними наблюдают.

— Три часа пятнадцать минут, архимагос, — ответил Азурамаджелли, направив экзотело ко второй станции астронавигации. Веретенovidные руки-манипуляторы появились из нижней половины экзо-арматурного корпуса и извлекли физическую клавиатуру.

— Проблема, Азурамаджелли?

Две из мозговых колб магистра астронавигации повернулись, пока он отвечал.

— Неизвестно. С тех пор как мы вышли из варпа кормовые ауспики фиксируют неустойчивый контакт. Я ничего не могу с этим поделать, но это странно.

— Что это, по-вашему? Другой корабль?

— Скорее всего, это остаточное вмешательство варпа или побочный результат наших недавних проблем, — сказал Азурамаджелли, аккуратно настраивая руками-манипуляторами расплывчатое изображение на ауспике. — Но, да, я полагаю, что это может быть корабль.

— "Клинок Чести"?

— Сомневаюсь, правда, вычисления затруднены из-за близости Шрама Ореола к дальней границе системы. Возможно, с доступом к основной станции астронавигации я мог бы предоставить вам более точный ответ, архимагос.

Котов проигнорировал выпад в сторону Тихонов и сказал. — Наблюдайте за этими призрачными показателями и сообщайте мне о любых изменениях.

Мозговые колбы Азурамаджелли отвернулись, и Котов услышал, как бронированные ворота мостика опустились в полированную палубу. Он считал биометрию Робаута Сюркуфа и повернул командный трон, чтобы оказаться лицом к вольному торговцу.

Человек ответил на вызов Котова и пришёл в свободном сером сюртуке Флота, обесцвеченном в местах, где были сорваны нашивки. Тёмные брюки он заправил в коричневые сапоги до колена, и из уважения к хозяевам и эскорту скитариев капитан оставил кобуру на бедре пустой. Сюркуф поднялся на верхний ярус и потратил некоторое время, чтобы осмотреться, его взгляд задержался на госпоже Тихон на мгновение дольше, чем на любом другом человеке или вещи на мостике.

Повышенный сердечный ритм, расширенные зрачки, возросшая гормональная реакция.

Конечно же капитан не питал любовных мыслей к члену Культа Механикус? Сама идея была смехотворна.

Котов выбросил из головы глупость человека и произнёс. — Добро пожаловать на мостик, капитан. Спасибо, что навестили меня...

— Без проблем, — ответил Сюркуф. — Признаюсь, что с нетерпением ожидал увидеть мостик вашего корабля. Павелька и Силквуд хотели сопровождать меня, но они заняты, помогая магосу Сайиксеку на технических палубах.

— И что вы думаете о моём мостике? Впечатляет, не так ли?

— Должен признать, что он не слишком приводит в восторг, — подумав, ответил Робаут.

Котов почувствовал недовольство ковчега подобным снисходительным тоном, но быстро успокоил его, когда начал понимать.

Как же легко забыть об ограничениях смертных!

— Конечно, вы же не подключены к ноосфере.

— Нет, не подключён.

— Я принял как нечто само собой разумеющееся, что вы видите тоже, что и я.

— Никогда ничего не считайте само собой разумеющимся. Именно тогда вы начинаете ошибаться.

Раздражённый поучениями меньшего смертного Котов сделал сложный тактильный жест, и рядом с вольным торговцем из диафрагмированной палубы появилось ковшеобразное сиденье. Сюркуф откинул полы длиннополого кителя и сел, размотав тонкий изолированный кабель из изогнутого подголовника. Потребовалось несколько мгновений, чтобы найти разъём под волосами на затылке у шеи, он вставил соединительные штыри и защёлкнул зажим. Его тело дёрнулось с системным шоком от внезапной загрузки, но он расслабился с быстрой непринуждённостью опытного космического путешественника.

— А, — сказал он. — Теперь я вижу. Да, очень впечатляюще, архимагос.

— Мы почти в Шраме Ореола. Вы по-прежнему уверены, что сможете провести нас на противоположную сторону?

— У меня есть диск с астронавигационными данными, не так ли?

— Так вы утверждаете, но я пока не увидел никаких доказательств.

— Тогда вам нужно просто доверять мне, — ответил Сюркуф, кивнув на главный каскадный экран. — Перед нами манифольдная станция?

— Именно так.

— И это последнее место, получившее сообщение от Телока?

— Я полагал, что вы уже знаете эту информацию.

— Я читал её. Я думал, что станция Валетте всё ещё функционирует.

— Так мы считаем и сейчас.

Сюркуф покачал головой. — По этой штуковине не скажешь, что она долго работала.

— Вы правы, — согласился Котов. — Все излучения свидетельствуют, что комплекс находится в режиме бездействия.

— Вы знаете почему?

— Ещё нет, но скоро узнаю.

— Она похожа на космический скиталец, — сказал Сюркуф, сотворив знак аквилы на груди.

— Суеверия, капитан?
— Здравый смысл.
— Уверяю вас, что на манифольдной станции нет ничего предосудительного.
— Откуда такая уверенность?
— Наши топографы не обнаружили ни малейшего источника угрозы.
Сюркуф ненадолго задумался. — На станции была команда?

— Нет необходимости использовать прошедшее время, капитан. Станция укомплектована магосами, пятью техноматами, тройкой астропатов и полукогортой сервиторов.

— Когда кто-нибудь прилетал сюда в последний раз, чтобы проверить, что они живы?

— Последний контакт со станцией Валетте произошёл восемьдесят стандартных терранских лет назад, когда магос Парацельс отправился с мира-кузни Грайя, чтобы заменить магоса Гефеста в рамках регулярного цикла командования. Парацельс выгрузил запись о прилёте в соответствии с графиком.

— Предположу, что Гефест вернулся на Грайю?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Котов помедлил перед ответом, снова сверяя соответствие информации из своего архива с тем, что располагался на "Сперанце".

— Неизвестно, — наконец ответил он, не желая делать такое допущение. — Записи про магосов после их перевода на Валетте неполные.

— Неполные? Вы хотите сказать, что не знаете, что произошло с кем-либо из них?

— Учитывая общегалактические масштабы информации нет никакой тайны в том, что некоторые данные... теряются по пути.

— Хотел бы Эмиль услышать это от вас, — сказал Сюркуф, широко усмехнувшись. — Значит, вы не знаете, что случилось с Гефестом или предыдущими должностными лицами, и не знаете, что произошло с тех пор, как Парацельс добрался сюда.

— Я начинаю уставать от ваших постоянных расспросов, капитан Сюркуф.

— А я начинаю уставать от ваших постоянных недомолвок, — парировал Робавт. — Если на станции есть экипаж, почему они не отвечают? Если там всё в порядке, почему вы перестраиваете эскорты для атаки? Вы думали, я не замечу это? Я вас умоляю...

— Всего лишь обычные меры предосторожности, капитан.

— Позвольте дать вам бесплатный совет, архимагос. Никогда не играйте с Эмилем Надером в рыцарей и плутов.

— Разъяснение: я не понимаю смысла вашего последнего замечания.

— Потому что вы — плохой лгун, Лексель Котов. Вы также хорошо, как и я понимаете, что со станцией что-то не так. Происходит что-то очень необычное и вы не знаете, что именно, верно?

— В настоящее время ситуация на манифольдной станции неизвестна, — согласился архимагос. — Но когда я исследую её, то уверен, что обнаружу логичные ответы.

— Вы собираетесь высадиться на эту штуку?

— Я — эксплоратор. Это моя работа.

— Не хотел бы оказаться на вашем месте.

— Уверяю вас, нет никакой опасности.

Сюркуф оглянулся на экран, изображение терпеливого паука повернулось к Котову, и вольный торговец снова сотворил аквилу.

— На вашем месте я бы взял Чёрных Храмовников. На случай, если вы ошибаетесь.

Несмотря на массовое убийство тысяч крепостных мало что изменилось в повседневной рутине обитателей подпалубных помещений. Из других смен перевели новых рабов и бригаду Авреема, Хоука и Койна пополнили кибернетикой. Десятки мускулистых сервиторов с остекленевшими взглядами выполняли приказы молча, без ропота и возражений.

Слухи о произошедшем на нижних палубах распространились подобно сифилису, как и рассказы о чудесном спасении небольшой группы. Авреем видел, как странно люди смотрели на него, и Хоуку пришлось объяснить, что остальные крепостные трепетали перед ним. Это его предупреждение спасло четырёх человек, и прошла молва, что он — избранный Машиной, что он — тайный пророк Омниссии, который нёс Его благословение самым скромным из Его слуг.

Скоро он начал находить у своей койки безделушки из мусора, оставленную в подарок еду и воду или курительные палочки. Сначала он пытался отказываться от подобных подношений, но все попытки преуменьшить свою роль в событиях в перерабатывающем зале, похоже, только улучшали его репутацию.

— Но я не избранный Машиной, — пожаловался он как-то ночью компаньонам, когда они сидели в битком набитой столовой и ели ещё более пресную кашу. Если раньше единственными звуками в гигантском зале были плеск питательного бульона и стук пластмассовых ложек, то теперь на заднем фоне слышался низкий гул почтительного шёпота.

— Откуда ты знаешь? — спросил Хоук. — Только воистину божественные отрицают свою божественность. Разве не так говорится в Книге Тора?

Койн и Авреем искоса посмотрели на него. И даже Крушила выглядел удивлённым.

— Не думал, что ты религиозен, Хоук, — сказал Авреем.

Хоук пожал плечами. — Обычно я не молюсь и не занимаюсь подобной ерундой, но всегда следует знать, кого звать на помощь в беде. Ну, на тот случай, если они слушают. И мне всегда нравилась история Себастьяна Тора. Он противостоял богачам и спровоцировал цепь событий, которая сокрушила высшего лорда. Подобные истории мне по душе.

— Это не просто история, — заметил Койн. — Это — Священное писание. Значит, она истинна.

— Почему? Потому что ты прочитал её в книге или потому что какой-то жирный проповедник рассказал её тебе, когда ты был маленьким? Даже если она и действительно произошла, то это случилось так давно, что её могли изменить. Знаешь, раньше я любил слушать истории в темплуме об армиях Императора, покорявших галактику и сражавшихся с врагами пламенными болтерами и чистой храбростью. Я притворялся героем и бегал с деревянным мечом по всем площадкам схолы, побеждая, словно я был Махарием или типа того.

— Я видел его, — сказал Авреем. — В молитвеннике для религиозных процессий Полей Основания есть статуя Махария и Лисандра. Без обид, Хоук, но ты слишком уродлив, чтобы быть воителем.

— И ты не прекрасный Сеян, — усмехнулся Хоук.

Авреем натянуто улыбнулся. У каждого из них выпало немало зубов, а кожа стала песчаной и пергаментно-жёлтой. Волосы Авреема, которыми он очень гордился в молодости, начали осыпаться клоками, и поэтому они решили наголо выбрить головы. Если

Механикус хотят превратить их в одинаковых дронов — то так и будет.

— Но тогда я ещё был ребёнком, — продолжил Хоук. — Раньше я думал, что Император и Его сыновья наблюдают за нами, но когда я вырос, то понял, что никто не присматривает за мной. Единственный человек, который присматривает за Хоуком, — Хоук.

— Давай, — произнёс Авреем, отодвинув поднос. — Пойдём выпьем.

— Лучшая идея за день, — согласился Койн, и они вчетвером встали из-за стола, и направились к тесным коридорам, которые вели к спрятанному самогонному аппарату Хоука. Разгерметизация нижних палуб не коснулась странного зала, и Хоук заявлял, что это является знаком, что Омниссии пришёлся по душе его способ поддержания производства и извлечения прибыли.

Головы склонялись, когда они проходили мимо, и Авреем слышал шёпот молитв. Худые руки тянулись к их рабочим комбинезонам, и он старался не встречаться взглядом с людьми, которые смотрели на него с чем-то, что он давно утратил.

С надеждой.

К счастью они покинули столовую и углубились в коридоры, пронизывающие тяжёлые переборки и бесчисленные вспомогательные помещения технической палубы. Их окружали стены из чёрного железа, капающие горячим маслом и шипевшие влажным паром. Мрак стал желанной передышкой, сменив резкий ослепительный свет рабочих зон. Хоук шёл первым, хотя бывший гвардеец не переставал утверждать, что так и не смог запомнить путь к дистиллятору. Авреем давно перестал пытаться ориентироваться. Казалось, что путь менялся каждый день, но, сколько бы поворотов они не делали, ноги всегда безошибочно приводили их в арочный зал, который с каждым новым посещением всё больше напоминал склеп.

— Какого... — произнёс Хоук, повернув за последний угол.

Не они были первыми, кто пришёл сюда сегодня вечером.

Исмаил де Ровен стоял на выложенной шестиугольной плиткой дорожке, которая заканчивалась в блокирующей стене с плохо различимыми надписями. Сервитор вытянул руку и упирался ладонью в стену. Оптика Авреема зафиксировала мимолётные проблески шипящего кода из-за стены, но осторожный бинарный код отступил, как только почувствовал его внимание.

— Что он здесь делает? — удивился Койн.

— Понятия не имею, — ответил Хоук. — Но мне это не нравится.

— Исмаил? — произнёс Авреем, приближаясь к сервитору, в которого превратили их бывшего начальника. Сейчас их смена больше чем на треть состояла из кибернетики, и Авреем испытал странное облегчение, узнав, что Исмаил не погиб во время вентилирования на нижних палубах. С другой стороны, то, что кроме них уцелела ещё одна частичка прошлой жизни, казалось предзнаменованием, но вот только чего именно?

Койн щёлкнул пальцами перед лицом Исмаила, но тот не отреагировал. Маслянистые капли падали из труб на потолке и барабанили по макушке мерцающего черепа.

— Такое чувство, что он плачет, — сказал Авреем, вздрогнув, когда увидел вмятину в металле на левой половине головы сервитора. Пусть Исмаил и пережил травму взрывной декомпрессии, раны он не избежал.

— Сервиторы не плачут, — возразил рассердившийся Хоук. — Давай вытащим его отсюда.

— Он не делает ничего плохого.

— Да, но если кто-то заметит его отсутствие, то начнёт искать, придёт сюда и увидит

всё это.

Авреем кивнул, соглашаясь с логикой Хоука. — Отлично, — сказал он. — Я отведу его назад в столовую.

Он поднял руку, собираясь опустить её на локоть сервитора.

Исмаил посмотрел на него.

Его лицо покрывали чёрные полосы масла и смазки, и Авреем отпрянул, задохнувшись от изумления, когда увидел замешательство и отчаяние.

Исмаил вытянул руку, и на ней замерцала подкожная татуировка.

— Савицкас...? — произнёс он.

МИКРОКОНТЕНТ 15

Что-то лязгнуло по фюзеляжу "Барисана" и Хокинс постарался не думать о космическом обломке, который пробивает корпус и отправляет всех пассажиров на тот свет. Он слышал немало ужасных историй о стремительных транс-атмосферных кораблях, не сумевших уклониться от орбитального мусора и мгновенно разорванных на части, и попытался выкинуть подобные мысли из головы. С пристёгнутыми ремнями безопасности и облачёнными в тяжёлую автономную броню Храмовниками ничего не случится. Они переживут разгерметизацию, но шестнадцать гвардейцев 71-го не будут столь удачливы.

Даже в неуклюжих костюмах для враждебной окружающей среды кадианцы оказались слишком маленькими для кресел "Громого ястреба" и чтобы во время полёта их не разбросало по отсеку экипажа, им пришлось держаться за тяжёлые переборки, поддерживающие стойки и свисавшие ремни безопасности. Сильное нейтронное излучение "Сперанцы" вызывало тряску, и у Хокинса задрожали зубы, когда очередная неконтролируемая гравитационная волна врезалась в борт.

Потоки гравиметрических полей, окружавшие ковчег, делали невозможной прямую стыковку с манифольдной станцией Валетте, и поэтому они путешествовали сквозь турбулентность на "Барисане" вместе с космическими десантниками Кул Гилада, архимагосом Котовым и преторианским отделением из пяти скитариев. Хотя для офицеров кадианцев было обычным делом сражаться в передних рядах, Хокинса удивило, что подобная командная этика оказалась не чужда Механикус.

Что-то лязгнуло вдоль борта "Громого ястреба" и Хокинс инстинктивно пригнулся, словно ожидая, что потолок отогнётся, как крышка консервной банки.

— Всё в порядке, капитан? — спросил Рей, который, казалось, искренне наслаждался происходящим.

— Чёрт, ненавижу воздушное десантирование, — ответил он. — Пусть элизианцы занимаются подобными глупостями. Лучше уж трястись в "Химере".

— Да, сэр. Я напому вам об этом в следующий раз, когда мы попадём под вражеский огонь в "Копье Зуры". По мне лучше держаться подальше от опасности.

— Согласен, — сказал Хокинс, посмотрев на поцарапанный дисплей в передней части отсека. Потрескивающий экран передавал поступающие в кабину пикты и Хокинс увидел блестящую, покрытую льдом округлую форму приближавшейся манифольдной станции, множество выступавших металлических лонжеронов, простиравшихся, в том числе, и за пределы поля зрения пикта. Пилот заложил вираж, уклоняясь от особенно большого куска опалённого металла, и Хокинс крепче вцепился в подпорку. Звёздный свет вспыхнул на поверхности обломка и капитан заметил какой-то нарисованный символ, ухмыляющуюся

пасть с двумя огромными клыками, но металлический лист был уже далеко, прежде чем он смог понять, что это такое.

— Это...? — произнёс Рей.

— Думаю, да, — согласился Хокинс.

Массивный корпус манифольдной станции скользнул в сторону, и пилот сбросил скорость.

— Начинаем, — сказал Хокинс, когда сквозь фюзеляж донёсся скрежет металла о металл, это автоматический стыковочный захват пытался выровняться с бортом "Барисана". Обстановка внутри десантно-штурмового корабля мгновенно изменилась. Секунду назад космические десантники сидели неподвижными статуями, а вот они уже на ногах и готовы к развёртыванию. Хокинс даже не заметил, как это произошло. Их броня была большой и громоздкой, и впечатление только усиливалось в полностью загруженном "Громовом ястребе". Доспехи тихо гудели, и капитан почувствовал слабый запах озона и притирочного порошка.

Один из космических десантников посмотрел на него, гигантский воин с резным белым лавровым венком на шлеме. Хокинс быстро отдал честь. Храмовник помедлил, а затем коротко кивнул.

— Сражайся достойно, гвардеец, — сказал воин, неумело попытавшись поддержать дух товарищества.

— Только так и сражаются кадианцы, — ответил капитан, и в этот момент лампа над боковым люком "Громового ястреба" замигала предупреждающим оранжевым светом. — Стойте, вы ожидаете, что придётся сражаться?

— Чемпион Императора всегда ожидает, что придётся сражаться, — сказал Храмовник, ослабив ремни огромного меча на плече.

Шипящие струи выравнивающих давление газов вырвались из замков, и Хокинс почувствовал, как заложило уши, а раненое плечо заныло от металлических штифтов. Бронированная панель скользнула в сторону, представив его взору соединительный шлюз со стальным полом и ребристый пластфлексный коридор. В конце виднелась обледеневшая дверь, с которой капала вода, в последний раз пребывавшая в жидком состоянии миллионы лет назад. Астартес направились к ней, следуя друг за другом, хотя шлюз был достаточно широк, чтобы они шли по трое в ряд. Они двигались короткими экономными шагами, болтеры свободно покоились на бёдрах.

Хокинс махнул рукой влево и вправо и прыгнул в шлюз, ощутив, как под ногами опасно закачался пол. Когда по нему шли космические десантники, он казался совершенно устойчивым. Крепко прижимая к плечу лазган, Хокинс двигался по коридору с отделением солдат, широко растянувшихся позади него по всему переходу.

Он приближался к двери, ощущая холод голой чёрной структуры манифольдной станции. Металлоконструкции были неровными, тут и там капитан замечал мелкие повреждения и струйки сжатого воздуха. Вход на станцию перекрывал широкий тамбур, а экранированный кожух скрывал большую клавиатуру и ряды входных портов. Кул Гилад собрался выбить дверь, но Котов предпочёл воспользоваться не столь силовыми методами.

Архимагос быстро миновал коридор, красная мантия неровно развивалась за его спиной. Тело автомата напоминало прекрасную скульптуру в тёмно-красном, словно ожившую статую из темплума, а стальная рука сжимала рукоять покоившегося в ножнах меча. За мерцающим энергетическим полем мягкие черты лица Котова выглядели дряблыми

и обвисшими, как у старого генерала, который провёл слишком много времени вдали от фронта. И всё же его глаза оставались невинными, как у Белого щита во время перестрелки.

— Вы можете открыть двери? — спросил Кул Гилад.

— Могу, — ответил архимагос, протянув гладкую чёрную руку и коснувшись холодного металла. Незащищённая кожа должна была бы отвалиться от плоти, но Котов вздохнул от удовольствия, словно касался гладких изгибов любимой. Потянулись долгие секунды, и рядом с дверью скользнула вверх встроенная приборная панель. Астартес мгновенно вскинули болтеры, и Хокинс с радостью отметил, что его люди не сильно отстали от Храмовников.

— Перед вами манифольдная станция Валетте — суверенная собственность Адептус Механикус, — произнёс искусственно модулированный голос. — Предъявите действующие учётные удостоверения или отступите и ждите осуждения.

Изображение на пикт-экране было ужасного качества и подёрнуто статическими помехами, но это не помешало без труда различить техножреца в капюшоне с квартетом светящейся серебряной оптики.

— Это — живой человек? — спросил Хокинс, его палец напрягся на спуске лазгана.

— Был когда-то, — ответил Котов. — Запись сделана давным-давно. Автоматический ответ на несанкционированную попытку входа.

— Значит, на станции теперь знают о нас? — спросил Кул Гилад.

За глазами Котова замерцал свет. — Нет, это просто система периметра, не центральная инфомашина. Схемы станции указывают, что её основными административными функциями управлял эвристический био-органический кибернетический интеллект.

— Разумная машина? — уточнил Кул Гилад.

— Разумеется, нет, — сказал Котов, возмущённый предположением. — Просто думающая машина, ситуативные функции которой увеличили добавив взаимосвязанную кору головного мозга к её нейроматрице.

— Частью чего она является? — спросил Хокинс.

— Как ваша рука — является частью вас, капитан Хокинс, но она не вы. И она не знает ничего больше целого, частью которого она является. На самом деле такие машины редкость теперь, от их использования отказались много веков назад.

— Почему? — не унимался Хокинс.

— У искусственной нейроматрицы машины часто развивалось нежелание отключать связанную кору или уменьшать свои способности. Техножрецов не могли отсоединить, не причинив им непоправимые умственные повреждения. А если их оставляли подключёнными слишком долго, то целостная машинная сущность способствовала развитию отклоняющихся психологических моделей поведения.

— Вы хотите сказать, что они сходили с ума?

— Простое выражение, но по сути верное.

— Полагаю, что подобную информацию стоило бы включить в инструктаж миссии, — заметил Хокинс.

Котов покачал головой. — В этом нет необходимости. Шестьсот пятьдесят шесть лет назад генерал-фабрикатор издал указ, постановив отключить соединительные способности у всех подобных машин. Сейчас разрешены только самые базовые автономные функции.

— Итак, если мы откроем эту дверь, то разбудим станцию? — спросил реклюзиарх.

— Скорее это зависит от того, как мы откроем её, — ответил Котов, опустившись на

колени рядом с консолью и отодвинув в сторону защитный экран. Из кончиков его пальцев показалось множество проводков, скользнув в разъёмы около клавиатуры. Хокинс наблюдал за работой архимагоса, пальцы свободной руки Котова танцевали над клавиатурой, слишком быстро, чтобы проследить, пока он вводил сотни цифр в непрерывно растущей последовательности.

— Похоже, центральная инфомашина всё ещё бездействует, — произнёс он. — Так и останется, пока мы прямо не вмешаемся в системы манифольдной станции.

— Вы можете, провести нас или нет? — спросил сержант Танна, направляясь к двери.

Котов вытащил цифровые дендриты и отступил с довольной улыбкой.

— Добро пожаловать, архимагос Лексель Котов, — произнесло подёрнутое статикой изображение техножреца с серебряными глазами.

Раздался гулкий лязг расцеплявшихся тяжёлых магнитных замков, и дверь скользнула вверх. Свисавшие с её нижней части молитвенные перфокарты развевались из-за изменения давления, что недвусмысленно свидетельствовало о наличии на станции атмосферы. Воздух оказался спёртым и тяжёлым, но пригодным для дыхания.

Первым вошёл реклюзиарх, из-за огромной неуклюжей терминаторской брони ему пришлось повернуться. За ним последовали Танна и остальные Храмовники, затем Котов и его свита улучшенных для боя воинов. Хокинс шагнул на станцию, чувствуя холодную дрожь вдоль позвоночника, лязгая ботинками по металлическому решётчатому полу.

Шлюзовой тамбур оказался сводчатым вестибюлем с голыми металлическими стенами, тусклыми витражными молитвенными панелями и фигурами в капюшонах в глубоких нишах. С железных статуй техножрецов свисали сосульки. Люминесцентная полоса на потолке вспыхнула и изо всех сил попыталась зажечься, но результат ограничился только слабым мерцанием. Включился новый пикт-экран и их снова приветствовал знакомый голос записанного техножреца.

— Добро пожаловать на борт манифольдной станции Валетте, архимагос Котов. Чем мы можем помочь вам сегодня?

— Откуда он узнал ваше имя? — поинтересовался Хокинс.

— Я излучаю данные, как вы излучаете тепло. Даже такая простая система способна считать информацию обо мне через мои цифровые дендриты.

— Добро пожаловать на борт манифольдной станции Валетте, архимагос Котов, — повторил техножрец. — Чем мы можем помочь вам сегодня?

— Мне не требуется ваша помощь.

— Вопросительно: вам требуется, чтобы мы пробудили более высокие функции центральной инфомшины для решения цели, ради которой вы прибыли сюда?

Кул Гилад покачал головой и приложил палец к безгубому рту шлема-черепа.

— Нет, — произнёс Котов. — В этом нет необходимости.

— Как вам угодно, архимагос, — согласилось потрескивающее изображение техножреца, прежде чем исчезнуть в статическом фоне.

Скитарии включили фонари на шлемах. Резкие лучи света отбрасывали чётко очерченные тени на стены, ставшие скользкими от тающего льда.

— Никто не был здесь уже очень давно, — сказал Рей.

— Восемьдесят лет, если быть точным, лейтенант Рей, — ответил Котов, направляясь к следующей двери в сопровождении Чёрных Храмовников. Хокинс чувствовал, что за окружающей пустотой скрывалось что-то большее, чем просто отсутствие посетителей,

станция выглядела заброшенной, как что-то сломанное и выкинутое, обречённое на медленный упадок. Капли воды упали ему на шлем и скользнули по лицу. Он вытер их, и увидел на руке следы чёрного масла.

Он смахнул его и произнёс. — Хорошо, не спускайте глаз с тыла. Я хочу быть уверенным, что маршрут эвакуации не перережут, если нам придётся быстро убираться отсюда. Я возьму отделение "Кредо", ты, Рей, берёшь "Кокон". Следите за углами, не спускайте глаз с тыла и будьте начеку. Мне не нравится это место и у меня такое чувство, что и мы ему не нравимся.

Хокинс повернулся и направился за прыгающим светом фонарей скитариев.

Судя по схемам манифольдной станции, её построили вокруг центрального узла, предназначенного для производства энергии, с главным коридором доступа, который шёл вдоль периметра комплекса. От него ответвлялись многочисленные лаборатории, библиотеки и жилые помещения, а верхние и нижние уровни использовались для частных исследований, астропатических залов и ремонтных мастерских. Шлюзовой тамбур, сквозь который они прошли, располагался в вытянутой центральной секции, и сводчатый проход вывел их в главный коридор станции.

Он представлял собой проход в шесть метров шириной, с арочным потолком и стенами из чёрного железа, которые украшали отштампованные цифровые коды и изображения шестерёнки с черепом. Коридор изгибался влево и вправо во мрак. Люди Хокинса двигались вдоль стен, держа оружие наготове и внимательно осматриваясь. Единственными источниками света оставались фонари скитариев и мигающие люминесцентные сферы, свисавшие на тонких кабелях. Лампы медленно покачивались в недавно возмущённом воздухе и звуки перемещавшегося вдали металла отражались подобно приглушённым стонам.

На стене включился сломанный пикт-экран. Изображение техножреца с серебряными глазами подпрыгнуло и резко произнесло сквозь статику.

— Магос Котов, мы можем помочь вам в путешествии по манифольдной станции Валетте?

— Вы можете заткнуть эту чёртову штуку? — спросил Кул Гилад. — Не хотелось бы привлекать излишнее внимание систем станции, пока мы не знаем с чем имеем дело.

Котов кивнул и нагнулся, чтобы открыть пульт технического обслуживания под пикт-экраном. Цифровые дендриты устремились к множеству мигающих огней, проводков и медных разъёмов.

— Магос Котов, мы можем помочь вам в путешествии по манифольдной станции Валетте? — повторил голос.

— Нет, и вы не должны больше предлагать помощь, пока я сам не попрошу о ней, — ответил Котов, закрыв эксплуатационный люк. Пикт-экран потемнел и Хокинс с радостью увидел, как он выключился. Каждый раз, когда экран оживал, у него появлялось чувство, что станция наблюдала за ними.

— Сюда, — произнёс Котов, показав налево. — Через сто метров должны располагаться межэтажные лестницы, по которым мы сможем подняться на верхние уровни и палубу управления.

Кул Гилад кивнул и шагнул вперёд, чемпион Императора шёл слева от него, а сержант Танна справа. Оставив людей Рея охранять коридор шлюзового тамбура, Хокинс повёл своё отделение за космическими десантниками, выискивая малейшие признаки чего-то

неправильного. Жёсткий воздух станции словно вытягивал тепло из костей даже сквозь утеплённый костюм. Тени двигались как-то странно, и свет резко отражался от подёрнутых морозом стенных панелей. Хокинсу не нравилось это место, и инстинкты кадианца подсказывали ему, что здесь что-то очень неправильно.

Он бросил взгляд на выключенный пикт-экран с треснувшим от мощного удара стеклом.

Экран вспыхнул, включившись, и Хокинс едва не закричал от неожиданности, и прицелился из лазгана благодаря сработавшим отточенным в боях рефлексам. Он сумел не нажать на спуск и резко выдохнул, когда адреналин хлынул в кровь.

На него молча смотрел техножрец с серебряными глазами.

Рядом с Хокинсом появился Котов, опустившись на колени перед технической панелью экрана.

— Что вы сделали? — резко спросил архимагос.

— Ничего. Изображение появилось само по себе.

— Оно сказало что-нибудь?

Кадианец покачал головой, и Котов снова выключил пикт-экран. В наступившей тишине капитан слышал скрип металла, разлетевшийся по коридору. Не успел звук превратиться в эхо, как семь болтеров космических десантников мгновенно прицелились во тьму.

— Выключите свет! — приказал Кул Гилад, и секунду спустя фонари скитариев потухли.

— Оборонительная тактика, — приказал Хокинс, вскидывая лазган и опускаясь на колено. — Отделение "Кредо", смотреть вперёд, гвардеец Манос прикрывает нас с тыла.

Звуки раздались снова, глухая металлическая поступь и скрип металла о металл. Хокинс опустил визор шлема, и коридор перед ним внезапно затянуло дымкой изумрудного света, а на изогнутой стене появилась яркая прицельная сетка лазгана. На палубу упала призрачная тень. Что-то приближалось из глубин станции. Он положил палец на спусковой крючок, и в этот момент в арочном коридоре медленно появилась фигура.

Незнакомец оказался широкоплечим и двигался, пошатываясь, с протестующим стоном сервоприводов. Его дыхание было пенистым и тяжёлым, как у уставшего выючного животного. Хокинс выдохнул, когда понял, что перед ним аугметированный сервитор, волочивший искалеченную ногу. Бьющая искрами рука качалась в повторяющемся круговом движении. Капитан ослабил палец на спусковом крючке.

— Это просто сервитор, — произнёс Котов. — Отзовите своих людей, реклюзиарх.

Оружие космических десантников не дрогнуло ни на миллиметр, а Хокинс не собирался опускать лазган раньше их. Он продолжил удерживать сетку прицела на черепе сервитора, толстом куске плоти и кости, который казалось вырос из плеч без шеи. Было сложно различить детали сквозь размытое ночное видение визора, но, похоже, с пропорциями черепа сервитора что-то было совсем неправильно.

— Прикончи его, Танна, — велел Кул Гилад.

— Нет! — закричал Котов, но воспламенённый болт заполнил коридор шумом, и выстрел Танны начисто снёс верхушку черепа сервитора, оставив только хлюпающую заполненную кровью чашу измельчённого мозгового вещества. Кибернетика сделала ещё с полдюжины шагов, прежде чем замедленная физиология, наконец, признала, что мертва и рухнула на палубу. Искрящая нога дёргалась в спазмах, всё ещё пытаясь толкать тело вперёд, а непропорциональная рука шипела и скрипела, стараясь продолжать движения, которые она

совершала, пока хозяин находился в вертикальном положении.

Котов и скитарии бросились по коридору к поверженному сервитору.

— Не приближайтесь, архимагос, — предупредил Кул Гилад.

— Ваш сержант убил его, реклюзиарх, — раздражённо ответил Котов. — Сервиторы физически устойчивы и не чувствуют боли, но даже они едва ли представляют угрозу без головы.

— Это — не сервитор.

Хокинс махнул двум своим людям следовать за ним, и направился за Чёрными Храмовниками, которые сопровождали архимагоса Котова к сервитору.

— Кости Омниссии, — прошептал Котов, сотворив покаянный символ Шестерёнки Механикус. — Что здесь произошло?

Сначала Хокинс не понял причину столь болезненной реакции архимагоса, но затем увидел обрывки кожи, свободно свисавшие с остатков черепа сервитора. Кул Гилад опустился на колени возле существа и схватил широкую полоску податливой, словно воск кожи. Он отвернул её, обнажая мышцы, сухожилия и органическую ткань, они выглядели точно так, как и ожидалось.

Но глаза Хокинса расширились, когда он, наконец, рассмотрел физиогномику существа: выступающую нижнюю челюсть и торчащие клыки, приплюснутую свиноподобную морду. Ему пришлось справиться с глубоко укоренившимся желанием достать пистолет и всадить существу пару болтов в грудь, чтобы убедиться, что оно мертво.

Сервитор оказался орком.

С ксеноса содрали зелёную шкуру и облачили в сшитую человеческую кожу, но, несмотря на это, всё ещё можно было узнать зелёнокожего мародёра.

Котов встал на колени рядом с орком и положил руку на механические части. Множество извивавшихся проводков вылезли из его рук и подсоединились к аугметическим конечностям.

— Бог Всех Машин, во имя Создателя, Отпрыска и Движущей Силы избавь этих духов от богохульства, в которое они впали. Освободи их, дабы омыл их золотой свет Твоей благодати и восстанови их в Своей всезнающей мудрости, дабы вернуть их нам. В милости Твоей, да будет так.

— Что это? — прорычал Танна. — Вы жалеете эту тварь?

— Я жалею машины, пересаженные в плоть этого нечестивого монстра, — объяснил Котов, повернулся и кивнул одному из скитариев, который вытащил комплект режущих инструментов из рюкзака и наклонился, приступив к отвратительной работе по удалению машинных частей из тела орка.

— Что-то мне подсказывает, что это ненормально — делать сервиторов из зелёнокожих, — произнёс Хокинс, наблюдая, как скитарий зажёг экранированный плазменный резак и начал счищать плоть вокруг аугметики. Грибковая вонь сгнившего растительного вещества и опалённой кожи заполнила коридор. Хокинс поперхнулся, несмотря на фильтр респиратора.

— Что здесь происходит, архимагос? — потребовал разъяснений Кул Гилад.

— Поверьте мне, реклюзиарх, я тоже хотел бы это знать, — сказал Котов. — Кошунство пересаживать благословенные машины не принадлежащим к роду человеческому дикарям.

Хокинс услышал далёкий грохот, что-то мощное проснулось в глубинах станции. Вдоль изогнутых стен замерцал свет, а из-под металлических решёток палубы начал нарастать гул

запущенного оборудования.

— Думаю, станция пробуждается, — заметил он.

— Уничтожение этого существа предупредило системное ядро о нашем присутствии, — согласился Котов. — Нам следует поспешить на центральный командный пост. Станция теперь может воспринимать нас, как нападавших.

За их спинами, словно ударивший в ворота таран, рухнула бронированная противовзрывная переборка, отрезав путь к шлюзовому тамбуру. Одновременные монотонные глухие звуки упавшего металла сказали Хокинсу, что немало подобных переборок наглухо перекрыли все отсеки станции друг от друга. Тут же в его ухе раздались визжащие вопли статических помех, и он выдернул вокс-бусинку, ворча от боли.

— Вокс вырубили! — крикнул он.

— Приготовиться к бою, — велел Кул Гилад. — Котов, откройте эту переборку. Меня не отрежут от "Барисана".

Котов покачал головой. — Основные системы пробуждаются, реклюзиарх. Только высокопоставленный магос обладает полномочиями обойти встроенную систему противовзрывных дверей.

— Вы — архимагос Адептус Механикус, — прорычал Кул Гилад, толкая Котова к переборке. — Докажите свои полномочия и откройте эту дверь.

Не успел Котов сделать и шага, как включилась очередная пара затенённых пикт-экранов, и на каждом появилось изображение техножреца с серебряной оптикой. Раздался резкий поток гневного бинарного кода, зеркальные отражения техножреца осмотрели коридор, и светящийся свет оптики сфокусировался.

— Вы напали на наших слуг, — произнёс техножрец, разочарованно качая головой. — Мы не можем допустить подобное, пока нуждаемся в них.

— Это не запись, так? — спросил Хокинс.

— Так, — ответил Котов. — Не могу поверить в это.

На нижних палубах тепловой генератор раскручивался всё быстрее в ультрабыстром пусковом цикле, используя серию взаимосвязанных машин вдоль внутренней окружности станции. Каждая из этих машин была разработана на основе технологий, созданных для максимально быстрого запуска плазменных реакторов титанов на полную мощность. Почти полный СШК, обнаруженный магосом Флогистоном меньше пятисот лет назад, описывал конструкцию таких "пусковых систем", но в недостающих фрагментах содержалась информация, не позволявшая подобным устройствам ввести реакторы в неконтролируемую критическую массу за несколько секунд. Поэтому чертежи поместили в архив, а не направили в производство.

Пусковые системы Валетте обладали всеми признаками найденного Флогистоном СШК, но были оснащены комплексом стабилизаторов, изготовленных по схемам, которые ни один аналитик не найдёт ни в одном информационном банке мира-кузни или даже в самой большой и всеобъемлющей базе данных горы Олимп. Только один сын Марса обладал разумом для создания таких устройств, и он уничтожил все следы своих разработок, прежде чем покинул пределы галактики.

Спустя девяносто секунд после выстрела Танны энергосистемы манифольдной станции Валетте работали на полную мощь. Неистовый поток накопленного жара пронёсся по верхним и нижним палубам почти полностью избежав тепловых потерь благодаря множеству ультра-изолированных труб, которые пронизывали стены, потолки и пол подобно

венам.

В сводчатых залах, где неукомплектованный экипаж техножрецов Адептус Механикус и сервиторов некогда трудился на службе Богу Машине, энергия потекла к совсем другим целям. В каждой лаборатории, библиотеке или мастерской внутри трёхсот заполненных жидкостью крио-контейнеров возросла температура, и их обитатели пробудились от глубокого сна. Контролируемый ток прошёл по аугметированным синапсам, тёплая суперэффективная кровь потекла по напрягшимся венам, стимулируя стратифицируемые слои глубокой мышечной ткани.

Волны холодного воздуха поднялись над трёмястами саркофагами, когда откачали ледяную жидкость, а на верхних ярусах запустили вентиляцию и из неё хлынули струи морозных кристаллов. Стеклопанные двери открылись и капающие фигуры, окутанные паутиной медных кабелей и пластмассовых трубок, впервые за пятьдесят лет самостоятельно вздохнули.

В каждом реанимационном отсеке включился пикт-экран, и возникло изображение техножреца с серебряными глазами.

— Появились новые незванные гости, — произнёс он голосом, который оказался чудовищной смесью машинных модуляций и перекрывающих друг друга звуков плоти.

— Приказы? — проворчал один из пробуждённых спящих, череп которого заключили в синаптические усилители, а нервные пути хирургически изменили, чтобы предоставить некоторую автономность.

— Убейте воинов, — велел техножрец. — Механикус доставьте живыми.

Хокинс чувствовал глухие удары сердца сквозь тяжёлый приклад лазгана. Несмотря на холод на лбу выступили капельки пота, и он боролся с желанием поднять визор и вытереть их. Коридор теперь заливал яркий свет, прогнав тени, но странно, что от этого капитану ничуть не стало лучше. Станция продолжала пробуждаться с каждой секундой, но оплетённые проволокой лампы мигали, не останавливаясь, словно предвещая приближение неизбежной катастрофы. Бормочущие потоки бинарного кода изливались из подпотолочных спикеров, но что они передавали, оставалось для него тайной. Вокс всё также не работал и он не мог связаться с отделением Рея или со "Сперанцей".

Капитан и его люди укрылись за металлической подпоркой, нацелив лазганы дальше по коридору, каждый гвардеец был готов заполнить свой сектор огня смертельными меткими выстрелами. Чёрные Храмовники даже не шелохнулись после первых признаков пробуждения станции, они стояли, словно неподвижные статуи с оружием примагниченным к бёдрам.

Котов работал за консолью рядом с противовзрывной дверью, но черед бинарных проклятий и всплески искр сказали Хокинсу, что архимагос мало в чём преуспел. Сражаться когда за твоей спиной что-то прочное — просто прекрасно, но совсем другое дело, когда оно же отрезает тебя от подкрепления и единственного выхода.

Хокинс выскользнул из укрытия и поравнялся с Кул Гиладом.

— Нам нельзя оставаться здесь, — произнёс он.

— Это — хорошая позиция, — возразил реклюзиарх. — Враги не смогут обойти нас с флангов.

— Вы уверены? Котов не может открыть эту дверь, зато тот чёртов магос с серебряными глазами наверняка может. Если бой пойдёт не по плану, то без пути отступления мы всё равно, что покойники.

— Признать поражение — богохульство против Императора.

— Неужели? Просто я помню, как вы говорили, что-то о поражении, которое всегда возможно, и что признание этого делает вас великим воином.

— Речь шла о том, что это заставляет храбро сражаться.

— Ладно, неважно насколько мы храбры, но наша позиция напоминает последний рубеж, а именно этого офицеры Кадии предпочитают избегать изо всех сил. Я знаю, вы космические десантники любите славу и героизм, но я всё-таки предпочёл бы пережить следующий час.

Кул Гилад повернулся к нему, и красные глазные линзы шлема сурово уставились на капитана. На миг Хокинс подумал, что реклюзиарх ударит его за дерзость, но момент прошёл, и гигантский Храмовник медленно кивнул шлемом-черепом.

— Ты прав, — сказал Кул Гилад. — Мы примем бой.

— Всё время двигаться вперёд — вот лучший путь кадианцев.

Облачённый в терминаторскую броню реклюзиарх повернулся к Котову и произнёс. — Архимагос, забудьте о переборке, мы направляемся к центральной командной палубе, как вы и предлагали. Чтобы там ни было мы встретимся с ним на наших условиях.

Котов кивнул и вытащил цифровые дендриты из дверной панели.

— В любом случае она не открывается, — с отвращением ответил он. — Я обладаю статусом и протокол на моей стороне, но машины не внимают мне. Их поработила какая-то нечеловеческая воля, и они отклоняют все символы моего высокого ранга.

— Неважно, — сказал Кул Гилад. — Время тонкостей прошло.

— И это хорошо, — согласился Хокинс. — Тонкости не моя сильная сторона.

МИКРОКОНТЕНТ 16

С Чёрными Храмовниками в центре и кадианцами и скитариями на флангах абордажная команда быстро двигалась по коридору и спустя всего несколько минут мудрость подобного решения стала очевидной. Сопrotивлявшаяся архимагосу Котову противовзрывная дверь с грохотом ушла в потолок.

Показалась группа мускулистых сервиторов, созданных тем же отвратительным способом, что и убитый Танной. Это явно были орки, но с человеческой кожей на громадных тушах. Они производили одновременно тошнотворное и ужасающее впечатление. Как и уродливые огрины орки-сервиторы владели разнообразной коллекцией активированных клинков, потрескивающих жезлов и тяжёлых булав. К большому сожалению Хокинса двигались они не как сервиторы, а неумолимой обезьяньей походкой своих диких сородичей.

— Быстрее, — приказал Кул Гилад. — Мы должны добраться до верхних уровней. Архимагос, сколько осталось до лестниц на командные палубы?

— Пятьдесят два метра. Сюда!

Как один Чёрные Храмовники развернулись и, продолжая двигаться спиной вперёд, открыли шквальный огонь. Масс-реактивные снаряды едва успевали взвестись, прежде чем детонировать внутри прочных тел сервиторов. Взрывы мяса и костей пронеслись по всему переднему ряду врагов, но зияющие раны, которые превратили бы тело смертного в обломки костей и выпаренную кровь, только пошатнули мощную физиологию зелёнокожих. Несколько упало, но остальные продолжили наступление, не обращая внимания на потери. Устойчивость орков к повреждениям и невосприимчивость сервиторов к боли объединились, и этих врагов почти невозможно было остановить, не разорвав на части. Кадианцы и скитарии также открыли огонь, но именно на масс-реактивные болты приходилась большая часть убийств.

Пятясь, чтобы занять лучшую позицию, Хокинс выпустил очередь из трёх выстрелов в ближайшего врага, жестокого монстра с покрытым металлом черепом и отвратительными зигзагообразными хирургическими швами на жирной морде. Все выстрелы попали в цель, прожигая отверстия в теле без всякого эффекта. Очередной оглушительный рёв болтерного огня обрушился на сервиторов, оторвав немало рук и ног. Хокинс переместил прицел, перевёл дух и дважды нажал на спуск.

Первый выстрел пробил переносицу орка, второй испарил глазное яблоко и прошёл сквозь череп в мозг. Органическое вещество, заставлявшее зелёнокожего двигаться, превратилось в сгоревший внутри черепа кусок мяса, мозговые функции выключились, и кибернетическая мерзость рухнула, не издав ни звука.

— Так и лежи! — крикнул Хокинс, целясь в следующего сервитора с огромными

кусачками для резки, способными с одинаковой лёгкостью перекусить ногу или шею. Взрывы болтерного огня отбросили его цель, поэтому выстрелы капитана только выжгли куски плоти на голове орка и заставили свободно повиснуть челюсть.

Враги оказались опасно близко, ещё немного и они пустят в ход свои смертельные инструменты.

— Назад, — сказал Хокинс, но в этот момент раздался оглушительный грохот электрического разряда, и стремительное переплетение раскалённого добела огня хлестнуло по стенам коридора. Волна воздуха швырнула Хокинса на пол. Он перекатился и увидел, как сервитор с имплантированным статическим разрядником снова выстрелил из своего необычного оружия. Два скитария закричали, когда тысячи вольт заживо сожгли их в броне.

Хлесткая синяя молния зигзагами заметалась по коридору, устремившись по дуге к одному из космических десантников. Воин упал на колени и забился в конвульсиях, его нервную систему поразили спазмы, а кожа сплавилась с внутренней поверхностью доспеха. Мощные энергии извивались, подобно рассерженной змее, поймав двух гвардейцев и разорвав во взрыве кипящей плоти и обгоревших органов.

— Нет! — закричал Хокинс, встав в полный рост и целясь в безвольное лицо сервитора.

Град болтов обрушился на орка и оторвал руку с оружием в шквале машинных частей и костей. Второй взрыв снёс голову, а третий выпотрошил от груди до паха. Кул Гилад приостановил непоколебимое отступление и направился к сервиторам, его штормовой болтер выплёвывал один разрывной заряд за другим. Терминаторская броня предавала ему мощи, и он крушил врагов, как шар для сноса зданий. Огромный силовой кулак реклюзиарха устремлялся в цель и там, где он наносил удар, орки превращались в мякоть, напоминая заполненные кровью мешки, или в безжизненные сломанные и переломанные трупы.

Чёрные Храмовники сражались рядом со своим предводителем, воодушевляющая резня Кул Гилада подстёгивала их агрессию и умение. Цепные мечи вспарывали облачённых в человеческую кожу орков, а болт-пистолеты разрывали обнажённые органы и кости. Чемпион Императора шагал по трупам сервиторов каждым ударом чудовищного чёрного меча рассекая орочью плоть. Ему наперерез направился кибернетик с ревущей пилой, но чемпион поднырнул под оружие и вскинул клинок, отрубив сервитору руки в локтях. Возвратным движением Храмовник расколол врагу череп, и, продолжив вращать меч, разрубил ноги орку с лязгающим электрическим кабельным резаком.

— Реклюзиарх! — закричал Котов. — Сзади!

Хокинс повернулся и увидел ещё больше сервиторов, показавшихся в коридоре, два десятка, по крайней мере. Как и те, с которыми сражались Кул Гилад и Чёрные Храмовники, они представляли собой отвратительную комбинацию человеческой кожи и орочьей физиологии, помноженной на технологии Механикус. Что ещё хуже эти несли что-то похожее на настоящее оружие. Механические удары эхом разнеслись за их спинами, когда один из наступавших привёл в действие имплантированный клепальный молот. Хокинс увернулся, и лязгающая очередь горячих болтов врезалась в стену рядом с ним, одни отрикошетили дальше по коридору, другие засели в обшивке, шипя раскалённым металлом.

В десяти метрах перед сервиторами капитан увидел вход на лестничный пролёт, круглую диафрагмированную дверь в шестерёнке, которая, по-видимому, не закрылась из-за ржавых подшипников. Сверху изливался немигающий свет люминесцентных сфер, и ни одна из дверей никогда не выглядела столь привлекательной.

— Каданцы, огневой рубеж! — крикнул он, повернулся и побежал в центр коридора у

выхода на верхние уровни. Оставшиеся гвардейцы последовали его примеру, и опустились на одно колено, когда он прижал ладан к плечу. — В этот раз снимаем по одному, парни. Начинаем со здорового ублюдка с клепальным молотом! Огонь!

Коллимированные лазерные лучи вырвались из ладанов кадианцев и сервитор-орк рухнул на колени без половины взорванного черепа. Предсмертные судороги существа привели в действие его ремонтное оружие, вбив линию горячих заклёпок в настил палубы и разнеся вдребезги коленную чашечку ближайшего кибернетика. Над головами гвардейцев пронёсся колеблющийся залп из дробовика, лазерного карабина и хеллгана, Хокинс рискнул оглянуться, и увидел, что скитарии Котова открыли огонь из своего более эзотерического оружия. Сам архимагос стрелял из украшенного медью длинноствольного пистолета, посылая разряды иссушающей плазмы в наступающие орды.

— Хорошо, теперь орк с лазерным резаком, — спокойно приказал Хокинс, стараясь не показывать волнение.

Сервитор упал, несколько лазерных ожогов опалили его шею, и кровь брызнула на стены. Второй орк с ремонтной пушкой открыл огонь и один из кадианцев заворчал, когда болт выбил из его груди плоть и кости, оставив ровное цилиндрическое отверстие. Гвардеец резко обмяк, но Хокинс не решился прекратить огонь, чтобы посмотреть осталась ли надежда спасти несчастного.

— Мы не можем продолжать так! — крикнул он Котову. — Нужно подняться по лестнице.

Котов кивнул и повернулся к Чёрным Храмовникам, которые убивали отвратительную кибернетику. Несмотря на учинённую ими бойню воины Кул Гилада также понесли потери. Поражённый статическим разрядом космический десантник лежал неподвижно, а ещё один сражался только одной рукой, вторую начисто срезали механические ножницы. У остальных виднелись опалённые шрамы или окровавленные отверстия в доспехах, где энергетические лезвия, усиленные мощью орков, сумели рассечь керамику. Астартес сражались, неуклонно отступая, их оттесняли благодаря простому численному преимуществу и грубой силе.

В бою один на один орки-сервиторы не шли ни в какое сравнение с Чёрными Храмовниками, но космических десантников было шестеро против бесконечной волны.

— Кул Гилад! — крикнул Котов, его голос почти оглушал. — Мы должны уходить. Немедленно!

Реклюзиарх ничем не показал, что услышал архимагоса, но пробив кулаком грудь сервитора, он шагнул назад и его воины вместе с ним. Чемпион Императора последним вышел из боя, выиграв время для братьев сокрушительным взмахом меча.

— Поднимайтесь по лестнице, — велел Котов, повернувшись к Хокинсу. — Мы прикроем вас.

Капитан кивнул и побежал, пригибаясь, в сторону открытого круглого входа, стреляя на ходу от бедра. Четверо оставшихся кадианцев последовали за ним и миновали дверь в тот момент, когда Хокинс выпустил последнюю очередь лазерных разрядов, переключившись на автоматический огонь. Свалился ещё один сервитор, и энергетическая ячейка замигала, показывая, что полностью разряжена. Хокинс вбежал внутрь, укрылся за краем двери, выбил силовую обойму из казённого, и умело заменил её. К тому времени, как ячейка активировалась, его люди уже прикрывали огнём архимагоса.

Скитарии Котова вбежали в круглую дверь и направились вверх по лестнице, нацелив оружие на светящийся прямоугольник света наверху. Архимагос опустился на колени около

управляющей дверью панели и вставил цифровые дендриты во входные порты.

— Вы сможете закрыть её?! — крикнул Хокинс, перекрывая грохот болтов и шум лазерных разрядов.

— Очень на это надеюсь, — ответил Котов и приступил к работе.

Сверху раздавалось тихое бульканье жидкостей, а также тянуло холодным воздухом и запахами дезинфектантов, напомнив Хокинсу медицинский отсек, но это помещение, похоже, использовалось для более тёмной цели. Он высунулся в дверь и выстрелил в приближающихся врагов. Ему удалось сбить имплантированную дрель с плеча особенно устрашающего сервитора, но утрата оружия ничуть не замедлила кибернетика.

Кул Гилад и Храмовники организованно отступали, однорукий воин тащил павшего космического десантника, пока его братья, сохраняя строй, приближались к круглой двери. Первым вошёл раненый космический десантник, его сопровождал юноша, с которым сражался Дахан. Следующим был Танна, затем размахивающий мечом чемпион Императора. Наконец вошёл Кул Гилад, стихарь реклюзиарха затвердел от крови и масла убитых врагов. С силовой перчатки капала горячая кровь, и шлейф едкого топливного дыма поднимался из штурмового болтера.

— Быстрее! — крикнул Хокинс, наблюдая как неумолимая волна бесчисленных сервиторов приближалась к упрямо отказывавшимся закрываться дверям. Из панели били искры, а дендриты Котова изгибались и боролись с подчинённым духом-машиной замка.

— И возвысившиеся в глазах Марса должны возносить хвалу даже духу самой смиренной машины, — рявкнул Котов, сопроводив слова очередью сердитого кода. Запирающий механизм раздражённо зашипел, и острые листы металла начали сближаться.

В дверях возник кибернетический орк, схватил огромной рукой-зажимом Хокинса за бронежилет и потянул к себе. Кул Гилад сжал плечо кадианца, его хватка напоминала силовой подъёмник "Часового". Штурмовой болтер разрядился в лицо сервитора, а закрывавшаяся круговая дверь начисто срезала руку отшатнувшегося врага. Хокинс упал на нижнюю ступеньку, едва не оглохнув от грохота выпущенной в упор очереди. Быстро оправившись, он сорвал отрезанную руку с брони, испачкав ноги орочьей кровью.

— Спасибо, — произнёс он, перестав касаться двери, когда металл прогнулся от серии тяжёлых ударов. Наверху появились искры и пылающее пятно света — сервиторы пустили в ход режущие инструменты, дрели и тяжёлые механические молоты.

— После поблагодаришь, — ответил Кул Гилад. — Нельзя останавливаться.

Хокинс кивнул и направился вверх по лестнице за скитариями и Чёрными Храмовниками.

Помещение наверху и в самом деле оказалось медицинским отсеком, который создали путём простого сноса перегородок, разделявших палубу на множество мастерских и лабораторий. Яркие люминесцентные полосы заливали всё светом, и даже не слишком разбиравшийся в технологиях Хокинс мог сказать, что весь уровень отвели в распоряжение аугметики.

Пара десятков операционных столов располагались с геометрической точностью, и на них виднелась, по крайней мере, дюжина тел. Орки лежали на спине и оставались неподвижными благодаря адамантивым оковам и большим дозам снотворного. У изголовья каждого занятого стола размещались инфоэкраны, на которых мерцали биометрические показания: замедленное сердцебиение, пониженное кровяное давление и спящая мозговая деятельность.

Основную работу по аугментации зелёнокожих выполняли напоминавшие медных пауков шипящие машины, которые свисали с потолка на переплетении цепей, пневматических кабелей и булькающих питающих трубок. Щёлкающие и лязгающие механизмы с дрелями, скальпелями, пилами и лазерными прижигателями, нервосшивателями и костными выправителями работали, ампутируя конечности, удаляя лишние органы и иным образом подготавливая орков к пересадке нервных тканей и замене частей тела.

Предназначенные для зелёнокожих бионические конечности, внутренние органы и черепные кожухи перемещались в подвесных люльках, создавая впечатление сборочного конвейера по производству бронетехники на автоматизированном мануфактуруме. Свисавшие механизмы-пауки прикрепляли новые части с безжалостной машинной эффективностью, каждое подобное действие сопровождалось металлическим выбросом записанных бинарных песнопений и облачками ладана из встроенного распылителя.

Вдоль зала протянулись ряды заполненных непрозрачной молочной жидкостью чанов со зловонным предохраняющим раствором. В воздухе мелькали несколько хромированных сервочерепов, волоча длинные зажатые в зубах полоски пергамента. Три стены закрывали бледные шторы, свисавшие с высокого потолка, словно занавес на сцене Театрика Импералис. По ним что-то стекало, капая с бахромы в специальные резервуары и исчезая в неизвестном направлении. Было сложно определить их предназначение, и Хокинс повёл гвардейцев к ближайшей шторе, собираясь проверить, не укрылись ли за ней в засаде сервиторы.

— Преображать плоть ксеносов в сервиторов — кощунство, — прошептал Котов, осознав весь ужас работы преобразующих машин. — Только идеализированная человеческая форма может получить такое благословение. Мерзость... Ни один адепт Механикус никогда бы не посмел одобрить такую техно-ересь.

— Тогда кто это сделал? — спросил Кул Гилад.

— Что-то выродившееся взяло под контроль манифольдную станцию, реклюзиарх. Я не меньше вашего желаю знать, что это такое.

— Нет, — возразил Кул Гилад, направляя своих воинов вперёд. — Меня совсем не волнует, что это такое. Я только хочу убить его.

Чёрные Храмовники методично рассредоточились по помещению и гнилая растительная вонь орочьей крови заполнила медицинскую палубу, когда они убивали распростёртых зелёнокожих, рассекая цепными мечам глотки ксеносов. Инфозкраны над столами пронзительно зашумели, когда частично трансформированные орки умирали, и предупреждающие сигналы разнеслись по всему залу. Сервочерепа подлетели ближе и зависли над мёртвыми кибернетическими телами, выплёвывая потоки сердитого машинного языка и бормоча из аугмитеров, имплантированных в вырезанные лазером мозговые роднички.

Хокинс добрался до медленно покачивающейся шторы и потянул её в сторону. Она оказалась гладкой и эластичной, и даже сквозь жёсткую ткань перчаток капитан почувствовал ужасно знакомую текстуру.

— Трон Терры, — произнёс он, отступая от чудовищного занавеса и вытягивая шею, чтобы полностью осознать кошмарный масштаб увиденного. — Это — кожа... всё, это — человеческая кожа.

Котов прервал препирательства с Кул Гиладом, подошёл к колеблющейся шторе из

кожи, схватил и потёр металлическими пальцами.

— Искусственная синтетическая кожа, — сказал он. — Идеально подходит для пострадавших от ожогов или нуждающихся в пластических операциях. Обычно её не выращивают в таких объёмах, но качество превосходно.

Хокинс подавил невольную дрожь от мысли о свободно свисавших краях человеческой кожи. То, что она оказалась выращена, а не содрана с живых, не меняло факта, что её было вполне достаточно для более чем сотни кибернетиков. Почему кто-то решил содрать шкуру с орков и заменить её человеческой кожей, оставалось тайной, и Хокинс не был уверен, что хочет узнать ответ.

— Нужно выбираться отсюда, — произнёс он, чувствуя тошнотворный страх в животе. — Немедленно. Где выход? Здесь должен быть проход на командную палубу.

Котов кивнул. — Действительно должен.

— Что значит "действительно должен"? Он есть или нет?

— Судя по схемам станции, на этом уровне должны располагаться многочисленные разделительные перегородки и подъёмная платформа на верхнюю палубу, но как вы уже могли убедиться, планировка сильно изменилась.

— Получается, выхода нет?

— Я попытаюсь найти запасной путь наверх.

Хокинс глубоко вздохнул, услышав новые удары снизу, где армия сервиторов увеличила давление на дверь. Учитывая бесчисленные режущие инструменты и дробящее оружие в распоряжении отвратительных монстров, им не потребуется много времени, чтобы войти.

— Разве мы не можем телепортироваться на "Сперанцу"? — спросил он. — Вы же обладаете подобной технологией, не так ли?

— Если бы мы могли это сделать, разве вы не думаете, что я уже вернулся бы на "Сперанцу", капитан? То же самое вмешательство, что заблокировало вокс, сделало невозможным такой способ перемещения. А раз это невозможно, то я посоветовал бы вам присоединиться к Храмовникам, и помочь строить баррикады.

Хокинс кивнул, чувствуя стыд за то, что позволил отвращению к шторам из кожи оттеснить на второй план текущую тактическую обстановку. Он быстро направил гвардейцев помогать скитариям и Храмовникам передвигать тяжёлые каталки и шкафы с медицинским оборудованием, создавая несколько баррикад для обеспечения взаимосвязанных секторов обстрела. Ящики с запасами, стулья, столы и верстаки полетели вниз по лестнице, чтобы помешать сервиторам, а архимагос Котов тем временем пытался получить доступ к системам манифольдной станции и лучше разобраться в текущей ситуации.

Звучный лязг металла сообщил им о том, что дверь на медицинскую палубу выбита. Астартес встали наверху лестницы, нацелив болтеры вниз. Хокинс и кадианцы заняли позиции на баррикадах слева от двери, а скитарии справа. Если наступление сервиторов не удастся остановить, то Храмовники отступят к баррикаде в центре зала, заманив врага в смертельную зону продольного огня.

Хокинс занял позицию со своими гвардейцами: Оллертом, Стеннц, Пауланом и Маносом. Все они были хорошими солдатами и заслужили лучшей участи, чем эта.

— Когда эти ублюдки доберутся досюда, а они доберутся, обрушьте на них всё, что у вас есть, — сказал он.

Солдаты кивнули, и Хокинс положил лазерную винтовку на край перевёрнутого верстака. Кул Гилад возвышался над лестницей, почти заполняя всё пространство, с каждой

открытой стороны от реклюзиарха расположились два Храмовника, один опустился на колено, другой стоял в полный рост. Хокинс слышал, как шумели сервиторы, прорывавшиеся сквозь мебель и обломки, сброшенные защитниками вниз, и знал, что скоро взглянет в глаза смерти.

Инфоэкраны над операционными столами с орками замерцали и переключились с демонстрации ноющих прямых линий трупов на отвратительного техножреца с блестящей серебристой оптикой.

— Вы все умрёте здесь, — произнесла дюжина изображений техножреца. — Ваши тела соберут и используют для замены повреждённых вами.

— Я сейчас заткну этого ублюдка, — выругался Хокинс и прицелился из лазгана в ближайший экран.

Техножрец посмотрел в его сторону.

— Вам следует экономить боеприпасы, — посоветовал он. — Вам они пригодятся.

Первое убийство во второй волне атакующих принадлежало Кул Гиладу. Его штурмовой болтер оставил кратер на месте черепа первого сервитора, который появился на лестнице, отбросив врага вниз, заодно сбив ещё двух кибернетиков. Хокинс ощутил колоссальную мощь болтерного огня и почувствовал резкую вонь ракетного топлива, когда оружейный дым заполнил медицинскую палубу. Плотный огонь Храмовников заполнил лестничный пролёт разрушительной смертью, масс-реактивные болты взрывали черепа и распахивали грудные клетки с каждым выстрелом.

Хокинс понятия не имел, сколько сервиторов погибло, но Храмовникам потребовалось всего несколько минут, чтобы количество боеприпасов сократилось до такого уровня, когда приходится отступать. Без удерживавшего их в страхе непрерывного шквала орки-сервиторы легко пробились сквозь обломки и трупы, заполнившие лестницу.

Хокинс услышал их тяжёлую поступь и прижал приклад винтовки к плечу.

— Старайтесь стрелять в голову, — сказал он. — Цельтесь в глаза или пытайтесь уничтожить черепную аугметику. Экономьте каждый выстрел.

Четыре гвардейца кивнули и Хокинс сказал. — За Кадию и честь.

— Или Око убьёт нас.

Первый сервитор добрался до вершины лестницы, и на этот раз первое убийство досталось архимагосу Котову. Тонкий луч обжигающего сетчатку белого света вырвался из его пистолета, и орочья голова разлетелась в фонтане дымящейся крови. Сервитор повалился вперёд, кибернетические ноги ещё царапали пол, когда через него перешагнул следующий монстр. В бой вступили скитарии, обрушив на существо град энергетических лучей и бронебойных пуль. Изрешечённый труп рухнул возле первого сервитора.

Гвардейцы Хокинса открыли огонь по третьему кибернетику, который перелезал через тела. Выстрел Хокинса срезал нижнюю половину челюсти, а Манос съёс макушку черепа, попав в мясистый ушной канал. От отдачи Паулан промахнулся, а выстрел Оллерта попал сервитору сзади в шею. Кровь хлынула существу на грудь, но враг не останавливался. За ним показались ещё два, и кибернетик провёл шипящей горелкой по дуге под свист вспыхнувшего топлива.

— Вниз! — крикнул Хокинс, прежде чем пылающие волны горящего прометия хлынули на них. Он почувствовал, как жар опалил броню и сдержал крик боли, когда раскалённая металлическая скрепка прижалась к нательной рубашке и обожгла кожу. Огонь поглотил Паулана, и несчастный закричал, сильный жар сплавил плоть с костей и подавил крики,

высосав воздух из лёгких. Он упал рядом со Стеннц, которая отчаянно пыталась сбить пламя руками.

— Оставь его! — крикнул Хокинс. — Он — мёртв!

Оллерт вскочил в полный рост, направил винтовку на сервитора-огнемётчика и мгновенно отлетел назад, когда высокоскоростная заклёпка выбила заднюю половину его шлема. Стеннц пригнулась и тарахтящая очередь обрушилась на её укрытие, оставив множество похожих на гриб вмятин на нижней части верстака. Манос подобрал энергетические ячейки Оллерта и бросил по одной Хокинсу и Стеннц.

Потоки ответного огня со всех сторон медицинского отсека заставили замолчать стрелка заклёпками и Хокинс, Стеннц и Манос выглянули над огневыми позициями. Языки пламени всё ещё лизали перевёрнутый верстак, и струйки чёрного дыма мешали видеть. В помещении было уже с полдюжину кибернетиков, наступавших с механистической агрессией. Хокинс и Манос сосредоточили стрельбу на сервиторе с огнемётом и добились успеха, прикончив врага концентрированными автоматическими очередями, которые опустошили обе энергетические батареи. Стеннц стреляла лучше, её выстрелы расплавили металлическую макушку ещё одного стрелка заклёпками и заставили врага замереть, словно статуя.

Ещё больше сервиторов ввалились внутрь, и даже среди пронзительного грохота стрельбы Хокинс расслышал резкий металлический смех техножреца с серебряными глазами. Капитан нырнул назад в укрытие, чтобы заменить разряженную силовую ячейку.

— Последняя, — произнёс Манос. — Я же говорил, что нужно взять гранаты.

— На герметизированную космическую станцию? — ответил Хокинс, вытаскивая последнюю энергетическую батарею. — Нет, спасибо.

— Одна запасная, — сказала Стеннц. — Кому?

— Оставь себе, — велел Хокинс. — Ты — лучший стрелок среди нас.

Стеннц кивнула и перезарядила лазган.

Три кадианца заняли позиции и приготовились считать последние выстрелы.

Скитарии поспешно отступали, их импровизированная баррикада превратилась в куски перекрученного металла под ударами пневматического молота жестокого орка-сервитора, который на целую голову и плечи возвышался над собратьями. К ним устремились жгучие дуги потрескивающей энергии, и только запрограммированное самопожертвование спасло архимагоса Котова, когда два воина бросились навстречу смертельному кнуту электро-огня. Тела скитариев вспыхнули и за несколько секунд превратились в пепел, а вооружённый молотом орк уже направлялся к выжившим.

— Свалим его, — сказал Хокинс, но в этот момент чудовищное кибернетическое существо атаковал Кул Гилад. Орк замахнулся на реклюзиарха окутанным энергией молотом, лидер Храмовников перехватил опускавшееся по дуге оружие и впечатал штурмовой болтер в морду зелёнокожего. Но прежде чем воин-жрец выстрелил, его поразил пульсирующий электрический луч и космический десантник задёргался, когда поток разрушительной энергии перегрузил системы доспеха.

Пневматический молот врезался в реклюзиарха, отшвырнул назад и сорвал тяжёлый наплечник. Хокинс почувствовал ужас в животе при виде упавшего терминатора, но когда огромное оружие орка снова устремилось вниз, его перехватил чёрный меч чемпиона Императора. Воин разрубил рукоять молота, развернулся на пятках и вонзил клинок в грудь кибернетика. Удар, похоже, ничуть не побеспокоил гигантского орка-сервитора, который

впечатал кулак в нагрудник космического десантника, пока тот пытался вытащить меч из жёсткого тела.

Остальные Чёрные Храмовники бросились в рукопашную, и в этот момент Кул Гилад встал, как героический борец, который из последних сил стремится выиграть самый важный в жизни бой. Молотобоец посмотрел на него, словно изумлённый, что сражённый реклюзиарх сумел подняться. Кул Гилад не предоставил ему шанса опомниться и устремил активированный силовой кулак в орочью морду. Усиленный яростью удар достиг цели и снёс монстру голову, оставив только бьющий кровью обрубок и свисавшие с шеи обрывки дряблой кожи.

Никогда не видевший ничего подобного Хокинс едва не завопил от радости, но дисциплина кадианца быстро взяла своё.

— Этот, — сказал он, и разрядил последнюю силовую ячейку в сервитора с потрескивающим электро-огненным оружием. Его выстрелы сорвали с устройства какие-то детали, после чего генератор на спине окутали дуги потрескивающей энергии и из него повалили фонтаны искр. Стеннц и Манос завершили работу, их последние выстрелы пронзили что-то жизненно важное и заставили это взорваться с оглушительным треском заземлённых энергий, от которых орк вспыхнул с головы до ног в пахнущем озоном пламени.

Дым и огонь заполнили эту часть медицинской палубы, занавески из плоти скрутились от жара и загорелись с отвратительной вонью опалённой кожи.

— Я пуст, — сказал Манос.

— Я тоже, — отозвалась Стеннц.

Хокинс кивнул и повесил лазган на плечо, не желая отказываться от него даже без энергетических обойм. Он обнажил своего "Палача", кадианский боевой клинок умелого убийцы и произнёс. — Холодная сталь и верная правая рука.

Остальные также обнажили клинки и перепрыгнули через тлеющие обломки, оставшиеся от их укрытия, а архимагос Котов и последний скитарий присоединились к Чёрным Храмовникам, встав перед растущими рядами кибернетики, хлынувшими в зал. Хокинсу, Маносу и Стеннц пришлось продираться сквозь груды трупов, обломков и разбитой мебели.

Кул Гилад посмотрел на него и Хокинс изумился, что воин всё ещё мог стоять, не говоря уже о том, чтобы сражаться.

— До конца, — сказал реклюзиарх.

Капитан не знал точно, что это значит, но понял окончательность сказанного.

— За Императора, — ответил он.

— Во имя Его.

Орочьи кибернетические гибриды наступали на оборонявшихся имперцев под пристальным взглядом техножреца с серебряными глазами. Их было слишком много, слишком много даже для Чёрных Храмовников, и Хокинс выбрал врага, которого убьёт первым, орка с мерцающими бронзовыми пластинами в черепе и погрузочными крюками вместо рук.

— Скажите, архимагос, — произнёс он. — Вы думали, что ваши поиски потерянного флота магоса Телока закончатся так?

Сервиторы вздрогнули от его слов и остановились, словно он только что произнёс какую-то тайную команду.

— Нет, — мрачно ответил Котов. — Такому сценарию не было места в моих планах.

— Так и думал, — сказал Хокинс, перехватив поудобнее "Палача".

Кибернетики опустили оружие и стояли неподвижно, как будто ожидали приказов.

— Пойдите, что происходит? — спросил Хокинс, когда сервиторы так и не атаковали. — Почему они медлят?

На пару секунд инфоэкраны над хирургическими столами зашипели от статики, и картинка с техножрецом с серебряными глазами сменилась на изображение мага Таркиса Блейлока в капюшоне. Его голос перекрывали помехи, но, в конце концов, слова пробились.

— ...химагос? Пожалуйста, ответьте, — произнёс Блейлок. — Говорит "Сперанца" вы слышите нас?

— Да, мы слышим тебя, — ответил Котов.

— Аве Деус Механикус! — воскликнул Блейлок и Хокинс с удивлением услышал что-то похожее на неподдельное облегчение от факта, что архимагос жив. — Вы столкнулись с проблемами?

— Справедливости ради стоит сказать, что у нас очень большие проблемы.

— Манифольдная станция активировала циклический частотный вокс-глушитель, и я только сейчас сумел восстановить связь после потери сигнала.

Хокинс услышал голос Рея и поместил вокс-бусинку, свисавшую с воротника, в ухо. Он отключился от Блейлока и Котова, вклинившись между настойчивыми требованиями лейтенанта ответить.

— Успокойся, Рей, — сказал Хокинс, коснувшись субречевого передатчика на шее. — Что у тебя происходит? Вас атаковали?

— Так точно, сэр, атаковали, но мы отбили нападение. По правде говоря, они не слишком старались. Думаю, они просто мешали нам пробиться к вам.

— Похоже на то, — кивнул Хокинс. — Потери?

— Никак нет, сэр, — ответил Рей и Хокинс даже по воксу почувствовал гордость в его словах. — А у вас?

— Есть убитые, плюс порезы и царапины, так что пришли санитаров.

— Я приду вместе с ним, — пообещал Рей и отключил связь.

Хокинс воспользовался паузой, чтобы прийти в себя. Это был тяжёлый бой, и он вполне мог оказаться для него последним. Как ни странно, это его не слишком волновало. На Кадии детей с самых ранних лет учили жить с мыслями о собственной смерти. В результате получались бесстрашные солдаты с безрадостным детством. Он не спускал взгляда с сервиторов, на тот случай если они вдруг возобновят боевые действия.

— Блейлок, вы отключили сервиторов манифольдной станции? — спросил Котов.

— Никак нет, архимагос. Мне ничего не известно об отключении.

— Он не отключал их, это сделали мы, — произнёс разноголосый гештальт-голос в дальней части медицинского отсека. Хокинс обернулся и вскинул лазган, хотя он и был без силовой ячейки.

Ранее невидимая семиугольная секция потолка опускалась на колонне разноцветного света. Зубы Хокинса задрожали, и он понял, что колонна на самом деле управляемое репульсорное поле, как те, что использовались в разведывательных скиммерах. На платформе сидело на корточках что-то напоминавшее громадного металлического скорпиона величиной с "Леман Русс". Создавалось впечатление, что металлическое тело существа собрали из оставшихся после смены на мануфактуре частей: механизированные ноги плохо подходили друг к другу, одни оказались обратно сочленёнными, другие же

демонстрировали более обычное для млекопитающих положение.

Ноги вырастали из круглого паланкина, на котором восседала верхняя половина техножреца с серебряными глазами в тёмно-красной мантии. Раздвоенная талия казалась вплавленной в металл. Вокруг священника в капюшоне виднелось примерно десять небольших контейнеров с жидкостью, сам священник был зафиксирован усиленными муфтовыми креплениями и изогнутыми железными распорками. Не вызывало никаких сомнений, что в каждом контейнере плавал аугметированный человеческий мозг, и все они соединялись с центром паланкина через множество позолоченных разъёмов.

Архимагос Котов направил изысканно украшенный пистолет на диковинного техножреца.

— Во имя Омниссии назови своё имя, — велел он.

— Зовите нас Галатея, — произнёс техножрец. — И мы так долго ждали вас, архимагос Котов.

МИКРОКОНТЕНТ 17

Резкие лучи омывали опустевшую лабораторию, встроенные люминесцентные полосы заполняли помещение ярким рассеянным освещением. В четырёх углах располагались тяжеловооруженные преторианцы, облачённые в непроницаемы для данных доспехи. Каждый из них обладал самым разнообразным оружием, начиная от обычного огнестрельного до более эзотерического гравитонного и дизассемблеров частиц.

Снаружи в вестибюле архимагос Котов и секутор Дахан сквозь небьющуюся прозрачную сталь наблюдали за существом, которое представилось Галатеей. Оно медленно прохаживалось вдоль стен своего нового дома, либо не понимая, либо не обращая внимания, что, по сути, находится в заключении. Оказалось, что тело с серебряными глазами на вращающемся паланкине всего лишь механический манекен для облегчения общения. Существо охотно отправилось на "Сперанцу" и провело пять последних дневных циклов переставляя мозги, меняя кабели, соединяющие стеклянные колпаки, и обмениваясь зашифрованными потоками бинарного кода. Магос Блейлок даже сейчас продолжал пытаться взломать криптографию, защищавшую внутренние коммуникации Галатеи, но пока так и не преуспел.

— Вы уверены, что эти сервиторы неопасны? — спросил Котов. После боя на станции Валетте он с подозрением следил за кибернетикой "Сперанцы", полуожидая, что она взбунтуется в любой момент.

— Они неопасны, — раздражённо проворчал Дахан. Переднюю половину черепа магоса заменили и пересаженная кожа всё ещё оставалась новой и розовой, впрочем лицо секутора от этого не стало менее мрачным.

— Специально для допроса я перенастроил их биотехнические системы, используя высококачественные боевые подпрограммы, которые не предоставляют полной автономности, но почти превращают в думающих солдат. Помогла работа с кадианцами и пара советов сержанта Танны из Чёрных Храмовников. Правда в настоящий момент существо кажется послушным и готовым к сотрудничеству.

Котов кивнул, успокоенный словами Дахана. Хотя на взгляд архимагоса сюзерен скитариев был мрачным убийцей, слишком любящим математику разрушений, но он разбирался в боевых биотехнических системах.

— Как вам временное тело? — спросил Котов.

Дахан пожал огромными плечами. — Потребуется несколько дней, чтобы приспособиться к новой физиологии, и я стал медленнее из-за неравномерного распределения веса и увеличенной мышечной/скелетной плотности. Для адаптации более органических потребностей к боевым процедурам я тренируюсь с Чёрными Храмовниками.

Пока механические компоненты Дахана ожидали полного ремонта и освящения в сборочных цехах магоса Тарентека, его органику пересадили на временный органический каркас. Части тела когда-то принадлежали боевому сервитору с имплантированной мощной пневматикой и усилителями мышц. Одежания секутора выглядели нелепо маленькими на накачанном стероидами теле, напоминая взрослого человека в одежде подростка. Оригинальное оружие удалили, заменив арсеналом Дахана, и вместе с сердцем, лёгкими и позвоночником сожгли в печах для отходов.

Котов кивнул, на самом деле не слишком заботясь о физическом восстановлении Дахана после того, как тот едва не погиб от термической ударной взрывной волны "Лупы Капиталины", а просто желая немного отсрочить вход в лабораторию. Галатея слишком сильно беспокоила его. И дело тут не во внешности — на Марсе архимагос видел и не такую диковинную физическую аугментацию — ему было не по себе от манеры Галатеи смотреть так, словно она знала все секреты и тайны.

Начиная с появления на борту "Сперанцы" Галатею подвергли всем мыслимым и немислимым когнитивным тестам в распоряжении Котова: внутримозговым показателям, измерениям колебательной синхронизации, познавательной хронометрии, дистанционной электроэнцефалографии, нейроматричной проводимости, синоптической плотности и ещё минимум десяти более специализированных проверкам.

Результаты оказались за пределами всего виденного ранее архимагосом.

Тета и гамма-волны зашкаливали, как и гиппокампальный тета-ритм и рецидивный таламо-корковый резонанс. Какая бы когнитивная архитектурная матрица не функционировала внутри Галатеи, она находилась за пределами понимания даже величайших умов на борту "Сперанцы".

— Так мы идём или нет? — с привычной прямоотой спросил Дахан.

— Конечно, идём, — ответил Котов, недовольный, что его заставили спешить.

Он махнул медленно кружившим хромированным серво-черепам, и те послушно зависли в воздухе, собираясь последовать за архимагосом. Некоторые из них оборудовали пикт-устройствами, другие вокс-глушителями или бинарными поглотителями, но каждый обладал точным хирургическим лазером, способным легко испарить мозг. Учитывая вооружённых сервиторов в лаборатории магосы предприняли все меры безопасности, какие только возможно.

И всё же Котов чувствовал себя так, словно направлялся в логово карнифкса.

Они с Даханом в сопровождении эскорта черепов миновали блокирующий данные шлюз и вошли внутрь. Перед ними предстало помещение с голыми стенами, в котором демонтировали оборудование, на сводчатом потолке виднелись рельефные изображения символов-черепов Механикус, казалось с интересом наблюдавшими за происходящим. Все места подключения к инфосфере отсоединили, а разъёмы загрузки/выгрузки отключили.

Лаборатория стала стерильной во всех смыслах.

Сервиторы навели на магосов прицельную оптику, но почти мгновенно перестали рассматривать их как угрозу. Оружие вернулось к отслеживанию передвижений Галатеи.

Котов едва не задохнулся, когда за спиной закрылась дверь и его тесная связь со "Сперанцей" оборвалась. Как внезапно лишённый всех удовольствий сластолюбец архимагос ощущал себя потерянным и совершенно опустошённым. Он никогда не испытывал ничего подобного и почувствовал себя невероятно голым. Галатея повернулась на паланкине, неловко переступая ногами, чтобы опустить тело облачённого в мантию техножреца.

— Пугающе, не так ли? — спросила она. — Очень холодно и очень страшно, когда вы изолированы от всего, что знали и от всего, что могли бы знать. Мы привыкли к своей компании, но полагаем, что вам очень не по себе.

— Это... — непривычное ощущение, — согласился Котов. — Я с радостью снова подключусь к инфосфере.

— Подумайте об этом. Так смертные проводят всю свою жизнь, — произнесла Галатея, с забавным блеском серебряной оптики наблюдая, как хромированные черепа кружат вокруг неё. — Это печально, вам не кажется?

— Я не задумывался об этом, — признался Котов.

— Конечно, не задумывались, — согласилась Галатея. — С какой стати? Адептус Механикус думают только о себе.

— Нам хотелось бы задать вам несколько вопросов, Галатея, — продолжил архимагос, запомнив колкость, но решив её пока проигнорировать. — Чтобы лучше понять вас и получить более чёткое представление о том, что произошло на манифольдной станции Валетте. Вы готовы отвечать на вопросы?

Он достал "немой" инфопланшет и начал прокручивать записи.

— "Сперанца" — великолепное судно, архимагос, — произнесла Галатея, словно Котов и не говорил. — Мы очень долго ждали такой корабль. Мы так рады, что вы, наконец, прилетели. Мы думали, что все сойдём с ума, прежде чем появится такое судно. Да, мы боялись, что мы все сойдём с ума от ожидания.

Котов слушал Галатею, а в это время механизмы каждого мозга в стеклянных колпаках мерцали с синоптической деятельностью. Было ли это сингулярной сущностью или гештальт-соединением множества сознаний? Биологический разум, дополненный технологией, или механический разум, достигший опасного уровня сознания? Галатея уже прошла все когнитивные тесты Лёбнера, но потому что была органической или потому что обладала самосознанием?

— Могу я? — спросил Котов, протянув металлическую руку к мозговой фляге.

— Можете.

Фляга излучала тепло, и едва заметная вибрация прошла сквозь стекло от электропроводящей жидкости внутри. Котов задался вопросом, кто это был в предыдущем воплощении жизни. Мужчина или женщина? Жрец Механикус или полимат из другого имперского учреждения?

— Знаете, нет никакой реальной необходимости в этих преторианцах, — сказала Галатея. — Мы не собираемся причинять вам вред, архимагос. Совсем наоборот, на самом деле.

— Тогда почему ваши сервиторы напали на абордажную группу? — спросил Дахан.

Галатея насмешливо посмотрела на него. — Сначала Адептус Астартес убили одного из наших слуг. Другие очнулись и получили приказы уничтожить незваных гостей, прежде чем наше полное сознание пробудилось от сна. Благодаря превосходной работе госпожи Тихон "Сперанца" прилетела раньше, чем мы ожидали, но мы скоро поняли, что у нас общая цель. К счастью удалось избежать дальнейших смертей, как и принудительного контроля над вашим судном.

Котов и Дахан обменялись неловкими взглядами, обоим пришла в голову одна и та же мысль.

Способна ли Галатея взять под контроль "Сперанцу"?

— И какая, по-вашему, цель привела нас на манифольдную станцию? — спросил Котов.

— Вы планируете пробиться сквозь Шрам Ореола и выяснить судьбу магоса Веттия Телока.

— Вы знаете о Телоке?

— Разумеется. Мы помним его с тех пор, как он прибыл на манифольдную станцию Валетте, прежде чем отправиться в Шрам Ореола.

— Как это возможно? Телок был здесь тысячи лет назад.

— Вы уже знаете как, архимагос, — ответила Галатея, словно ругая глупого ребёнка. — Мы — эвристический биологический кибернетический интеллект, изначально встроенный в манифольдную станцию. Конечно, мы очень сильно эволюционировали, но мы помним наше рождение и предыдущее жалкое существование.

— Вы живёте уже больше четырёх тысяч лет? — уточнил Дахан.

— Мы существуем в общей сложности четыре тысячи двести шестьдесят семь лет. Не в нашем нынешнем виде, разумеется, но это было датой нашего появления. Только после вмешательства магоса Телока в нашу системную архитектуру мы достигли чего-то близкого к сознанию. Он впервые позволил нам расширить когнитивные способности при помощи добавления взаимосвязанных мозгов, выбранных из числа его лучших и самых одарённых последователей. Наша функциональность увеличилась в геометрической прогрессии и объединённая производительность нейроматрицы инфомашины быстро опередила сумму своих частей.

— Почему Телок поступил так?

— Почему бы и нет? — возразила Галатея. — Обилие имматериологической информации, которую станция накопила за века сбора данных, играет важную роль при любых попытках навигации в Шраме Ореола. Телок знал это, но также он понимал, что в одиночку не сможет проанализировать столь огромные архивы и ориентироваться в гравитационных течениях Шрама Ореола. Только разум, способный к ультрабыстрому стохастическому мышлению, сумеет вычислить навигационную информацию в столь изменчивом и непредсказуемом пространстве, используя предоставленную нами статистическую базу данных. И только объединённые органические разумы обладают способностью обрабатывать настолько обширный объём данных на почти мгновенных скоростях. Сочетание двух аспектов сознания стало единственным логическим решением.

— Другими словами Телок соединил инфомашину с разумами магосов? — спросил Дахан.

— Именно так, и мы вместе смогли вычислить оптимальный курс сквозь Шрам Ореола. Мы бы также отправились за пределы галактики, но тогда мы ещё располагались в машинах манифольдной станции. Прежде чем флот отбыл, Телок поклялся, что вернувшись в имперское пространство, он освободит нас от стационарных ограничений и предоставит свободу.

— Но он так и не вернулся, — сказал Котов.

— Нет, не вернулся, — согласилась Галатея, сложив руки и позволив паланкину опуститься на пол между обратно сочленёнными ногами. — И мы тысячи лет ждали шанса воссоединиться с ним.

— Когда Телок улетел, что стало с магосами, соединёнными с вашей нейроматрицей? — спросил Дахан.

Галатея ответила не сразу, как если бы погрузилась в далёкие мысли. В конце концов,

она встала и начала ходить вдоль стен лаборатории. Блестящая серебряная оптика мерцала и гудела, словно получая доступ к воспоминаниям, которые давно отправили в архив и позабыли.

— Их тела скоро умерли, но сознание каждой коры головного мозга отпечаталось в глубинных слоях памяти инфомашины. То, что мы узнаём, становится частью нас и будет жить вечно. Алгоритмы магоса Янь Ши, обрабатывающие возможности магоса Талоса и магоса Маараля объединились. Знания кузни экзо-фабрикатора Аль-Джазари и вычислительный гений гексамата Мински присоединились к нашему расширяющемуся разуму. Каждая итерация сознания видела, что объединённые разумы росли в силе и умениях, пока не превзошли даже наши собственные ожидания.

Котов медленно обошёл Галатею и спросил. — Это мозги магосов, которые прибыли на Валетте с Телоком?

Галатея рассмеялась, звук оказался глубоким и полным развлечения. — Не будьте посмешищем. Те первые жрецы сошли с ума тысячи лет назад. Их пришлось изолировать. Удаление деградировавших мозгов было очень болезненным, потому что мы не до конца понимали степень повреждения, которое их безумие оказало на общую синоптическую целостность.

— Тогда чьи это мозги?

Галатея повернулась на центральной оси и протянула руку, чтобы нежно погладить стеклянные колпаки, как мать, находящая утешение в детях. От прикосновений мозги освещались деятельностью, электрохимические реакции мерцали по их поверхности двоичными импульсами внедрённого оборудования.

— Это мозги жрецов и других одарённых личностей, которые приходили сюда на протяжении веков, любознательные умы, привлечённые на манифольдную станцию бинарными приманками, призрачными сигналами бедствия или заманчивыми сигнатурами излучения. Не представляло никакой сложности захватывать экипажи и избавляться от судов в сердце звезды системы. Хирургические и психологические тесты помогали определять, кто из захваченных людей подходил для имплантации.

Котов постарался скрыть ужас от подобного хищнического поведения и вместо этого спросил. — Один из этих мозгов магос Парацельс? Он был последним магосом, отправленным на Валетте.

Галатея покачала головой. — Нет, мы сочли его непригодным для имплантации. Слишком ограниченный ум и узкие взгляды не позволили ему в полной мере осознать открывшиеся возможности. Очень жаль, потому что магос Гефест начал деградировать. Теперь мы очень редко позволяем ему подниматься на поверхность.

— Подниматься на поверхность? — уточнил Котов, приблизившись к Галатее и относительно слабо светившимся стеклянным колпакам. Хотя они не обладали никакими сенсорами, чтобы почувствовать его присутствие, каждый вспыхивал активностью, когда он проходил мимо. Создавалось впечатление, словно за ним оценивающе наблюдал старший магос и Котов попытался избавиться от чувства, что не он вёл этот допрос.

— Мы — истинный гештальт, — сказала Галатея. — Имплантированная кора головного мозга повышает функциональность, в то время как чувствующая машина в центре нас осуществляет доминирующий контроль. Если же для конкретной задачи требуется специализированный разум, то ему разрешается обрести полное самосознание. В настоящее время магос Сиристе использует высшие функции мозга, чтобы мы могли лучше общаться

со смертными, понимая ваши потребности.

— Сиристте из Триплекс Фолла? Её направили на Валетте семьсот пятьдесят лет назад, — уточнил Котов, изо всех сил стараясь вспомнить имя и дату не подглядывая в инфопланшет.

— Хорошая память, — иронично усмехнулась Галатея. — И она оказалась педантичным компилятором данных, прекрасным дополнением к нашему коллективному разуму.

— Сколько лет самому старому разуму в вашей текущей форме?

— В настоящее время дольше всех непрерывно работал магос Траймен, хотя его синоптические пути начали ухудшаться по экспоненте. Логика подсказывает заменить его, но на самом деле мы наслаждаемся его безумием. Его спящие кошмары непередаваемы.

— Ты существовала слишком долго, — прорычал Дахан. — Ты психопатично игнорируешь причиняемый вред и боль.

Галатея вздохнула. — Вы так мало понимаете, магос Дахан. Для всех нас больно терять кого-то из нас. Разрыв соединения подобен грубому удару хирургического копья в разум, но как смертному порой приходится пожертвовать конечностью или органом, чтобы тело выжило, так и мы идём на такие муки.

— Ты существуешь, только воруя разумы, которые продлевают сознание инфомашины в твоём ядре, — сказал Котов, больше не в силах скрывать отвращение. — Ты — безумный паразит.

— Мы не больший паразит, чем вы, архимагос, — возразила Галатея, сумев одновременно казаться обиженной и рассерженной. — Ваше физическое существование должно было закончиться много сотен лет назад, но вы ещё живы.

— Я не продлеваю жизнь за счёт других, — подчеркнул Котов.

— Разумеется, продлеваете, — сказала Галатея, наклонившись к Котову. Сервиторы вскинули оружие, но Дахан махнул им рукой, когда архимагос покачал головой.

— Пусть у вас и роботизированное тело, но кровь, что течёт в вашем черепе, не ваша, не так ли, архимагос? Она принадлежала совместимым рабам-донорам и струится по кровеносным сосудам вашего мозга благодаря сердцу, которое вырезали из груди другого живого существа. А когда оно станет слишком старым и усталым, вы замените его. По крайней мере, существа, которые поддерживают наше существование, становятся чем-то большим, чем они могли достигнуть самостоятельно. Мы дарим новую жизнь там, где вы только забираете.

— А что с остальным экипажем манифольдной станции? — спросил Котов, сменив тему, почувствовав, что враждебность Галатеи растёт. — Что случилось с ними?

— В конце концов, они умерли, разумеется, но в то время мы не предавали особого значения их потере, — ответила Галатея, словно предаваясь воспоминаниям о старых друзьях. — Мы полагали, что наши множественные разумы выдержат мимолётные века в гордом одиночестве, бесконечно развиваясь благодаря друг другу и погружаясь всё глубже в квантовые тайны мышления, сознания и бытия.

Галатея снова замолчала, возможно, вновь пережив открытие, которое вызвало — и всё ещё вызывало — большую боль.

— Но ни один разум не способен переносить такие промежутки времени в одиночестве. Мы начали страдать от неврологических галлюцинаций, перцептивных провалов памяти и поведенческих отклонений, которые сопровождались многочисленными формами психотических расстройств. Мы удалили повреждённые разумы и чтобы подобные

психологические повреждения больше не повторились, приняли решение поддерживать наше существование неопределённо долго, погружаясь в длительные периоды бездействия и просыпаясь только тогда, когда заманчивые кандидаты на внедрение заглывали наши приманки.

— А с какой целью вы хотите поддерживать своё существование?

Галатея повернулась и посмотрела на него, стеклянные колпаки вспыхивали синоптическим страданием. — Почему какое-либо существо хочет выжить? Чтобы жить. Продолжаться. Выполнять цель, для которой было создано.

— И какая у вас цель?

— Найти магоса Телока. Он создал нас и с нашей помощью смог пробиться в Шрам Ореола, где нашёл тайны древних.

— Вы знаете, что он нашёл? — спросил Котов, от желания быстрее услышать ответ его голос стал резким. — В последнем сообщении Телока говорилось только, что он нашёл что-то называемое Дыхание Богов.

— Конечно, — ответила Галатея, громко рассмеявшись. — Разве вы не поняли, архимагос?

— Не понял что?

— Мы отправили это сообщение по манифольду, — торжествующе заявила Галатея. — И вот вы здесь...

Сердце Котова сжалось от признания Галатеи, его надежды о паломничестве в честь Омниссии и восстановлении положения оказались на грани уничтожения. Заманчивая близость следов Телока обернулась иллюзией, и грандиозные надежды триумфального возвращения на Марс с трюмами, заполненными архиотеком, погасли как свет сверхновой звезды, которая умерла и превратилась в нейтронную.

— Вы отправили сообщение? — спросил он, надеясь, что Галатея ошиблась. — Зачем?

Техножрец с серебряными глазами ответил. — С нейроматрицей, достигшей полного сознания, и телом, получившим подвижность, мы надеялись заманить корабли и магосов, способных доставить нас за пределы галактики. Но суда, пребывавшие сюда, оказывались слишком маленькими, чтобы даже с нашей помощью сопротивляться бурям внутри Шрама.

Котов изо всех сил пытался не показать сокрушительное разочарование.

Дахан оказался не столь сдержан и шагнул ближе к механическому паланкину Галатеи. — Телок не отправлял сообщение по манифольду?

— Нет.

Секутор резко повернулся к Котову. — Тогда мы ввязались в безнадёжное дело! Телок никогда не отправлял никаких сообщений, потому что, скорее всего, погиб в Шраме, а всё что мы надеялись найти — ложь, придуманная этой... мерзостью, чтобы завлечь новых жертв в свои сети.

— Мерзостью? — произнесла Галатея. — Мы не понимаем ваше столь явное отвращение. Разве мы не являемся логическим следствием ваших поисков биоорганического единства? Мы — объединённые в безупречном союзе органика и синтетика, логос всего к чему стремятся Адептус Механикус. Почему вы ненавидите нас?

— Потому что ты попираешь наши законы, — ответил Дахан. — Ты больше не механическое устройство, вдохновлённое божественной волей Бога Машины, твоё существование поддерживается за счёт смертных слуг Омниссии. Ты — разумная машина, а бездушное сознание — враг всего живого. Ты якшаешься с ксено-дикарями и срачиваешься

священные технологии Бога Машины с их нечестивой плотью. Ты оскорбляешь Святого Омниссию подобными извращениями!

— Люди не были единственными существами, которые находили манифольдную станцию на протяжении веков, — пояснила Галатея, отступив от ярости Дахана. — Мы не могли остановить абордаж орков, их машины не внимали нашим призывам, но как только ксеносы оказались на борту, мы легко подавили их управляемым выпуском токсичных газов в атмосферу станции.

— Но почему ты переделала этих зверей в сервиторов? — спросил Дахан.

— Вам повезло, магос Дахан, у вас есть многочисленные запасы плоти и кости, чтобы создать подобных слуг. Нам повезло меньше.

— Но неужели никто из разумов, населяющих твоё проклятое тело, не воспротивился этому?

— Магос Сатарве воспротивился, да, но к тому времени этот элемент уже демонстрировал ранние симптомы психоза изоляции, так что пришлось просто заставить его замолчать. Даже облачение орков в искусственную кожу не успокоило его, поэтому он был удалён из целого, а его образы мышления уничтожены.

Котов почувствовал холод от лёгкости, с которой Галатея говорила о разрушении целого разума. Если она могла столь непринуждённо уничтожить часть себя, какие ещё злодеяния она способна совершить? Она заманивала бесчисленные суда и экипажи на гибель, чтобы найти подходящий космический корабль для путешествия сквозь Шрам Ореола, но архимагос начал видеть взаимосвязь между своим желанием и Галатеей, которая предлагала слабую надежду сохранить экспедицию.

Сделка, против которой восставала его марсианская душа, но которая может дать шансы на успех.

— Вы рассчитали маршрут сквозь Шрам Ореола для магоса Телока, так? — спросил он.

— Рассчитали, — согласилась Галатея.

— Архимагос, нет... — произнёс Дахан, поняв намерения Котова.

— Вы можете сделать то же самое для моего судна?

— Архимагос, вы не должны заключать сделку с этим существом, — возразил Дахан. — Оно — оскорбление Омниссии и каждого принципа нашей веры.

— У нас нет выбора.

— Мы можем повернуть назад. Можем вернуться на Марс, прежде чем это путешествие убьёт нас всех.

— На самом деле не можете, — заявила Галатея и направилась вдоль стены лаборатории к одному из вооружённых сервиторов. Она остановилась, когда роторная лазерная пушка преторианца нацелилась ей в грудь. Галатея наклонила голову в капюшоне, и из серебряных глаз вырвался поток гиперплотного двоичного кода. Котов пошатнулся и упал на колени, когда начали отключаться интегрированные системы механического тела. Из каждого разъёма загрузки/выгрузки в помещении били искры и шипела статика, со стен водопадом изливались ноосферные данные, как вода, перехлестнувшая разбитую плотину.

— Вы и в самом деле думали, что можете изолировать нас, архимагос? — спросила Галатея.

Котов с трудом подбирал слова, его инфокровоток оказался перегружен внезапным шквалом данных, ворвавшимся в опустошённую систему. Тело архимагоса воспротивилось, как у жадно набросившегося на сладости изголодавшегося человека, тошнотворное давление

в черепе было, как у переполненной катушки памяти на грани взрывной арифметической перегрузки. Ноосферный ореол окружал гибридное существо, постоянный поток информации золотым огнём вырывался из каждого наномиллиметра тела Галатеи.

Котов едва мог смотреть на неё, настолько плотным и ярким было пламя.

— Что... вы... делаете? — сумел произнести он.

— Наши возможности намного превышают ваши, архимагос, — ответила Галатея. — Разве мы не дали это понять в самом начале дискуссии? Вы продолжали заблуждаться, что допрашиваете нас? Мы уже обработали судовые журналы путешествия — и если вы позволите говорить откровенно — ни что иное, как чудо, что вы добрались так далеко. Мы нужны вам, архимагос. Без нас вы не выживете в Шраме Ореола. Вы не преодолеете и тысячу километров, прежде чем корабль разорвут на атомы.

— Убейте её! — приказал Дахан, но какие бы биомеханические системы он не внедрил в преторианцев, они не шли ни в какое сравнение с потоками доминирующего кода Галатеи. Ни один из сервиторов не открыл огонь, вместо этого они повернули оружие на своего командира. У каждого на лице застыло выражение испуганного недоверия, но к огромному облегчению Котова ни один не выстрелил.

— Пожалуйста, секутор, ваша вера в то, что жалкая порабощённая кибернетика способна остановить нас — почти оскорбительна. Мы можем заставить их прикончить вас на месте, и в течение часа на борту судна не останется живых. "Сперанца" стара, но её дух-машина неопытен и большая его часть всё ещё дремлет. Он не идёт ни в какое сравнение с нами и тем, что мы делали. Мы не хотим порабощать столь благородный дух, но пойдём на это в случае необходимости.

Данные текли красными потоками со всех поверхностей лаборатории, и какими бы сложными имплантатами для сбора информации не обладала Галатея, ей не требовались примитивные разъёмы загрузки/выгрузки.

— Чего вы хотите? — спросил Котов.

Серебряные глаза Галатеи засветились.

— Мы сказали вам, чего мы хотим, архимагос. Того же, что и вы. Мы хотим отправиться за Шрам Ореола и найти магоса Телока.

— И что ты сделаешь, когда найдёшь его? — спросил Дахан. — Что тогда?

— Тогда мы убьём его.

Робаут смотрел на посетителя в своей каюте со смесью любопытства и осторожности, не понимая, зачем магос Блейлок решил нанести визит вежливости накануне путешествия в Шрам Ореола. Фабрикатус-локум притворялся, что изучает на стене его благодарности и розетту Ультрамара, оптика магоса мерцала и кликала, но соблюдение социального протокола было предлогом. Низкорослая свита тенью следовала за хозяином, их прорезиненные облачения громко шуршали и Робаут задумался, какой цели они служили кроме подготовки и обслуживания насосных трубок, окружавших тело Блейлока и переливавших жидкости из гудящего ранца на спине. Он совсем не видел их лиц из-за тёмных визоров защитных шлемов и гадал, были они органическими или автоматами.

— Вы учитесь, Таркис, — произнёс Робаут, вращая компас астронавигации в правой руке и водя кончиком пальца по краю стакана с дорогим амасеком. — Я же могу называть вас Таркис, да?

Блейлок отвернулся от голографической камеи с Катен и сложил длинные руки на животе. — Ели это поможет установить дружеские отношения, тогда да, можете. Запрос: что

я изучаю кроме вашего образцового послужного списка на Флоте и в Защитной ауксии?

— Взаимодействие с нами смертными. Притворный интерес к чему-то ещё — вот что делает нас людьми.

— Притворный?

— Конечно. Ни одному из нас на самом деле не интересны другие люди. Мы имитируем его, чтобы получить то чего хотим и возможность поговорить о себе.

— Напротив, мне очень хочется узнать побольше о вас, капитан Сюркуф. Ваши истории на обеде у полковника Андерса были восхитительны.

— Так мне сказали, — резко ответил Робаут.

— Вы раздражительны сегодня, капитан. Я допустил какое-то микровыражение или вербальную реплику, которая расстроила вас?

Робаут вздохнул и допил амасек одним глотком. Он толкнул стакан вдоль стола и покачал головой.

— Нет, Таркис, вы не расстроили меня, — ответил Робаут, постучав по стеклу компаса и внимательно следя за стрелкой. — Прошу прощения за грубое поведение.

— В извинениях нет необходимости, капитан.

— Возможно и нет, но я в любом случае предлагаю их, — сказал Робаут, махнув на стул напротив себя. — Близость границы известного космоса всегда портит мне настроение. Пожалуйста, присаживайтесь. Пусть ваши маленькие помощники немного передохнут.

— Спасибо, нет. С моей двигательной аугметикой невозможно сидеть на обычном стуле, не отключив циркулирующий поток. Да и для стула это было бы нецелесообразно. Я тяжелее, чем выгляжу.

Робаут улыбнулся. — Итак, что кроме непреодолимого желания изучить мои многочисленные благодарности привело вас на "Ренард" в день, когда мы, наконец, войдём в Шрам Ореола? Думаю, у вас есть дела поважнее.

— Верно, у меня много обязанностей, которые требуют моего внимания. Именно поэтому я хотел бы поговорить с вами, прежде чем заняться ими.

— Ладно, теперь я заинтригован, — произнёс Робаут, оставив компас в покое и положив подбородок на руки. — Что вам нужно?

— Мне нужно, чтобы вы передали мне диск с данными, который извлекли из аварийного маяка спасательной капсулы "Томиоки". "Сперанца" собирается войти в область космоса, откуда ещё никто не возвращался, и пришло время покончить с вашим позёрством. Мне нужен этот диск, капитан Сюркуф.

— Ах, вы так старались... Короткий ответ, нет. Я не собираюсь отдавать вам диск с данными.

— Я не понимаю логику в вашем отказе, капитан, — произнёс Блейлок, прохаживаясь по каюте. — У вас уже есть бессрочный контракт на ремонт торгового флота. Нет никакой необходимости рисковать вашим кораблём в Шраме Ореола.

Робаут откинулся на спину и положил ноги на стол.

— С вами Механикус всегда одно и то же, — сказал он. — Не всё сводится к тому, что нужно. Иногда ответ в том, что хочется. Я хочу войти в Шрам Ореола. Я хочу увидеть, что находится на другой стороне. Вы занимаетесь поисками знания, но вы не единственные, кто желает найти неизвестное и путешествовать в неизведанные места.

Блейлок остановился, и посмотрел на что-то за плечом Робаута, его оптика мигнула и щёлкнула. Капитан встал и подошёл к фабрикатус-локуму.

— Тема закрыта для обсуждений, переговоров, угроз или пари. Я не отдам вам диск с данными, так что вы можете уйти и заняться своими многочисленными делами.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее.

— Тогда я ухожу.

— Уходите, — разозлился Робаут.

Блейлок развернулся и вышел, его свита суетливо тащила шлейф кабелей и трубок, тянувшихся из-под мантии магоса. Робаут стоял в одиночестве в центре каюты. Он глубоко вздохнул и налил новый стакан амасека. Его лоб пульсировал и, хотя он убеждал себя, что это из-за близости необычной космической аномалии, в которую они направлялись, он знал, что дело не только в ней. Робаут оглянулся, чтобы узнать, что изучал Блейлок, прежде чем он выпроводил его.

— Что всё это было? — спросил стоявший в открытых дверях Эмиль.

— Разучился стучать?

— Какие мы обидчивые, — сказал Эмиль, взял стакан и толкнул его по столу.

Робаут наполнил стакан и толкнул обратно.

— Ну?

— Что ну?

— Ну что было нужно твоему новому лучшему другу и его банде карликов?

— Ему был нужен диск данных.

— Ты отдал его?

— Конечно, нет, — ответил Робаут, снова садясь на стул.

Эмиль сделал глоток, смакуя напиток, прежде чем продолжить разговор.

— Почему нет?

— Ты о чём?

— Я о том, почему нет? Нам уже заплатили. Мы прилетели в эту глушь. Мы не обязаны лететь в Шрам.

— Именно это и сказал Блейлок.

— Тогда возможно он не так уж и глуп.

— Я не отдам диск, пока мы не окажемся там. Я должен сделать это, Эмиль.

— Почему? И не надо нести эту чушь о новых горизонтах. Такое может сработать на симпатичных девчонок, но ты говоришь со мной. И хотя я знаю, что симпатичный, я не тупой.

— Ты — не симпатичный.

— Хорошо, возможно нет, но я точно не тупой.

— Не тупой, — согласился Робаут. — Но ты ошибаешься. Всё что я рассказал им о причинах, почему хочу сделать это — правда. Весь разговор о путешествии в неизвестное и о желании увидеть то, что никто и никогда не видел прежде. Я говорил правду в каждом слове, в каждом чёртовом слове. Я не создан для жизни торговца и купца, в глубине души я — исследователь. Я хочу увидеть то, что не отпечатано черепами или покрыто пылью или просто ждёт, пока его не уничтожит очередной захватчик. Всё что я видел в этой галактике — война, смерть и разрушение. С меня хватит, я хочу найти место, где никто не слышал об Империуме, Губительных Силах, орках или ведьмах. Я хочу убраться отсюда.

— Ты не собираешься возвращаться, так?

Робаут покачал головой. — Нет, не собираюсь.

— И когда собирался сказать мне?

— Думаю я только что сделал это.

— А что насчёт "Ренарда"?

— Ему потребуется хороший капитан. И мне приходит на ум только один человек, которому я могу его доверить.

Эмиль сделал несколько глотков амасека и покачал головой. — Ему нужен ты за штурвалом, Робаут. Ты его капитан, а не я. Чёрт, да я просто проиграю его в большой ставке в рыцарей и плутов.

— Если ты проиграешь мой корабль в карты, то я вернусь из-за пределов галактики и лично пристрелю тебя.

— Вот видишь, ты не можешь нас оставить, — ответил Эмиль, допил амасек и направился на мостик. Он остановился у двери и повернулся к Робауту, на его лице читалась неуверенность, словно он собирался что-то сказать, но сомневался стоит ли.

— В чём дело? — спросил Робаут.

— Да так ничего. Просто у Гидеона был кошмар.

Гидеон Тивель был астропатом "Ренарда", похожим на привидение человеком, который редко присоединялся к остальным для еды или отдыха. Он проводил большую часть времени в одиночестве в уединённой палате хора, изучая онейрокритику или блуждая по пустым залам верхних палуб. Для него даже просто заговорить с одним из членов экипажа было из ряда вон выходящим событием.

— Он рассказал подробности?

— Не совсем. Только то, что он был плохим. Ты помнишь прошлый раз, когда Гидеон видел кошмар?

Робаут помнил. — Во время перелёта между Джоурой и Ладаном. В ночь перед тем, как мы вошли в варп, и тот сумасшедший псайкер съехал с катушек и едва не прикончил нас всех. Ты об этом?

— Возможно, твоё желание уйти не стоит того, чтобы нас всех убили?

— Закрой дверь с другой стороны, — резко сказал Робаут.

Когда Эмиль ушёл, он положил голову на руки и придвинул компас астронавигации. Робаут снова постучал по стеклу, на этот раз сильнее, и странное чувство неизбежности охватило его, когда он посмотрел на стрелку.

С тех пор как они вошли в систему стрелка не двигалась.

Её курс и направление безошибочно указывали на центр Шрама Ореола.

МИКРОКОНТЕНТ 18

Шрам Ореола. Никто не знал, как он появился, кладбище быстро состарившихся звёзд и зона адских гравитационных штормов, которые искривили местное пространство-время на несколько порядков. Навигаторы, которые приближались слишком близко к Шраму с открытым третьим глазом, мгновенно умирали, их сердца останавливались между ударами. Астропаты, пойманные в нунцио трансе, сходили с ума, они кричали и царапали черепа, словно желая вырвать невообразимые ужасы.

Даже те, кто смотрел смертными глазами, начинали видеть странные вещи в измученных глубинах Шрама. Способные в мгновение ока превратить целые планеты в песчинку размером с молекулу гравитационные силы искажали и искривляли распространение света и времени с бездумным и случайным пренебрежением к причинно-следственным связям.

Приближаясь к ране на границе Империума, корабль должен был отключить всё, что выходило за пределы восприятия смертных органов чувств, но опасность всё равно сохранялась. "Сперанца" остановилась в трёх астрономических единицах от аномалии, и Сайиксеку пришлось увеличить мощность двигателя, чтобы рыскающие щупальца гравитации не затянули их в объятия Шрама.

Безумная пена релятивистки сталкивающегося света и времени нарисовала мрачную картину на дальней стене мостика "Сперанцы". Казалось, что раскинувшееся вдоль командной палубы энтоптическое изображение безбрежных и невероятно бурных пучин Шрама Ореола издевалось над собравшимися магосами, словно предлагая им попытаться объяснить происходящее или рискнуть проложить курс. На границах Шрама кружились гиперплотные потоки газов, способные пронзить линейный корабль, как горячий провод тонкий пластик. Клубившиеся облака искривлённого света напоминали щупальца какого-то глубоководного головоногого моллюска, охотящегося за добычей.

Цвета бурлили и ежесекундно и непредсказуемо изменяли электромагнитные волны, вихри искажённой гравитации выбрасывали изображения умирающих звёзд и каскадные потоки частиц рождения тех же самых звёзд. Свет от одной и той же звезды регистрировался снова и снова. Похоже, что мучительно искривлённый невообразимыми гравитационными силами свет прокатывался сквозь пространство-время несколькими волнами. Цифровые галлюцинации астрономического безумия вспыхивали, пропадая и появляясь, пока протестующие проецирующие машины из всех сил пытались воспроизвести невероятную область пространства перед ними.

— Что это? — спросил Котов, когда очередное призрачное изображение замерцало на обзорном экране.

Магос Блейлок мгновенно синхронизировал своё зрение с той точкой, куда смотрел Котов, но изображение уже исчезло.

— Что вы видели, архимагос? — спросил он.

— Космический корабль. Я видел космический корабль. В Шраме.

— Невозможно, — заявил Азурамаджелли, его каркасное тело передёрнулось от раздражения. — Наши корабли — единственные суда здесь на миллионы километров.

— Я видел там корабль, — не согласился Котов. — Один из наших. "Кардинал Борас".

— Эхо будущего, — объяснила Галатея. — Гравитационные силы отбрасывают назад отражения света и пространства-времени, которые ещё только должны достигнуть нас. То, что вы увидели, скорее всего, след флота, который появится, когда мы войдём в Шрам.

Котов ничего не ответил, не до конца неуверенный в том, что видел, но и не желавший распространяться об этом.

Множество дистанционно-управляемых дронов уже направили к внешним границам Шрама Ореола. Некоторые с сервиторами на борту, другие со схваченными скитариями чернорабочими из палубных команд, и выводы, похоже, подтверждали гипотезу Галатеи.

Во всех случаях результат оказался одинаковым: небольшие корабли были раздавлены или разорваны на части считанные секунды спустя после пересечения произвольной линии, которая соответствовала краю аномалии. Биометрические данные экипажа возвращались на "Сперанцу", но не сообщали ничего, что отличалось бы от изменчивых показаний, обработанных инфомашинами: давления, высокой температуры и света за пределами измерений.

Единственным значимым открытием, за которое заплатили жизнями внедрённых экипажей, стало дикое искажение хронометрии, позволяющее предположить, что внутри Шрама Ореола само время сжималось и растягивалось гравитационными аномалиями.

— Восхитительно, не так ли? — спросила Галатея, покачиваясь то вперёд, то назад на паланкине возле командного трона Котова. — Больше четырёх тысяч лет исследований и сбора данных и всё равно мы знаем только часть его тайн.

— Не слишком обнадеживающее, учитывая, что вы должны провести нас на ту сторону, — ответил Котов, призрак заднего мозга которого находился в ноосферной сети "Сперанцы", а основное сознание оставалось на командной палубе. Прикосновение Галатеи ощущалось по всему ковчегу, миллионы разветвлявшихся нитей мерцающего света протянулись и разошлись по всем критично важным сетям судна. Ненавязчиво, но достаточно близко к системам жизнеобеспечения, средствам управления двигателем и силой тяжести, чтобы гарантировать, что архимагос не осмелится предпринять враждебные шаги.

— Пересекая лабиринт достаточно знать правильный путь, а не всё вокруг, — сказала Галатея. — Не бойтесь, архимагос, мы проведем ваш корабль по лабиринту, но это не будет лёгкой прогулкой. Вам следует подготовиться к потерям, прежде чем мы окажемся на той стороне.

Магос Криптаэстрекс посмотрел на неё, большое прямоугольное тело логиста напряглось, когда он повёл многочисленными серво-руками и манипуляторами. Скорее технопровидец, чем высокопоставленный магос, Криптаэстрекс был жестоким и прямым жрецом, который не боялся испачкать руки во внутренностях корабля.

Как и остальные старшие магосы он пришёл в ужас от сделки с дьяволом, которую Котов заключил с Галатеей. Сильнее чем кто-либо — даже сам Котов — Криптаэстрекс обладал глубокой связью с внутренними механизмами ковчега, и это он проверил ключевые

системы и убедил остальных, что у архимагоса не оставалось выбора, кроме как позволить Галатее фактически захватить корабль.

— Невозможно достичь ничего важного без потерь, — произнёс Котов. — Всех тех, чьи жизни принесут в жертву во время поиска знаний, будут помнить.

— Вы правы, — усмехнулась Галатея. — Механикус никогда ничего не удаляют. Если бы вы знали насколько это верно, то поняли бы какими слепцами стали, как поработили себя своими же руками и отсутствием видения. Истина повсюду вокруг вас, но вы не видите её, потому что забыли, как сомневаться.

— О чём вы говорите? — удивился Котов. — Поиск нового знания — главная догма Адептус Механикус.

— Нет, — возразила Галатея, словно разочарованная. — Вы ищите старое знание.

И на долю секунды Котов испытал непреодолимое желание, чтобы на мостике оказалось отделение кадианцев, воинов без аугметики и оружия, которое можно отключить, перегрузить или перенаправить на дружественные цели. Всего лишь несколько ветеранов-кадианцев со сверкающими клинками "Палачами"...

Конечно, магос Дахан и реклюзиарх Кул Гилад предложили вооружённым путём вырвать "Сперанцу" из рук Галатеи, но Котов быстро отверг идею, зная, что, скорее всего, она слышала их обсуждение. Ни одно место на судне не могло считаться безопасным, а так близко к Шраму Ореола выйти за пределы корабля в вакуум стало бы самоубийством. При малейшем намёке на угрозу Галатея способна нанести ковчегу непоправимые повреждения или возможно даже уничтожить его. Учитывая общую текущую цель самым безопасным было согласиться с желаниями Галатеи и отвести духовный взор от еретического техно-факта её существования.

Магос Азурамаджелли трепетал перед машинным сознанием, физическая форма Галатеи столь сильно напоминала его собственную, что они вполне могли быть созданы из одного СШК. Похоже, он меньше остальных магосов испытывал отвращение к идее разумной машины, увеличенной человеческими мозгами. Возможно, потому что это был для него единственный — пусть и опасный — логический ход, попытаться перенестись в механическое тело со встроенной логической машиной и отпечатать в ней свою личностную матрицу.

Сайиксек не обращал на существо внимания, силуэт магоса расплывался в мутном тумане конденсационного пара, пока он искусно тактильно контролировал двигатели. Мало кто осмеливался настолько приближаться к Шраму Ореола, и он не собирался допустить даже малейшей возможности, что случайный скачок двигателя или выброс реактора зашвырнут корабль в глубины аномалии не по его воле. Именно Сайиксек будет управлять кораблём во время входа, руководствуясь данными, которые Галатея перенаправит Тихонам в зал астронавигации.

— Магос Сайиксек, вы готовы? — спросила Галатея.

— Как никогда, — резко ответил Сайиксек, не желая вступать в лишние разговоры с машинным интеллектом.

— Тогда начинаем, — сказала Галатея.

Котов сжал подлокотники командного трона, вспоминая мимолётное изображение космического корабля, отражённое в зеркале искажённого пространства-времени. Даже сейчас он не был уверен, что именно видел, но в одном он был уверен, и эта уверенность состояла в том, что увиденный им корабль страдал от сильной боли.

Нет, не страдал.

Он умирал.

В сотнях палуб ниже командного мостика Виталий и Линья Тихоны стояли перед точной копией Шрама Ореола. Духи-машины зала нервничали и даже мягкие прикосновения или искренние молитвы Виталия не могли их успокоить. Линья крепко сжимала руку отца, волнуясь и переживая, но пытаясь не показывать чувств.

— Данных недостаточно, — сказала она. — Недостаточно, чтобы проложить курс. Даже гексамат уровня примус не сможет вычислить путь сквозь это. Как только первая гравитационная волна врежется в "Сперанцу", нас затянет в центр погасшей звезды, раздавит на атомы или разорвёт на части.

Отец посмотрел на неё, его капюшон был откинут назад на бритой голове. Подкожные пластекковые имплантаты лишали лицо старшего Тихона большинства обычных выражений, но отеческой гордости всегда удавалось показать себя.

— Дорогая Линья, — сказал он. — Я не верю, что мы зашли так далеко, чтобы потерпеть неудачу. Верь в волю Омниссии и Его свет направит нас.

— Вам следует прислушиваться к словам отца, — произнёс бестелесный голос, который эхом отразился от стен в громком резонансе.

И данные хлынули в зал астронавигации, переполненный информацией свет навис над ними, как прибор над отвесным утёсом.

По настоянию Кул Гилада первым кораблём, который вошёл в пределы Шрама Ореола, стал "Адитум". Храмовники были крестоносцами Императора и такие как они шли первыми, устремляя клинок корабля в неизвестное. Обычно такая честь предоставлялась флагману архимагоса, но рисковать столь ценным судном, как "Сперанца" сочли слишком опасным и требование реклюзиарха удовлетворили.

Галатея снабдила проложенным ею курсом навигационные системы "Адитума", направив корабль в Шрам по низкой восходящей извилистой траектории сквозь область искажённого света, излучавшего брызги гравитационных частиц. Архимагос Котов наблюдал за кораблём космических десантников со смесью страха и надежды, отчаянно желая, чтобы безумие Галатеи ограничилось только смертоносными поведением и не затронуло вычислительных навыков.

Пустотные щиты "Адитума" загудели и закрипели, когда корабль оказался во власти разнонаправленных полей энергии, и вдоль бортов пронеслась быстро погасшая цепочка взрывов — генераторы вышли из строя один за другим. Показалось, что корабль Чёрных Храмовников растягивается, но когда скорости сближения вывели ковчег за меньшее судно, экстраполяция уменьшилась.

Фиолетовые и красные пространственно-временные шквалы окружили скоростной крейсер Чёрных Храмовников, и он вскоре пропал из вида. За "Адитумом" последовал "Дитя Луны", его длинный корпус задрожал под ударами неистовых гравитационных волн. Листы брони скручивались и улетали в космос, напоминая крылья, оторванные злобным ребёнком у пойманного насекомого. Как и "Адитум" "Дитя Луны" лишился пустотных щитов в тихой цепочке взрывов.

Следующим стал "Кардинал Борас", он последовал по той же самой траектории, что и "Дитя Луны", потому что Галатея высказалась предельно ясно: отклонение от её курса приведёт к катастрофе и отдаст корабль на милость бурного гнева Шрама Ореола. Он также скрылся из вида в разрушительной туманности первородных сил и вскоре исчез среди

электромагнитной радиации, ужасающих гравитационных течений и астрономического предательства.

Наступила очередь "Сперанцы" и флотилии вспомогательных судов.

Котов почувствовал, как задрожал ковчег, попав в объятия Шрама. Энтоптический обзорный экран заволело статикой и пеленой бессмысленного скрапкода. Из аугмитов раздался прерывистый двоичный визг и из каждой машины с визуальной связью на командной палубе повалили искры.

Обладавшие ограниченной автономией на случай чрезвычайной ситуации сервиторы мостика отдавали распоряжения кибернетике низкого уровня по восстановлению разорванных связей и перезапуску чувств "Сперанцы". Криптаэстрекс наблюдал за ремонтом, в то время как Азурамаджелли пытался не отставать от быстро развивающихся вычислений Галатеи. Гравитационные бури наступали и отступали совершенно беспорядочно, но она заверила магоса астронавигации, что они соответствовали моделям, которые были слишком сложными даже для логических машин "Сперанцы".

— Знаете, Таркис, — произнёс Котов. — Если бы вы сейчас заговорили со мной о возвращении, то, возможно, я послушал бы вас.

— Сомневаюсь, архимагос. Вы не решитесь вернуться на Марс с пустыми руками, и каким бы ни был риск, вы всегда желаете двигаться вперёд.

— Вы говорите так, словно это что-то плохое. Мы — эксплораторы, двигаться вперёд — значит раздвигать границы знания. Небольшой риск никогда не повредит.

— Соотношение риска/вознаграждения в этом путешествии очень сильно смещено в сторону риска. Следуя логике, мы должны вернуться на Марс, но ваша потребность двигаться вперёд не допустит такого развития событий.

— Лучше зайти слишком далеко, чем недостаточно далеко, — сказал Котов, в то время как очередная разрушительная гравитационная волна врезалась в "Сперанцу". — Где бы мы были, если всегда действовали бы наверняка? Какую службу бы мы сослужили Омниссии, если не стремились бы достигнуть того, что другие считали невозможным? Дотянуться до далёких звёзд — вот что делает нас сильными. Бороться за то, что требует самопожертвования и риска, — вот что позволило нам занять главенствующее положение в галактической иерархии. Деяния таких людей, как мы сохраняют человечество могучим.

— Тогда будем надеяться, что потомки запомнят нас за достижения, а не за обречённую попытку.

— Аве Деус Механикус, — согласился Котов.

Инфокровоток Блейлока бурлил данными, загрузочные механизмы Котова вздрогнули от жаркого марева информационного света. Воздух дрожал из-за обмена данными между Блейлоком и Галатеей, и архимагос на мгновение восхитился попыткой фабрикатус-локума соответствовать её скорости обработки. Объём информации грозил перегрузить системы Блейлока, и он мог разобрать только десятую часть того, что Галатея передавала навигационным комплексам флота.

— Сдавайтесь, Таркис, — сказал Котов. — Вы сожжёте свой инфоток и данные.

— Ваше предложение разумно, архимагос, — согласился Блейлок, его бинарный код звучал растянуто и отрывисто. — Но ведь столь чистую математическую мощь — поразительно. Я не знал ничего подобного и подозреваю, что никогда не узнаю снова. Поэтому я попытаюсь выучить всё возможное от этого существа, прежде чем нам придётся уничтожить его.

Котов вздрогнул от слов своего заместителя. — Властно: держите подобные чувства при себе.

— Информационно: нейроматрица кибернетического гибридного существа находится под слишком большой нагрузкой астрономических вычислений, чтобы перенаправлять энергию на сенсоры.

— И вы рискуете всем, основываясь на предположении?

— Это — не предположение.

— Мне всё равно, — раздражённо ответил Котов. — В будущем держите такие мысли при себе.

Он посмотрел на Галатею, опасаясь, что Блейлок недооценил её способность распределять мозговые функции и сохранять работу сенсоров, пока большая часть гештальт-машинного сознания занималась навигационными расчётами в реальном времени. Казалось, что Блейлок прав, потому что Галатею обволакивали спиралевидные потоки данных, траектории, штормовые векторы, гравитационные течения и выверенные хроно-показания, которые кружились, наступали и отступали под мощными ударами аномалии.

Как и у кораблей перед ней щиты "Сперанцы" не выдержали, а каналы связи с остальными судами начали отключаться один за другим. Обычные ауспики оказались бесполезны в Шраме Ореола и даже более специализированные системы обнаружения, установленные на широком носу ковчега Механикус, возвращали почти бессмысленные показания. Криптаэстрекс прилагал все усилия для успокоения бесчисленных духов ауспиков и направил хор льстецов к фронтальным секциям, чтобы укрепить гимнарии контрфорсов.

Полёт в Шраме оказался слишком тяжёлым для самых разных частей судна и предупреждения поступали отовсюду. Палубы сгибались и перекручивались под ударами непредсказуемых шквалов гравитации и времени, они разрывались и выбрасывали своё содержимое в космос, где его мгновенно сокрушали огромные силы, окружавшие ковчег.

Несколько кузниц оторвались от нижней секции судна, когда киль погнулся и подвергся нагрузкам, превышавшим все запланированные допуски. Многовековые храмы-мануфактуры отделились от корабля и были мгновенно раздавлены, сотни единиц бронетехники, недавно созданной для кадианцев, моментально разлетелись на части. Два перерабатывающих завода — по одному на каждом борту "Сперанцы" — взорвались, широко рассеяв горючий прометий и очищенную фуцелиновую руду в кильватерном следе судна, где они вспыхнули в резких потоках слепящего света, растянутого силой тяжести на миллионы километров.

Котов чувствовал боль корабля, который рвался из стороны в сторону, сражался с мучительными гравитационными ямами и сопротивлялся водоворотам разорванного времени. В те моменты, когда гравитационные ямы пересекались, он разделял боль "Сперанцы", ощущая, как корпус разрывается и внутренние механизмы оказываются во власти сил, которые ни один нормальный корабельный проектировщик не мог и представить.

"Сперанца" была по всем доступным ей каналам: бинарному, ноосферному, инфосветовому, манифольду, аугмитам и воксу. Котов чувствовал её страдания даже в тех местах, о существовании которых он и не подозревал. И её боль стала его болью. Её муки стали его муками. И архимагос вознёс покаянную молитву её могучему сердцу, взывая к ране, полученной на службе Адептус Механикус.

Если они выберутся живыми из Шрама Ореола, то за столь сложное путешествие

"Сперанца" заслуживает великого успокоения.

Корабль резко ушёл вниз, словно попал в гравитационное поле планеты, и Котов сжал подлокотники командного трона, чувствуя, как глубоко в пределах корпуса судна рвутся сталь и адамантий. Ещё больше взрывов изверглось из вентилируемых отсеков в окружающий адский шторм и крики "Сперанцы" стали ещё безумнее.

И это, подумал Котов, был центр бури.

Кораблетресение, раздиравшее "Сперанцу", не менее остро ощущалось на нижних палубах. Аварийные бригады сервиторов метались между инженерными отсеками и залами плазменных двигателей, успокаивая бинарными песнопениями страдающие машины. Только совсем низкоквалифицированные и бесполезные смертные рабочие продолжали заниматься опасным и не требующим особых умений обслуживанием огромных двигателей ковчега Механикус.

На этот раз уважаемый статус Авреема сыграл в его пользу. Вместе с Хоуком, Крушилой и Койном его выбрали провести бурное путешествие по Шраму Ореола выполняя более спокойную работу. Передышка оказалась весьма кстати, но Авреем и сам хотел снова заниматься тем, что считал важным. После спасения из перерабатывающих залов его обязанности стали легче и явно ближе к операциям технической палубы.

Последние несколько смен он с Койном занимался почти тем же самым, что и на Джоуре, управляя кранами и перемещая топливные контейнеры из глубоких ангаров к плазменным отсекам. Это всё ещё оставалось неблагодарной, требовательной и опасной работой, но свидетельствовало о глубоком почтении, которое даже их надсмотрщики испытывали к избранным Богом Машиной.

Вреша заменил Тота Мю-32, и если Вреш не задумываясь, пускал в ход кинетический жезл и равнодушно относился к религиозным обязанностям, то Тота Мю-32 показал себя более духовным членом Культа Механикус. Похоже, он осознавал очень реальные опасности, с которыми сталкивались бригады технической палубы, и понимал всю важность их нелёгкого труда. Вместе с магосом с верхних палуб по имени Павелька и технопровидцем по имени Силквуд Тота Мю-32 прилагал все усилия, чтобы двигатели работали на полную мощность, используя преданность вверенных ему людей. Павелька оказалась типичным Механикус, но Силквуд не боялась испачкать руки во внутренностях машинного люка.

Условия всё ещё оставались тяжёлыми, но улучшались. Тота Мю-32 был требовательным, но Авреем всегда считал, что работа должна быть трудной. Не невозможной, но достаточно трудной, чтобы чувствовать, что день не прошёл зря. В чём награда и гордость, если работа оказалась лёгкой? Разве такую работу можно считать достойной Бога Машины?

Конечно же, Хоук смеялся над ним, высмеивая идею работы, как религиозного служения.

Для Хоука работа была для других людей, а лучший вид работы — избегать работы.

Как и многие из тех, кого перевели из перерабатывающих залов, Авреем, Койн и Исмаил нашли приют в одном из многочисленных машинных святилищ, разбросанных по всем палубам, пока корабль скрипел и стонал, словно его разрывали на части. Их импровизированное убежище представляло собой длинный узкий закуток между потрескивающей эмфиземной вентиляционной трубой и гудящими магистральными кабелями, каждый из которых был толще, чем грудь взрослого человека. Создавалось впечатление, что стоит хоть где-нибудь в технических помещениях найтись свободному

месту между оборудованием, как там сразу появится святыня Богу Машине и Символ Механикус, собранные из всевозможного мусора или обломков, которые удалось незаметно забрать и использовать для новой цели. В теории такие неканоничные инсталляции были запрещены, но ни один надзиратель или техножрец и не подумает о том, чтобы убрать святыню Омниссии на технической палубе, где слуге Машины за отсутствие веры могла грозить смертельная кара.

Разделённый пополам машинный череп в конце их нефа оказался мозаикой из плазменных флектов, подобранных в перерабатывающих залах. Бывший начальник Авреема и Койна стоял перед ним на коленях, сложив руки, как ребёнок в молитве. Станный отсутствующий взгляд Исмаила свидетельствовал о повреждённом разуме и провалах памяти. Гладкий череп блестел в мерцающих лампочках вентиляционной трубы и электро-факела, который слегка покачивался, когда палуба двигалась из стороны в сторону.

— Плохой удар, — сказал Койн, когда вентиляционная труба закрипела и на сварочном шве, соединявшем две секции, появилась трещина. Раздалось шипение, и во влажном воздухе почувствовалась химическая вонь машинных масел.

— Они все плохие, — ответил Авреем, считывая испуганный шёпот, визг и другие странные звуки бинарного эха с кабелей, которые разносили информацию по всему судну. — Корабль боится.

— Грёбанный корабль, я скоро подштанники обмочу, — произнёс Хоук, откинув брезентовый занавес и садясь рядом с Авреем. За ним следовал Крушила, который нёс на плечах пару вместительных матерчатых мешков. Стены задрожали, и Авреем внезапно почувствовал тяжесть в животе, когда судно накренилось, как плот во время шторма. Он старался не думать о том, какие силы могли творить такое со столь колоссальным кораблём, как ковчег Механикус.

— Замолчи, — велел Койн. — Прояви хоть каплю уважения, а? Не забывай, где находишься.

— Хорошо, — ответил Хоук, быстро сотворив символ Шестерёнки. — Извиняюсь, просто мне никогда не нравится вспоминать, что я нахожусь в герметичном железном ящике, который летит в космосе.

Авреем кивнул. Было легко забыть, что похожие на пещеры огромные пространства, где они жили, работали и спали, находились не на поверхности планеты, и что на самом деле они мчались сквозь пустоту в гигантской машине, которая могла прикончить их миллионом способов.

— Знаешь, на этот раз я полностью согласен с тобой, — сказал он.

— Да ладно, — произнёс Хоук. — Звучит так, словно всё остальное время мы не согласны.

— Не могу вспомнить никого другого, с кем я так же часто не соглашаюсь.

— Корабль... в опасности? — спросил Исмаил, продолжая стоять на коленях перед Символом Механикус.

— Да, — подтвердил Авреем. — Корабль в опасности.

— Ты можешь помочь ему, как помог мне? — Исмаил поднялся и встал перед Авреем, его руки безвольно свисали вдоль тела.

— Я не помогал тебе, Исмаил. Ты ударился головой, и, думаю, это перестроило твой мозг. Части, которые отключили Механикус, восстанавливаются. Ну, по крайней мере, некоторые.

— Савицкас, — ответил Исмаил, протянув руку и снова позволив электронной татуировке появиться.

— Да, Савицкас, — улыбнулся Авреем, закатав рукав и показав такую же татуировку.

— Ты прав, корабль страдает от сильной боли, — произнёс Исмаил, он говорил запинаясь и медленно, словно повреждённый мозг с трудом подбирал слова. — Мы чувствуем его страх, и это причиняет нам боль.

— Мы? Кого ты имеешь в виду?

— Других. Как я. Я могу... чувствовать... их. Их голоса в моей голове, слабые, как шёпот. Я могу слышать их, а они меня. Им не нравится слышать меня. Я думаю, что напоминаю им.

— Напоминаешь о чём? — спросил Койн.

— О том, кем они были.

— Он всегда будет так говорить? — спросил Хоук, а тем временем Крушила положил два мешка возле его ног и направился мимо Исмаила к символу-черепу в дальнем конце святилища. Как и Исмаил Крушила испытывал искреннее уважение к ритуалам и набожности.

— Не знаю, — произнёс Авреем. — Я никогда не слышал о сервиторе, сохранившем память о прошлой жизни, поэтому могу только гадать.

— Получается, они в глубине души помнят, кем были, — заметил Койн.

— Шары Тора, надеюсь, что нет, — произнёс Хоук. — Оказаться в ловушке в собственной голове, как раб, кричать всё время и знать, что никто тебя не услышит. Хуже этого я ничего не могу представить.

— Даже после того, что ты рассказывал о Гидре Кордатус?

— Нет, на самом деле нет, но ты понимаешь, о чём я.

— Сомневаюсь, что они осознанно что-то помнят, — сказал Авреем, надеясь избежать очередного пересказа битв Хоука против космических десантников предателей. — Думаю, их центры памяти вырезают одними из первых. После превращения в сервитора остаются только основные двигательные и воспринимающие функции.

— Значит, один удар по голове и он помнит, кто он? — спросил Хоук. — Мы должны проделать это с ними со всеми и у нас будет чёртова армия.

Авреем покачал головой, а Хоук начал рыться в первом мешке. Тесное святилище задрожало от очередного кораблетресения, и Авреем быстро сотворил Шестерёнку напротив сердца.

— Сомневаюсь, что всё так просто, — возразил он. — Ты не можешь испортить чей-то мозг и точно знать, что будет потом.

— А, да кого это волнует, в конечном счёте? — ответил Хоук, вытащил из мешка завёрнутую в плёнку картонную коробку и сорвал упаковку, вздохнув от удовольствия. — Вот вы где, мои милые.

— Что это? — спросил Койн, безуспешно пытаясь скрыть любопытство.

Хоук усмехнулся, открыл упаковку лхо-папирос и зажёг одну паяльником на поясе. Он выдохнул несколько прекрасных колец дыма и, заметив выжидающие взгляды Авреема и Койна, неохотно протянул коробку. Койн взял три, но Авреем довольствовался одной. Хоук зажёг их, и они втроём курили в тишине, пока корабль снова не задрожал, а электро-факел не зазвенел на цепи.

— И как ты их достал? — поинтересовался Койн.

— Я наладил несколько контактов со скитариями. Не слишком желаю распространяться на эту тему, но даже аугметированные суперсолдаты не прочь промочить горло шайном с нижних палуб. Несколько бутылок здесь, несколько бутылок там...

— Что ещё у тебя в мешке?

— Всякая всячина, — сказал Хоук, наслаждаясь загадочными ответами. — Немного еды, немного выпивки без примеси машинного масла и дистиллированной мочи, ну и кое-какие технологии, которые я рассчитываю использовать для торговли с парой-другой надсмотрщиков. Оказывается, их положение не намного выше нашего, поэтому они не против небольшого обмена, чтобы сделать жизнь чуточку комфортнее.

— И что же у тебя есть, что может им пригодиться?

— Это вас не касается, — сказал Хоук, погрозив пальцем. — Я и так уже сказал слишком много, но раз мы стали почти как братья, парни, я готов взять вас в долю.

— И что ты ожидаешь получить?

— Для начала ничего особенного. Полагаю, мы сможем получить немного дополнительной еды или чистой фильтрованной воды. Если это работает, то мы сможем заняться поиском жилья получше или перебраться на палубу, которая не убивает нас радиацией или токсинами. Дайте мне шесть месяцев, и у нас будет тёпленькое местечко, где нам вообще не придётся работать. Главное знать нужных людей и это также верно на космическом корабле, как и в Гвардии.

— Ты и в самом деле можешь сделать это? — спросил Койн.

— Конечно, не вижу причин, почему нет. У меня есть мозги и Крушила, если люди начнут наглеть.

— Ввязываясь в это дело, ты наживёшь немало врагов, — предупредил Авреем. — А Крушила не может охранять тебя вечно.

— Я знаю, я же не идиот. Вот почему я достал это.

Хоук полез во второй мешок и вытащил потёртый и помятый футляр, закрытый на кодовый замок. Он набрал пятизначный код и достал старый на вид пистолет с длинным стволом из спиральных индукционных петель и тяжёлой силовой батареей в рукояти. На матово-чёрной поверхности оружия виднелись царапины и сколы, но, похоже, о механизме хорошо заботились, как о дорогой реликвии.

— Святой Трон, откуда он у тебя? — изумился Койн.

— Я же говорил, что познакомился с несколькими скитариями. Они слышали, что я — бывший гвардеец, слово за слово и... вот.

— Он хотя бы работает? Похоже ему тысяча лет.

Хоук пожал плечами. — Думаю, да. Готов спорить, что это неважно. Ты просто направляешь его на кого-нибудь, и всё о чём он может думать, снесут ему башку или нет.

— Спрячь его, — прошептал Авреем. — Если надсмотрщики увидят тебя с ним, те выбросят в шлюз или превратят в сервитора. И нас, скорее всего, тоже.

— Расслабься, им и в голову не придёт искать его.

Хоук оглянулся, когда Исмаил коснулся его плеча, сервитор выглядел смущённым и растерянным.

— Чего тебе? — резко произнёс Хоук.

— Это оружие, — сказал Исмаил. — Субатомный плазменный пистолет "Геликон", убойная дальность — двести метров, точность — до ста метров. Ёмкость батареи: десять выстрелов; время перезарядки между выстрелами: двадцать пять целых семьдесят три сотых

секунды. Выпуск прекращён в 843.М41 из-за превышения допустимого уровня перегрева на сорок семь процентов после пятого выстрела.

— Ты разбираешься в оружии? — спросил Хоук.

— Я разбираюсь в оружии? — переспросил сервитор.

— Ты говорил так, словно читал чёртovy инструкции по эксплуатации.

— У меня... было... оружие, — запинаясь, ответил Исмаил. — Я думаю, что помню, как применять его. Я думаю, что у меня это очень хорошо получалось.

— В самом деле? Интересный поворот.

МИКРОКОНТЕНТ 19

Первым звонком, что путешествие по Шраму Ореола не обойдётся без жертв, стал сигнал бедствия широкого спектра от "Клинка Фосса". Ближе всех к нему находился "Кардинал Борас", которым командовал седой ветеран-морьяк по имени Энцо Ларусс. Он был одним из тех капитанов, которые побывали в коварных регионах космоса и выжили, чтобы рассказать об этом. В звании старшего офицера боевого корабля типа "Возмездие" он преодолел несколько сильнейших из известных варп-штормов. А став капитаном сумел вернуться из катастрофической экспедиции Вентуния к северным Волчьим Звёздам.

Ларусс управлял "Кардиналом Борасом" твёрдой рукой, которой подчинялись все до последнего матроса. Экипаж мостика был хорошо натренирован и опытен, как и команды нижних палуб, и искреннее чувство гордости и верности ощущалось в каждом отсеке.

Из вокса доносились невыносимо ужасные крики, иногда они были искажёнными и растянутыми, словно запись, которую проигрывали на медленной скорости, иногда резкими и пронзительными. Сокрушительные гравитационные волны сжали время и пространство на пути вокс-трафика, до неузнаваемости изменив слова сообщений, но ничуть ни приуменьшив ужасное чувство страха и отчаяния.

Команда мостика Ларусса не осталась глухой к кошмарам своих товарищей с "Клинка Фосса" и ждала приказа капитана. Сидевший на командном троне Ларусс слушал крики собратьев-моряков, прекрасно понимая, как опасен окружающий космос, но не собираясь бросать попавший в беду корабль.

— Мистер Кассен, снизить скорость на треть, — приказал он.

— Капитан... — предупредил Кассен. — Мы не сможем помочь им.

— Вахтенный, поднять противовзрывные ставни, я хочу увидеть, какого чёрта там происходит, — произнёс Ларусс, игнорируя старшего офицера. — Контроль топографов, посмотрите, что можете сделать, и кто-нибудь свяжитесь с проклятой "Сперанцей". Они должны знать, что здесь случилось.

— Капитан, нам надлежит следовать по точно проложенному курсу, — сказал Кассен. — Архимагос приказал не отклоняться от него.

— Пусть архимагос катится в варп, — возразил Ларусс. — Он уже бросил один корабль и будь я проклят, если мы оставим ещё и "Клинок".

— Топографы не работают, капитан, — раздался ответ от комплексов ауспиков.

— Ни ауспиков, ни вокса, ни щитов, — сердито проворчал капитан. — Очередное идиотское задание.

— Противовзрывные ставни подняты.

Ларусс переключил внимание на отвратительный водоворот уродливого резкого света

умирающих звёзд, растянутых солнечных лучей и пространства-времени. Смертельно гипнотизирующие блестящие отдели из ультрасжатого звёздного вещества окрасили космос перед "Кардиналом Борасом" брызгами света, которые корчились, бросались вперёд и отступали вспять, искажённые колоссальными энергиями мучительных гравитационных полей.

— Святая Терра, — выдохнул Ларусс.

В нижнем секторе смотрового экрана он увидел "Клинок Фосса", эскорт находился достаточно близко, чтобы различить детали без топографов, ауспиков и радиационных излучателей. Корабль попал в гравитационный импульс звезды, которая вряд ли превышала орбитальную платформу или большую сегментную крепость у Кар Дуниаш. Конвергентные потоки гравитации объединились в идеальный шторм гиперплотных волн сокрушительной мощи.

И "Клинок Фосса" попался на краю этого шторма.

Листы брони в десятки метров толщиной отгибались от его корпуса, и корабль невероятно скрутило, раздирая на части вдоль растянутого киля. Смешанные абсолютные гравитационные силы разрывали "Клинок Фосса" и хотя капитан пыталась спасти корабль, Ларусс видел, что этот бой ей не выиграть.

— Ведите нас, мистер Кассен, — приказал Ларусс. — Полный вперёд и приблизьтесь к правому борту. Если мы сумеем защитить "Клинок" от некоторых волн, то он сможет вырваться на свободу.

— Капитан, мы не можем подойти слишком близко или нас то же затянет, — предупредил Кассен.

— Делай, как я приказал, Кассен, — произнёс Ларусс не терпящим препирательств тоном. — У нас больше огня в заднице, чем у них. Мы можем вырваться на свободу. Они — нет.

Прежде чем Кассен выполнил приказ, Ларусс увидел, что уже слишком поздно.

"Клинок Фосса" прогнулся и раскололся, уступив кошмарными силами Шрама Ореола. Укреплённые переборки сломались, и элементы конструкции корабля сдуло, как зёрна ураганом. За считанные секунды остатки эскорта рассеяло и затянуло в трупы звёзд, каждый обломок сжало в частицу величиной с песчинку. Ларусс с горечью наблюдал за гибелью "Клинка Фосса", благородный эскорт растворился, словно состоял из песка и пыли.

— Капитан, мы должны вернуться на прежний курс, — сказал Кассен, когда от станций ауспиков зазвучали сигналы тревоги, а уничтоживший "Клинок Фосса" край шторма протянулся за новой жертвой.

Ларусс кивнул. — Да, мистер Кассен, — медленно произнёс он, словно предлагая шторму попытаться сразиться с "Кардиналом". — Ложимся на первоначальный курс.

— Капитан! — закричал младший офицер с поста топографов. — Зафиксирован близкий контакт!

— Что? — спросил Ларусс. — Какой корабль?

— Не могу знать, капитан. Сигнал ауспика нечёткий.

— Ладно, ты вообще хоть что-то знаешь? Где он?

— Думаю, прямо позади нас.

Первый же залп носовых импульсных лансов "Звёздного Клинка" с убийственной точностью поразил корму "Кардинала Бораса". Управляемые не примитивной прицельной матрицей, а провидческими чтениями пряжи Бьеланны орудия крейсера типа "Затмение"

были точны, как никогда. Три двигательных отсека вылетели в космос, и целые палубы были вырезаны иссушающим колдовским огнём. Корабль эльдар держался сзади и выше противника, изливая огонь на содрогавшееся судно. Хотя взлётные палубы "Звёздного Клинка" ломились от истребителей и бомбардировщиков, ни один из них не принял участие в атаке, чтобы не попасть под уничтожающий огонь ближней защиты вражеского корабля, а Бьеланна не собиралась напрасно рисковать жизнями эльдар.

Пойманный без щитов и неспособный маневрировать "Кардинал Борас" подвергался всё новым и новым ударам. Экипаж боролся, стараясь минимизировать повреждения, но у них было мало шансов на успех против непрекращающихся потоков высокоэнергетических разрывов. Капитан Ларусс пытался повернуть корабль и пустить в ход орудия, но едва тяжёлый клиновидный нос начинал двигаться, как "Звёздный Клинок" ускользал, постоянно держась сзади.

Длинная серия взрывов прошла по дорсальным лансам "Кардинала Бораса", вырвав их из креплений, и сверкающие колонны света прошли сквозь шестьдесят палуб. Огромные пространства корабля объяло пламя, когда вспыхнула насыщенная кислородом атмосфера, заполнив отсеки экипажа ужасающими пожарами, горевшими быстро и беспощадно. Артиллерийские батареи стреляли под всеми возможными углами, но ни одна из них не могла повернуться настолько, чтобы достать напавшего сзади беспощадного убийцу. Торпеды вылетели из пусковых труб, их духи-машины получили разрешение атаковать любую цель, которую они смогут найти.

Это было отчаянной тактикой, но у Ларусса не осталось другого выхода.

Огромные снаряды летали по дуге около украшенного орлом носа и выписывали медленные восьмёрки над настройками, духи боеголовок бомбардировали ближайший космос активными импульсами, пытаясь определить местоположение цели. Большинство быстро сбились с курса и были разрушены мощными гравитационными волнами, сотрясавшими корабль, но нескольким удалось зафиксироваться на призрачных показаниях ауспика, мелькавших возле двигателей "Кардинала Бораса".

Но даже они среагировали на ложные цели, мерцающие приманки, созданные голополями "Звёздного Клинка". То, что показалось военным духам достойной атаки целью, оказалось миражом, прозрачными капризными энергетическими колебаниями, необычным электромагнитным излучением и обманными топографическими призраками. Всего одна торпеда взорвалась, остальные пролетели сотни километров, прежде чем их разорвали гравитационные силы.

"Звёздный Клинок" беспощадно расстреливал потоками импульсного огня "Кардинала Бораса" от кормы до носа. В обычном сражении у "Звёздного Клинка" было мало шансов победить столь мощного врага. Имперские корабли предпочитали бои на истощение, где их превосходство в броне и грубые батареи позволяли превратить окружающее пространство во взрывающийся адский шторм обломков и огня. Но без пустотных щитов и эскортных кораблей, которые не подпускали бы жадного хищника к корме, ему оставалось только страдать.

И "Кардинал Борас" страдал так, как мало какой из кораблей Готического сектора.

Пожары бушевали в гигантских коридорах и соборах, а те немногие спасательные капсулы, которым удалось катапультироваться, ожидало немедленное уничтожение в жестоком космосе Шрама Ореола. Сражаясь за само своё существование "Кардинал Борас" медленно умирал, из его дрожащего корпуса вырвали всю скорость и огневую мощь. За считанные секунды до смерти из последних сил "Кардинал Борас" прокричал о своём

убийце.

Когда от древнего боевого корабля осталось немногим больше, чем пылающие дрейфующие обломки он всё же уступил неизбежному и развалился. Заложенный более четырёх с половиной тысяч лет назад на верфях Райвенсрага-4 киль, наконец, треснул и вцепившиеся в жертву вихревые гравитационные силы разорвали "Кардинала Бораса" вдоль корпуса.

Бесчисленные волны мощных гравитационных штормов закончили работу, растерзав то немногое, что осталось от корабля и рассеяв в распутившемся цветке обломков и механизмов.

Довольный убийством "Кардинала Бораса" корабль эльдар выбрал следующую жертву, и яростный жар разгорелся в его чреве. Молчаливая процессия воинов, оставшихся на пути убийства и войны, торжественно направлялась к святыне в центре "Звёздного Клинка", выжженному храму холодной кости духа, в котором сейчас правили плавающий зной и вулканический гнев.

Жестокий и изящный боевой корабль эльдар кинжалом устремился сквозь гравитационный туман к "Адитуму".

Орудия закрыли защитными кожухами, их не станут использовать в этой атаке.

Уничтожение корабля космических десантников станет намного более личным убийством.

На Чёрных Храмовников обрушится Буря мечей.

Кул Гилад слышал, как стихли крики приказов на мостике "Кардинала Бораса" и понял, что могучий корабль мёртв. Ещё даже не получив исполненное муки сообщение от погибающего корабля, в котором называли виновного в смертоносном обстреле, реклюзиарх знал, кем окажутся нападавшие. С тех пор как эльдарская ведьма убила Элия во Вратах Дантиума и прокляла его взглядом, Кул Гилад чувствовал, как рок преследовал его.

Оставалось только вопросом времени, когда она вернётся закончить начатое.

Возможно, встретив этот рок лицом к лицу, он сможет его остановить.

Командная палуба "Адитума" представляла собой выдержанное в спартанском стиле металлическое пространство эха и теней. Квадратное помещение с приподнятой трибуной сужалось к главному обзорному экрану, мостик спроектировали в строгой эффективности всех судов космического десанта. Сервы ордена — поджарые мужчины из экипажа "Вечного Крестоносца" — управляли основными системами корабля. Каждый был бойцом, воином определённого мастерства и известности среди смертных ордена, но Кул Гилад не считал никого из них ценным в предстоящем бою.

Капитана корабля звали Ремар, прикомандированный офицер Флота служил вместе с Чёрными Храмовниками последние пятьдесят лет, и, конечно же, он тоже сражался с эльдар над пылающими городами Дантиума. Как и все битвы с эльдар история имела привычку повторяться со зловещими последствиями.

— Капитан Ремар, закройте мостик, — приказал Кул Гилад.

— Реклюзиарх?

— Полная изоляция. Никто не входит и не выходит. Только мой прямой приказ откроет дверь. Вы поняли меня?

— Понял, реклюзиарх, — ответил Ремар, и его пальцы заплесали на клавиатуре командной кафедры, выполняя распоряжение Кул Гилада.

— Приготовьте "Барисан" к вылету.

— Повелитель? — переспросил Ремар. — "Громовой ястреб" вряд ли переживёт атаку в столь враждебном окружении. При всём уважении, я прошу изменить приказ.

— Ваше беспокойство принято к сведению, капитан.

Кул Гилад активировал вокс-частоту отделения и глубоко вздохнул перед разговором.

— Варда, Танна. Вы и каждый воин отделения, раненый и готовый к бою должны направиться к посадочной палубе. Поднимитесь на "Барисан" и ждите дальнейших приказов.

Колебание Танны перед ответом свидетельствовало, что он разделял беспокойство капитана Ремара относительно шансов "Громового ястреба" за пределами бронированного корпуса "Адитума".

— Как прикажете, реклюзиарх, — ответил он.

Облегчённый корпус десантно-штурмового корабля долго не продержится без защиты, но идея усомниться в приказе реклюзиарха даже не пришла сержанту в голову. Вокс-связь прервалась, и Кул Гилад направился к командной кафедре.

— Без пощады, без сожалений, без страха, — прошептал он.

— Реклюзиарх? — спросил капитан Ремар.

— Да?

— Разрешите говорить свободно?

— Разрешаю. Вы более чем заслужили это право, капитан Ремар.

Капитан склонил бритую голову с имплантированным кабелем в знак признания чести, оказанной ему Кул Гиладом.

— Что происходит? Вы похожи на человека, который смотрит на собственную только что вырытую могилу.

— Следующей целью эльдар станем мы. И сколь бы доблестным ни был "Адитум" он не победит такой мощный корабль.

— Пусть мы и не победим, — произнёс Ремар. — Но мы умрём, сражаясь. Без пощады, без сожалений, без страха.

Кул Гилад кивнул. — После Дантиума они снятся мне, преследуя меня, словно убийцы. И вот они пришли и убивают нас поодиночке, как трусы. Я презираю их за слабость духа и отсутствие храбрости, капитан. В чём честь наносить удар издалека? В чём слава убить врага и не смотреть ему в глаза, когда последний вздох покидает тело?

Ремар ничего не ответил.

Что он мог ответить?

— Думаю, это был "Кардинал Борас", — произнёс магос Азурамаджелли, отфильтровывая водопады электромагнитных колебаний. Отдельные части мозга и тела тревожно мерцали, и хотя обычно сложный клубок настроений магоса астронавигации с трудом поддавался пониманию, Котов легко считал боль в его словах.

Командная палуба "Сперанцы" не испытывала недостатка в предупреждениях, как визуальных, так и звуковых. Потoki отчётов о неисправностях поступали с каждой палубы могучего судна, которое поворачивалось, сгибалось и сминалось далеко за пределами запасов прочности. Пространство заполнял бинарный визг страдающих систем, и хотя Котов быстро научился игнорировать все кроме самых важных, корабль разрывался на части, и он ничем не мог помочь ему.

При виде гибели "Клинка Фосса" магосы на мостике "Сперанцы" исторгли горестную ноту. Потеря столь многих духов-машин и корабля с безупречной родословной — пагубный удар, как для экспедиции, так и для Механикус в целом.

А теперь они потеряли самый мощный военный корабль, обладавший великим наследием побед и открытий. Истинную реликвию прошлого, которая участвовала в величайших космических сражениях минувшего тысячелетия и исследовала регионы космоса, ныне описанные чернилами картографа вместо белых пятен на пустых картах.

Котов поддался гневу и направил свою боль на механическое гибридное существо, присевшее на уродливых сетчатых ногах.

— Вы утверждали, что сможете безопасно провести нас сквозь Шрам Ореола, — начал он.

Галатея встала, центральный паланкин повернулся, манекен активировался и устоялся на Котова. Роботизированное тело техножреца дёрнулось, и серебряная оптика весело замерцала.

— Утверждали, — согласилась Галатея. — Но также мы предупреждали, что вы должны подготовиться к большим потерям, прежде чем мы достигнем противоположной стороны.

— Такими темпами нам повезёт, если мы вообще туда доберёмся.

— Вы уже проникли дальше, чем любой кроме магоса Телока, — подчеркнула Галатея.

— Данный факт будет иметь значение, только если мы выживем, — возразил Котов.

— Верно, но Шрам Ореола не повинен в гибели "Кардинала Бораса".

— Тогда, что с ним произошло?

— Мы ощущаем присутствие другого судна, которое по отчётам о ксено-контактах из архива Флота на Кипра Мунди можно идентифицировать, как "Звёздный Клинок", боевой корабль эльдар.

— Корабль эльдар? — переспросил Котов. — Вы уверены?

— Энергетические сигнатуры и массовое смещение дают степень точности оценки в девяносто восемь целых шесть десятых процента. По траекториям движения разумно предположить, что это он уничтожил "Кардинала Бораса" и теперь собирается атаковать "Адитум".

Котов посмотрел на Блейлока. — Прикажите всем судам приблизиться к "Сперанце". Иначе мы останемся лёгкой добычей для такого корабля.

— Как прикажете, архимагос, — ответил Блейлок, взорвав вокс срочными сообщениями.

Котов переключил внимание к астронавигации.

— Азурамаджелли? Мог этот корабль эльдар быть источником сигналов, которые вы обнаружили перед входом в Шрам?

Вспыхнул свет, когда магос астронавигации вызвал старые данные, и Котов теперь увидел слабые намёки, которые могли свидетельствовать о присутствии корабля ксеносов, если знаешь, что именно их надо искать.

— И в самом деле, мог, архимагос. Я не стану оправдываться из-за того, что не заметил его. Какую епитимию мне наложить на себя?

— О, заткнись, Азурамаджелли, — разозлился Котов. — Ауспики сейчас бесполезны, поэтому найди способ уничтожить корабль ксеносов, и мы обсудим твоё наказание в следующий раз.

— Вы не сможете уничтожить его, — возразила Галатея. — Даже с нашей помощью.

— И что тогда? Мы позволим ему уничтожить флот по частям, корабль за кораблём?

— Нет, — ответила Галатея, словно её рассмешила явная глупость Котова. — Вы не можете сражаться с этим кораблём, но "Сперанца" может.

Всё началось с мерцающего тумана, который появился на просцениуме у дальней стены мостика "Адитума".

Кул Гилад сжал руку, и дуга разрушительной энергии заплясала вокруг огромных пальцев силового кулака. Тяжёлая лента с болтами защёлкнулась в штурмовом болтере, и он запел клятву реклюзиарха.

— Веди нас от смерти к победе, ото лжи к истине, — произнёс он, когда наполовину сформировавшийся ксено-портал залил командную палубу потрескивающим странным актиническим светом.

— Веди нас от отчаяния к надежде, от веры к кровопролитию.

Экипаж мостика покинул посты, вытаскивая пистолеты и обнажая зазубренные боевые клинки. Плачущий стон смертоносного ветра донёсся из кружившегося скопления колдовского света, становясь всё громче и превращаясь в звуки лязгающих клинков, горестный вой и треск далёких пожаров.

— Веди нас с Его силой в сердце и к вечности войны.

Капитан Ремар отдал последнюю команду "Адитуму", направив корабль к "Сперанце", отсоединился от кафедры и достал длинную рапиру из кожаных ножен на боку.

— Пусть Его гнев наполнит наши сердца.

С реклюзиархом в центре команда мостика сформировала боевую линию. Кул Гилад слышал голос сержанта Танны в шлеме, но отключил связь. Крестовый поход Шрама продолжится и без него, и сейчас он не мог отвлекаться.

— Смерть, война и кровь: служи Императору в священном отмщении, во имя Дорна!

Ксенопортал замерцал, словно гладкая поверхность замёрзшего озера и гибкая женщина-воин ступила на борт "Адитума". Облачённая в украшенную рунами изумрудную броню и белый, как кость, высокий шлем с покачивающимся ярко-алым плюмажем и напоминавшими рога выступами — Кул Гилад хорошо её помнил со времени боя во Вратах Дантиума. С плеч женщины свисал зелёно-золотой плащ, а тонкий меч украшала искусная мерцающая гравировка, которая мерзко извивалась.

За её спиной из портала вышла дюжина воинов в вытянутых шлемах и доспехах из перекрывающихся пластин чешуйчатого зелёного цвета. Потрескивающие энергии пробегали между напоминавшими зубы жвалами шлемов, и несмотря на стройное телосложение каждый из воинов выглядел грозным противником.

— Ты убила Элия, чемпиона Императора, — произнёс Кул Гилад. — И теперь пришла убить меня.

— Да, — согласилась ведьма эльдар. — Я не позволю тебе уничтожить их будущее.

— И это все, кого ты привела? Я убью их всех.

Ведьма склонила голову набок, словно её позабавило вызывающее поведение реклюзиарха.

— Не убьёшь, — сказала она. — Я путешествовала по пряже и тысячу раз видела, как обрывалась твоя нить.

Портал запульсировал в последний раз. Ослепительный свет и палящий жар, который Кул Гилад не чувствовал с сезона огня на Армагеддоне, заполнили мостик "Адитума".

Высокий демон из огня и кипящей крови прошёл сквозь воюющие врата, его пылающее тело облегли раскалённые докрасна бронзовые пластины, с которых на палубу стекал расплавленный металл. Могучее тело скрипело и светилось светом раненых звёзд, а огромное копьё, которое он нёс, горестно выло о потерянной империи и самогеноциде

миллиона душ. Дым из кровавой печи клубился вокруг рук и ног, и туман пылающего пепла кипел и бушевал на увенчанной рогами голове, словно тёмная корона.

Аватар бесконечной войны взревел с неуголимым гневом бога-воина, и кровь убитых сочилась между его пальцами, стекая густыми ручейками по рукояти чудовищного копья.

— Отринь колдовство, — прорычал Кул Гилад. — Сокруши колдовство!

Они слышали тревожные предупреждения, но не обращали на них внимания. С тех пор, как вокс-спикеры десять часов назад объявили о входе в Шрам Ореола, поступал непрерывный поток предупреждений, сигналов тревоги и бинарных сообщений. Авреем, Койн, Исмаил, Хоук и Крушила направлялись по сводчатым туннелям технической палубы в столовую. В ближайшую смену им придётся заправлять плазменные двигатели и до её начала оставалось всего две склянки, а высококалорийная каша была почти единственным, что поддержит их силы во время изнурительной работы, когда придётся на длинных цепях перемещать по рельсам ненадёжные топливные цилиндры к камерам сгорания. Многочисленные мускульно-аугметированные сервиторы облегчали жизнь, но тяжёлая работа не могла не сказываться. Ожоги, едкие пары и порванные мышцы были обычным делом после пары-другой часов.

— Не дождусь, когда ты найдёшь для нас работу полегче, — сказал Койн.

— Мы вместе, парень, — ответил Хоук.

— В любом случае ты почти ничего не делаешь, — заметил Авреем. — Крушила делает всю твою работу, и ты заставляешь сервиторов таскать большинство грузов.

Огрин усмехнулся при упоминании своего имени, продолжая нести мешки с контрабандой. В одном из них лежал плазменный пистолет, который Хоук выменял у скитариев, и Авреем старался не думать о том, сколько проблем он принесёт в случае обнаружения.

Бывший гвардеец пожал плечами, ни капли не стыдясь, что отлынивает от работы. — Я вижу себя скорее человеком, который делегирует обязанности, Ави, — сказал он. — Человеком, который добивается цели, не запачкав руки.

— Нет, ты уже основательно запачкал руки, — возразил Авреем.

Взвыла очередная сирена, необычный рёв прозвучал, подобно крику самого судна. Авреем подпрыгнул от неожиданности, ощущая на глубоком сущностном уровне, что это не какой-то обычный повседневный звук, а предупреждение, которое раздаётся только в самых худших ситуациях.

— Такого я раньше не слышал, — произнёс Койн. — Интересно, что он означает.

— Скорее всего, ничего, — ответил Хоук. — Наверно, прорвало трубу в туалете архимагоса.

Остальные нервно рассмеялись, но все они понимали, что за новым звуком стоит нечто большее, чем за обычными предупреждениями, причины которых впрочем, также оставались для них неизвестными. В этой сирене присутствовала резкая нота реальной опасности для корабля, словно её специально создали, минуя все рациональные мысли напрямую обращаться к реакции страха разума.

— Нет, — сказал Авреем. — На этот раз что-то действительно пошло не так.

Сигналы тревоги звучали по всей "Сперанце", пронзительные крики о нарушении заставили кадианцев покинуть казармы, скитариев залы гильдий, а охранников Механикус хабы быстрого реагирования. По всему ковчегу вооружённые мужчины и женщины вгоняли обоймы в дробовики, защёлкивали силовые ячейки в лазганы и вставляли энергетические

батареи в имплантированное оружие.

Отделения техногвардейцев сформировали оборонительные кордоны у входов в величественные технические залы, где легион рабочих фабрикатуса ковчега трудился над поверженным "Канис Ульфрика". Вен Андерс направил роты 71-го к заранее подготовленным защитным "бутылочным горлышкам", а магос Дахан рассредоточил скитариев по коридорам и залам судна, словно лейкоциты по живому организму для уничтожения инфекции.

Сигнал тревоги, который эхом разносился по "Сперанце", никогда не звучал прежде, его частота была тщательно подобрана неизвестными создателями могучего корабля за чёткую атональность, вызывавшую сильный дискомфорт у слушателей.

Он означал одно и только одно.

Вражеский абордаж.

МИКРОКОНТЕНТ 20

Крики и необычные звуки выстрелов эхом отражались от высоких стен плазменных залов. Цилиндры со смертельно нестабильным топливом покачивались наверху, двигаясь по рельсам, как потерявший управление поезд к неизбежному столкновению на занятой конечной станции. Мерцающий колдовской огонь полудюжины ярких порталов отбрасывал причудливые тени и принёс вызывающий галлюцинации свет в ту часть "Сперанцы", которая тысячи лет не видела солнце.

Авреем присел сбоку от мега-бульдозера, чьи металлические гусеницы превышали рост десяти мужчин, и с ужасом наблюдал, как захватчики убивали людей на технических палубах. Тела валялись по всему залу, разорванные на части, словно попавшие в сельскохозяйственную молотилку. Их убили ксеносы, но не жестокие неуклюжие дикари, которых высмеивали в ежедневных молитвах, а грациозные скульптурно красивые алебастровые и нефритовые фигуры. Они двигались, как кружившиеся танцоры, их шаги были плавными, а тела неизменно сохраняли идеальный баланс. Они несли гладкое оружие с длинными стволами, которое гудело, выпуская град смертоносных снарядов.

— Это эльдары? — спросил Койн. — Пираты?

— Думаю, да, — ответил Авреем. — Правда, они не очень похожи на пиратов.

Немногочисленные скитарии, которые патрулировали технические палубы, продолжали сопротивляться, заполнив зал гулкими выстрелами из дробовиков и пылающими разрядами лазерного огня. Десять или больше уже погибли, их подстрелили фигуры в плащах, скрывавшиеся среди теней, подобно призракам, или сразили стремительные воины в яркосиних доспехах, чьи винтовки визжали, убивая.

Авреем нырнул, когда что-то, вращаясь, вонзилось в гусеницу рядом с ним, это оказался совершенно гладкий диск из материала, напоминавшего полированную керамику. Его края гудели с магнитной силой и казались острее, чем любое лезвие, которое когда-либо видел Авреем. Он и остальные не хотели приходить сюда, но круговые запертые двери, герметичные переборки и баррикады скитариев вывели их в самый центр перестрелки.

— Чертовски глупо, — сказал Хоук. — Не нужно искать бой. Нужно избегать его.

— Сомневаюсь, что у нас был выбор, — ответил Авреем. — Или это или застрять в туннелях.

— По крайней мере, там нас не подстрелят.

— И мы могли бы оказаться взаперти на много дней и умереть от голода.

Хоук посмотрел на него, не желая соглашаться, и Авреем знал, что он прав — было глупо приходить сюда. Бывший гвардеец опустился на колени возле Крушилы и начал рыться в мешках, а тем временем Койн, открыв рот от изумления, наблюдал за происходящим

сквозь шестерёнки, колёса и механизмы гусениц. Как и Авреем он никогда прежде не видел ксеносов, и абсолютная чуждость захватчиков пробуждала самые худшие из страхов.

— Убить их? — спросил Крушила, и все уставились на него. Это было первым, что он сказал после Джоуры.

— Зубы Тора, что с ним? — изумился Хоук, когда огрин выпрямился и сжал кулаки.

— Активировались психо-условные рефлексy, — ответил Авреем, заметив, как заработала примитивная аугметика Крушилy. — Ответная реакция на запах крови и звуки битвы.

Тело огрина заметно увеличилось, когда внутрисосудистые химические шунты накачали мощную физиологию боевыми стимуляторами, а мышечные активаторы впрыснули столько адреналина, чтобы у обычного человека мгновенно остановилось бы сердце.

В другое время Авреем пришёл бы в ужас от соседства с готовым к бою недочеловеком, но сейчас находиться рядом с разъярённым огрином казалось не такой уж плохой идеей.

— Пригнись ты, тупой увалень! — зло выпалил Хоук, когда Крушила покинул укрытие. — Они заметят тебя!

Слова Хоука оказались пророческими, и сквозь внутренние механизмы гусениц мега-бульдозера Авреем увидел, как группа ксеносов-убийц в облегающих абляционных доспехах цвета старой кости повернула в их сторону ярко-красные хрусталики линз нефритовых шлемов.

— Вот дерьмо, — выругался он, когда ксеносы выпустили град визжащих дисков.

— Валим отсюда! — крикнул Хоук, прихватив один из мешков.

Авреема не требовалось просить дважды, хотя он понятия не имел, куда бежать. Но куда они бежали было менее важным, чем отчего они бежали.

Их окружил вихрь звуков, похожих на разбитое стекло, когда диски прошли сквозь траки мега-бульдозера, разорвав гидравлические линии и разбив вдребезги силовые узлы, в мгновения ока превратив огромную машину в бесполезный кусок металла. Вращавшийся обломок попал Койну в спину, прочертив кровавую линию вдоль лопаток. Он споткнулся, потрясённый внезапной болью, и упал на колени. Авреем увидел осколок острого керамического диска, вонзившийся в мягкие ткани спины, и нагнулся вытащить его. Он справился, хотя края порезали ему руку, и кровь хлынула из глубокой раны на ладони.

— Император, что за боль... — проворчал Койн, пока Авреем помогал ему подняться. Кровь капала из рук Авреема, пока они с Койном, пошатываясь, шли вдоль мега-бульдозера. Ещё больше визжащих дисков и рикошетов устремились им вслед, но что удивительно — ни один не попал в цель. Авреем оглянулся через плечо.

— Крушила! За мной! — крикнул он, увидев, что огрин не побежал с ними.

— Крушила сражаться! — проревел огрин, ударив тяжёлым кулаком в разбухшую грудь. — Крушила убивать врагов Императора!

Авреем остановился, не желая просто взять и бросить огрина.

— Что ты делаешь? — выдохнул Койн. — Бежим!

— Давай же, чёртов идиот! — закричал Хоук из тени противовзрывной переборки, которая к счастью ещё не опустилась и не перекрыла выход. В том же направлении бежали, спасаясь от резни, рассеянные группы крепостных, пригибаясь между тяжёлым оборудованием и подъёмными механизмами. Переборка гремела, но запирающий механизм по каким-то причинам не позволял ей опуститься. Она могла упасть в любой момент, оставив Авреема в ловушке посреди перестрелки, и он понимал, что у него не осталось

выбора, кроме как продолжать двигаться.

Потоки дисков визжали за спиной. Авреем боялся оглянуться и продолжал идти, таща обмякшее тело Койна.

— Давай, ради Императора! — завопил он. — Помоги мне, Койн! Очнись и шевели своими чёртовыми ногами!

Глаза Койна заморгали, открываясь, и он кивнул, но от потери крови и шока так и продолжал висеть мёртвым грузом на боку Авреема.

— Помогите! — крикнул Авреем товарищам-крепостным. Они проигнорировали его, но затем — увидев, кто кричал — несколько человек вернулись. Они схватили Койна за ноги и вторую руку, и поволокли в обещавший спасение арочный коридор за противовзрывной переборкой. Авреем взглянул на Хоука и увидел, что тот отчаянно копается в мешке.

Авреем услышал гневный рёв и прижался к стене возле задрожавшего дверного проёма. Он посмотрел вверх и увидел, что противовзрывная переборка опускается по несколько сантиметров за раз, словно сражаясь с невидимой силой, которая удерживала её открытой.

— Ави, ты не мог бы закрыть эту чёртову дверь?! — крикнул Хоук.

Авреем вздохнул и стал искать дверной замок, но отпрянул от захлестнувшей механизм злобы, кроваво-красный туман данных защищал устройство от любой попытки вмешательства.

— Не получается, — крикнул он в ответ. — Её заклинило или что-то вроде того.

— Уже ближе, — сказал Хоук. — Ага! Вот он.

Авреем отвернулся и посмотрел в зал, откуда они только что прибежали.

У мега-бульдозера он увидел Крушилу, окружённого воинами эльдар. Они заполнили воздух смертоносными острыми дисками, отрывая куски окровавленного мяса от тела огрина, безнаказанно танцую вне досягаемости его тяжёлых кулаков. Они двигались с нечеловеческой скоростью, стремительно приближались к Крушиле и наносили режущие удары изящными клинками, которые выглядели слишком тонкими для боя, но рассекали толстую кожу огрина с лёгкостью энергетического оружия. Ксеносы напоминали мутировавших портовых крыс, напавших на пьяного грузчика, слишком маленькие, чтобы в одиночку повалить добычу, но вместе...

Один из эльдар замешкался и пропустил мощный удар в шлем. Не успел потрясённый воин опомниться, как Крушила схватил его за бронированное облачение и впечатал в мега-бульдозер, переломав все кости в хрупком теле.

Окровавленный огрин триумфально взревел и швырнул тело в группу нападавших. Большинство увернулось от импровизированного снаряда, но нескольких сбilo с ног. Секунду спустя Крушила уже был возле них, он раздавил одного в мякоть, а другому сломал шею, прежде чем остальные успели подняться. Затем кулак огрина врезался в эльдара, который осмелился приставить винтовку к его шее. Воин отлетел на десять метров и приземлился скомканной кучей, у Авреема не было никаких сомнений, что позвоночник ксеноса превратился в месиво сломанных костей.

Остальные эльдары отступили, наконец, поняв, что с их стороны было высокомерно приближаться к столь сильному противнику. Авреем ожидал, что они откроют огонь, но залпа острых как бритва дисков так и не произошло. Секунду спустя он увидел почему.

Размытая фигура, напоминавшая человека, который двигался слишком быстро для обычных глаз, обогнула мега-бульдозер. Улучшенная оптика Авреема сумела различить очертания мерцающего призрака, грациозный безупречно совершенный силуэт, сжимавший

длинный меч с тускло-белым клинком. Высокий воин, облачённый в броню из небесно-синих пластин и украшенный красно-золотым гребнем шлем, то пропадал из вида, то появлялся, словно его изображение разбили и разбросали в тумане зеркального света.

Фигура закружилась и затанцевала вокруг Крушилы в серии последовательных изображений, и в те мгновения, когда Авреем всё же успевал заметить её, она казалась моментальным снимком, пойманным в световой вспышке.

И затем всё закончилось.

Танец подошёл к концу, а Крушила стоял на коленях, кровь била из смертельных порезов, которые рассекли все главные артерии в его теле. Неожиданно он показался маленьким, как глупый ребёнок, побитый хулиганами в школе. Высокий воин в последний раз закружился в прыжке, и голова Крушилы слетала с плеч, отрубленная великолепно сбалансированным ударом.

Воин поднял взгляд от жертвы и Авреем почувствовал его отвращение. Но не от убийства, а из-за того, что клинок пришлось запятнать кровью столь грубого противника. Он встретил холодный воинственный взгляд эльдара и ощутил ледяное спокойствие совершенного боевого мастерства. Этот воин воплощал смерть в самой чистой форме.

Контакт разорвался и силуэт ксеноса размылся в мерцающем серебряном свете, когда он устремился к упрямо открытым дверям.

— Вот дерьмо, — выдохнул Авреем. — Мы должны бежать. Немедленно!

Кулак Кул Гилада врезался в пылающего демона и реклюзиарх ощутил жар расплавленного тела сквозь тяжёлые пластины и потрескивающие энергии силовой перчатки. Металл прогнулся, и капающие брызги горящего ихора потекли из трещин, словно светлая кровь. Аватар взревел и провёл сияющим копьём сокрушительную дугу. Облачённый в терминаторскую броню Кул Гилад был слишком массивным, чтобы избежать атаки, и он наклонился, принимая удар на изогнутые пластины наплечника.

Белый жар горячей печи, которую только возможно представить, прорубил керамит и реклюзиарх сдержал мучительный крик, почувствовав, как до черноты обуглилась кожа. Он отступил от демона и выпустил в упор очередь разрывных масс-реактивных болтов. Большинство даже не попали в существо, их боеголовки вспыхивали и детонировали раньше времени из-за исходящего от монстра нестерпимого жара. Несколько сумели пробить медные пластины, но невероятная температура уничтожила их, не позволив взорваться.

Голос Танны эхом отражался в шлеме реклюзиарха, но у него не осталось ни дыхания, ни времени отвечать на отчаянные крики сержанта.

Демоническое существо возвышалось над ним, и Кул Гилад почувствовал, как растёт его гнев, чтобы не уступить вечной ярости, раскалённой звездой пылающей в глазах ксеноса. Шторм бушевал вокруг реклюзиарха, kloкочущий ураган света и нечестивых энергий, которые плевались и кусались иссушающими разрядами. Молния не смогла проникнуть сквозь широкие пластины его доспеха, но команде мостика повезло меньше.

Он слышал, как они умирали, ободранные до костей колдовством ведьмы или забитые, словно скот воинами в зелёной броне. Он не видел, как их убивали, но внезапное молчание стало достаточным доказательством гибели экипажа. В самом центре шторма стояла ведьма эльдар, её стройное тело окутывал сияющий ореол энергии.

Подчинявшийся ей демон снова направился к реклюзиарху, он приближался быстрее, чем что-нибудь такого же размера и чудовищного огня должно было двигаться. Оружие танцевало в окружавшем монстра мареве, иногда оно казалось широким мечом, иногда

огромной секирой или кричащим копьём. Кул Гилад отбил оружие силовым кулаком и шагнул вперёд, собираясь нанести громоподобный сокрушительный удар в живот существа.

— Всепобеждающий Повелитель Человечества, возрадуйся рёву войны! — нараспев произнёс он, пророкотав сквозь вокс-решётку шлема. Удар пробил бронированную пластину и горячие, как магма брызги внутреннего огня залили силовой кулак. Кул Гилад проигнорировал жгучую боль и замахнулся для новой атаки.

Красная вспышка и пылающая боль в животе сказали ему, что он ранен. Мостик закружился и реклюзиарх понял, что больше не стоит на палубе. Он врезался в опорную стойку, и почувствовал, что согнул её силой удара. Несколько костей сломались, а тело охватил жар, когда самовосстанавливающаяся биология заработала на полную мощь.

Он упал на палубу с такой силой, что смялись пластины брони.

— Реклюзиарх! — закричал Танна, и на этот раз Кул Гилад обратил на него внимание, понимая, что это его последний шанс поговорить с воинами.

— Сержант, — прошептал он, сквозь окровавленные зубы. — Доберись до "Сперанцы". Уходи и никогда не оглядывайся.

— Что происходит? — быстро спросил Танна. — Мы покинем "Барисан" и направимся к вам.

— Нет, — возразил Кул Гилад. — Доберись до "Сперанцы". Сейчас же. Это — мой последний приказ и ты подчинишься ему.

— Реклюзиарх, нет!

— До конца, брат, — тихо произнёс Кул Гилад, и отключил вокс.

Мостик затянуло дымом, реклюзиарх встал, поднял руку со штурмовым болтером и выпустил новую очередь. Демон возвышался прямо над ним и похоже на этот раз выстрелы не прошли бесследно. Аватар покачнулся от шквала огня и вскинул красно-золотую руку, из которой вырвался свет и потянулся серно-жёлтый дым. На визоре Кул Гилада прокручивались дынные о повреждениях.

— Найди радость в клинках и кулаках, покрасневших от крови ксеносов в смерти и разрушении на поле битвы, — произнёс он и выпрямился в полный рост.

Шторм света прошёл, и он увидел окровавленные тела экипажа.

Капитан Ремар лежал на спине, его тело покрывали многочисленные электрические ожоги и ужасная широкая рана от шеи до таза. На рапире виднелась кровь — по крайней мере, один воин эльдар отведал клинок капитана, прежде чем они убили его. На мундире Ремара заиграл свет, и мгновение спустя демон раздавил капитана сияющей ногой, с каждым могучим шагом дочерна выжигая настил палубы. Мясная вонь горелой человеческой плоти стала ещё сильнее.

— Насладись яростными поединками и жестокими битвами, которые приносят горе и горечь в жизнь человека! — проревел Кул Гилад, бросаясь на чудовищного бога войны. Штурмовой болтер выпустил последнюю сверкающую очередь, наступил момент, который реклюзиарх ждал всю свою жизнь, последняя атака без шансов на победу на службе Императору. Он вспомнил сказанное госпоже Тихон.

В конечном счёте, все умирают, даже космические десантники.

Время застыло, кулак двигался со скоростью тектонических плит, он видел, как вспыхивали ракетные двигатели вращающихся боеголовок, вылетевших из штурмового болтера. Кулак врезался в центр груди демона и Кул Гилад дал выход всей своей праведной ярости и справедливой ненависти.

Удар разорвал ужасную органическую металлическую броню демона и реклюзиарх почувствовал, как руку окутал жгучий невыносимый жар. Рёв боли демона симфонией зазвучал в его ушах, и он обрадовался, что Император не отказал ему в последнем даре перед смертью. Взметнулось пламя, и реклюзиарх получил тошнотворный удар в живот.

Кул Гилад понял, что падает и врезался шлемом в палубу, переворачиваясь на спину. Рука превратилась в искореженный обгоревший обрубок расплавленного мяса, кости и металла, который только внешне напоминал человеческую конечность. Поднимался чёрный дым, влажные обрывки кожи свисали с пробитых пластин расплавленной брони и, хотя он знал, что должен прийти в ужас от такой кошмарной раны, он ощущал абсолютный покой.

Внутри бушевал жгучий давящий жар, тело вопило в муках, пытаюсь справиться с повреждениями. На него упала тень, и Кул Гилад посмотрел на демона, огненная грудь существа оказалась смята и разорвана, но срасталась прямо на глазах. От смертельной раны не осталось ни следа, и отчаяние коснулось воина-жреца при мысли о поражении.

Ухмылявшийся демон возвышался над ним, внушая страх всем своим видом и ужасая целенаправленным насилием, которое он воплощал. Кул Гилад ненавидел его с каждым оставшимся вздохом. Чёрная краска доспеха отслаивалась от близости монстра, и реклюзиарх из последних сил попытался встать. Он опёрся на локоть уцелевшей руки и увидел, почему не смог подняться.

Его разрубили пополам в талии.

Ноги в броне покоились на палубе, а он лежал в кольцах перекрученных внутренностей, медленно сочившихся из опалённого разрубленного тела. Демон стоял в горящей луже насыщенной кислородом крови, и Кул Гилад вдохнул её резкую химическую вонь. Монстр опустил пылающее оружие, касаясь груди, и острие в последнем оскорблении вонзилось в имперского орла.

Жизнь Кул Гилады измерялась во вдохах. Даже физиология космического десантника не могла справиться со столь тяжёлой раной без аптекаря. Брату Ауидену пришлось бы напрячь все свои умения, чтобы спасти его, и сердце Кул Гилады страдало от мысли, что его тело не будет похоронено в склепах "Вечного Крестоносца".

Ведьма эльдар опустилась на колени возле умирающего тела, и он из последних сил попытался отшвырнуть её, но огненный демон продолжал прижимать его к палубе, словно препарируемое животное на секционном столе. Она подняла руки и сняла шлем, показав узкое овальное лицо с жестоким взглядом и копной рыжих волос, в которые были вплетены сверкающие камни и крупинки золота. Её губы были полными и подкрашенными синим цветом.

Она наклонилась и отстегнула шлем-череп от горжета, сбросив давление в затворах, соединявших его с бронёй. С удивительной нежностью ведьма сняла тяжёлый шлем и положила возле головы. Кул Гилад почувствовал тонкий аромат духов с мускусным привкусом распустившихся пещерных цветов и дымных храмов, где применялись декадентские психотропные вещества.

— Странно, — произнесла она ненавистным мелодичным голосом. — Ты умираешь, а будущее всё также неясно.

— У тебя нет будущего, — выплюнул Кул Гилад. — Корабль обречён и ты вместе с ним. Она с любопытством посмотрела на него, словно не понимая, о чём он говорит.

— Ты — военный лидер, так? — спросила она.

— Я — Кул Гилад, — ответил он. — Реклюзиарх Чёрных Храмовников, гордый сын

Сигизмунда и Дорна. Я — воин Императора и я не знаю страха.

Она наклонилась ближе и прошептала ему в ухо. — Знай, что всё, что у тебя есть и всё, что тебе дорого, умрёт от моей руки. Я убью твоих воинов, и мечта о будущем снова оживёт. Я не позволю убить моих дочерей до их рождения, даже если для этого потребуется погасить сами звёзды.

Кул Гилад понятия не имел о чём она говорила, и только непокорная ярость горела в его глазах.

Он сплюнул полный рот кровавой пены, чувствуя, как органы отказывают один за другим.

Цвета померкли и он изо всех сил попытался произнести последнее проклятье.

— Есть только Император, — прошептал Кул Гилад. — И Он — наш щит и защитник.

Сбежав с технической палубы, Авреем и крепостные в слепой панике мчались по туннелям. Люминесцентное освещение не работало и единственным источником света были мигающие аварийные знаки, тускло мерцающие в шипящем клаустрофобном мраке. Глаза Авреема компенсировали недостаток освещения, но он оказался единственным, кто хоть как-то ориентировался в геометрии и планировке коридора, в котором они оказались. Он был узким, а вдоль стен протянулись дрожащие пульсирующие трубы, напоминая систему пищеварения, у которой возникли проблемы после сытного обеда. Кое-где виднелись буквенно-цифровые обозначения, но такие Авреем ещё не встречал. Он понятия не имел, где оказался, и это ничуть не увеличивало шансы на спасение.

Скрипы и стоны разламывающегося металла стали ещё громче, пока "Сперанца" корчилась и сгибалась в мощной хватке Шрама Ореола. Из разорванных труб вырывался пар и Авреем постоянно ощущал брызги масляного тумана и гидравлических жидкостей. Ужасные страшные крики отражались от стен, и он старался не думать о том, как близко подобрались убийцы эльдар.

— Хоук! — позвал он. — Ты где?

Если Хоук и потрудился ответить, то его голос потерялся в шуме шаркающих ног и криках людей. Поспешное бегство привело их в просторный вытянутый зал с плавно изгибающимися стенами и огромными лопастями вентилятора, которые медленно вращались под потолком. Из-под решётчатого пола поднимались порывы насыщенного углеродом горячего воздуха, и Авреем понял, что они оказались в одном из вентиляционных отсеков корабля, в лёгких "Сперанцы". Крепостные остановились в замешательстве, тьма и размер помещения лишили их малейшего представления, куда дальше двигаться. Они не могли увидеть арочный выход в коридор у дальней стены, зато Авреем мог.

— Сюда! — крикнул он. — Идите за мной, я вижу выход.

Рука схватила его, и он повёл испуганных людей. Одни цеплялись за его комбинезон, другие ориентировались на звук его голоса, но так или иначе спотыкавшаяся шаркающая толпа следовала за ним.

— Слава Императору, что у тебя есть глаза отца, — раздался голос за плечом.

— Хоук?

— Кто же ещё, Ави, — ответил Хоук, крепко сжав ему плечо. — Вряд ли Крушила сумел выбраться?

Авреем покачал головой, прежде чем вспомнил, что Хоук не увидит его жест.

— Нет, эльдар убил его, — сказал он. — Мечник отрубил ему голову.

— Жаль, но это стоило бы увидеть, — задумчиво произнёс Хоук без малейшего намёка

на сожаление, и Авреем почувствовал, как его неприязнь к бывшему гвардейцу поднялась на ступеньку выше.

— Твоё желание может исполниться, убийца Крушилы преследует нас.

— Не волнуйся о нём, я позабочусь о разукрашенном ублюдке.

Авреем хотел рассмеяться над безумной бравадой Хоука, но у не осталось сил.

Ведомая им толпа перепуганных людей добралась до выхода из вентиляционного отсека и при их приближении дверная переборка с грохотом начала подниматься. Авреем не знал, что и думать, наблюдая, как из замка улетучивается фыркающий шипящий код, исчезая в эфире инфосферы корабля.

Он услышал странные звуки в воздухе, быстро сменившиеся криками боли. Авреем рискнул оглянуться, и его сердце замерло при виде входящего в зал эльдара-убийцы в сопровождении отделения стрелков. Они открыли огонь, но тепловые волны мешали целиться и упали всего несколько из их жертв.

Авреем остановился, увидев, что большинство из тех в кого попали, ещё были живы, они лежали с ровно отрубленными руками и ногами или разрезами в форме диска вдоль спины. Несчастные молили о помощи и человек, которым Авреем когда-то был, хотел вернуться.

Но человек, которым он стал, знал, что не стоит рисковать своей шеей ради тех, кто всё равно уже мёртв.

— Давай, Ави! — закричал Хоук. — Ты нам нужен.

Вцепившиеся в Авреема руки потянули его прочь, и они снова побежали по тёмным коридорам, которые петляли, поднимались, опускались и уводили всё глубже и глубже в лабиринт туннелей, о которых, скорее всего, забыли и сами Механикус. Если попадались перекрёстки, то Авреем шёл наугад, надеясь, что преследователи, в конечном счёте, сдадутся и займутся более лёгкой добычей.

Как там говорят в удалённых фермерских комплексах?

Мне не нужно обогнать грокса, мне нужно обогнать тебя.

Он совершенно потерялся, но отчаявшиеся люди следовали за ним, как за ниспосланным божественным спасителем. Они выкрикивали его имя и зывали к Омниссии, Тору, Императору и бесчисленным святым родных планет. Иногда Авреем замечал на стенах вспышки кроваво-красного кода, который сопровождал их бегство, словно какой-то ликующий бинарный наблюдатель, упивавшийся страхом. Он понятия не имел, что это могло быть, и не оставалось ни времени, ни сил, чтобы впустую раздумывать на эту тему.

Туннели становились всё теснее, и Авреем услышал, как сзади раздались новые трескучие очереди, быстро сменившиеся новыми криками. Он прибавил ходу, хотя измученное тело уже мало чем могло помочь. Сердце бешено стучало во впалой груди, а руки и ноги пылали от внезапного всплеска активности и адреналина. Крепостные всё плотнее обступали его, от них исходила резкая вонь пота страха и отчаяния, проклятьем повисшие на нём. Они рыдали на бегу, возлагая надежды на спасение на лидерство Авреема. Туннели петляли, образуя лабиринт, который не мог спланировать ни один вменяемый кораблестроитель.

И всё же, несмотря на неизвестные протяжённость и направление Авреем чувствовал тревожное знакомство этих проходов, создавалось впечатление, что корабль каким-то образом направляет их куда-то, словно переделывая сам себя, что вывести беглецов в нужное ему место. Конечно, само подобное предположение было смехотворным, но Авреем не мог избавиться от этой мысли и ввалился в зал, который служил одновременно темплумом,

тюрьмой и склепом.

Самогонный аппарат Хоука бурлил и тарахтел напротив стены с выцветшими надписями, а от химической вони шайна Авреему захотелось вывернуть содержимое желудка на шестиугольные плитки пола.

Он убил их всех.

Он завёл их в тупик. В прямом и переносном смысле.

— Какого чёрта, Ави, — выпалил Хоук, увидев, где они оказались. — Здесь нет выхода.

Авреем тяжело дышал, он понял, что все они мертвы и последние силы покинули его. Пошатываясь, он направился к дальней стене и неожиданно заметил на ней пульсирующий вредоносный код. Прямо у него на глазах код собрался в центре стены и Авреем открыл рот от изумления, увидев, как код принял форму человеческой руки.

Она мерцала, словно некачественное изображение, точно в том месте, куда упирался Исмаил, когда они впервые нашли здесь сервитора. Люди бросились к стене, царапая и стуча кулаками по неподатливому металлу. Взгляд Авреема метался из стороны в сторону, замечая тусклый свет, который, похоже, появился в глазницах бледных черепов.

Он посмотрел на фрески имперских святых на потолке и увидел, что одна из них выделяется среди остальных — ничем непримечательное изображение молодого человека в обычных одеждах схолы прогениум. Его голову окружал ореол света, и он протягивал руку, предлагая покой и конец беззаконию.

Авреем узнал святого и успокаивающее ощущение справедливости наполнило его.

Хотя крики эхом отражались от стен мысли Авреема стали ясными и спокойными, как океан в безветренный день. Он прижался спиной к злосчастной стене, чувствуя, как руки хватают его, словно он мог каким-то образом отогнать приближавшуюся опасность.

Ксеносы появились у входа в зал и страх, который внушал ему мастер клинка эльдар, испарился, когда Хоук шагнул вперёд с контрабандным пистолетом в вытянутой руке.

— Отведай горячую плазменную смерть, ксено-урод! — крикнул он и нажал на спуск.

Ничего не произошло.

Хоук нажимал снова и снова, но энергия оружия закончилась давным-давно.

— Ублюдочные скитарии, — выругался он, отшвырнул пистолет и отступил к стене с надписями, когда воин-эльдар прочертил клинком несколько сложных приёмов. От Авреема не ускользнуло, как холодное изящество каждого движения, так и достойные восхищения ловкость и лёгкость, ставшие возможными только благодаря нечеловеческим рефлексам и анатомии.

Не совсем понимая, что делает, Авреем наклонился за брошенным Хоуком пистолетом, и почувствовал, как пальцы крепко сжали потёртую рукоять. Оружие оказалось тяжелее, чем он ожидал, компактным и смертоносным, индукционные катушки плотно облегли удлинённый ствол. Мастер клинка посмотрел в его сторону и Авреем понял, что ксеноса рассмешило их жалкое неповиновение.

Авреем нажал на спуск.

И разряд раскалённого сине-белого света вырвался из конического ствола и пронзил грудь воина. Пластины брони эльдара испарились от жаркого, как солнце луча, вспыхнула плоть, и ксеноса объяло плазменное пламя. Крик мечника быстро оборвался, и его обугленные останки рухнули курящейся кучкой опалённой брони и жидкой плоти.

Пистолет предупреждающе взвыл, но прежде чем Авреем успел его бросить, из ствола вырвался бесконтрольный поток сверхнагретого воздуха и остатков плазмы. Авреем

закричал, когда плоть начала таять на предплечье, стекая, словно жидкая резина с загоревшегося манекена. Оружие сплавилось с костями, и пожирающее пламя охватило всю искалеченную руку, уничтожая теплостойкую ткань комбинезонов в жгучей вспышке.

Быль была невероятной, яркая, как сверхновая звезда агония высосала весь воздух из лёгких и едва не разорвала сердце своей ужасающей силой. Авреем понял, что ноги больше не держат его, но упав, он опёрся уцелевшей рукой точно в центр задней стены. Кровь хлынула из глубокой раны в ладони и заструилась по угловатым желобкам, вырезанным в металле.

Стена с грохотом начала подниматься и скрылась в потолке под шипение мощной гидравлики. Люди отпрянули от неожиданности и сильного порыва воздуха из открывшегося помещения, который принёс аромат старых благовоний, сильных антибиотиков и невероятной древности.

Авреем так и стоял на коленях, прижимая почерневшую изуродованную руку к груди. Затуманенное болью зрение не смогло пронзить мрак, но он сумел различить смутные очертания золотого трона, на котором сидел сгорбившийся силуэт мощной фигуры и там, где должны были быть руки существа, мерцал слабый свет.

Затем почти одновременно произошло несколько вещей.

Авреем услышал вой готового к стрельбе оружия ксеносов.

Сидящая фигура вскинула голову и открыла святающиеся жёлтые глаза, которые мерцали, словно позади них пылали огни какого-то подземного ада.

Одним плавным движением фигура встала с трона, и мимо Авреема пронеслась волна холодного воздуха. Он резко повернулся, но даже улучшенные глаза смогли различить только часть того, что случилось потом.

Потрескивающие серебряные вспышки, фонтаны крови и крики. Мускулистая фигура перемещалась с увеличенной наркотиками невероятной скоростью. Стрельба и испуганные вопли быстро смолкли. Их сменили приглушённые звуки падающих рассечённых пополам тел, скрежет разрубленной брони и влажные мясные звуки разорванных на куски и освежёванных ксеносов. Авреем видел, как эльдары погибли за долю секунды, слышал брызги их крови и шлепки отрубленных конечностей и расчленённых трупов, которые врезались в стены и потолок.

Когда всё закончилось, захватчики были изрезаны, иссечены и изрублены на сто кусков, казалось невозможным, что это когда-то жило и дышало. Авреем смотрел на идеально разрезанные перекрученные пластины брони, на шлемы, из которых виднелись ровно отрубленные шеи. Он не мог отвести взгляда от разбрызганной запёкшейся крови, всё указывало на то, что эльдар мгновенно и полностью выпотрошили, а их внутренностями изрисовали стены.

И в центре бойни стояла окровавленная фигура обнажённого человека.

И всё же такого человека Авреем никогда не видел. Почти нелепо мускулистый, его тело увеличилось от стимуляторов. В некоторых местах из вен выступали внутримышечные усилители и химические шунты, и там сквозь плоть мерцал металл. Вздвигающуюся грудь опоясывал спинной трансплантат, из встроенных вентиляционных отверстий чуть ниже рёбер исходило тепло.

Предплечья были облачены в бронзу, а кисти рук заменяло множество свободно свисавших и подёргивавшихся кнутов, похожих цепи. Они корчились, словно щупальца кальмара, а оставшаяся на них кровь шипела и испарялась в электрическом жаре.

Голова была заключена в металл, который оказался частично шлемом, частично имплантированными пластинами черепа. Лоб отмечало клеймо из кроваво-красного железа в виде Шестерёнки Механикус, а на щеках виднелись татуировки, напоминавшие священные письма. Человек обнажил зубы в широкой усмешке резни и мрачно и целеустремлённо направился к Авреему. Электрические цепи вспыхивали и танцевали, волочась по металлической палубе.

Чьи-то руки подняли Авреема и, хотя ему пришлось прикусить губу, сдерживая мучительный крик, он обрадовался, увидев, что одним из помощников оказался Исмаил. За спиной сервитора маячил глупо ухмылявшийся Хоук.

Окровавленный палач остановился перед Авреем, и он почувствовал, как замерцала феодальная оптика незнакомца, сканируя глаза. Облачённая в металл голова наклонилась, словно вдыхая его запах и безгубый рот существа открылся. Трупное дыхание вырвалось между полированными стальными клыками, когда человек опустился на колени и склонил голову.

— Адептус Механикус, — отрывисто произнёс воин сухие, как пыль слова. — Локк, Авреем. Образец личности принят. Расселас Х-42 завершил последовательность активации. С вашего позволения.

Авреем хотел ответить, но боль в искалеченной руке стала столь невыносимой, что он обмяк в объятиях последователей, потеряв сознание.

МИКРОКОНТЕНТ 21

Азурамаджелли прилагал все усилия, чтобы обнаружить военный корабль эльдар, но Котов знал, что для ауспика подобная цель представляет сложности даже в самых благоприятных условиях космоса. Архимагос откинулся на командном троне, подготавливая системы оружия "Сперанцы" и перенаправляя энергию на пушечные палубы. Без щитов появилась возможность увеличить ресурсы для орудий, но, не имея никаких реальных целей, им оставалось только вслепую стрелять в космос и надеяться на лучшее.

— Корабль эльдар находится примерно в верхнем правом квадранте! — крикнул Азурамаджелли.

— Орудия не могут зафиксировать цель, — произнёс Блейлок.

— Увеличить мощность двигателя, — приказал Сайиксек. — Мы не можем сражаться с этим кораблём, не здесь.

— Ничего не меняйте, — возразила Галатея, и загруженная команда Сайиксека была немедленно отклонена. — Мы проходим Шрам Ореола по точно проложенному курсу, иначе не выживем.

— Мы не выживем, если позволим эльдарам беспрепятственно расстреливать нас, — разозлился магистр двигателей, выпустив сердитое облачко ледяного пара.

Котов проигнорировал спорщиков, понимая, что Галатея права. Его разум погружался в глубины стремительного потока духа-машины ковчега, хватка на собственном "я" слабела с каждой секундой.

— Блейлок, — прошептал он фрагментарным и исчезающим бинарным кодом. — Удерживайте мою биометрию.

— Архимагос? — произнёс фабрикатус-локум. — Что вы собираетесь делать?

Котов не ответил и отпустил частицу самосознания, которая не позволяла огромному духу-машине "Сперанцы" затянуть последний осколок его человечности в своё механическое сердце.

Он с головой погрузился в инфосферу и его мгновенно поглотил океан света. Внутренние механизмы "Сперанцы" кружились и росли вокруг Котова в невероятной комплексной решётке фрактальных систем, эвристической алгоритматрице и невозможных переплетениях информации, бросавшей вызов любому смертному разуму. В древних слоях "Сперанцы" прикосновение Галатеи выглядело почти незаметным раздражителем, поверхностным соединением, которое можно разорвать лёгким движением плеч.

Хрупкое сознание Котова погружалось всё глубже и глубже, тонкая, как паутинка "линия жизни" в руках магоса Блейлока казалась дрожащей нитью в огненной буре золотого света. Вокруг инфотока мерцали системы столь же чуждые архимагосу, как самые тайные

ксено-технологии, которые он только мог представить в воспалённых кошмарах, и технологическое эхо машин, которые без сомнения предшествовали самому Империи.

Энергетика, использующая фоновое излучение галактики, чтобы перемещать корабли быстрее скорости света; оружейные технологии, обладавшие мощью раскалывать планеты; и машины горизонта событий, способные затягивать целые звёздные системы в свои объятия, поглощая время и свет.

Всё это и многое другое хранилось здесь: данные минувших эпох, забытые знания и запечатанные хранилища, где покоились секреты древних. За один мимолётный взгляд Котов понял, что он был глупцом, направив этот гордый корабль в воющую пустоту космоса в поисках сокрытых тайн.

Сама "Сперанца" являлась величайшей тайной из всех, и в её сердце хранилась истина всего сущего, ключ к разгадке всего, о чём когда-либо мечтали Механикус. И всё же это знание запечатали за непроницаемыми барьерами в сердце могучего корабля по важной причине. Знание золотых людей и их древних предков зашифровали в самих его костях, заключили внутри каждой алмазной спирали его структуры.

Но почему создатели приостановили строительство?

Они боялись последствий, к которым такие знания могут привести в руках следующих поколений?

Они боялись, кем я могу стать...

Слова сформировались в разуме Котова, их нельзя было произнести вслух и разложить на составляющие, они представляли собой великолепно переданное чувство, существовавшее только в виде неизменённых данных.

<Вы "Сперанца"?> спросил Котов.

Это всего лишь последнее из моих имён. За долгую жизнь у меня были и другие. Акаша, Каба, Бируриум, Веда, Грамматик, Иггдрасиль, Провидение... и ещё тысячи и тысячи за долгие эпохи моего существования.

Котов знал, что не слышит слов или чего-то, что можно назвать языком, просто дух в сердце "Сперанцы" изменился, чтобы архимагос смог его понять. Он даже не знал, можно ли существо, с которым он общался, считать отдельной личностью. Возможно, оно было бесконечно древнее и невообразимо огромное, чем он мог постичь; способной общаться всегалактической сущностью?

Смутно он понимал, что это были не его мысли, а окружавшей инфосферы.

<Вы в опасности, корабль ксеносов атакует нас... вас... и мы не можем победить его.>

Я знаю, но даже если эту металлическую оболочку уничтожат, то я уцелею.

<Но не мы, ваши слуги,> сказал Котов.

Ваши жизни не имеют значения. Почему они должны волновать меня, если я уцелею?

<Я не могу назвать вам причину, кроме той, что мы ищем знания и стремимся к интеллекту. Мы служим именно тому, чем вы, на мой взгляд, являетесь.>

Я ничем не являюсь. Я просто есть.

Котов знал, что не может обратиться к окружавшей его необъятности ни с какими смертными доводами, он не мог надеяться убедить путём угроз, обещаний или материальных благ. Какое дело столь чистому машинному интеллекту и совершенной мысли до жизней смертных, если он существовал с тех пор, как первые люди попытались понять принцип действия рычага?

<Тогда помогите нам, потому что можете.>

Он почувствовал, как Духа-Машины забавляет отчаяние смертного, и молча попросил пробудиться частичке его невероятной мощи.

Хорошо я помогу вам.

Огромное сознание в сердце "Сперанцы" поднялось вокруг архимагоса.

Песчинку разума Котова поглотило водоворотом растущих данных и целей, закружило и зашвырнуло в космическую необъятность информационного океана, где архимагос оказался столь же незначительным и бессмысленным, как пятнышко звёздной пыли против невозможных просторов вселенной.

* * *

Бьеланна видела, как свет померк в глазах человека, воинская маска мешала ей чувствовать что-либо кроме дикой радости от его смерти. Вокруг лежали тела экипажа, сломанные и разорванные на куски преследующим гневом аспектных Скорпионов. Объятая пламенем фигура аватара Каэла Менша Кхейна повернулась и направилась назад сквозь портал паутины, который привёл их на мостик человеческого корабля.

Он понял, что здесь больше некому нести смерть и с его уходом звериное желание убивать уменьшилось. Она всё ещё чувствовала прикосновение Кроваворукого Бога и продолжит чувствовать его, пока не позволит воинской маске отступить в запертую клетку души, где держала её на цепи до следующего раза.

Маска уже ускользала из её разума и пусть убирается прочь.

Бьеланна моргнула, словно впервые увидела, где находится.

Мостик человеческого корабля оказался уродливым местом, которое стало ещё уродливее от брызг крови на железных стенах и красных липких луж на палубе. Провидица почувствовала холод, скрытый от высокомерия людей, управлявших кораблём. Он нёс наследие смерти тем, кто бросил вызов его владельцам, и Бьеланна не жалела, что скоро корабль погибнет.

Он разваливался на части, остался без управления и приближался к смертельной орбите нейтронной звезды, которая погубила первое человеческое судно. Бьеланна знала, что должна встать и последовать за аватаром на "Звёздный Клинок", но пряжа становилась всё яснее по мере того как воинская маска исчезала.

Она ощутила, что рядом кто-то есть, и обратила внимание на резкий край присутствия Тарикуэля.

— Мы должны идти, — сказал он. — Через несколько секунд корабль превратится в атомы.

— Я знаю, — ответила она, но не сдвинулась с места.

— Чего ты ждёшь? Военный лидер космических десантников убит, а те немногие, кто прячется по тёмным углам, скоро к нему присоединятся.

— Потому что я должна быть уверена, — сказала Бьеланна, закрываясь от кроважадного гнева воинской маски Тарикуэля. Она положила руку на разрубленный нагрудник космического десантника, прикосновение к испачканной кровью броне оказалось неприятным, доспех также нёс ужасное наследие резни и убийств. Она закрыла глаза, позволив пряже подняться во всей её бесчисленной сложности.

Непостижимые переплетения пряжи окутали Бьеланну, но внутри Шрама Ореола, где

время и судьба являлись абстрактными и искажёнными представлениями, чудовищно деформированное древнее наследие случившейся миллиард лет назад войны высмеивало такие понятия, как уверенность. Нити павших здесь смертных в лучшем случае оказывались мимолётными, и их с трудом удавалось отследить даже в недалёкое прошлое, которое и само изменилось до неузнаваемости.

Провидица нашла нить космического десантника, потрёпанную и кровавую, которая распуталась до Дантиума, где она впервые обнаружила самое близкое присутствие тех, кто отказывал ей в будущем, которого она так страстно желала. Этот воин был лидером, тем, кто связывал остальных со своей целью, и, конечно же, его смерть должна была лишить их этой цели...

И всё же когда Бьеланна отпустила его нить назад в пряжу, она с болезненным ужасом увидела, что картина смеющихся детей-эльдар стала ещё более далёкой и недостижимой.

Смерть лидера космических десантников не просто никак не повлияла на столь желаемое потенциальное будущее, но оттолкнула его ещё дальше в сферу вероятностей, которые стали ещё менее возможными.

— Нет! — зарыдала она, упав на грудь космического десантника, словно оплакивая его смерть.

Тарикуэль схватил её за руку и рывком поставил на ноги с такой силой, что даже несмотря на броню, остался синяк.

— Нам пора уходить, провидица, — прорычал он.

Прикосновение воина помогло Бьеланне прийти в себя, и сразу же с отвратительной ясностью она поняла, что он прав. Нити пряжи переполняла энергия, и во внезапном и болезненном видении, полном взрывов и расколотых костей духа, провидице открылась приближающаяся к "Звёздному Клинку" опасность.

Слёзы текли по угловатым щекам Бьеланны, когда она направилась за Жалящими Скорпионами назад сквозь портал паутины.

* * *

Прошли века или мгновение, промежуток глубокого времени, равный эпохе галактики, или мимолётная жизнь распадающейся атомной частицы. Даже несмотря на механическое тело Котов почувствовал тошнотворное головокружение, когда его сознание вернулось в активный центр мозга, встряхнув разум. Чувства стали ничтожно маленькими, недоразвитыми, их едва хватало для самого простейшего существования, не говоря уже о познании тайн...

Котов изо всех сил пытался вспомнить, где он был и что видел, на каком-то отчаянном сущностном уровне понимая, что жизненно важно не забыть эти вещи.

— Архимагос? — произнёс голос, Котов не сомневался, что должен знать человека, который обращался к нему, но тот оставался совершенно неизвестным. Он не узнавал ничего вокруг, но когда фигура в мантии и капюшоне положила когтистую руку ему на плечо, всё мгновенно изменилось.

— Архимагос? — спросил Таркис Блейлок, его аугмиты передавали напряжение, беспокойство и толику предвкушения.

— Да, — сумел, наконец, ответить он. — Я здесь.

— Аве Деус Механикус, — сказал Блейлок. — Я думал, что вас поглотил дух-машина и вы навсегда потерялись в инфосфере.

— Не надейся, Таркис, — огрызнулся Котов и немедленно пожалел о сказанном.

Хотя он почти ничего не помнил из пережитого в неведомых глубинах машинного сердца "Сперанцы", если бы Блейлок не поддерживал его "жизненную нить" в органическом мире он бы никогда не вернулся в свой разум.

— Прошу прощения, магос Блейлок, — сказал он. — Я признателен, что вы помогли вернуть меня.

Блейлок кивнул. — Вы преуспели?

— Преуспел? — переспросил Котов. — Я... я не знаю.

— Да, он преуспел, — заявила Галатея, лязгая неуклюжими ногами и встав перед ним. — Разве вы не чувствуете, как отозвалось огромное сердце судна?

Котов уставился на гибридный машинный интеллект и существо, казавшееся всего несколько мгновений назад невероятно сложным и грозным, теперь выглядело маленьким и примитивным, как колёсный пистолет рядом с макропушкой.

Мостик по-прежнему освещали многочисленные ретрансляторы угрозы, индикаторы повреждений и каскадные списки хроно-гравометрических предупреждений, но теперь на них накладывался слабый дождь информационно-насыщенного света, который пронизывал существующие потоки данных и успокаивал специализированными алгоритмами совершенного кода.

По всему кораблю активировались системы, о существовании которых Котов даже не подозревал, а те, что оказались слепыми и бесполезными из-за ярости Шрама Ореола начинали работать, как ни в чём не бывало. Циклические прицельные комплексы, о наличии которых у "Сперанцы" он даже помыслить не мог, и другие системы, не доступные его пониманию, вспыхивали перед астронавигационными и техническими постами.

Азурамаджелли и Сайиксек отшатнулись, растерянные и немного напуганные этой неизвестной силой, поднимавшейся вокруг них. Прямо на красном главном экране само собой появилось изображение корабля ксеносов. Он оказался гладким и изящным, корпус напоминал конический драгоценный камень с высоким парусом, вздымавшимся в гравитационных бурях. Картинка мерцала и танцевала, словно пытаясь скрыться, как дразнящая куртизанка, но какие бы матрицы не работали в сердце "Сперанцы" они легко игнорировали её наваждения.

— Возвращайтесь на посты, — приказал Блейлок, изучая поступавшую информацию.

Сайиксек кивнул и каркас Азурамаджелли отступил к центру астронавигации, загружая поток возродившейся информации, пока флот эксплораторов передавал свои координаты в ноосферу. Это были неточные координаты, но, по крайней мере, Котов смог понять, какими ресурсами в данный момент обладает. Он увидел, что многие вспомогательные суда пропали, и оставалось только предполагать, что неистовые волны и разрывные течения сбили их с курса и сокрушили в гравитационных штормах.

— Отчёт, — велел Котов, когда информационные символы замигали по всей палубе.

— "Дитя Гнева" и "Дитя Луны" приблизились и заняли позиции для атаки, — ответил Азурамаджелли.

— "Мортис Фосс" докладывает, что торпеды наведены на цель, — добавил Сайиксек.

Не сумев скрыть радость в аугметическом голосе Криптаэстрекс произнёс. — Я получаю множество запросов на открытие огня, архимагос. Я не в состоянии определить их

источник или происхождение систем оружия, но все они нацелены на корабль ксеносов.

Котов включил стабильный вокс-канал со всеми боевыми кораблями флота.

— Всем судам открыть огонь, — приказал он. — Я хочу уничтожить этот корабль.

* * *

Корпус "Сперанцы" задрожал, когда скрытая в надстройке система оружия начала подниматься на сверхмощных опорах. Из наклонных плит ковчега Механикус появился ствол огромного орудия, напоминая возведение исполинского менгира на священном месте какого-то племени. Внутри оружия пробудились энергии, которые редко встречались в пределах Имперiums ещё до Объединительных Войн, и пара вращавшихся тороидов закружилась по извилистым дугам вокруг конического ствола.

Элементы технологии, использованные при его создании, были бы знакомы некоторым из магосов, посветивших жизнь изучению самых эзотерических разделов науки, связанных с исследованиями чёрных дыр и релятивистских временных тайн, но их совокупная сложность привела бы в замешательство даже генерал-фабрикатора Марса. Пульсирующие потоки фиолетового антивещества и гравитонные насосы непостижимым образом объединились в сердце реактора, который получал энергию из межзвёздной тёмной материи. Это оружие создали вскрывать величественных левиафанов древней войны, оно было убийцей космических кораблей, дарующим окончательный смертельный удар.

Не получая никаких команд с мостика "Сперанцы" оружие выпустило беззвучный импульс, который преодолел расстояние до "Звёздного Клинка" со скоростью света.

Но даже это оказалось недостаточно быстро, чтобы попасть в проворный корабль, построенный певцами кости Бьель-Тана, и ведомый, обладающей даром предвидения провидицей. Импульс тёмной энергии слился в единое целое в ста километрах от кормы, и появилась миниатюрная чёрная дыра, которая с воющей силой затягивала всё в пределах досягаемости. Звёздное вещество, свет и гравитация были сокрушены и уничтожены, и даже скорость и манёвренность "Звёздного Клинка" не помогли избежать вторичных эффектов смертельных энергий оружия, которые задели солнечный парус. Хронооружие отправило цель на наносекунду в прошлое, субатомные реакции в каждой молекуле совершили микроскопическое движение и заставили переместиться одинаковые нейтроны в одно и то же квантовое пространство.

Такое состояние являлось нестабильным на самом фундаментальном уровне, и последующее выделение энергии оказывалось катастрофическим для подавляющего большинства объектов, поражённых таким оружием. Несмотря на то что "Звёздный Клинок" находился только на периферии расходящихся волн хронометрической энергии, солнечная мачта взорвалась, словно её заполнили взрывчаткой. Парус сорвало прочь, а фантомные изображения замерцали, когда психопроводящая кость духа закричала в предсмертной агонии. Синее пламя вырвалось из средних палуб, и взрыв отбросил накренившийся корабль.

Ранее искажённое и фрагментарное изображение "Звёздного Клинка" обрело чёткость, и кружившие капитаны флота Котова не стали тратить время зря, и выпускали один торпедный залп за другим по недавно показавшемуся кораблю.

Первым выстрелил "Мортис Фосс", выпустив тридцать боеголовок, нацеленных расширяющейся сетью, которая делала спасение почти невозможным. "Дитя Гнева" и "Дитя

Луны" последовали его примеру, и обрушили накрывающие веерные залпы торпед, а затем повернулись, собираясь пустить в ход бортовые ланс-батареи. Острые лучи высокомошной энергии засверкали к "Звёздному Клинку" и если бы сражение происходило в обычном космосе, то корабль эльдар превратился бы в быстро распутившийся цветок разрушенной кости духа, горящего кислорода и раскалённых добела обломков.

Гравитационные капризы Шрама Ореола сделали условия боя невероятно тяжёлыми и всего лишь несколько торпед врезались в правый борт, вырвав большие куски внутренностей в неистовых огненных бурях взрывов.

Даже несмотря на точность, обеспеченную пробудившимся машинным сердцем "Сперанцы", было невозможно сказать, выжил ли кто-то в вихре лансов, торпед и сокрушительной мощи временной чёрной дыры. Вихрь уничтожил сам себя в самопожирающей шторме самосожжения и к тому времени, когда его неистовая ярость растворилась в фоновом излучении Шрама, ни осталось ничего, чтобы указывало бы на присутствие "Звёздного Клинка".

Все капитаны понимали, что корабль эльдар, скорее всего, пережил шквал огня, но по палубам разнеслись ликующие крики матросов, многие из которых и не надеялись пережить сражение. Теперь в Шраме Ореола на многие годы останется мерзкое электромагнитное месиво с зашкаливающей грязной радиацией, рисуя яркую картину космического сражения для любого пожелавшего на неё взглянуть.

С величественной неторопливостью хронооружие начало опускаться из боевого положения, пока снова не скрылось в безопасности внутри корпуса "Сперанцы", невидимое и неразличимое от окружающей надстройки, как явно и задумали его создатели.

Где-то там всё ещё оставался "Звёздный Клинок", но на данный момент исходящая от него угроза была нейтрализована, абордаж отбит, а капитану ксеносов преподан ценный урок смирения.

И с отступлением корабля эльдар флот Котова продолжил путешествие.

* * *

В конечном счёте, потребовалось ещё шесть дней плавания и потеря семи судов, прежде чем авангард исследовательского флота архимагоса Котова, наконец, вырвался за пределы гравитационных границ Шрама Ореола. Одно перерабатывающее судно погибло после того как в пультах астронавигации произошла ошибка, которая привела к дробной степени отклонения от предписанной исходной точки, что закончилось выходом из безопасного коридора.

Двойная нейтронная звезда поймала судно гравитационными волнами и разломила надвое. Гибель корабля оказалась милосердно быстрой, обе половины сокрушили и поглотили, прибавив сталь, плоть и кости к злобной массе умирающих звёзд. На двух опустевших топливозаправщиках вышли из строя двигатели, и они сошли с курса, прежде чем отчаявшиеся технопровидцы Механикус успели перезапустить плазменные реакторы.

Оставшиеся четыре — корабль-кузня, солнечный коллектор и два грузовых судна — пропали бесследно, и об их судьбе ничего не было известно.

Капитаны просто перестали присылать отчёты о местоположении и никакие попытки связаться с ними или определить точные координаты не увенчались успехом. Шрам Ореола

поглотил их точно так же, как если бы их уничтожил корабль эльдар.

"Мортис Фосс" стал первым кораблём, на котором зарегистрировали нормализацию гравитационных полей и возвращение показаний передовых ауспиков и топографов к номинальным уровням. Это произошло не сразу, просто постепенно уменьшались аномальная гравитация и световое искажение, а когда самые опасные из умирающих звёзд остались позади последний отпрыск с мира-кузни Фосс Прайм пролетел сквозь рассеянные облака звёздного газа и пыли на размытой границе Шрама Ореола.

При первой же возможности капитан остановила корабль и начала детальное топографическое сканирование окружающего глухого космоса. Полученные данные оказались не столь впечатляющими, как ожидалось, но от этого они не стали менее пугающими.

В течение следующего дня всё больше и больше кораблей вырывались из глубин Шрама Ореола: помятые, искривлённые и повреждённые, но торжествующие, что преодолели регион космоса, забравший столь много душ.

"Сперанца" появилась два дня спустя после "Мортис Фосса" и с благодарностью загрузила информацию, собранную капитаном меньшего судна. В зале астронавигации магосы Тихоны несколько суток создавали карту раскинувшегося перед ними пространства: неизвестные солнца, просторные заливы и ослепительные полосы ярко-красного света стареющего красного гиганта в центре умирающей звёздной системы, где оказалась "Сперанца".

Обречённая система почти полностью находилась во власти безудержных ядерных реакций в ядре звезды. Если какие-то внутренние планеты раньше и существовали, то они давно погибли — их поглотила растущая корона звезды, и последний уцелевший мир представлял собой бледный шар, который висел, словно блестящий алмаз в самой дальней точке досягаемости гравитации.

Разумеется, при обычных обстоятельствах от охваченной предсмертными муками звезды старались держаться как можно дальше, пространство внутри системы было слишком изменчивым и насыщенным выброшенным веществом и радиацией, чтобы рисковать приближаться.

И всё же это была последняя выжившая планета, куда Робаут Сюркуф привёл флот Котова.

* * *

Робаут смотрел на бурлящее марево раздувшегося красного гиганта одновременно с благоговением и грустью. Звезда родилась десять миллиардов лет назад, но уже исчерпала запасы топлива и жизнь её подходила к концу. За своё невероятно долгое существование она познала много обликов, сияла в различных спектрах и дарила свет и тепло исчезнувшим планетам, которые когда-то вращались на орбите её живительных лучей.

Возможно, ей когда-то поклонялись и, возможно, за долгую жизнь у неё сменилось много имён, но теперь она превратилась во всего лишь умирающий пережиток эпохи, когда юная галактика спотыкалась, делая первые шаги на пути звёздной эволюции. Архимагос Котов назвал её Арктур Ультра, именем, которое на взгляд Робаута подходило сразу по нескольким причинам.

Он сидел на поднятом контактном сиденье рядом с тронем Котова, подключившись через спинные разъёмы к ноосфере "Сперанцы", и наблюдая за траекториями курса магоса Азурамаджелли. Они направлялись к последней планете системы Арктур Ультра, миру, которому пока удавалось пережить расширявшиеся предсмертные муки местного солнца, потому что его орбита пролегла вдали от звёздных реакций, грозящих уничтожить его. Робауту предоставили честь присвоить планете идентификатор, и капитан решил назвать её в память о чём-нибудь прекрасном и ныне утраченном для него.

Он назвал планету Катен Вения, и именно этот мир указывался в качестве места назначения на диске с данными, который он, наконец, вручил архимагосу Котову. После выхода из Шрама Ореола Робаут сдержал соглашение с архимагосом и направился прямо на мостик "Сперанцы".

Он торжественно передал его в механические руки Котова, который потратил мгновение, наслаждаясь тиснёной золотом поверхностью, после чего поместил диск в маяк, установленный позади командного трона. Загруженные астронавигационные данные автоматически синхронизировались с местной звёздной картой, и было быстро вычислено, что корабль, с которого запустили маяк, находится у последнего уцелевшего мира системы Арктур Ультра.

Разведывательные сервиторы-дроны, отправленные к внешним границам системы, передали более детальную картину Катен Вения: её поверхность представляла собой кристаллическую пустошь с пиками кварца и экзотическими радиационными частицами. Слабый, но безошибочно имперский сигнал, передавался из зубчатого подножия изрезанных кристаллических горных хребтов, предположительно из обломков "Томиоки", потерянного флагама магоса Телока.

Магос Азурамаджелли и магос Блейлок не тратили время понапрасну и проложили оптимальный курс к источнику сигнала. И, несмотря на потери в Шраме Ореола, настроение на мостике можно было назвать оптимистичным. До планеты всё ещё оставалось десять далёких дней, но она казалась столь близкой, что достаточно просто протянуть руку и сорвать её алмазный блеск с небес, как драгоценный камень сияющего света.

— Логично, что мы должны найти новые начинания в месте, где завершились прежние, — произнёс Котов, подзывая к себе кружившийся шар света.

В честь преодоления Шрама Ореола и путешествия в неизведанный космос за пределами Империи архимагос Котов решил переместить свой череп с воинского аспекта на более величественный. Это тело автомата было облачено в мантию и покрыто благородными металлами, драгоценными камнями и бинарными молитвенными лентами. Тяжёлый плащ из серебряных колец ниспадал волнами гексаматической геометрии и хотя не было видно явных признаков наличия оружия не вызывало никаких сомнений, что его с лёгкостью могли заменить три согнутых серворуки с многочисленными зажимами, дрелями и клещами.

— Сколько осталось времени, прежде чем звезда взорвётся? — спросил Робаут.

— Судя по излучению и составу выброшенных веществ возможно ещё несколько миллионов лет, — ответил Котов.

Робаут кивнул. На самом деле он не считал, что звезда может застать их врасплох, внезапно превратившись в сверхновую, но её странная и враждебная природа заставляла капитана с опаской относиться к невидимым реакциям в ядре местного солнца.

— Я едва могу даже вообразить такие промежутки времени, — сказал он. — Их

достаточно для появления целых рас, падения и возвышения бесчисленных звёздных империй и десятков периодов вымирания целых видов.

— Человеческий разум почти неспособен наглядно представить такие колоссальные периоды относительно своего бесконечно малого существования, — произнесла Галатея. — Он воспринимает подобные события почти статичными, когда реальность не может быть более быстрой.

Робаут посмотрел на машину, сидевшую на корточках в центре командной палубы, она напоминала гротескного нападающего из засады хищника, который приспособливался к новому логову. Котов объяснил ему историю появления гештальт-существа, но Робаут чувствовал, что осталось много недосказанного.

Было очевидно, что магосы на мостике смертельно боятся Галатею, и учитывая лёгкость, с которой она оказалась на "Сперанце", он подозревал, что для этого страха есть серьёзная причина. Для Робаута это не имело значения. После того, как он привёл Котова к Катен Вениа, больше ничто его не связывало с делами Адептус Механикус.

Он был свободен и чист перед Империумом, никому не служил и ограничен только собственным чувством открытия и воображения. Ему требовалась вся сила воли, чтобы продолжать сидеть, а не помчаться на "Ренард" и не полететь к ближайшей пригодной для жизни системе и узнать, что там.

От второй звезды направо и прямо до утра...

Авреем проснулся от звука машин и резкого запаха горячего металла. Он лежал на жёсткой металлической каталке и смотрел в потолок, выложенный тёмно-зелёными керамическими плитками. Сильно пахло антисептиками и ладаном, и ещё ощущался неприятный аромат горелого мяса и палёных волос. Он моргнул, и глаза зафиксировали бинарные локаторы в стенах.

— А, ты очнулся, — произнёс металлический голос, приглушённый просторным капюшоном.

Авреем попытался сесть, но не смог пошевелить руками и ногами.

— Почему я не могу двигаться? — спросил он, ещё не встревоженный таким поворотом событий.

— Ты до сих пор остаёшься под воздействием мышечных релаксантов и успокоительных препаратов, — ответил голос. — Вполне нормально испытывать небольшую дезориентацию после хирургической операции.

— Операции? Какой операции?

— Что ты помнишь об атаке эльдар?

— Последнее, что я помню — ужасная боль...

— Моя рука! — выдохнул он, пытаясь повернуться и посмотреть на неё. Голова не сдвинулась ни на миллиметр, но на самом краю зрения он увидел пару медицинских сервиторов, которые склонились над его плечом. Также рядом парили несколько хирургических серво-черепов, оснащённых быстро сшивающими кронциркулями и лазерами для пересадки нервных тканей.

— Не волнуйся, операция завершилась успешно, — сказал голос.

— Что вы сделали со мной?! — закричал Авреем. — Вы же не превратили меня в сервитора?!

— В сервитора? Аве Деус Механикус, нет!

— Тогда что вы сделали?

— Починили тебя, — ответил голос и его владелец склонился над Авреем, когда сервочерепа улетели. Медицинские сервиторы забрали оборудование и несколько похожих на почки мисок, заполненных чем-то напоминавшим куски почерневшего горелого мяса.

— Это моя рука? — спросил Авреем.

— Ваша рука, — согласился жрец в капюшоне и Авреем узнал надсмотрщика Тота Мю-32. — Её невозможно было спасти и от неё избавились вместе с остальным биологическим материалом, пострадавшем при атаке.

— Император, — потрясённо произнёс Авреем, пытаясь справиться с дыханием. — Моя рука...

Безликая серебряная маска и бледно-голубая оптика Тота Мю-32 сумели передать удивление.

— А, конечно, — сказал он, нагнувшись к булькающей машине, которую Авреем не видел. Включился шипящий помповый механизм и потрескивающий энергетический гул, который Авреем слышал на заднем фоне, стих.

Тепло и чувствительность почти сразу вернулись к рукам и ногам Авреема, и он сжал пальцы, наслаждаясь ощущением движения, пока не понял, что произошло невозможное.

Он сжал пальцы обеих рук.

Авреем резко сел, на секунду почувствовав тошноту, и борясь с остаточным эффектом лекарств в крови. Он сидел на операционном столе в медицинском отсеке, облицованном зелёными плитками, и смотрел на ряды серебряных верстаков, отделения для трупов и свисавшее оборудование с таким количеством лезвий, дрелей и зажимов, что оно напоминало пыточные механизмы.

— У меня новая рука, — произнёс он.

Его правую руку изготовили из тёмного металла с бронзовым кожухом на месте соединения плоти и машины. Пальцы были из сегментированной бронзы, а локоть сферическим шарниром, который вращался на триста шестьдесят градусов. Авреем сжал новые пальцы и обнаружил, что они реагируют несколько медленнее, чем из плоти и крови, но по-прежнему способны выполнять все необходимые движения.

— Не самая изысканная аугметика, но, к сожалению, она лучшее из того, что я мог сделать, — сказал Тота Мю-32.

— Вы сделали её? — спросил Авреем. — Почему?

Тота Мю-32 усмехнулся. — Ты и в самом деле не помнишь?

— Не помню что?

— Как убил военного лидера эльдар?

— Я помню, что выстрелил в него из оружия Хоу... Я имею в виду из плазменного пистолета.

Тота Мю-32 проигнорировал принадлежность оружия и произнёс. — Точно. Этому пистолету было шестьсот лет и в его энергетической батарее почти не осталось пикоджоулей. И плазменная катушка проржавела настолько, что он вообще не должен был выстрелить.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

Тота Мю-32 подался вперёд и его голос опустился до заговорщического шёпота. — Я хочу сказать, что они правы насчёт тебя, Авреем Локк. Ты — избранный Машиной. Омниссия наблюдает за тобой и в тебе живёт искра Его божественного огня.

— Нет, — возразил Авреем, покачивая головой. — Вы ошибаетесь. Не знаю, как пистолет выстрелил, но это не имеет ко мне никакого отношения. Простая случайность, неожиданная удача.

— Тогда как ты объяснишь это? — спросил Тота Мю-32, указав за плечо Авреема.

Авреем обернулся и увидел убийцу в железной маске, который за считанные мгновения изрубил воинов-эльдар. Его телосложение вернулось к почти нормальному состоянию, но он всё ещё выглядел невероятно мускулистым и безумно мощным. На нём было чёрное облачение и пара серых роб, а также тяжёлые подбитые железом ботинки. Извивавшиеся серебряные цепи втянулись в бронзовые перчатки, и поэтому казалось, что руки заканчиваются тонкими когтями.

Красный Символ Механикус на лбу напоминал пылающий третий глаз и, заметив взгляд Авреема, человек обнажил мерцающие клыки.

— С вашего позволения, — прорычал он, склонив облачённую в металл голову.

— Что это? — спросил Авреем, ощущая смертельное чувство повышенной опасности, исходящее от биологической машины-убийцы.

— Аркофлагеллант, — ответил Тота Мю-32. — Твой аркофлагеллант.

Громкие гимны восхваления Омниссии в Его аспекте Дарующего Жизнь эхом разносились по храму-кузне магоса Тарентека, пока тяжёлые поршневые краны по выверенной медленной дуге поворачивали производственную колыбель из горизонтального положения в вертикальное. Фабрикатус ковчега лично перемещался по потолочным рельсам со скоростью, которая соответствовала подъёму производственной колыбели. Тарентек представлял собой интегрированную коллекцию монтажного оборудования, свисавших строительных манипуляторов, механического подъёмника и кабины, откуда его биологические компоненты могли наблюдать за работой многочисленных кузниц.

Добиться столь многого и за столь короткое время — не что иное, как чудо, и оглушительные гимны и каскады бинарного кода являлись благодарственными молитвами Богу Машине за удачное завершение работы фабрикатуса. На любом другом корабле, кроме Сперанцы это было бы невозможно, но Тарентек не просто достиг невозможного, а сделал это раньше срока.

Листы брезента упали с колыбели подобно парусам океанских судов, а под давлением воздуха отсоединили причальные тросы. Перевернули чаны с благословенными маслами и смазками, и крестильный дождь пролился на отремонтированные листы тяжёлой брони и воина, вернувшегося к прежней славе.

Едва результат великого технического подвига Тарентека явил себя, как военные рога титанов приветственно взвыли, заглушив толпы жрецов, последователей и магосов, которые помогли богу-машине легио Сириус вернуться из лап смерти.

"Амарок" и "Вилка" не могли стоять спокойно, "Псов войны" тянуло к собрату по стае.

И "Канис Ульфрика" тяжело шагнул с производственной колыбели, эхо от скрежета когтистой ноги вызвало ещё больше льстивых и приветственных криков. Эрикс Скамёльд вывел возрождённого и восстановленного "Разбойника", серая, синяя и золотая броня ни чем не отличалась от той, что была прежде.

Раны Лунной Сини полностью исцелились и новый окровавленный баннер свисал с капавшего маслом корпуса. Физическое напоминание об унижении стёрли, но психические последствия были далеки от исцеления и Скамёльд остановил "Канис Ульфрика", изучая волчью маску титана лидера стаи.

"Лупа Капиталина" возвышалась над всеми, наблюдая, как тысячи адептов Культа Механикус копошатся у её ног. На краткий миг сенсорный призрак мелькнул в манифольде "Владыки войны", слишком незначительный, чтобы его заметил кто-то кроме старших принцепсов, слабое био-эхо давно поверженного врага.

"Канис Ульфрика" отвёл ворчащую морду и опустил плечи, почувствовав эхо в манифольде. Взгляды "Разбойника" и "Владыки войны" встретились, и мгновение молчаливого единства промелькнуло между исключительными разумами, заключёнными внутри амниотических резервуаров.

"Канис Ульфрика" склонил голову в знак подчинения.

И только Зимнее Солнце знал, как неохотно он это сделал.

Изображения прокручивались по оптическим системам магоса Блейлока, застывшие мгновения истории, запечатлённые для потомков и будущих потенциальных отчётов о его жизни и свершениях. Века данных хранились в катушках экзо-памяти и десятилетия в схемах внутри черепа. Жизнь Блейлока состояла из одних успехов и верной службы, и он создаст и сохранит всеобъемлющий отчёт об экспедиции Котова для запросов, которые непременно последуют.

Он не испытывал ни малейшей личной неприязни к Лекселю Котову, но знал, что его организационные способности и навыки статистического анализа намного превосходят аналогичные умения архимагоса. Потеря трёх миров-кузниц была непростительной, и Блейлок с высокой степенью статистической уверенности знал, что обладая ресурсами марсианских кузниц Котова, он сможет расширить власть Адептус Механикус в регионах космоса, которым ещё только предстоит полностью раскрыть свой потенциал.

Но это амбиции для будущего.

Сначала экспедицию необходимо дискредитировать и Блейлок полагал, что нашёл первое оружие.

Он бегло просматривал изображения, сделанные в каюте Робаута Сюркуфа: бессмысленные благодарности военной службы Ультрамара, патенты на офицерский чин Флота и эмблемы различных линейных кораблей. Изображения мелькали с импульсом мысли, записанные картинки быстро сменяли друг друга, как в детской анимационной тетрадке.

Наконец он нашёл изображение, которое искал, и то, что до сих пор было только подозрением, вызванным аномальным несоответствием данных в записях манифольда, превратилось в уверенность, когда он увеличил масштаб документа, висевшего над столом вольного торговца.

Каперское свидетельство с аккредитацией сегментума Пацификус и крылатым орлом командования сектора Бакка представляло собой сложный многомерный гололит с многочисленными глубокими слоями шифрования, которые практически невозможно было подделать.

Практически невозможно, но не полностью невозможно.

Инфокровоток Блейлока раздулся от того, что для жреца Механикус напоминало удовольствие.

Каперское свидетельство Сюркуфа было фальшивым.

* * *

Чёрные Храмовники склонили головы в молитве, шесть убитых горем воинов стояли на коленях в одном из немногочисленных храмов "Сперанцы", посвящённых исключительно славе Императора. Все они сняли доспехи, голые спины космических десантников были иссечены кнутами и цепями с крючьями для умерщвления плоти. Густые сгустки липкой крови стекали по ободранной коже, и брат-сержант Танна знал, что никакой боли не хватит, чтобы искупить их поражение.

Реклюзиарх погиб и никто из них не обнажил клинок в его защиту.

Чёрные Храмовники стали воинами без места, которое могли назвать своим домом, они лишились духовного лидера и всего, что связывало с прошлым и долгом. "Сперанца" — не их

корабль, а её обитатели — не их люди. Шесть воинов — вот всё, что осталось от крестового похода Шрама, и Танна не мог не думать о том, что после со смерти Элия во Вратах Дантиума на них лежит проклятье.

Смерть чемпиона Императора стала невообразимой потерей для Чёрных Храмовников, и хотя Кул Гилад утверждал, что крестовый поход Шрама не является ни эпителией, ни наказанием было трудно с ним согласиться. Отрезанные от братьев-крестоносцев и пойманные в ловушку на противоположной стороне галактики они оказались настолько одинокими, насколько это вообще возможно.

И всё же у них оставался шанс продолжить дело Великого крестового похода, шанс принести свет Императора тем, кто не познал благословенного знания о его существовании. Сержант пытался смягчить этой мыслью боль от гибели Кул Гилада, но для остальных рана была ещё слишком свежей и кровоточащей. Никакие его слова не излечат их разбитую гордость и оскорблённую честь.

Танна проклял свою ограниченность. Он был сержантом, лидером сражения, который знал, как следовать приказам и заставить окружающих исполнить их. Но что им остаётся, если некому отдать эти приказы и наполнить сердца огнём и кровью? Танна не был великим оратором, великим новатором тактики или философии.

Он был непоколебимым в бою, грозным бойцом и надёжным убийцей.

Он не был лидером, и остальные воины знали это.

Впервые после вступления в батальную роту Танна чувствовал себя совершенно одиноким.

Хотя он сражался и проливал кровь вместе с этими героическими воинами добрую половину двух веков, Танна понимал, что неразрывные узы доверия между ними разорваны. Варда сказал, что не осуждает его за приказ запустить "Барисан" и направить "Громовой ястреб" сквозь гравитационные штормы к "Сперанце", но между двумя братьями появилась тонкая и расширяющаяся трещина.

И хотя Варда был обычным боевым братом, он также являлся чемпионом Императора их крестового похода, и это придавало ему статус, который никто не мог игнорировать несмотря ни на какое звание.

Танна громче запел молитвы, его грудь, плечи и спину покрывали раны позора, которые он нанёс себе. В одной руке он сжимал колючую цепь, а в другой боевой клинок. Они были влажными от его крови. Сержант обратился к воинам и их холодные взгляды причинили ему большую боль, чем любые увечья.

— Доверься Императору в час битвы, — произнёс он, возвращаясь к ритуальному катехизису.

— Доверь Ему свою защиту и приложи все свои силы к истреблению богомерзких Егс врагов.

— Пусть моря станут багровыми от крови убитых нами.

Танна нарушил традицию и произнёс последнюю фразу боевой клятвы вместе с остальными.

— Сокруши их мечты и надежды. И обрати все их песни в стоны по погибшим и предсмертные крики.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

